Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новосибирский государственный технический университет»

На правах рукописи

Черепанов Игорь Владимирович

КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА БЫТИЯ СОЗНАНИЯ

09.00.01 Онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Крюков Виктор Васильевич

Новосибирск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЗНАНИЯ В РАМКАХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ 22

§ 1. Феноменальный и интенциональный аспекты сознания 22

§ 2. Приватность ментальных феноменов и методологическая проблема сознания 58

§ 3. Эвиденциальность и символичность сознания 70

Выводы к главе 1 81

ГЛАВА 2. ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ К ПЕРВИЧНОМУ ДУАЛИЗМУ СВОЙСТВ КОРРЕЛЯТИВНОГО ТИПА 83

§ 1. Проблема бытия ментальных феноменов и теоретические предпосылки исследования 83

§ 2. Материалистическая онтология сознания 92

§ 3. Психофизическая проблема и пути ее решения в рамках материалистической онтологии 126

Выводы к главе 2 142

ГЛАВА 3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ 144

§ 1. Энергия и информация как две составляющие материального бытия 144

§ 2. Эвристические возможности квантовой механики в объяснении бытия ментальных феноменов 172

§ 3. Принципы квантовой онтологии 190

§ 4. Информационная причинность 227
Выводы к главе 3 242

ГЛАВА 4. ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТА ПСИХИКИ С ПОЗИЦИЙ КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ 245
§ 1. Генезис сознания как закономерный этап эволюции информационных систем 245
§ 2. Эволюционная проблема сознания 277
§ 3. Квантово-информационная специфика бытия сознания как основа ментальной каузации и свободы сознающего субъекта 291
Выводы к главе 4 320

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 322

БИБЛИОГРАФИЧЕСИЙ СПИСОК 327

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Проблема бытия сознания в материальном мире – одна из наиболее сложных и глубоких проблем философии, поскольку до сих пор не утихают споры, чем является сознание по сущности и каким образом становится возможным, что оно, будучи субъективным и нефизическим, генерируется объективно существующими физическими системами. Ментальные (имеющие отношение к сознанию) феномены не вписываются в научную картину мира, поскольку их бытие не сводится к бытию элементарных частиц и физических полей, которые, согласно современной науке, лежат в онтологическом фундаменте наблюдаемых явлений.

Исследование сознания сталкивается с серьезными трудностями, так как внутреннее субъективно переживаемое содержание сознания не фиксируется объективными методами естественных наук. Ученые изучают когнитивные функции (мышление, восприятие, воображение, память и т.д.), но сознание выпадает из сферы объективно-научного исследования, поскольку когнитивная активность человека, обусловленная определенного рода поведенческими и нейрофизиологическими процессами, с необходимостью не предполагает наличие сознания и может реализовываться на бессознательном уровне бытия. Поэтому не удается провести четкую демаркационную линию между сознательной психикой и бессознательной, показав, за счет чего именно ментальный (сознательный) опыт делает поведение человека более разнообразным и ценным в плане эволюционного развития. Таким образом, рационально-теоретическое обоснование бытия субъективно-ментальных (нефизических) феноменов в физической Вселенной подготавливает почву для инкорпорирования сознания в научную картину мира.

Понимание сущности ментальных феноменов актуально в рамках конструирования искусственного интеллекта, воспроизводящего когнитивные способности человека, поскольку оно напрямую связано с ответом на вопрос: какие психические функции поддаются моделированию логико-вычислительными средствами на неорганическом носителе, а какие принципиально не могут быть реализованы

в виде компьютерных программ? Решение проблемы бытия сознания позволяет склонить чашу весов либо в сторону концепции сильного искусственного интеллекта, показывая, что человек как существо разумное по сущности не отличается от кибернетического устройства, либо в сторону концепции слабого искусственного интеллекта, демонстрируя, что человек обладает уникальными качествами, не редуцируемыми к логико-вычислительным алгоритмам.

Решение проблемы бытия и сущности ментальных феноменов имеет также психологически и социально значимые аспекты, поскольку помогает, во-первых, определить роль сознательных усилий в преобразовании бессознательных паттернов поведения, а, во-вторых, разобраться в онтологических основах свободы человека и его ответственности за совершаемые поступки в ситуации осознанного выбора. Вопрос о том, возможна ли ментальная каузация и каким образом она влияет на свободу воли, напрямую связан с психофизической проблемой, решение которой, в свою очередь, укореняется в философской онтологии сознания.

Бытие сознания, на первый взгляд, кажется очевидным и доступным каждому разумному существу, которое имеет ментальный опыт. Однако за видимой очевидностью скрывается ряд вопросов, ответ на которые получить непросто. Что такое сознание? Является ли оно продуктом деятельности мозга, или же, будучи самостоятельной субстанцией, лишь использует мозг для своей манифестации в материальном мире? Может ли робот на определенной стадии научно-технического прогресса обладать сознанием? Как сделать ментальный опыт доступным объективному исследованию? Может ли сознание влиять на тело, и если может, то не нарушает ли это законов физической науки? Обладает ли сознание свободой, или же свобода сознания – это иллюзия, за которой скрываются каузальные связи, обусловленные функционированием физического тела, а также влиянием окружающей среды? Все эти вопросы, несмотря на большое количество философских теорий (таких, как теория тождества сознания и тела, функционализм, бихевиоризм, эмерджентизм, нейтральный монизм, аномальный монизм, панпротопсихизм, субстанциальный дуализм, теория чувственных данных, адверсиальная теория, экстернализм, интернализм, репрезентационализм, сепаратизм,

эпифеноменализм, интеракционизм, параллелизм), остаются без удовлетворительного ответа, и бытие сознания до сих пор представляет собой онтологическую проблему.

Весьма перспективной видится информационная модель ментального опыта, рассматривающая сознание как феномен информационного порядка. В рамках этой модели удается сохранить феноменальное содержание психики, не сводимое по сущности к состояниям физического порядка, решить психофизическую проблему и объяснить, каким образом субъективно существующее сознание может воздействовать на объективно существующие материальные системы без нарушения принципа каузальной замкнутости физических событий. Понимание сознания в качестве информационного бытия позволяет закрыть онтологический и дескриптивный разрыв между ментальными и физическими процессами, а также ответить на вопрос, почему оно генерируется физическими системами и мы не функционируем как бессознательные зомби.

Степень разработанности проблемы

До XX века ментальный опыт в рамках западной философии рассматривался, по большей части, с позиций дуалистических и идеалистических онтологий, о чем, в частности, говорит Б. Рассел в своих лекциях, опубликованных в 1921 г. под заголовком «Анализ сознания». В материалистической философии сознание отождествлялось с мышлением и не исследовалось в качестве самостоятельной проблемы, обусловленной существованием субъективно-психических феноменов в объективно-физическом мире, тогда как, с одной стороны, мышление может быть бессознательным, а, с другой стороны, сознание может реализовываться вне смысловой и языковой сферы репрезентации, т.е. с необходимостью не предполагает мыслительной компоненты (например, в переживаниях младенца, если речь идет о низших состояниях сознания, или в медитативном опыте и внеязыковой культуре дзен-буддизма, если речь идет о высших состояниях сознания).

Идеалистические теории, объясняющие бытие ментальных состояний, развивали в своих работах философы Нового времени Д. Беркли и Г. Лейбниц, философы эпохи Классицизма Ф. Шеллинг и Г. Гегель, британские философы конца

XIX века Ф. Брэдли и Д. Мактаггарт, а также современные философы Д. Фостер и Т. Спригг. Примером дуалистической теории, рассматривающей мышление как атрибут духовной (непротяженной) субстанции, которая вступает во взаимодействие с материальной (протяженной) субстанцией, является философия Р. Декарта. В современной философии сознания концепция субстанциального дуализма характерна для Р. Адамса, С. Грофа, Д. Парфита и Р. Свинберна. Попытка совместить материалистический подход с дуализмом субстанций наблюдается в эмерджентном дуализме У. Хескера и Д. Зиммермана. Без построения онтологии сознания существенный вклад в понимание структур и функций ментального опыта внесли феноменологические исследования, проводимые Ф. Брентано, Э. Гуссерлем, Н.Н. Даниловой, М.К. Мамардашвили, В.И. Молчановым, А.М. Пятигорским.

По-новому проблема бытия сознания была поставлена в рамках аналитической философии как именно проблема самой возможности продуцирования физическими системами ментальных (нефизических) феноменов. Обычно указывают на работу Г. Райла «Понятие сознания», которая была опубликована в 1949 г., как на переломный момент в понимании онтологической проблемы сознания. В своих работах К. Льюис начинает использовать специальный термин «квалиа» для обозначения неинтенционального содержания ментального опыта. В 1974 г. выходит статья Т. Нагеля «Каково это быть летучей мышью?», где он характеризует субъективно-ментальные феномены, в отличие от объективно-физических, как данные от первого лица. В 1996 г. Д. Чалмерс публикует книгу «Сознающий ум», где проводит четкую демаркационную линию между легкой и трудной проблемой сознания. Последняя сводится к вопросу о том, почему вообще физическим состояниям головного мозга аккомпанируют состояния ментального порядка в то время, как мы вполне могли бы функционировать во тьме бессознательного бытия без потери всего разнообразия поведенческих реакций. По мнению Д. Чалмерса, данная проблема не рассматривалась прежде в рамках философских исследований, а заменялась легкой проблемой, которая имеет дело не с бытием сознания, а со спо-

собами получения и обработки информации на уровне психической активности мозга.

Материалистические теории сознания в отношении онтологического статуса ментальных событий разделяются на редуктивный материализм (который утверждает, что онтология ментального сводится к онтологии физического, т.е. ментальные феномены отождествляются по сущности с каким-то аспектом физического бытия и могут быть полноценно описаны в соответствующей физической терминологии) и нередуктивный материализм (который утверждает, что онтология ментального не сводится к онтологии физического, т.е. ментальные феномены не отождествляются по сущности с каким-то аспектом физического бытия и не могут быть полноценно описаны средствами физической терминологии).

В рамках редуктивного материализма с учетом того, к какому именно аспекту физического бытия сводится бытие ментальных феноменов, можно выделить следующие теории сознания: 1) теорию тождества (согласно которой ментальные свойства тождественны определенным свойствам физического порядка и к представителям которой относятся Д. Армстронг, Д. Льюис, Ю. Плейс, Д. Смарт, Г. Фейгль), 2) функционализм (согласно которому ментальные феномены тождественны определенным функциям, реализуемым в нейронных сетях головного мозга, и к представителям которого относятся Н. Блок, Х. Патнэм, П. Черчленд, Д. Фодор) и 3) бихевиоризм (согласно которому ментальные процессы тождественны определенной совокупности поведенческих реакций, демонстрируемых организмом в целом или отдельными функциональными системами, и к представителям которого относятся С. Прист, Р. Райл, Д. Уотсон, Б. Скиннер, Э. Толмен). Редуктивный материализм снимает психофизическую проблему, рассматривая ментальное бытие в форме физического, но сталкивается с трудностями при объяснении внутренней феноменологии ментального опыта и разделением психики на сознательную и бессознательную части. Последовательное развитие редуктивных концепций сознания приводит к элиминативистской точке зрения, которая отрицает существование субъективной реальности.

Нередуктивный материализм представляет собой дуализм свойств (в отличие от дуализма субстанций), который может быть первичным или вторичным. Первичный дуализм свойств (например, натуралистический дуализм Д. Чалмерса, теория квантового интерактивного дуализма Г. Степпа, теория интегрированной информации Д. Тонони) приписывает материи протоментальные (нефизические) качества, тогда как согласно вторичному дуализму свойств (например, эмерджентизму, который утверждает, что ментальные свойства тождественны нефизическим эмерджентным свойствам нейронных сетей головного мозга, и к представителям которого относятся С. Александер, С. Броуд, А. Деборин, П. Клэйтон, Д. Марголис, И.П. Меркулов, Д. Милль, Л. Морган, Д. Серл, Р. Сперри) материя в своей онтологической основе имеет только физические качества, а ментальные (нефизические) появляются в результате усложнения физических систем. Нередуктивный материализм, в отличие от редуктивного, успешно объясняет внутреннюю феноменологию ментального опыта и разделяет психику на сознательную и бессознательную части, приписывая ментальным событиям уникальную сущность, не сводимую к сущности физических событий, но сталкивается с трудностями при решении психофизической проблемы в рамках каузальной замкнутости физического мира. Последовательное развитие нередуктивных концепций сознания приводит либо к нарушению закона сохранения физической энергии (если мы признаём ментальную каузацию), либо к номологической бесполезности сознания (если мы не признаём ментальную каузацию).

Таким образом, материалистические теории редуктивного типа испытывают трудности при решении онтологической проблемы (обусловленной бытием нефизического сознания в физическом мире), а материалистические теории нередуктивного типа испытывают трудности при решении психофизической проблемы (обусловленной взаимодействием нефизического сознания с физическими системами). Попытки вырваться из этого замкнутого круга предпринимаются и в отечественной философии, например, в работах А.Ю. Алексеева, И.А. Бесковой, Н.А. Блохиной, В.В. Васильева, Д.В. Винника, Д.Б. Волкова, А.А. Веретенникова, Д.Б. Волкова, Н.М. Гарнцевой, Д.И. Дубровского, Д.В. Иванова, А.В. Кузнецова, В.А.

Лекторского, С.Ф. Нагумановой, В.В. Орлова, Д.Н. Разеева, Н.С. Юлиной. Проблему бытия сознания обсуждают также отечественные психологи, физики и нейрофизиологи, такие, как Ю.И. Александров, К.В. Анохин, А.М. Иваницкий, М.Б. Менский, В.Я. Сергин, Т.В. Черниговская. В советское время в рамках диалектического материализма отечественными философами (Н.П. Антоновым, Э.В. Ильенковым, А.Г. Спиркиным, Л.О. Резниковым, В.П. Тугариновым, В.А. Штоффом и др.) также предпринимались попытки решить проблему бытия сознания через концепцию отражения как атрибутивного свойства материи.

В рамках диссертационного исследования объединяются информационный и квантовый подходы к пониманию феномена сознания, благодаря чему не элиминируется квалитативное содержание ментального опыта и остаются незыблемыми принципы каузальной замкнутости физического мира и эпистемологической полноты физики. В соответствии с информационным подходом сознание рассматривается как феномен информационного порядка. Понятие информации служит концептуальным агентом, обеспечивающим взаимосвязь физического и ментального регионов бытия сущего, что устраняет дескриптивный и онтологический разрыв между сознанием и телом, а также дает возможность ответить на вопрос, почему сознание генерируется нейронной активностью мозга и мы не функционируем в качестве бессознательных зомби.

Информационный подход в построении теорий сознания используют такие мыслители, как М. Арбиб, С. Деан, Д.И. Дубровский, П. Линдсей, И.П. Меркулов, Д. Норман, А. Ньюэлл, Р. Пенроуз, У. Рейтман, Г. Саймон, Д. Чалмерс, К. Штейнбух. В частности, Д.И. Дубровский объясняет бытие ментальных феноменов через вторичные информационные процессы, предметом которых являются не события окружающего мира, а сами информационные данные. И.П. Меркулов понимает сознание как эмерджентный феномен, проявляющийся на информационном уровне функционирования нейронных сетей головного мозга. П. Линдсей и Д. Норман рассматривают человеческий организм в качестве сложно устроенного преобразователя информации. Р. Пенроуз разводит информационные процессы нисходящего и восходящего типа, объясняя эволюцией последних наличие в опы-

те сознания феноменального состава, не сводимого к функциям вычислительных систем. Д. Чалмерс под влиянием философии Б. Рассела полагает, что бытие сознания обусловливается внутренней, информационной, стороной бытия физического сущего.

В рамках квантового подхода к пониманию феномена сознания ментальные свойства отождествляются со специфическими квантовыми свойствами, которые реализуются в процессе функционирования нейронных сетей головного мозга. Одна из первых попыток изложить основы квантовой теории сознания в систематизированном виде содержится в статье Э. Уолкера «Природа сознания» («The Nature of Consciousness»), опубликованной в 1970 г. Затем данная концепция развивалается в работах Д. Аертса, Х. Атманспачера, Д. Витиелло, М. Зильберштейна, Й. Маршалла, М.Б. Менского, Р. Пенроуза, Д. Сарфатти, Г. Степпа, М. Тегмарка, Д. Тонони, С. Хамероффа, Д. Чалмерса. В частности, М.Б. Менский отождествляет сознание с разделением классических альтернатив в квантовой суперпозиции состояний. Р. Пенроуз и С. Хамерофф создают теорию квантового нейрокомпьютинга, объясняя возникновение ментальных феноменов квантово-когерентными состояниями в нейронных микротрубочках головного мозга. Г. Степп разрабатывает теорию квантового интерактивного дуализма, согласно которой сознание обусловливается коллапсом волновой функции и представляет собой фундаментальное свойство материи. Д. Тонони выстраивает теорию интегрированной информации, в соответствии с которой сознание также является внутренней, фундаментальной характеристикой реальности. М. Тегмарк приравнивает ментальные феномены к особому состоянию вещества, которое он называет перцептрониумом. Д. Чалмерс анализирует взаимосвязь между сознанием и коллапсом волновой функции, а также рассматривает перспективы квантовой модели ментального опыта и, прежде всего, обращает внимание на возможность использования принципа неопределенности Гейзенберга для решения психофизической проблемы в рамках нередуктивного материализма. Кроме соответствия ментальных свойств специфическим свойствам квантового порядка, внимание ученых из разных областей науки уделяется объяснению конкретных психических способ-

ностей на основе квантово-механических представлений (например, в работах П. Брузы, Д. Бусемейера, М. Джибу, А. Кайварайнена, Д. Нанопулоса К. Фукса, Х. Фрелиха, Э. Шредингера).

Объектом исследования является бытие сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире.

Предметом исследования является квантово-информационная специфика бытия сознания как субъективно-ментальной целостности, существующей в объективно-физическом мире.

Проблема исследования заключается в том, каким образом становится возможным возникновение и развитие сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире. Решение этой фундаментальной проблемы порождает ряд сопутствующих вопросов. Каким образом физические системы могут генерировать нефизические (ментальные) феномены, в то время как, согласно закону сохранения физической энергии, одно физическое сущее может трансформироваться лишь в другое физическое сущее? Что представляет собой сознание в своей материальной основе? Каким образом нефизическое сознание может взаимодействовать с физическими системами без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира? Какие значимые функции играет сознание в жизни человека и почему они не могут быть реализованы на бессознательном уровне бытия?

Цели и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является построение квантово-информационной модели сознания, способной объяснить возможность его возникновения и развития как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире.

При этом следует понимать, что невозможно построить исчерпывающую модель ментальной жизни только в квантово-информационных категориях, и данное исследование не ставит перед собой такую всеобъемлющую задачу, решение которой требует привлечения богатого методологического арсенала ряда естественных и гуманитарных наук. В рамках проводимого исследования совершается

попытка объяснить саму возможности возникновения и развития субъективно-ментального опыта в объективно существующем физическом мире, что достигается за счет раскрытия материальной (квантово-информационной) основы бытия сознания, благодаря которой оно когерентно вписывается в единую картину объективно существующего материального мира и отсутствие которой превращает его в необъяснимый с естественнонаучной точки зрения мистический и эзотерический феномен.

В соответствии с целью диссертационного исследования решаются следующие *основные задачи*:

1. Доказать истинность нередуктивного материализма в форме первичного дуализма свойств коррелятивного типа как онтологии сознания, объясняющей бытие субъективно-ментальных феноменов в объективно существующем физическом мире.

2. Построить иерархическую классификацию информационных состояний и, опираясь на нее, показать, каким образом становится возможным возникновение и развитие нефизического сознания в физическом мире.

3. Преодолеть онтологический разрыв между ментальными и физическими событиями, обеспечив тем самым возможность их энергоинформационного взаимодействия.

4. Продемонстрировать эффективность квантово-информационной модели ментального опыта в плане понимания сущности сознания как части материалистической картины мира, и, опираясь на принципы, лежащие в основе онтологии квантовой реальности, раскрыть особенности бытия феноменов сознательной и бессознательной психики.

5. Провести демаркационную линию между сознательной и бессознательной психикой, обозначив их основные онтологические и феноменологические сходства и отличия.

6. Объяснить в рамках материалистической онтологии возникновение внутреннего субъективно переживаемого феноменального содержания психического

опыта в объективно существующем физическом мире и механизмы каузального взаимодействия между ментальным и физическим сущим.

7. Используя квантово-информационную специфику бытия сознания, объяснить свободу сознающего субъекта и указать ее адекватное место в материалистическом понимании мира.

Методологические и теоретические основы исследования

В рамках диссертационного исследования с целью описания общих характеристик ментального опыта используется феноменологический метод. Логика употребления базовых понятий, используемых в квантово-информационной модели сознания, проясняется с помощью концептуального анализа. Демонстрация мысленных экспериментов, активно используемых в современной аналитической философии сознания, сопровождается контрфактическим анализом. При построении квантово-информационной теории сознания используется аксиоматико-дедуктивный метод, благодаря которому вводятся базовые положения (связанные с полнотой физической науки и эвиденциальной достоверностью бытия ментальных феноменов, а также с пониманием бытия информации и квантовых явлений), а затем, опираясь на них, дедуктивным способом выстраивается философская концепция, позволяющая решить основные философские проблемы бытия ментального сущего. При выявлении положительных сторон и эвристической значимости квантово-информационной теории сознания на фоне иных философских концепций, развиваемых в настоящее время, используется метод сравнительного анализа.

Диссертационное исследование основывается на следующих теоретических предпосылках и принципах:

1. *Материалистическое мировоззрение*, согласно которому процессы материального характера лежат в онтологической основе любых процессов, протекающих во Вселенной.

2. *Онтологическая целостность материального мира*, в соответствии с которой закономерности высокоуровневых явлений дедуктивно выводятся из зако-

номерностей соответствующих им процессов низкоуровневого порядка в рамках одного и того же вида бытия рассматриваемой материальной системы.

3. *Принцип каузальной замкнутости физического мира*, согласно которому всякое физическое событие имеет только физическую причину и только физическое следствие.

4. *Принцип эпистемологической полноты физики*, согласно которому для описания и прогнозирования поведения любой, сколь угодно сложно устроенной, физической системы на физическом уровне бытия достаточно физических свойств, характеристик и законов.

5. *Энергоинформационный принцип*, согласно которому материя представляет собой онтологическое единство энергии и информации (т.е. не существует изменений энергетических состояний без изменения состояний информационного порядка, и не существует изменений информационных состояний без изменения состояний энергетического порядка).

С помощью этих предпосылок и принципов в рамках диссертационного исследования, совмещающего информационный подход и онтологию квантовой реальности, выстраивается философская теория сознания, которая объясняет, каким образом в каузально замкнутом физическом мире может возникать и развиваться нефизическое сознание, обладающее каузальной силой.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Доказывается логическая совместимость нередуктивного материализма в форме первичного дуализма свойств коррелятивного типа с феноменальной природой сознания и каузальной замкнутостью физического мира. Приводятся два новых аргумента (аргумент от отсутствия тождества и квантово-механический аргумент) в пользу атрибутивной теории информации.

2. Выстраивается иерархическая классификация информационных состояний материи, в соответствии с которой информация может быть операциональной, функциональной, психической и социальной. Прослеживается эволюция информационных систем от физического уровня бытия к биологическому, от биологического – к психическому и от психического – к социальному с преодолением

трех основных трудностей – семантической (связанной с формированием информационных текстов в молекулах РНК и ДНК), феноменальной (связанной с формированием внутренне переживаемой субъективной реальности) и интерсубъективной (связанной с формированием интерсубъективно разделяемых миров в социокультурном пространстве символов).

3. Показывается, что в рамках первичного дуализма свойств коррелятивного типа понимание энергии и информации как двух коррелирующих аспектов материи закрывает онтологический и дескриптивный разрыв между физическими и ментальными событиями.

4. Бытие сознательной и бессознательной психики анализируется с позиций квантовой онтологии, что, в частности, позволяет объяснить существование множества несовместимых психологических онтологий, на которых основываются эффективные психотерапевтические методы. Бессознательное психическое бытие рассматривается как квантовое бытие в качестве суперпозиции возможных психических состояний, а сознательное психическое бытие – как классическое бытие в качестве коллапса суперпозиции возможных состояний психического порядка.

5. С целью разведения внешнего и внутреннего знания, в отношении характера взаимосвязи между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием психического акта символы разделяются на информационные (устанавливающие соответствие между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием при условии, что последнее является инобытием первого) и экзистенциальные (устанавливающие соответствие между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием при условии, что последнее является бытием первого). Это позволяет сформулировать и обосновать принцип топографического единства сознательной и бессознательной психики, согласно которому сознательное существует лишь во взаимосвязи с бессознательной подложкой, а бессознательное существует лишь во взаимосвязи с репрезентирующими актами, которые на сознательном уровне бытия вскрывают бессознательный контент.

6. Для различения энергетических и информационных состояний материи вводятся два уровня бытия сущего – экзофеноменальный и эндофеноменальный, а также используется деление бытия сущего в отношении совместимости состояний на действительное бытие и возможное бытие, благодаря чему объясняется взаимодействие, во-первых, физического и психического сущего, и, во-вторых, сознательной и бессознательной психики. Рассматриваются два типа причинности – продольная (отвечающая за линейную последовательность физических событий, когда прошлое физическое событие выступает в качестве причины, а будущее – в качестве следствия по отношению к физическому событию, происходящему в настоящий момент времени) и поперечная (отвечающая за выбор единственного варианта из набора суперпонированных возможностей, когда квантовый мир переходит в классический и теряется информация о предшествующем суперпонированном состоянии физической системы), благодаря чему обосновывается существование информационной причинности наряду с причинностью физического типа. Сознание понимается как метаинформационный феномен квантового типа, т.е. отождествляется с коллапсом волновой функции, который обеспечивает переход из смешанного квантового состояния в классическое и обусловливается процессами информационного порядка.

7. В рамках материалистической онтологии выстраивается квантово-информационная теория свободы сознающего субъекта на основе теории поперечной информационной причинности, которая без нарушения принципа эпистемологической полноты физики и каузальной замкнутости физического мира объясняет каузальную силу информационных данных психики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Редуктивный материализм (сильного и слабого типа) теряет уникальную феноменологию ментального сущего, а нередуктивный материализм в форме вторичного дуализма свойств не согласуется с принципом каузальной замкнутости физического мира, и только нередуктивный материализм в форме первичного дуализма свойств коррелятивного типа сохраняет уникальную феноменологию ментального сущего и согласуется с принципом каузальной замкнутости физического

мира. Информационные состояния являются атрибутом материи и присущи не только биологическим и искусственно сознанным кибернетическим системам, но и элементарным физическим объектам.

2. Психические феномены представляют собой метаинформационные состояния материальных систем, закономерно возникающие в процессе энергоинформационной эволюции Вселенной за счет действия поперечной информационной причинности, обеспечивающей переход квантового мира в классический.

3. Онтологическое единство физического и ментального сущего обеспечивается атрибутивной теорий информации, истинность которой может быть доказана с помощью квантово-механического аргумента и аргумента от отсутствия тождества.

4. Сознание тождественно коллапсу волновой функции, если под коллапсом понимать не физический процесс исчезновения суперпонированных возможностей, а информационный процесс, разделяющий альтернативные онтологические проекции и обеспечивающий их информационную замкнутость. При этом бессознательная психика представляет собой суперпозицию возможных психических состояний, трансформирующихся на ментальном уровне бытия в переживаемое изнутри ментальное состояние классического типа.

5. Сознание представляет собой экзистенциальный символ бессознательного, а бессознательное представляет собой экзистенциальное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания. Сознание в отличие от бессознательного обладает такими ментальными параметрами, как интенсивность, фокусировка и сила, и такими ментальными функциями, как амплификация, фильтрация и редукция.

6. Субъективно существующие ментальные феномены возникают в объективно существуем физическом мире за счет закономерной эволюции материальных (энергоинформационных) систем. Эволюционная значимость сознания и возможность систем, обладающих переживаемым изнутри психическим опытом, генерировать более разнообразное и адаптивное поведение объясняется за счет присущего им параллельного хода процессов декогеренции и рекогеренции на психи-

ческом уровне бытия в отличие от систем, управляемых функциональной информацией, которым свойственно последовательное развитие процессов декогеренции и рекогеренции.

7. Свобода сознающего субъекта полностью не сводится к причинности физического порядка и становится возможной без нарушения принципа эпистемологической полноты физики и каузальной замкнутости физического мира благодаря ментальной каузации, которая обусловливается поперечной информационной причинностью квантового типа.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В рамках диссертационного исследования разрабатывается ряд принципов и идей (энергоинформационный принцип, принцип онтологической несепарабельности, принцип топографического единства, понимание бессознательного как суперпозиции возможных психических состояний, идея поперечной информационной причинности и др.), опираясь на которые можно инкорпорировать сознание в научную картину мира и тем самым наметить пути объективно-физического (количественного) изучения феноменов субъективно-ментального порядка. Данные принципы позволяют также наладить конструктивный диалог между представителями разных научных дисциплин (таких, как психология, биология, этология, нейрофизиология, кибернетика), в рамках которых разрабатываются теории сознания. Особенно это касается кибернетики, где решается проблема конструирования искусственного разума, и психологии, где выстраиваются несовместимые психологические теории, позволяющие создавать эффективные методы работы с конкретными психологическими проблемами.

Квантово-информационная специфика бытия сознания как основа ментальной каузации и свободы сознающего субъекта закладывает философские основы для решения ряда социальных, этических, аксиологических, праксиологических и экзистенциальных проблем, имеющих неоспоримое значение для бытия человека в окружающем мире. К таким проблемам можно отнести проблемы, касающиеся смысла человеческой жизни, оптимального устройства общества, канонов морали, высших ценностей бытия и духовного развития личности.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для совершенствования учебных курсов по философии сознания, а также философии и методологии науки.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в двух монографиях «Материалистическая философия сознания. Проблемы и концепции. Критический подход» (Новосибирск, 2015) и «Квантово-информационный эпифеноменализм» (Новосибирск, 2017), а также в ряде научных публикаций, из которых 18 статей опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК.

Материалы диссертации обсуждались на научно-методических семинарах кафедры философии НГТУ и на следующих конференциях: VIII Международной научно-практической конференции «Наука и современность» (Новосибирск, НГТУ, 2011); XVII Международной научно-практической конференции «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, НГТУ, 2011); VII Всероссийских Копыловских чтениях «Социальная онтология России» (Новосибирск, НГТУ, 2013); VIII Всероссийских Копыловских чтениях «Социальная онтология России» (Новосибирск, НГТУ, 2014); IX Всероссийских Копыловских чтениях «Социальная онтология России» (Новосибирск, НГТУ, 2015); XVI научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» (Москва, 30.11.2016); Международной научно-практической конференции «Инновационные процессы в научной среде» (Новосибирск, 08.12.2016); Международной научно-практической конференции «Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения» (Омск, 13.12.2016); Международной научно-практической конференции «Наука и инновации в современных условиях» (Екатеринбург, 18.12.2016); Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития науки в России и мире» (Екатеринбург, 15.02.2017); Международной научно-практической конференции «Эволюция современной науки» (Уфа, 18.02.2017).

Структура диссертационной работы

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, 4 глав, содержащих 13 параграфов, заключения и списка использованной литературы, который включает 511 наименований. Общий объем работы составляет 366 с.

ГЛАВА 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЗНАНИЯ В РАМКАХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

§ 1. Феноменальный и интенциональный аспекты сознания[1]

В рамках аналитической философии, начиная с середины прошлого века, по сравнению с предшествующей философией проблема бытия сознания была переадресована от вопросов, связанных со способами чувственной и интеллектуальной обработки информации, к вопросам, обусловленным самой возможностью существования ментально-психических феноменов в каузально замкнутом физическом мире. Такая постановка проблемы является более фундаментальной и предельной, поскольку прежде чем выявлять основные функции сознания, необходимо объяснить, каким образом субъективные феномены психики могут возникать и развиваться в объективно существующем материальном мире. Благодаря активному использованию последних достижений науки аналитическая философия содержит в себе большие эвристические возможности для построения полной и когерентной теории сознания, способной отыскать общую онтологическую основу для ментальных и физических событий.

Дать определение сознанию в терминах, имеющих объективно фиксируемые референты, трудно, поскольку ментальный (сознательный) опыт по своему феноменальному содержанию не поддается дефиниции через понятия, чьими референтами не являются элементы самого этого ментального (сознательного) опыта. Если человек никогда не видел красного цвета, то никакое знание обо всех физических (нейрофизиологических, биохимических, биоэлектрических) процессах, сопровождающих переживание красного цвета, не позволит ему знать также и то, каково это – воспринимать красный цвет. Узнать об этом он сможет лишь тогда, когда увидит красный предмет, т.е. при условии, что его головной мозг перейдет в

[1] Результаты исследования были опубликованы в статье: Черепанов И. В. Феноменальный и интенциональный аспекты сознания // Манускрипт. 2019. Том 12. Вып. 8. С. 60-64.

соответствующие физическое (нейрофизиологическое, биохимическое, биоэлектрическое) состояние. Индивид находится в сознании, если имеет внутренний доступ к своим переживаниям, и не находится в сознании, если ничего не чувствует или не имеет внутреннего доступа к переживаниям, которые наличествуют на бессознательном уровне психического бытия. *Внутренний доступ* к познаваемому объекту предполагает схватывание последнего в его имманентном, непосредственном присутствии, когда форма бытия совпадает с формой познания. *Внешний доступ* к познаваемому объекту предполагает схватывание последнего в его трансцендентном, опосредованном присутствии, когда форма бытия не совпадает с формой познания, а выражается через нее на уровне мышления и чувственного восприятия.

С учетом разделения на внешний и внутренний доступ к познаваемому объекту само знание также может быть внешним или внутренним. *Внешнее знание*, или знание извне, представляет собой опосредованное знание, когда познаваемое познается в своем инобытии, т.е. репрезентируется средствами репрезентирующей системы в виде чего-то ему нетождественного. *Внутреннее знание*, или знание изнутри, представляет собой непосредственное знание, когда познаваемое познается в своем бытии, т.е. репрезентируется через себя самого как само себе тождественное. Внешнее знание предполагает взаимодействие репрезентируемого объекта и репрезентирующей системы, в результате которого первый вызывает во второй изменения, обусловленные процессом репрезентации. Таким образом, внешнее знание, в конечном счете, сводится к взаимодействию физических элементов репрезентируемого объекта и репрезентирующей системы, что позволяет объяснить его, не выходя за рамки законов и процессов физического порядка. В отличие от этого внутреннее знание не предполагает взаимодействия репрезентируемого объекта и репрезентирующей системы, ибо в данном случае репрезентируемый объект, будучи тождественным репрезентирующим структурам, репрезентируется в своем непосредственном бытии. Таким образом, внутреннее знание, в конечном счете, не сводится к взаимодействию физических элементов репрезентируемого объекта и репрезентирующей системы, что уже вызывает трудности в

объяснении ментальных феноменов без выхода за рамки законов и процессов физического порядка.

Непосредственное знание изнутри называется *сознанием*, которое представляет собой онтологическую проблему, поскольку до сих пор остается непонятным, каким образом оно, будучи субъективно-ментальным феноменом, может возникать и развиваться в объективно-физическом мире. За счет чего именно становится возможным, что активность физического сущего порождает нефизическое (ментальное) сущее, которое, будучи субъективным, качественно отличается от объективно существующего физического сущего, если в силу полноты физического бытия, которое выражается в уравнениях физики, описывающих онтологическую основу окружающего мира без апелляции к сущностям нефизического порядка, одно физическое сущее может трансформироваться лишь в другое физическое сущее и не может перейти из физического состояния в нефизическое, т.е. бесследно исчезнуть с физического уровня бытия? В начале своего философского исследования «Сознающий ум» австралийский философ Д. Чалмерс откровенно заявляет: «Сознание – величайшая тайна»[2]. И это не просто метафора, а выражение того, что никакие объективно существующие физические процессы не могут объяснить наличие субъективно переживаемого контента ментального (сознательного) опыта. Английский физик и математик Р. Пенроуз по этому поводу пишет: «Сознание является частью нашей Вселенной, а потому любая физическая теория, которая не отводит ему должного места, заведомо неспособна дать истинное описание мира. Я склонен думать, что пока ни одна физическая, биологическая либо математическая теория не приблизилась к объяснению нашего сознания и его логического следствия – интеллекта, однако этот факт ни в коей мере не должен отпугнуть нас от поисков такой теории»[3].

Исходя из понятия внутреннего знания, можно сказать, что *сознание* – это свидетельствование внутренне переживаемой психической жизни, которая доступна в непосредственном опыте лишь самому репрезентирующему субъекту.

---

[2] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 10.

[3] Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. С. 28-29.

Еще английский философ Нового времени Джон Локк определил сознание как «восприятие того, что происходит у человека в его собственном уме»[4]. Речь идет не о рефлексии и не об осведомленном отсчете, в котором с помощью понятий и специальных терминов интроспективно осмысляется содержание психических актов, а о прямом переживании от первого лица каких-то феноменальных данных. Я осматриваюсь вокруг, вижу вещи, расположенные в комнате, и осознаю содержание визуального восприятия. При этом я могу не понимать, что́ именно я воспринимаю и что имеет место акт визуального восприятия, а также то, что воспринимаю именно я, а не кто-либо другой, но в любом случае я осознаю, что нечто происходит и случается в поле визуального восприятия, т.е. осознаю существование чего-то визуально данного. Аналогичные рассуждения относятся и к другим сенсорным модальностям, таким, как тактильные ощущения и восприятия звуков, запахов, вкусовых оттенков, а также к процессам мыслительного характера. Я размышляю над какой-то проблемой и осознаю, что в поле моего интеллектуального анализа нечто случается и происходит, в процессе чего используются какие-то идеи, понятия и категории с целью решения определенной задачи, которую при этом я могу не осознавать. Сознание по своей сущности не тождественно ни восприятию, ни мышлению. Восприятие может быть адекватным или неадекватным, мышление может быть истинным или ложным, но к сознанию подобные характеристики неприложимы, поскольку сознание лишь фиксирует собственно то, что имеет место во внутренней жизни сознающего субъекта. В отличие от восприятия и мышления, оно может быть сильным или слабым, ярким или тусклым. Осознанное свидетельствование какого-то переживания или какой-то мысли может становится то отчетливым, то блеклым, выступая перед «внутренним взором» сознающего субъекта или уходя за пределы его «ментальной видимости».

Сознание как психическая сущность противопоставляется *бессознательному*, которое в своем феноменальном содержании остается скрытым от непосредственного опыта субъекта. Сознание можно уподобить «свету», который выхватывает из «темноты» бессознательного определенный участок психической жиз-

[4] Локк Д. Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 165.

ни, свидетельствует его и преобразует, наполняя осознаваемыми данными, тогда как бессознательное можно уподобить «темноте», из которой они возникают и в которую погружаются, когда в фокусе сознания происходят соответствующие трансформации. При этом следует понимать, что бессознательное в качестве особой сферы психического бытия нельзя приравнивать к нейрофизиологическим процессам, лишенным психического контента. Отсюда возникает проблема феноменального разделения психики на две онтологические сферы – сознательную и бессознательную, поскольку в данном случае необходимо объяснить, во-первых, чем, по сущности, осознаваемое переживание отличается от неосознаваемого, и, во-вторых, почему отдельные эволюционно значимые поведенческие реакции существа, обладающего сознанием, не могут реализовываться на бессознательном уровне психического бытия.

Ментальное бытие в рамках проводимого исследования имеет отношение к осознаваемым (т.е. осознанно фиксируемым, но не обязательно осмысленно понимаемым) психическим переживаниям, которые противопоставляются психическим переживаниям бессознательного характера. Под *психическими переживаниями* подразумеваются любые события психического свойства, которые происходят во внутренней чувственной и интеллектуальной жизни, не сводимой по своему феноменальному контенту к объективно фиксируемым нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим процессам, протекающим в теле человека. Таким образом, понятие психического имеет больший объем, нежели понятие ментального, ибо всякий ментальный феномен является психическим, но не всякий психический феномен является ментальным благодаря существованию бессознательных психических переживаний. *Феномен* здесь и далее понимается не в кантовском смысле как объект, конституированный трансцендентальным Я, и не в гуссерлевском смысле как интенциональное единство многообразно проявленных созерцаний, а в более широком смысле, который делает слова «феномен» и «сущее» синонимами с той лишь незначительной разницей, что в случае использования слова «сущее» ставится ударение на том, что рассматриваемое сущее существует в каком-то онтологическом модусе, а в случае использования слова

«феномен» ставится ударение на том, что рассматриваемый феномен обладает какими-то качественными особенностями. Поэтому феномен есть сущее, которое определенным образом проявляет свойства через события окружающего мира и может быть в той или иной степени раскрыто средствами человеческого познания. Под *событием* следует понимать совокупность фактических данных, которые указывают на то, что нечто случается и происходит на определенном уровне бытия окружающего мира.

С целью прояснения онтологической характеристики сознания выделим два уровня психических актов – чувственный (сенсорный) и интеллектуальный (мыслительный). На *чувственном уровне психических актов* репрезентация осуществляется посредством чувственных (сенсорных) данных, которые зависят от устройства органов чувств. На *интеллектуальном уровне психических актов* репрезентация осуществляется посредством интеллектуальных (мыслительных) конструктов, которые зависят от способа обработки поступающей через органы чувств сенсорной информации.

Обозначим также два аспекта психических актов – феноменальный и интенциональный. *Феноменальный аспект* психических актов сводится к репрезентативному содержанию (чувственного или интеллектуального порядка), которое переживается субъектом в непосредственном внутреннем опыте. *Интенциональный аспект* психических актов представляет собой единство репрезентируемого предмета в совокупности феноменальных данных, с помощью которых осуществляется репрезентация. Например, феноменальным содержанием восприятия оранжевого апельсина является визуальное ощущение оранжевого цвета, а также вкус, запах и тактильное чувство, связанное с прикосновением к его шероховатой поверхности, независимо от того, что все эти сенсорные переживания относятся к восприятию конкретного реально существующего объекта, тогда как интенциональным единством восприятия оранжевого апельсина является сам апельсин в качестве воспринимаемого сущего. Феноменальным содержанием суждения о том, что за окном идет дождь, являются понятия дождя, окна, процесса, обозначаемого словом «идет», и взаимного расположения объектов, которое фиксируется

предлогом «за», независимо от того, что эти понятия могут быть использованы с целью репрезентации всей совокупности реально идущих дождей за реально существующими окнами, тогда как интенциональным единством рассматриваемого суждения является непосредственно сам дождь, идущий за окном, в качестве конкретного реально существующего природного феномена. Можно провести параллель между феноменальным содержанием мышления и стоическим понятием лектон, который иррелевантен всякой интенционально полагаемой предметности и представляет собой «чистый смысл предмета, не зависящий ни от какого своего происхождения, ни от каких своих естественных связей, вне всякого своего субстанциального и причинно обусловленного существования, только осмысленность в ее чистом виде»[5].

Таким образом, чувственный и интеллектуальный уровни психического акта имеют феноменальный и интенциональный аспекты. *Феноменальный аспект чувственного уровня психического акта* представляет собой совокупность чувственных (сенсорных) данных (сумму ощущений), посредством которых осуществляется репрезентация. *Интенциональный аспект чувственного уровня психического акта* тождественен чувственно воспринимаемому объекту, который в имманентной сфере сознания присутствует как онтологическое единство совокупности репрезентивных чувственных (сенсорных) данных. *Феноменальный аспект интеллектуального уровня психического акта* представляет собой совокупность интеллектуальных (мыслительных) конструктов (сумму смыслов), посредством которых осуществляется репрезентация. *Интенциональный аспект интеллектуального уровня психического акта* тождественен мыслимому объекту, который в имманентной сфере сознания присутствует как логическое единство совокупности репрезентативных интеллектуальных (мыслительных) конструктов. Совокупность мыслимых объектов превосходит совокупность чувственно воспринимаемых объектов. Иными словами, всякий чувственно воспринимаемый объект может выступать в качестве мыслимого (т.е. репрезентироваться не только в виде

---

[5] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков: Фолио; М.: Издательство АСЕ, 2000. С. 104-105.

чувственных образов, но и в виде интеллектуальных конструктов), но не всякий мыслимый объект может выступать в качестве чувственно воспринимаемого (т.е. репрезентироваться не только в виде интеллектуальных конструктов, но и в виде чувственных образов). Например, мы способны вообразить равносторонний треугольник и помыслить его как геометрическую фигуру, состоящую из трех равных сторон. Вместе с тем мы неспособны вообразить равносторонний тысячеугольник, но способны помыслить его как геометрическую фигуру, состоящую из тысячи равных сторон.

Опираясь на вышесказанное, во всяком репрезентативном акте можно выделить четыре основные структурные компоненты: 1) чувственный контент (совокупность сенсорных данных), 2) интеллектуальный контент (совокупность мыслительных конструктов), 3) репрезентируемый (интенционально полагаемый) объект, который выражается посредством чувственного и интеллектуального контента и обеспечивает единство всех направленных на него репрезентативных актов, а также 4) репрезентирующий (интенционально полагающий) субъект, которые обеспечивает единство всех репрезентативных актов, направленных на разные репрезентируемые (интенционально полагаемые) объекты.

Для обозначения единицы чувственного содержания сознания в текстах по аналитической философии используется специальный термин, введенный в первой половине XX века американским философом К. Льюисом, – *квалиа*, который указывает на неинтенциональные простейшие (неразложимые на структурные элементы) субъективные данные сенсорного опыта (элементарные ощущения), репрезентирующие какое-то положение дел[6]. При этом ментальные состояния не сводятся полностью к квалитативным, поскольку содержат в себе еще и моменты интенциональной направленности на предметное единство, репрезентируемое совокупностью квалиа. Интенция сознания направляется на осознаваемое сущее через феноменальное содержание, существующее уже не интенционально, т.е. не как нечто такое, к чему сознание устремляется и прикасается, а как само это устремление и прикасание, не связанное само по себе никаким интенционально

[6] Lewis C. Mind and the World Order. New York: Charles Scribner's Sons, 1929. P. 60-61.

полагаемым предметным единством. Если же сознание в рефлексивном акте направляется на свои собственные имманентные структуры, посредством которых осуществляется репрезентация какого-то интенционально полагаемого сущего, то в этом случае они занимают место предметного единства и сами становятся интенционально полагаемым сущим. Чувственно-квалитативное содержание психических актов познается изнутри в непосредственном опыте переживания как собственно то, посредством чего осуществляется сенсорная репрезентация, а интеллектуально-смысловое содержание психики так же, как и интенционально полагаемое сущее, познается извне в процессе рефлексии, т.е. путем переориентирования интенции с репрезентируемого объекта на репрезентирующий контент в его предметно-смысловом единстве мышления.

Единицы интеллектуального содержания сознания (простейшие интеллектуальные конструкты) так же, как и квалитативные состояния (т.е. состояния, определяемые набором квалиа) имеют неинтенциональный характер, поскольку сами по себе не соотносятся ни с каким интенционально полагаемым объектом, но в отличие от них обладают внутренним предметным единством, которое собирает их в целостный интеллектуальный конструкт, разложимый на структурные логически взаимосвязанные элементы. Можно сказать, что интеллектуальный конструкт, безотносительно к репрезентативному акту, в котором он используется в качестве репрезентирующего содержания, собирает себя самого в предметное целое через присущие ему структурные логически взаимосвязанные элементы, онтологически не тождественные в своей простой сумме образуемому предметному целому.

Квалиа (элементарные ощущения), безотносительно к репрезентативному акту, в котором они используются в качестве репрезентирующего содержания, показывают себя самих в своем квалитативном содержании как нечто само себе тождественное и неразложимое на составляющие структурные элементы, за счет чего, собственно говоря, обеспечивается субъективное бытие индивидуального сознания, недоступного в своем внутреннем феноменальном контенте из внешней системы отсчета. Мы знаем ощущения непосредственно, и они не нуждаются по

своему квалитативному составу ни в какой интерпретации, тогда как смыслы не даны непосредственно и должны быть раскрыты и поняты в своем репрезентативном содержании. Поэтому можно спорить относительно того, что представляют собой по своему логическому содержанию понятия и идеи, используемые для репрезентации какого-то положения дел, но бессмысленно спорить относительно того, что представляют собой по своему феноменальному содержанию квалиа, переживаемые конкретным субъектом в опыте сенсорной репрезентации. Можно дать неправильное, логически противоречивое или содержательно неполное определение понятию, но нельзя ошибиться в том, что представляет собой элементарное ощущение по своему феноменальному контенту, поскольку оно представляет собой именно то, как переживается сознающим субъектом в его непосредственном внутреннем опыте.

Учитывая внутренний доступ к чувственно-феноменальному контенту сознания, далеко не все современные философы признают существование квалиа, наличие которых в психическом опыте человека не поддается объяснению объективно-научными средствами как результат активности нейронных сетей головного мозга. По этому поводу российский физик, специалист в области нейроинформатики В.Я. Сергин в своей статье «Сознание и мышление. Нейробиологические механизмы» пишет: «Биологические интерпретации (сенсорные и моторные категории) выражают специфические характеристики взаимодействия организма с окружающим миром: твердый, мягкий, жидкий, сухой, липкий, острый, темный, светлый, близкий, далекий, горький, сладкий и т.п. Эти категории выражают субъективные качества “qualia” (психические переживания), которые определяют содержательный аспект восприятия. Но как порождаются эти субъективные качества?» И далее: «В феномене субъективного восприятия окружающего мира загадкой являются не сенсорные характеристики сами по себе. Красное или зеленое, свет или тьму могут отображать фотодиоды, а температуру тела или среды измеряют термометры. Простые (обобщенные) характеристики сложных явлений формируются вполне понятными физическими процессами. Способность организма отображать события окружающей среды и отвечать на них адекватной мо-

торной активностью также слагается из понятных физических процессов. Загадочной является наша способность ощущать внешние или внутренние события»[7].

Физическим процессам можно приписать свойства, которые аналогичны свойству психической интенциональности, но им нельзя приписать свойства, которые аналогичны свойству ментальной квалитативности (феноменальности). Допустить существование квалиа, как замечает отечественный специалист в области аналитической философии сознания Д.Б. Волков, «значит во многом отказаться от перспективы физикалистского объяснения сознания»[8]. Подобной точки зрения придерживается американский философ Д. Деннет, который отрицает существование квалиа, поскольку такие феномены, как «боль, ароматы, мечты, ментальные образы, вспышки гнева и вожделения… вовсе не являются таковыми, какими они нам кажутся»[9]. Нам кажется, что существуют психоментальные феномены (чувства, образы и мысли), тогда как, на самом деле, их не существует, а существуют одни лишь языковые дескрипции. В своей книге «Сознание объясненное» он пишет: «Я утверждаю, что у нас вообще нет никаких квалиа. Тот вид различия, который, как полагают люди, существует между любой машиной и любым имеющим опыт человеческим бытием, …я решительно отвергаю: такого вида различия не существует»[10].

По мнению Д. Деннета, сущности, не проявляемые в научном исследовании, не могут быть признаны существующими, и, следовательно, квалитативным состояниям психики, до которых нельзя добраться объективно-научными средствами, не соответствуют никакие элементы объективно существующего физического мира. Анализируя деннетовскую дескриптивную теорию ментальных феноменов, Д. Чалмерс справедливо подчеркивает: «На этот счет я могу лишь заметить, что интроспекция Деннета очень сильно отличается от моей. В ходе собственной интроспекции я наблюдаю ощущения, болевые и эмоциональные переживания и много других разных вещей, которые, хотя и сопровождаются суждениями, не яв-

---

[7] Психологический журнал Международного Университета природы, общества и человека. 2011. № 2. С. 8.
[8] Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 171.
[9] Dennett D.C. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. P. 45.
[10] Ibid. P. 375.

ляются только суждениями – если только не переопределить понятие суждения или “эпизодов нашей пропозициональной осведомленности” таким образом, чтобы они включали подобные переживания. Если так переопределить данные термины, то позиция Деннета будет вполне основательной, но у нас больше не будет причин считать, что наши суждения могут быть редуктивно объяснены»[11].

Отрицание квалитативной составляющей ментальных актов противоречит нашему непосредственному опыту, т.е. чувственному опыту субъектов, обладающих сознанием. Если субъективно переживаемое квалитативное содержание сознания нам только кажется, то оно все-таки существует как именно кажущееся, и отрицание его субъективного бытия приводит к элиминированию вообще всей сферы осознаваемых психических феноменов. Переживаемое в психическом переживании может и не являться собственно тем, чем оно кажется, но само по себе оно, безусловно, переживается с эвиденциальной (очевидной) достоверностью и не может не существовать, поскольку переживается изнутри. Обладающий сознанием субъект может найти основания, чтобы сомневаться в бытии репрезентируемого им объективно-физического мира, но у него нет и не может быть никаких оснований, чтобы сомневаться в бытии самих психических переживаний, которые он переживает в своей внутренней ментальной жизни. Отсюда следует, что дескриптивное понимание сознания, элиминирующее феноменальный аспект, устраняет также и всю сферу субъективной реальности.

Другой аспект сознания – интенциональный – обусловливается направленностью репрезентативного акта на предметное единство, которое амплифицируется (дополняется до целого) из феноменально переживаемых субъективных данных. Интенционально полагаемое сущее сводится к предметному единству множества репрезентативных актов независимо от того, существует оно реально или воображаемо. Например, в акте визуальной перцепции предметным единством может являться как реально воспринимаемый человек, так и его образ, сконструированный на основе памяти.

---

[11] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 242.

Одним из первых, кто предложил использовать интенциональность как свойство, которое позволяет отличать психическое бытие от физического, был австрийский философ и психолог Ф. Брентано. Вслед за ним Э. Гуссерль и Д. Серл также считали интенциональность характерным свойством психического бытия. Однако в современной философии сознания существуют теории, которые интенциональную демаркацию между психическим и физическим бытием ставят под сомнение. Д. Деннет показывает, что интенциональность – это не онтологическая характеристика, а способ описания, который присущ не только психическим, но и физическим объектам. Он выделяет три прогностические установки, позволяющие предсказывать поведение физической системы: 1) физическую установку (которая позволяет предсказывать поведение физической системы на основе взаимодействия составляющих её физических элементов), 2) проективную установку (которая позволяет предсказывать поведение физической системы на основе алгоритмов, составляющих ее программное обеспечение) и 3) интенциональную установку (которая позволяет предсказывать поведение физической системы на основе присущих ей интенциональных состояний, таких, как намерения, цели, потребности, ценности, убеждения). Например, поведение шахматного компьютера можно предсказывать, апеллируя к знанию, во-первых, физических законов, которым подчиняются составляющие его элементарные частицы, во-вторых, специальной программы, разработанной компьютерными программистами, и, в-третьих, интенциональных намерений, которые проецируются на компьютер по аналогии с играющим в шахматы человеком.

В своей работе «Виды психики» Д. Деннет пишет: «Маленькие переключатели подобны примитивным органам чувств, а действия, вызываемые переводом этих переключателей в положение “ВКЛ” и “ВЫКЛ”, подобны интенциональным действиям»[12]. Интенциональность можно приписать бездушному роботу, который выполняет поставленную перед ним задачу, поскольку в его действиях присутствует момент целеполагания и ориентированности на результат. Если мы экстраполируем такое описание на неживые системы, то увидим, что, вообще говоря,

[12] Деннет Д. Виды психики. М.: Идея-Пресс, 2004. С. 65.

все они могут быть истолкованы как обладающие качеством интенциональности. Например, уже в поведении электрона можно заметить момент целеполагания, связанный с его устойчивым пребыванием на определенном энергетическом уровне внутри атома, а также момент ориентированности на результат, обусловленный переходом на другой энергетический уровень при поглощении или испускании фотона.

На *чувственном (сенсорном) уровне репрезентации* феноменальный аспект играет ведущую роль, поскольку именно феноменальное содержание психического акта определяет собственно то, что переживается в чувственном акте (интенционально в случае чувственных образов или неинтенционально в случае элементарных ощущений). В отличие от этого на *интеллектуальном (мыслительном) уровне репрезентации* ведущую роль играет уже не феноменальный, а интенциональный аспект, поскольку именно интенционально полагаемое предметное единство определяет собственно то, что мыслится в интеллектуальном акте. Одна и та же мысль может быть реализована с помощью разного феноменального состава, но на чувственном уровне бытия воспринимаемое сущее не может быть отделено от феноменального состава, посредством которого оно репрезентируется. Инвариантность мыслительных конструкций по отношению к феноменальному содержанию психики позволяет с их помощью находить общие свойства в разнообразии единичного сущего, тогда как зависимость чувственных конструкций от феноменального содержания психики позволяет с их помощью находить конкретное сущее в разнообразии единичных объектов. Если мы увидим голубой апельсин, то сможем назвать его апельсином только в том случае, если в мыслительном акте абстрагируем форму от цветового исполнения, тогда как в рамках чувственного восприятия голубой апельсин уже не будет собственно апельсином, который является таковым лишь постольку, поскольку имеет оранжевый цвет.

Феноменальные данные, присутствующие в психическом акте, обладают *субъективным бытием*, поскольку их сущность открывается единственному субъекту, который имеет соответствующие переживания. Интенциональное содержание, присутствующее в психическом акте, обладает *интерсубъективным*

бытием, поскольку его сущность является общей для множества субъектов, которые имеют соответствующие интенции. Репрезентируемое сущее, присутствующее в физическом мире, обладает *объективным бытием*, поскольку его сущность не зависит ни от каких субъектов, которые имеют соответствующие репрезентации (если, конечно, мы не являемся субъективными идеалистами и не полагаем, что бытие физической вещи тождественно ее психической репрезентации). Таким образом, в процессе психической репрезентации, обусловленной взаимодействием репрезентирующей системы и репрезентируемого объекта, формируется ментальный опыт, состоящий из феноменальных данных, которые существуют субъективно, и интенционального содержания, которое существует интерсубъективно.

Если мы полагаем, что ментальный опыт определяется репрезентирующей системой, то относимся к сторонникам *интернализма* (непрямого реализма). Согласно этой точке зрения содержанием ментального опыта являются не реальные вещи, а ментальные состояния, опосредующие взаимодействие репрезентирующей системы и репрезентируемого объекта. В рамках интернализма выстраивается теория репрезентаций, которую разделяют Д. Мур и Б. Рассел, а также теория чувственных данных, к представителям которой можно отнести Г. Анскомба, Т. Крэйна, Я. Хинтикку и С. Шумахера. Эти теории утверждают, что предметами психических репрезентаций являются не физически существующие вещи, а ментально существующие феномены, т.е. мы непосредственно имеем дело не с вещами, а с чувственными образами и интеллектуальными конструкциями, которые указывают на внешний мир, но не позволяют судить об его объективной сущности. Когда мы видим оранжевый апельсин, трогаем его, нюхаем и пробуем на вкус, то в действительности имеем дело не с реальным объектом, а с совокупностью сенсорных данных, которые представляют собой репрезентативную модель, позволяющую совершать с ним ряд поведенческих манипуляций. Британский философ Т. Крейн в своей статье «Происхождение квалиа» («The origins of qualia») подчеркивает, что метальные состояния не являются отношением между репрезентирующим субъектом и репрезентируемым объектом, поскольку существуют ментальные состояния, которые, очевидным образом, не соотносятся ни с какой

репрезентируемой действительностью, и поэтому следует признать, что они направлены не на репрезентируемый объект, а на репрезентирующее содержание[13].

Интернализм лежит в основе естественнонаучного агностицизма, который утверждает, что никакие эксперименты не могут вывести нас за пределы чувственности и открыть мир в его объективном материальном бытии. К подобным концепциям относится физиологический идеализм И. Мюллера (согласно которому мы познаем не мир, а сенсорные состояния, обусловленные устройством органов чувств), теория иероглифов Г. Гельмгольца (согласно которому сенсорные образы – это не вещи, а знаки вещей, имеющие с ними не больше тождества, чем слова со своими референтами) и телефонная концепция К. Пирсона (согласно которому мы анализируем сообщения, получаемые из внешнего мира в виде чувственных данных, но не можем сопоставить последние с тем, что они выражают, подобно тому, как телефонист не может сопоставить голос в трубке с голосом абонента, ибо имеет непосредственный контакт лишь с обращенным к нему концом телефонного провода). Как верно подчеркивает отечественный специалист в области аналитической философии сознания Д.В. Иванов, «занимая интерналистскую позицию по вопросу о природе интенциональных объектов, мы также принимаем онтологический релятивизм. Это означает, что мы отказываемся от обсуждения классических метафизических вопросов о том, что и как существует на самом деле. С точки зрения онтологического релятивизма подобные вопросы являются нелегитимными. Мы можем говорить только о существовании объекта как определенным образом данного какому-либо субъекту»[14].

Согласно интернализму, интенция репрезентативного акта направляется не на реальный (внешний) объект, а на ментальное (внутреннее) единство репрезентирующего материала. Именно в таком интерналистском ключе понимает интенциональность Ф. Брентано, утверждающий, что ее следует отождествлять с «отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не

---

[13] The History of the Mind-Body Problem. London: Routledge, 2000. P. 169-194.
[14] Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 212.

должна пониматься реальность), или имманентной предметностью. Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится и т.д.»[15]. В рамках интернализма мы имеем представление о внешнем мире, несмотря на то, что наше познание ограничивается феноменами внутреннего порядка, лишь постольку, поскольку в нашем ментальном опыте присутствует ощущение Я, которое является центром самосознания. Все то, что противостоит ощущению Я, идентифицируется как внешнее бытие, а то, что принадлежит ощущению Я, идентифицируется как внутреннее бытие. Таким образом, разделение на внешний (объективный) и внутренний (субъективный и интерсубъективный) мир осуществляется имманентно самому внутреннему (субъективному и интерсубъективному) миру относительно ментального центра самосознания. Отсюда следует, что интернализм лишает нас связи с объективно существующей реальностью и внешний доступ превращает во внутренний, но тогда остается непонятным, за счет чего именно обеспечивается интерсубъективное знание в общей разделяемой реальности множества сознающих субъектов.

Если мы полагаем, что ментальный опыт определяется репрезентируемым объектом, то относимся к сторонникам *экстернализма* (прямого реализма). Согласно этой точке зрения содержанием ментального опыта являются реальные вещи, а не ментальные состояния, опосредующие взаимодействие репрезентирующей системы и репрезентируемого объекта. К экстерналистам можно отнести Д. Деннета, Ф. Дрецке, В. Ликана, Р. Манцотти, М. Тая, Г. Хармана, Т. Хондриха. Все они утверждают, что репрезентируемый объект дан в репрезентативном акте как его интенциональное единство, и поэтому нет никакой необходимости вводить между репрезентируемым объектом и репрезентирующей системой прослойку субъективных данных. Разделения на объект и его репрезентацию не существует, ибо последний не открывается познающему субъекту в виде какой-то репрезентативной модели, а показывает себя самого в своем собственном бытии.

[15] Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. С. 33.

Например, британский философ канадского происхождения Т. Хондрих в своей статье «Радикальный экстернализм» («Radical externalism») заявляет, что «то, что в действительности для тебя является осознанием комнаты, в которой ты находишься, для комнаты является способом существования»[16].

Согласно экстернализму, интенция репрезентативного акта направляется не на ментальное (внутреннее) единство репрезентирующего материала, а на реальный (внешний) объект. Именно в таком экстерналистском ключе понимает интенциональность американский философ Д. Серл, который по этому поводу пишет: «Назвать что-то Интенциональным объектом – значит сказать, что это – тот объект, к которому относится некоторое Интенциональное состояние. Так, например, если Билл восхищается президентом Картером, то президент Картер – реальный человек, а не некая призрачная промежуточная сущность между Биллом и человеком»[17]. В рамках экстернализма у нас складывается истинное представление об окружающей реальности, поскольку мы имеем к ней непосредственный доступ через чувственные образы и интеллектуальные конструкты, которые являются не внутренне переживаемым субъективным контентом репрезентации, а объективной формой бытия репрезентируемого сущего. Даже в ситуации, когда мы представляем себе несуществующий объект, само это представление является формой бытия объективно существующего мира. Полемизируя с защитниками интернализма, Д.В. Иванов пишет: «В ситуации отсутствия объекта наши интенциональные состояния находятся в определенных отношения ко всему миру»[18]. Таким образом, согласно экстерналистской точке зрения, источником ментального содержания является репрезентируемый объект, даже если репрезентирующее содержание, на первый взгляд, не связано ни с какой объективно существующей реальностью.

---

[16] Journal of Consciousness Studies. 2000. № 13. P. 6.
[17] Серл Д. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 113.
[18] Иванов Д.В. Феноменальная природа сознания (проблема натуралистического объяснения сознания): Дис. …д-ра филос. наук. М.: ИФ РАН, 2015. С. 265.

Доказывая истинность экстерналистской точки зрения, американский философ и логик Х. Патнэм приводит следующий наглядный пример[19]. Представим себе инопланетян, которые никогда не видели деревьев. Мы показываем им фотографию дерева, но они не понимают, какой предмет на ней изображен. Для инопланетян изображение дерева не является его ментальной репрезентацией, поскольку они никогда в своей жизни не сталкивались с реальными деревьями. Отсюда можно сделать вывод, что содержание ментальных репрезентаций не исчерпывается внутренне переживаемыми состояниями психики, ибо в противном случае наличие виртуального образа (изображения дерева) с необходимостью повлекло бы за собой осмысленное понимание изображаемого объекта. Иными словами, содержание ментальных репрезентаций зависит не столько от репрезентирующей системы, сколько от объективно существующих внешних объектов, которые находятся в определенном каузальном отношении к репрезентирующему субъекту. Даже во сне мы понимаем, что именно видим, лишь потому, что видели это в реальности целиком или по отдельным элементам, из которых затем нашей бессознательной психикой были составлены виртуальные композиции сновидения. Такая точка зрения соответствует каузальной теории референции Крипке-Патнэма, согласно которой отсутствие каузальной связи между ментальной репрезентацией и реально существующими элементами внешнего мира делает невозможным понимание того, что именно при этом репрезентируется.

Экстернализм, в отличие от интернализма, полагает, что значения слов обусловливаются не определенными психологическими состояниями, а реально существующими объектами, с которыми репрезентирующий субъект находится в каузальных отношениях. В известном мысленном эксперименте, получившем название «Двойник Земли», Х. Патнэм предлагает вообразить аналог нашей планеты, где вода внешне идентична воде, которую знают земляне, и выполняет те же самые функции, но при этом имеет иную химическую структуру, отличную от H_2O. Таким образом, житель Земли и житель двойника Земли будут одинаково употреблять понятие «вода», находясь в эквивалентном психологическом состоя-

[19] Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. С. 19.

нии, указывая на совершенно разные референты используемых понятий. Таким образом, имея идентичные переживания, можно думать о совершенно разных объектах реального мира, что подтверждает истинность экстерналистской точки зрения.

Однако эти рассуждения доступны только стороннему наблюдателю, который знает, что вода на двойнике Земли имеет иную химическую структуру, отличную от H_2O, и поэтому, используя понятие «вода», он находится в ином психологическом состоянии, которое не тождественно психологическому состоянию вышеуказанных жителей двух похожих планет. Отсюда следует, что узнать об истинности экстерналистской точки зрения (то есть о наличии разных референтов у одинаково используемых понятий) можно только из позиции, которая соответствует интерналистской точке зрения (то есть из позиции, в которой разным референтам соответствуют неодинаково используемые понятия). В результате необходимо признать, что мысленный эксперимент «Двойник Земли» не является аргументом, доказывающим истинность экстернализма.

Если вслед за Х. Патнэмом в мысленном эксперименте «Мозги в бочке» мы представим себе, что у какого-то человека изъяли мозг, положили в специальный раствор, поддерживающий его жизнедеятельность, и подключили к нему электроды, с помощью которых транслируются виртуальные картинки, то должны будем признать, что испытуемый сможет осмысленно воспринимать лишь то, с чем уже сталкивался в реальной жизни[20]. Поэтому ситуация, показанная в фильме «Матрица», логически невозможна, ибо жители Матрицы с самого своего рождения пребывают в виртуальном мире и никогда не видят ничего реального, что в соответствии с каузальной теорией референции Крипке-Патнэма не позволяет им распознать ни единого образа.

На первый взгляд может показаться, что такая позиция не выдерживает критики. Действительно, с незнакомыми объектами мы можем встретиться не только в виртуальном мире, но и в реальном. Производя с ними ряд манипуляций, или просто наблюдая, или собирая необходимые сведения из сторонних источников

[20] Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. С. 16-17.

информации, мы формируем осмысленное понимание того, с чем имеем дело. Подобные действия могут быть произведены не только в реальном мире, но и в виртуальном, после чего осмысленное понимание распознаваемого объекта будет сформировано даже тогда, когда последнего реально не существует. Отсюда следует, что ситуация, показанная в фильме «Матрица», логически возможна, и ее жители будут иметь осмысленное представление об окружающем мире, не подозревая, что в его онтологической основе лежит не материальная субстанция, а программный код. Однако в данном случае источником содержания ментального опыта все равно будут не внутренние состояния, опосредующие взаимодействие репрезентирующей системы и репрезентируемого объекта, а внешние процессы, обусловленные программным обеспечением Матрицы, которая существует на материальном субстрате. В итоге мы заключаем, что интерналистская точка зрения логически приводит к концепции субъективного идеализма, ибо наличие вещественной среды с необходимостью делает ее источником ментального содержания даже в Матрице или в ситуации рассмотренного выше мысленного эксперимента «Мозги в бочке».

Интенциональные состояния – это состояния векторного порядка, определяемые направленностью на какое-то положение дел. Например, амеба, помещенная в каплю ядовитого раствора, демонстрирует реакцию бегства, что позволяет приписать ей интенциональные состояния, которые обусловливаются стремлением выжить и отыскать наиболее комфортные условия бытия. Строго говоря, проявление любой закономерности носит интенциональный характер, поскольку закономерность содержит в себе тенденцию к определенному результату. Когда свет преломляется из одной среды в другую, то, в соответствии с принципом Мопертюи, «стремится» идти по траектории, на которой действие, равное произведению импульса на пройденный путь, имеет минимальное значение. Когда Земля вращается вокруг Солнца, то, в соответствии с уравнениями общей теории относительности Эйнштейна, «стремится» к инерционному движению по геодезической линии в искривленном псевдоримановом пространстве-времени. Когда робот играет в шахматы, то, в соответствии с заложенной в него программой, «стремится» по-

ставить мат своему противнику. Следовательно, физические системы естественным образом находятся в интенциональных состояниях, которые можно классифицировать, систематизировать и иерархизировать, проследив эволюцию от простейших интенциональных состояний, присущих элементарным частицам, к более сложным, которые проявляются уже на уровне высокоорганизованных физических систем.

Однако феноменальные состояния естественным образом не свойственны физическим системам, и поэтому возникает проблема, связанная с их появлением в материальном мире. Например, атому водорода не присущи никакие феноменальные состояния, поскольку бессмысленно спрашивать, каково это – быть атомом водорода. По всей видимости, бессмысленно спрашивать так же и о том, каково это – быть амебой. Однако подобный вопрос в отношении летучей мыши будет уже вполне осмысленным, и, следовательно, мы должны объяснить, каким образом на определенном этапе эволюции физических систем у них появляются феноменальные состояния.

Для Д. Чалмерса тут не наблюдается особой проблемы, поскольку, будучи сторонником панпротопсихизма (натуралистического дуализма), он полагает, что феноменальные состояния изначально присущи всем физическим системам, и, значит, вопрос сводится не к тому, как они возникают в физическом мире, а к тому, как они эволюционируют от простейших форм к более сложным. Если мы не согласны с натуралистическим дуализмом чалмеровского типа и хотим оставаться на позициях онтологического монизма, то в этом случае мы должны объяснить, каким образом становится возможным возникновение в физическом мире феноменальных состояний материи. Наиболее экономичным путем решения этой проблемы могло бы стать утверждение, что феноменальные состояния редуцируются к интенциональным, т.е. представляют собой по сущности особую форму интенционального бытия, которое изначально присуще всем физическим системам. Таким образом, возникает принципиальный вопрос: является ли ментальный опыт однородным (можно ли сказать, что феноменальные состояния имеют интенциональную природу и поэтому ментальный опыт, по сущности, характеризуется од-

ним лишь интенциональным аспектом) или же он является неоднородным (можно ли сказать, что феноменальные состояния не имеют интенциональной природы и поэтому ментальный опыт, по сущности, характеризуется двумя несводимыми друг к другу аспектами – феноменальным и интенциональным)?

Если мы полагаем, что ментальный опыт имеет неоднородную структуру и характеризуется суммой феноменальных данных и интенционального содержания, то, в соответствии с терминологией американских философов Д. Тиенсона и Т. Хоргана, являемся представителями *сепаратизма* (квалитативизма), согласно которому феноменальные данные продуцируются репрезентирующей системой, а интенциональное содержание определяется репрезентируемым объектом. В зависимости от источника ментальных состояний сепаративизм делится на экстерналистский и интерналистский.

Экстерналистский сепаратизм, к представителям которого можно отнести Т. Бюрге, А. Кларка, В. Селларса, Г. Строунсона, а также последователей диалектического материализма, утверждает, что истина имеет две стороны – субъективную, определяемую конституцией субъекта, и объективную, определяемую конституцией объекта. Объективное положение дел выражается субъективными средствами за счет того, что в качестве интенционального единства совокупности феноменальных данных выступает репрезентируемый объект. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт.

Интерналистский сепаратизм, к представителям которого можно отнести И. Канта, Э. Маха, Д. Милля, Г. Спенсера, Д. Юма, утверждает, что истина имеет только одну субъективную сторону, которая не позволяет сказать ничего определенного об объективном положении дел. Например, родоначальник немецкой классической философии И. Кант замечает, что невозможно сравнивать чувственные и интеллектуальные конструкты, посредством которых осуществляется репрезентация окружающего мира в психическом опыте субъекта, с самим репре-

зентируемым миром, ибо «я могу судить лишь о том, согласуется ли мое знание об объекте с моим же знанием об объекте»[21]. По мнению шотландского философа Нового времени Д. Юма, мы закованы в пределах нашего восприятия и можем познавать лишь репрезентативные образы мира, тогда как сам по себе он остается для нас принципиально непознаваемым. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь тождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта не могут иметь тождественный ментальный опыт.

Если мы полагаем, что ментальный опыт имеет однородную структуру и характеризуется единством феноменальных данных и интенционального содержания, то являемся представителями *репрезентационализма* (интенционализма). В зависимости от источника ментальных состояний репрезентационализм так же, как и сепаратизм, делится на экстерналистский и интерналистский.

Экстерналистский репрезентационализм, к сторонникам которого можно отнести Ф. Дретске, В. Ликана и М. Тая, утверждает, что ментальные состояния, представляющие собой единство феноменальных данных и интенционального содержания, определяются репрезентируемым объектом, который воздействует на репрезентирующую систему, вызывая в ней феноменально релевантные изменения. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта не могут иметь тождественный ментальный опыт.

Интерналистский репрезентационализм, к сторонникам которого можно отнести Ю. Кригеля, Д. Левина и Т. Хоргана, полагает, что ментальные состояния, представляющие собой единство феноменальных данных и интенционального содержания, определяются репрезентирующей системой, которая принимает на себя воздействие репрезентируемого объекта в соответствии с заложенными в ней паттернами ментальной репрезентации. Таким образом, два физически тождественных субъекта будут иметь тождественный ментальный опыт в разной окру-

[21] Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 357.

жающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт.

Главный аргумент в пользу репрезентационализма сводится к тому, что в случае невозможности редуцировать феноменальное содержание ментального опыта к его интенциональному содержанию, феноменальное содержание оказывается необъяснимым в рамках физикализма, ибо никакие физические процессы неспособны породить в силу действия физических законов нефизические (ментальные) квалиа. Иными словами, отрицание репрезентационализма с необходимостью влечет за собой отрицание натуралистического монизма (тождественного, по сути, физикализму), который на сегодняшний день считается идеалом научного мировоззрения, поскольку признание нефизической компоненты бытия, участвующей в организации физического поведения, означает, что физическая репрезентация Вселенной на уровне собственно физического бытия оказывается неполной, и, следовательно, мы должны наблюдать физические события, которые невозможно объяснить с помощью физической теории, что, в конечном счете, противоречит незыблемому на сегодняшний день закону сохранения энергии.

Поэтому основной задачей репрезентационализма является не столько обоснование однородности ментального опыта, сколько изобретение механизмов, посредством которых интенциональное содержание может естественным образом превращаться в феноменальное. Такое положение дел, в частности, обусловливает тот факт, что сторонники репрезентационализма, по большей части, не выдумывают аргументы в пользу своей точки зрения, а критикуют аргументы сторонников сепаратизма, отыскивая в них слабые места и сохраняя тем самым логическую возможность противоположной позиции.

Представители сепаратизма стараются продемонстрировать, что, во-первых, один и тот же интенциональный объект может репрезентироваться разным феноменальным контентом и, во-вторых, один и тот же феноменальный контент может репрезентировать разные интенциональные объекты, поскольку истинность репрезентационализма с необходимостью предполагает, что феноменальное содержание имеет интенциональную сущность, а, значит, не может быть от него полно-

стью независимым. Первая часть рассматриваемого утверждения, согласно которой один и тот же интенциональный объект может репрезентироваться разным феноменальным контентом, опровергает репрезентационализм в его экстерналистском варианте, поскольку если интенциональные состояния определяются репрезентируемым объектом, который воздействует на репрезентирующую систему, вызывая в ней феноменально релевантные изменения, то один и тот же репрезентируемый объект должен вызывать в репрезентирующей системе одни и те же феноменально релевантные трансформации. В данном случае сторонники сепаратистской точки зрения приводят аргументы, связанные с инверсией квалитативного спектра, которая может носить интерперсональный и интраперсональный характер.

Общая логическая структура аргумента инвертированного спектра имеет следующий вид: 1) инверсия спектра не нарушает физических законов, ибо сами по себе они ничего не говорят о специфике квалитативного опыта в зависимости от сопутствующих процессов физического порядка, следовательно, 2) инверсия спектра онтологически допустима, а поскольку 3) она предполагает, что один и тот же интенциональный объект может репрезентироваться разным феноменальным контентом, то 4) репрезентационализм в его экстерналистском варианте ложен.

Интерперсональная инверсия допускает без нарушения физических законов, обусловливающих работу головного мозга, наличие идентичных интенций у двух сознающих субъектов при разном феноменальном составе. Еще Д. Локк обратил внимание, что, не впадая в логическое и онтологическое противоречие, можно представить ситуацию, когда «один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи; например, если бы идея, вызванная фиалкой в уме одного человека при помощи его глаз, была тождественна с идеей, вызванной в уме другого ноготками, и наоборот. Ведь этого никогда нельзя было бы узнать, потому что ум одного человека не может перейти в тело другого, чтобы воспринять, какие представления вызываются с помощью органов

последнего; и потому не перепутались бы ни идеи, ни имена и ни в тех, ни в других не было бы никакой ложности»[22].

Сторонники репрезентационализма выдвигают возражения против аргумента инвертированного спектра в его интерперсональном варианте, утверждая, что цветовая инверсия невозможна либо метафизически, либо концептуально. В первом случае поведение инверта и не-инверта будет отличаться, поскольку, как замечает К. Хардин, пространство цветового спектра не является симметричным[23], или, как замечает М. Тай, инверт в отличие от не-инверта неправильно (ошибочно) репрезентирует цвета[24]. Во втором случае сторонники репрезентационализма апеллируют к невозможности установить внутреннее феноменальное различие двух сознающих субъектов при равенстве внешних поведенческих реакций. Одним из первых на данное обстоятельство обратил внимание немецкий логик, математик и философ Г. Фреге, согласно которому бессмысленно задаваться вопросом, как именно другой человек воспринимает вещи, поскольку «слово “красный”, когда оно служит не для передачи некоего свойства вещей, а для характеристики принадлежащих моему сознанию чувственных впечатлений, применимо только к области моего сознания», и, следовательно, «мое чувственное впечатление невозможно сравнивать с впечатлением кого-то другого»[25]. Вслед за ним немецко-австрийский философ, представитель логического позитивизма, М. Шлик в своей статье «Позитивизм и реализм» пишет: «Высказывание о том, что два ощущения, принадлежащие двум разным субъектам, не только занимают одно и то же место в их системах, но сверх того еще и качественно тождественны, не имеет для нас никакого смысла»[26]. Поэтому ситуация цветовой инверсии оказывается немыслимой, ибо, по мнению Д.В. Иванова, продолжающего логику Г. Фреге и М. Шлика, если «мы не способны сравнивать непосредственно квалитативные состояния двух субъектов, то это может быть расценено как свидетельство

---

[22] Локк Д. Сочинения в 3-х т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 444.
[23] Hardin C.L. Color for Philosophers: Unweaving the Rainbow. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1986.
[24] Tye M. Ten Problems of Consciousness: A Representational Theory of the Phenomenal Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
[25] Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 333.
[26] Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: ИД Территория будущего, Идея-Пресс, 2006. С. 294-295.

немыслимости инвертированного спектра»[27]. Данные рассуждения основываются на том, что отсутствие объективного (внешнего) доступа к какому-то событию с необходимостью означает, что оно не может быть признано существующим. Отсюда следует вывод, что «значением ментальных терминов вообще не являются скрытые ментальные феномены, о которых только я могу знать, какие они»[28].

Однако подобная точка зрения не выдерживает критики, поскольку, во-первых, из невозможности объективного (внешнего) доступа к ментальным феноменам (и, как следствие, из невозможности интерперсонального сравнения квалитативных состояний) не вытекает отсутствие самих этих ментальных феноменов (и, как следствие, недопустимость ситуации инвертированного спектра) подобно тому, как из невозможности проникнуть никакими эмпирическими средствами за горизонт событий черной дыры не вытекает, что там нет ничего материального, и, во-вторых, каждый субъект имеет к ментальным событиям субъективный (внутренний) доступ, который заставляет учитывать их существование в качестве внутренне переживаемых ментальных феноменов. Кроме этого, репрезентация, очевидным образом, зависит от устройства органов чувств и интеллектуальных установок, определяющих набор используемых понятий и идей, что, как верно утверждает американский философ Н. Блок в своей статье «Сексизм, эйджизм, расизм и природа сознания» («Sexism, Ageism, Racism, and the Nature of Consciousness»), делает ситуацию инвертированного спектра не мысленным экспериментом, а эмпирической данностью[29].

Интраперсональная инверсия допускает манипуляции с сознающим субъектом, в результате которых одно и то же интенциональное содержание репрезентируется разным феноменальным составом в его собственном индивидуальном опыте. Американский философ С. Шумейкер в своей статье «Инвертированный спектр» («The Inverted Spectrum») описывает следующий мысленный эксперимент[30]. Испытуемому вживляют в глаза специальные линзы, которые трансфор-

---

[27] Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 158.
[28] Там же. С. 165.
[29] Philosophical Topics. 1999. Vol. 26. № 1. P. 39-70.
[30] The Journal of Philosophy. 1982. Vol. 79. № 7. P. 357-381.

мируют цветовое восприятие окружающего мира. Через какое-то время он привыкает к новому цветовому восприятию и ведет себя в точности так же, как вел раньше, в том числе использует для обозначения цветов те же самые термины, какие использовал до инверсии спектра. Затем у него наступает амнезия, и он больше не помнит, что раньше видел окружающий мир по-другому, полагая, что он видит его так же, как и остальные. В итоге его интенциональные состояния остаются прежними, но квалитативные меняются, что указывает на ложность репрезентационализма в его экстерналистском варианте. В данном случае, в отличие от интерперсональной инверсии, уже не требуется сравнивать квалитативные состояния двух субъектов, но один субъект должен иметь возможность сравнивать свои собственные квалитативные состояния в разное время. Казалось бы, такое сравнение очевидным образом допустимо во внутреннем опыте сознающего субъекта, но Д. Деннет в своей статье «Quining Qualia» пытается оспорить это, апеллируя к тому, что внутренний доступ не позволяет определить, изменились ли на самом деле квалитативные состояния (в результате воздействия на способ восприятия) или же изменились интенциональные состояния (в результате воздействия на убеждения относительно способа восприятия)[31]. Например, испытуемый может утверждать, что после соответствующих трансформаций он видит небо не голубым, как прежде, а зеленым, но при этом он неспособен интраперсонально определить, на самом ли деле он видит небо не так, как раньше, или же использует для обозначения цвета инвертированные термины, полагая, что видит небо зеленым в то время, как видит его по-прежнему голубым. Однако изменение терминологии касается не интенционального аспекта, а феноменального, ибо трансформирует не интенционально полагаемый объект, а способ его описания на интеллектуальном уровне репрезентации. Таким образом, в итоге мы должны признать, что один и тот же интенционально полагаемый объект может репрезентироваться разным феноменальным контентом, что опровергает репрезентационализм в его экстерналистском варианте.

[31] The Nature of Consciousness. Cambridge: MIT Press, 1997. P. 619-642.

Вторая часть рассматриваемого утверждения, согласно которой один и тот же феноменальный контент может репрезентировать разные интенциональные объекты, опровергает репрезентационализм в его интерналистском варианте, поскольку если интенциональные состояния определяются репрезентирующей системой, которая принимает на себя воздействие репрезентируемого объекта в соответствии с заложенными в ней паттернами ментальной репрезентации, то одно и то же состояние репрезентирующей системы не может соответствовать разным репрезентативным актам. Сторонники сепаратизма в качестве иллюстрации приводят двусмысленные картинки (гештальт-изображения), которые при равенстве квалитативного состава содержат в себе неидентичные визуально воспринимаемые изображения. Известным примером такой картинки является изображение, на котором в зависимости от амплификации сенсорных данных можно увидеть либо старуху, либо молодую девушку. В итоге феноменальное содержание остается самотождественным, но интенциональный объект меняется.

Репрезентационалисты отвечают на это, что феноменальное содержание остается самотождественным, только на сенсорном уровне, тогда как на интеллектуальном оно меняется, поскольку в данном случае используются два разных понятия, а именно – понятие «старухи» и понятие «молодой женщины». Отсюда следует, что одно и то же феноменальное содержание сенсорного и интеллектуального характера не может репрезентировать разные интенциональные объекты. Однако это не делает критику репрезентационалистов более убедительной, ибо для ее опровержения достаточно показать, что при равенстве квалитативного содержания ментального акта мы можем иметь разные интенционального полагаемые объекты (так как в данном случае квалитативные состояния нельзя редуцировать к состояниям интенционального порядка), что и демонстрируется посредством двусмысленных картинок.

Н. Блок в своей статье «Инвертированная Земля» («Inverted Earth») предлагает мысленный эксперимент, который направлен на опровержение репрезента-

ционализма[32]. Представим себе планету, тождественную Земле во всех отношениях, кроме того, что на ее поверхности все цвета инвертированы относительно цветов, присущих воспринимаемым объектам на Земле. Небо на такой планете является зеленым, а трава – голубой. Местные жители используют для обозначения цветов инвертированные термины, т.е. траву они называют зеленой, а небо – голубым, хотя видят их не так, как видим мы. Далее представим себе, что жителю Земли без его ведома, пока он спит, делают операцию на хрусталике, инвертирующую цветовое восприятие в соответствии с инверсией спектра на двойнике Земли. Затем испытуемого перемещают на двойника Земли, где он просыпается в знакомой обстановке. Окружающие его объекты имеют другой цвет, отличный от того цвета, который присущ подобным объектам на Земле, но он не замечает отличия, поскольку его хрусталик соответствующим образом инвертирует воспринимаемый спектр. Таким образом, испытуемый, утверждая, что небо голубое, а трава зеленая, будет осуществлять референцию к желтому небу и голубой траве, но не будет замечать этого благодаря инвертирующему хрусталику. Квалитативные состояния испытуемого останутся прежними, но интенциональные состояния изменятся, откуда вытекает, что феноменальный аспект по сущности не обусловливается интенциональным содержанием, и, следовательно, репрезентационализм ложен.

Однако в данном случае допускается логическая ошибка, которая обусловливается тем, что после вышеописанных трансформаций интенциональные состояния испытуемого изменятся только в системе отсчета внешнего наблюдателя, который будет знать, что испытуемого переместили на инвертированную Землю, тогда как в системе отсчета самого испытуемого интенциональные состояния, подобно феноменальным, останутся неизменными, ибо, говоря о голубом небе и зеленой траве, он по-прежнему будет апеллировать в своем ментальном опыте к голубому небу и зеленой траве, а не к зеленому небу и голубой траве, как это делают местные жители инвертированной Земли.

---

[32] Philosophical Perspectives. 1990. Vol. 4. P. 53-79.

Таким образом, следует признать, что один и тот же феноменальный контент не может репрезентировать разные интенциональные объекты. Однако, строго говоря, отсюда еще нельзя умозаключить о ложности сепаратизма. Отрицание рассматриваемого тезиса является необходимым и достаточным условием доказательства неоднородности ментального опыта, тогда как утверждение рассматриваемого тезиса является необходимым, но недостаточным условием доказательства однородности ментального опыта. Действительно, не впадая в логическое противоречие, можно допустить, что один и тот же феноменальный контент не может репрезентировать разные интенциональные объекты, в то время как феноменальный контент не редуцируется к интенциональному единству совокупности репрезентативных актов, в которых данный контент наличествует, хотя бы уже потому, что феноменальный контент может меняться при неизменности интенционального единства, а, следовательно, такие изменения в своем феноменальном содержании не обусловливаются полностью интенциональным единством и не могут быть к нему сведены по своей феноменальной сущности.

В гештальтпсихологии хорошо изучена динамика фигуры и фона, которая предполагает смену интенциональных состояний в феноменально эквивалентном поле визуального восприятия. На концепции психического сепаратизма выстраивается гештальтпсихологическая механика инсайта, согласно которой решение задачи представляет собой спонтанное переструктурирование воспринимаемой и осмысляемой ситуации. Немецкий и американский психолог В. Келер, поставив множество экспериментов с человекоподобными обезьянами, доказал, что они принимают решение благодаря мгновенному (инсайтному) изменению интенциональных состояний сознания в феноменально неизменной ситуации. Меняется отношение между составляющими элементами визуального поля восприятия, но сами элементы остаются перцептивно идентичными. В своей работе «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян», анализируя психологический процесс принятия решения в экспериментальных условиях, В. Келер пишет: «Вместе с тем этот процесс как целое соответствует структуре ситуации, объективному отношению ее частей. Например, цель находится на земле за преграждающим путь пре-

пятствием. Внезапно возникает безостановочное и плавное движение по соответствующей кривой решения. Создается навязчивое впечатление, что эта кривая возникает как целое, и притом с самого начала как продукт оптического охвата общей структуры ситуации»[33]. Иными словами, решение поставленной задачи обусловливается тем, что отдельные элементы визуального поля восприятия, которые были фоном, становятся фигурой, а другие элементы визуального поля восприятия, которые были фигурой, становятся фоном, в результате чего интенциональная структура поля визуального восприятия меняется, а его феноменальный состав остается самотождественным.

Вышеприведенные рассуждения доказывают ложность репрезентационализма в его экстерналистском и интерналистском вариантах. Действительно, психическая репрезентация в своем внутреннем феноменальном контенте зависит от физического и функционального устройства органов чувств. Визуальное восприятие оранжевого апельсина можно разложить на последовательность сложных физических процессов. Сначала от поверхности апельсина отражаются электромагнитные волны и попадают на сетчатку глаза, где преобразуются в серию электрических импульсов, которые по зрительному нерву распространяются до зрительного центра в головном мозге. Затем происходит ряд трансформаций электрических импульсов в биохимические реакции и, обратно, биохимических реакций в электрические импульсы. Таким образом, между объективным сигналом «на входе» и субъективным образом «на выходе», мы имеем многоступенчатый процесс энергоинформационной обработки, который определяет способ визуальной репрезентации. Если мы что-то поменяем в этом многоступенчатом процессе, то получим новую репрезентацию, которая будет отличаться от предыдущей своими феноменальными данными, но не интенциональным единством. Например, в результате подобных трансформаций мы можем увидеть апельсин в инфракрасной части спектра, и поэтому он будет репрезентироваться новыми феноменальными данными, но останется тем же самым интенционально полагаемым предметом, поскольку мы по-прежнему будем употреблять его в пищу и совершать с ним ма-

[33] Гештальт-психология. М.: АСТ, 1998. С. 200.

нипуляции, аналогичные тем, которые совершали ранее. Подобные рассуждения, схожие, по сути, с аргументом инвертированного спектра, опровергают репрезентационализм в его экстерналистском варианте, поскольку тот факт, что один и тот же интенциональный объект может репрезентироваться разным феноменальным контентом, свидетельствует о том, что всеобъемлющей причиной последнего не могут быть интенциональные состояния репрезентирующего субъекта, тогда как, согласно репрезентационализму, «все психические состояния, в том числе сознательные состояния, являются интенциональными»[34]. Если же мы, примкнув к позиции интерналистского репрезентационализма, станем утверждать, что в результате вышеописанных трансформаций увидим не апельсин, а нечто иное, интенционально отличное от того, что мы видели в рамках привычной нам организации сенсорного опыта, то окажемся в затруднительной ситуации, пытаясь объяснить, каким образом становится возможным интерсубъективное бытие, обеспечивающее для множества субъектов разделяемую картину мира. Как верно замечает отечественный специалист в области аналитической философии сознания С.Ф. Нагуманова в своей статье «Сознание как репрезентация», сторонники интерналистского репрезентационализма «ссылаются на то, что интенциональный объект может реально не существовать», но тогда «они должны объяснить, почему психическое состояние имеет именно данный объект в качестве содержания, а не другой»[35].

Теперь сосредоточим внимание на концепциях сепаратистского типа. Интерналистский сепаратизм, утверждающий, что ментальные состояния, будучи единством феноменальных данных и интенционального содержания, определяются репрезентирующей системой, которая принимает на себя воздействие репрезентируемого объекта в соответствии с заложенными в ней паттернами ментальной репрезентации, так же, как и в случае с интерналистским репрезентационализмом, не позволяет объяснить, почему конкретная репрезентация является репрезентацией именно того сущего, которое репрезентируется, а не какого-либо

[34] Нагуманова С. Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Издательство Казанского университета, 2011. С. 163.
[35] Ученые записки Казанского университета. 2012. Том 154. Кн. 1. С. 121.

иного, если в самом внутреннем опыте репрезентирующего субъекта мы не находим никаких зацепок за объективно существующее положение дел.

Экстерналистский сепаратизм утверждает, что ментальные состояния, будучи единством феноменальных данных и интенционального содержания, определяются репрезентируемым объектом, который воздействует на репрезентирующую систему и вызывает в ней изменения, соответствующие объективному положению дел. В отличие от предыдущих точек зрения экстерналистскому сепаратизму удается когерентным образом совместить, во-первых, зависимость субъективной репрезентации в ее внутреннем феноменальном контенте от физического и функционального устройства органов чувств (с чем не может справиться репрезентационализм в его экстерналистском варианте), во-вторых, наличие разделяемой множеством репрезентирующих субъектов интерсубъективной картины мира (с чем не может справиться репрезентационализм в его интерналистском варианте), и, в-третьих, раскрытие средствами репрезентирующей системы объективной сущности репрезентируемого объекта (с чем не может справиться сепаратизм в его интерналистском варианте). Таким образом, если мы хотим сохранить реальность окружающего мира и возможность объяснения того, что, с одной стороны, один и тот же интенциональный объект может репрезентироваться разным феноменальным контентом и, с другой стороны, один и тот же феноменальный контент может репрезентировать разные интенциональные объекты, то должны остановиться на сепаратизме экстерналистского типа. В соответствии с данной точкой зрения, во-первых, феноменальное содержание сознания на сенсорном уровне определяется устройством репрезентирующей системы и не имеет никакого отношения к репрезентируемому объекту, но, во-вторых, на интеллектуальном уровне задается репрезентируемым объектом, поскольку, в-третьих, интенциональное единство репрезентативного акта обеспечивается репрезентируемым объектом, который может существовать в качестве реального или воображаемого сущего (рис. 1). Иными словами, два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в

одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт.

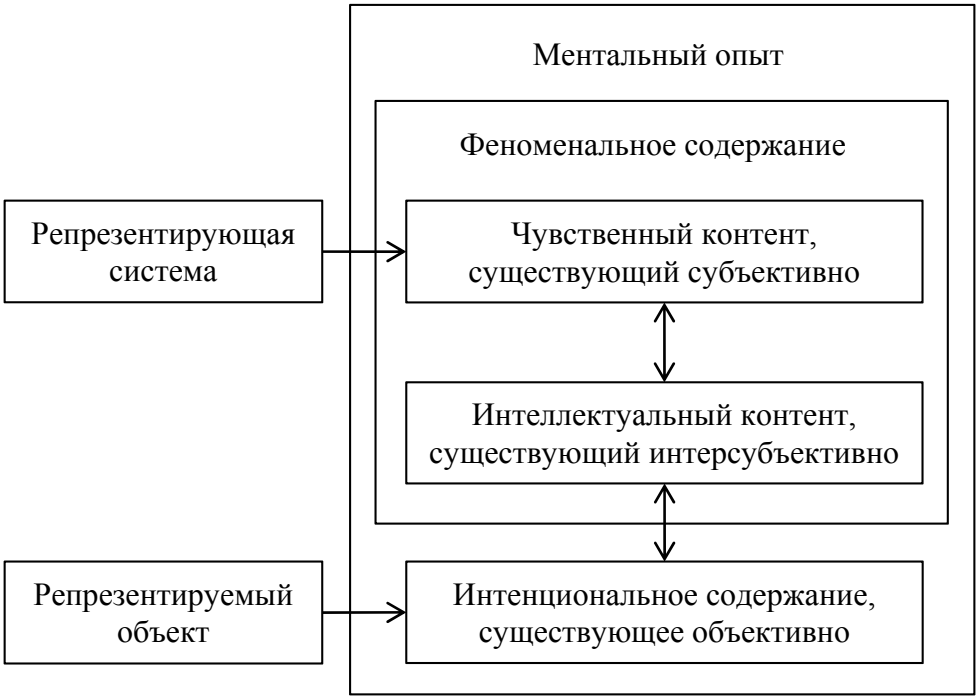

Рис. 1. Источники ментального опыта в рамках экстерналистского сепаратизма.

Сознание представляет собой единый целостный феномен, но его ментальное содержание определяется двумя классами причин, один из которых связан с репрезентирующей системой, а другой – с репрезентируемым объектом. Поэтому каузальный анализ ментального содержания сознания выявляет в нем два структурных аспекта – феноменальный (обусловленный в отношении чувственного контента действием со стороны репрезентирующей системы и в отношении интеллектуального контента действием со стороны репрезентируемого объекта) и интенциональный (обусловленный действием со стороны репрезентируемого объекта). Чувственные квалиа, которые имеют субъективный характер, зависят от устройства и функционирования мозга. Интеллектуальные конструкции, которые имеют интерсубъективный характер, с одной стороны, зависят от репрезентирующей системы (поскольку генерируются мыслительной активностью и сопровождаются чувственным контентом), а, с другой стороны, зависят от репрезентируе-

мого объекта (поскольку репрезентируют его сущностные характеристики и позволяют делать выводы об объективном бытии внешнего мира). Интенциональное содержание, которое имеет объективный характер, зависит от сущности и бытия репрезентируемого объекта. В отдельных случаях интенциональные состояния обусловливаются не внешним репрезентируемым объектом, а имманентными структурами самой репрезентирующей системы (которые в системе каузальных связей занимают место внешнего репрезентируемого объекта), за счет чего формируется слой виртуальной реальности (например, в виде снов и галлюцинаций), а также происходит мыслительная активность, абстрагированная от объективно существующего мира.

§ 2. Приватность ментальных феноменов и методологическая проблема сознания

Сознание – это всегда чье-то сознание, и, значит, никто, кроме сознающего субъекта, не может иметь непосредственного доступа к переживаемым субъективно-ментальным феноменам. Научно-материалистическое понимание мира сталкивается с трудностями, пытаясь объяснить, почему отдельная личность осознает себя в своем собственном уникальном бытии, отличном от бытия окружающих вещей. Другими словами, почему я – это именно я? По этому поводу британский философ С. Прист замечает: «Мне представляется, что чье-либо собственное существование является в совершенно определенном смысле “чудом”. Оно не нарушает никаких законов природы, но оно и не должно объясняться в их терминологии»[36].

Исходя из феноменальной наполненности сознания, переживаемой изнутри, вслед за американским философом Т. Нагелем можно сказать, что ментальное состояние – это такое состояние, в отношении которого имеет смысл спрашивать, *каково это* – находиться в данном состоянии. В своей статье «Каково это быть летучей мышью?» («What is it like to be a bat?») он пишет: «Каковы бы ни были

[36] Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 204.

формы сознания (на Земле и в космосе), тот факт, что организм имеет сознательный опыт вообще, означает, что существует нечто, что значит быть этим организмом… организм имеет сознательные ментальные состояния, если и только если существует нечто, что значит быть этим организмом для самого этого организма. Мы можем назвать это субъективным характером опыта»[37].

Субъективно-приватная специфика ментальных феноменов, подчеркивающая *данность от первого лица*, делает их принципиально отличными от физических феноменов, которые существуют объективно и обладают *данностью от третьего лица*. Вопрос о том, что представляет собой данная физическая вещь, имеет смысл для любого разумного существа, способного к восприятию и познанию, поскольку оно может исследовать ее физические свойства. Однако вопрос о том, что представляет собой во внутреннем феноменальном составе переживание конкретного субъекта, имеет смысл только для самого этого переживающего субъекта, тогда как для прочих субъектов оказываются доступными лишь физические явления, сопровождающие исследуемое переживание, но само последнее во внутреннем феноменальном составе может быть исследовано ими лишь по аналогии на основе своих собственных переживаний, данных от первого лица.

Кроме этого, субъективно-приватная характеристика ментального опыта позволяет отличать сознание от бессознательных психических состояний, ибо бессмысленно спрашивать, например, каково это – переживать красный цвет или испытывать стыд в бессознательном состоянии. Можно говорить о том, каково это – переживать на сознательном уровне психики манифестацию бессознательного стыда, но сам по себе бессознательный стыд в своей внутренней феноменологии не переживается как нечто психологически определенное. Феноменология сознательного опыта отличается не только от феноменологии нейронных процессов, протекающим в головном мозге человека, но и от феноменологии бессознательных переживаний, ибо в противном случае мы получаем логически противоречивое понятие бессознательного сознания.

---

[37] Philosophical Review. 1974. № 83. P. 439.

Всякое ментальное событие приватно и переживается в непосредственном опыте единственным субъектом, тогда как остальные субъекты имеют доступ лишь к физическим процессам, которые сопровождают рассматриваемое ментальное событие. Проникнуть во внутренний мир другого человека на феноменальном уровне сознания невозможно ни при каких условиях, хотя на интенциональном уровне сознания мы способны формировать репрезентативную картину внутренней субъективно переживаемой жизни другого человека. Если предположить, что в будущем научные технологии позволят подключаться к головному мозгу другого человека, чтобы можно было переживать именно то, что переживает он (например, воспринимать его сновидения), то все равно индуцированные переживания будут не переживаниями индуктора (т.е. субъекта, передающего информацию), а переживаниями реципиента (т.е. субъекта, получающего информацию) с присущими им качествами приватно-индивидуального сознания. Мы можем научиться, сканируя мозг человека и оцифровывая полученную информацию, инкорпорировать ее в мозг другого человека, но сознание при этом останется принципиально не транслируемым, поскольку оно принадлежит именно данному субъекту, а не какому-либо другому, и, став сознанием другого субъекта, утратит субъективный характер, привязывающий его к субъекту, с которого снимается копия в результате межличностной трансляции. Другими словами, можно передать вещь, эмоцию, убеждение, идею от одного субъекта к другому, но невозможно передать сознание, которое неотделимо от субъекта и составляет сущность его ментального бытия.

Нетранслируемость (онтологическая замкнутость) сознания остается неустранимой преградой на пути к его объективному познанию и логически ведет к установке солипсизма, ибо монадоподобная изолированность субъекта не позволяет ему никакими доступными средствами убедиться в реальном существовании внешнего мира. В частности, британский философ, логик и математик Б. Рассел замечает, что «солипсистская альтернатива не может быть опровергнута посредством дедуктивного доказательства, если только мы исходим из того, что я буду называть “гипотезой эмпиризма”, а именно из того, что мы знаем без выводов, со-

стоит исключительно из пережитого нами в опыте (или, точнее, из переживаемого в настоящем) и из принципов дедуктивной логики. Но мы не можем знать, истинна ли гипотеза эмпиризма, поскольку знание этого было бы таким знанием, которое сама гипотеза запрещает»[38]. Чтобы справиться с данной эпистемологической проблемой, современные концепции сознания либо подрывают его персональную принадлежность (как это происходит, например, в функционализме и бихевиоризме, где одно и то же сознание может быть реализовано на множестве физических носителей), либо объективируют сознание в виде определенного свойства материальных систем (как это наблюдается, например, в эмерджентизме и диалектическом материализме, где сознание представляет собой высокоуровневое свойство нейронных сетей головного мозга).

В ряде философских концепций сознания, например, в панпротопсихизме и неорасселовском монизме, противопоставление субъективного и объективного сводится к противопоставлению внутреннего и внешнего. В рамках такого подхода субъективное оказывается внутренней стороной объективного, а объективное – внешней стороной субъективного. При этом возникает проблема, которая заключается в том, что границу внутреннего невозможно локализовать во внешнем, поскольку иначе внутреннее растворяется во внешнем или, в лучшем случае, становится формой его существования, тогда как субъективное не может быть формой существования объективного за счет своей принципиальной необъективируемости, по крайней мере, в отношении сознания. Если мы не можем непосредственно наблюдать какое-то сущее, то это еще вовсе не означает, что оно не объективируемо, но если для объяснения наблюдаемых эффектов совсем не обязательно вводить какие-то дополнительные сущности, то последние не являются объективируемыми. Например, мы никогда не видели и никогда не увидим субатомные частицы, но мы заключаем об их объективном существовании по эффектам, которые они производят в пузырьковой камере или камере Вильсона. Однако совершенно иная ситуация возникает, когда мы исследуем ментальные переживания, ибо внешнее поведение человека вполне можно объяснить без апелляции к субъек-

[38] Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. Киев: Ника-Центр, 1997. С. 162.

тивному опыту с помощью одних лишь физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) закономерностей. Если бы исследователи не обладали субъективным опытом, то и не предположили бы, что испытуемые обладают чем-то подобным, когда демонстрируют определенный тип поведенческих реакций. Иными словами, наши умозаключения во внешнем знании о бытии ментальных феноменов обусловливаются внутренним знанием об их приватном бытии, и если бы этого внутреннего знания не существовало, то и не существовало бы самих исследуемых феноменов.

Таким образом, анализ субъективности сознания приводит к двум основным вариантам онтологии ментального сущего. В первом варианте мы признаем существование субъективного опыта как данного от первого лица и не объективируемого для третьего лица, но тогда остается непонятным, каким образом субъективное сознание может возникать в объективно существующем физическом мире без вмешательства нефизических сил, поскольку физические системы могут обладать только физическими свойствами, а физические причины могут вызывать только физические следствия. Во втором варианте мы не признаем существование субъективного опыта как данного от первого лица и не объективируемого для третьего лица, но тогда психические феномены (цвета, звуки, запахи, вкусовые и тактильные ощущения) могут быть обнаружены благодаря сканированию головного мозга в своем внутреннем феноменальном составе, а не в виде соответствующего им нейрофизиологического, биохимического или биоэлектрического кода, что приводит нас к отрицанию уникальной онтологии сознания (если в рассматриваемом контексте мы отождествляем кодируемое и кодирующее в плане их материальной сущности) или к идеалистическим теориям сознания (если в рассматриваемом контексте мы наделяем кодируемое нематериальной сущностью наряду с его объективно фиксируемым бытием в форме кодирующей материальной структуры).

На первый взгляд, может показаться, что приписывание ментальному опыту отличительного признака в форме данности от первого лица является недопустимым, поскольку, как замечает Д.В. Винник, «интерпретация способа наблюдения

в качестве свойства наблюдаемого не корректна с точки зрения логики»[39]. Однако особенностью бытия ментальных феноменов является как раз то, что они существуют лишь постольку, поскольку наблюдаемы изнутри, и поэтому говорить об их существовании вне подобного наблюдения бессмысленно. Таким образом, способ наблюдения ментальных феноменов является формой их ментального бытия, что и оправдывает на уровне сознания интерпретацию способа наблюдения как свойства наблюдаемого сущего.

Приватность сознания означает его уникальность, ибо ментальные переживания разных субъектов в отличие от физических вещей не могут быть тождественными во всей своей совокупности свойств, которыми они характеризуются. Если два электрона находятся в одном и том же квантовом состоянии, то они фактически представляют собой одно и то же материальное тело, поскольку между ними не существует никаких идентифицируемых различий. Однако подобные рассуждения не работают в плане ментальных феноменов, ибо если мы соберем копию физического тела человека с точностью до элементарных частиц, то в результате получим два нетождественных сознания, которые будут отличаться друг от друга в силу своего приватно-индивидуального бытия. Сознание нельзя разделить между несколькими физически тождественными субъектами, поскольку каждый из них осознает именно себя самого, и это делает его отличным от всех своих физических дублей. Когда я осознаю себя, то осознаю себя как именно себя самого, и если моя физическая копия тоже осознает себя как именно себя самого, то наши ментальные переживания все равно различаются в том, что каждый из нас осознает именно себя самого, а не другого.

В физическом мире существуют только физические тела, обладающие физическими свойствами. Сознание не есть физическое тело, поскольку всякое физическое тело существует объективно и обладает данностью от третьего лица, тогда как сознание существует субъективно и обладает данностью от первого лица. Сознание также не есть и физическое свойство, потому что любое свойство, в том

---

[39] Винник Д.В. Физическая и функциональная природа ментальных свойств и состояний: Автореф. … дис. д-ра филос. наук. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 23.

числе и физическое, имеет всеобщий характер, а сознание индивидуально, приватно и переживаемо изнутри единственным субъектом. Отсюда вытекает *методологическая проблема*, которая обусловливается тем, что сознание, будучи субъективным феноменом, не принадлежит физическому миру и не может быть исследовано объективно-научными средствами. Для каждого человека, обладающего сознанием, сам факт, что он обладает сознанием, открывается с эвиденциальной достоверностью и не требует специальных доказательств, но как только мы пытаемся убедить кого-то другого, используя научную и философскую аргументацию, что мы тоже обладаем сознанием, так сразу же сталкиваемся с методологическими трудностями. Английский психолог и философ М. Велманс в своей статье «Как отличить концептуальные моменты от эмпирических при изучении сознания» подчеркивает, что «если исследовать мозг извне, то не будет заметно признаков субъективного опыта. Так же для объяснения наблюдаемой нервной активности не нужно прибегать к существованию субъективного опыта. То же самое будет верно, если представлять мозг в терминах теории систем. Стоит только достаточно подробно описать в процедурных терминах, например, в терминах требуемого процесса обработки информации, в рамках системы процесс, необходимый для выполнения данной функции, как уже не нужно добавлять “внутреннюю сознательную жизнь” для того, чтобы система работала»[40].

Не существует объективного критерия, с помощью которого можно доказать наличие внутренней субъективно переживаемой жизни у конкретного человека. Тем не менее, мы говорим, что существует ряд признаков, с помощью которых мы определяем, обладает данный человек сознанием или не обладает. Например, мы указываем на поведенческие реакции и параметры электроэнцефалограммы головного мозга, но при этом возникает эпистемологическое противоречие, поскольку научные методы не позволяют достоверно установить соответствие между объективными данными, полученными в эксперименте, и субъективным бытием сознания. Действительно, объективные данные мы фиксируем с помощью прямого наблюдения или специальной аппаратуры, но установить их кор-

[40] Методология и история психологии. 2009. Том 4. Вып. 3. С. 50-51.

реляцию с наличием ментальных феноменов мы можем лишь по вербальному отчету испытуемых, занимающихся интроспекцией, тогда как интроспективный отчет в рамках такого исследования носит субъективный характер и не тестируется объективно-научными средствами.

Прояснение психофизической корреляции не решает онтологическую проблему сознания. Отечественный специалист в области нейронауки и психолингвистики Т.В. Черниговская в своей статье «Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть» соглашается, что «нет никаких оснований для утверждения, что физическое не сопутствует ментальному, вопрос в том – *как*»[41]. Однако далее она утверждает: «Параллельное описание нейрофизиологических процессов и ментальных состояний, ими вызываемых или им сопутствующих, никак не помогает ответить на вопрос, как поведение нейронной сети порождает субъективные состояния, чувства, рефлексию и другие феномены высокого порядка»[42]. По мнению американского нейробиолога А. Дамасио, современная когнитивная наука «объединяет в себе поведение, психику и мозг»[43]. И.В. Черникова и Д.В. Черникова в совместной статье «Проблема сознания в философии и когнитивной науке» также подчеркивают, что когнитивные исследования устанавливают взаимодействие мозга, мышления и языка[44]. Поэтому в рамках современной когнитивной науки проясняется корреляция между психическими и физическими процессами, но остается без ответа вопрос, связанный с тем, как становится возможным, что физические процессы выступают в качестве причины возникновения нефизических (психических) процессов и почему психические процессы порождаются физическими именно в той квалитативно обусловленной форме, в какой мы их субъективно переживаем. Данное положение дел нисколько не умаляет роли когнитивной науки в понимании ментальных феноменов, но необходима новая концептуальная идея, которая обеспечила бы обоснованный переход от ментального к физическому и обратно от физического к ментальному без онтологического скач-

---

[41] Проблема сознания в философии и науке. М.: ИФ РАН, «Канон+», 2008. С. 144.
[42] Там же. С. 144.
[43] Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. С. 32.
[44] Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 107.

ка, остающегося неразрешимой загадкой. Именно эта концептуальная идея позволила бы искать и анализировать в когнитивных исследованиях (на нейронном и поведенческом уровнях) физические процессы и их специфические свойства и характеристики, отвечающие за возникновение переживаемого изнутри субъективного опыта. Таким образом, в рамках решения проблемы бытия сознания, как замечает Т.В. Черниговская в своей статье «Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть», «синтез гуманитарного и естественнонаучного знания является не факультативной декорацией и данью моде, а необходимым условием научного прогресса»[45].

Говоря строго, наличие ментального опыта у других людей является предметом веры или, в лучшем случае, умозаключением по аналогии, что не позволяет сознанию попасть в фокус объективно-научного исследования. Ученые с успехом изучают когнитивные функции, такие, например, как мышление, восприятие, воображение и память, но сознание остается за пределами научной интенции, поскольку на сегодняшний день не известны законы и признаки, которые запрещали бы этим когнитивным функциям реализовываться на бессознательном уровне бытия. С помощью объективно-научных методов мы исследуем нейронные процессы, которые в головном мозге человека сопровождают приватно-субъективный опыт, но последний в своем феноменальном содержании не сводится к процессам нейронного характера, и поэтому их объективно-научное исследование нерелевантно исследованию ментальных феноменов.

Таким образом, изучение сознания как приватно-субъективного феномена невозможно без интроспективного метода. Однако возникает закономерный вопрос: можно ли интроспекцию считать научным методом, если предмет интроспективного отчета остается доступным единственному субъекту, осуществляющему интроспекцию? Человек может говорить, что ему больно, но никто другой, кроме него самого, в действительности не понимает, что значит, что ему больно, поскольку для каждого человека переживание боли в определенной ситуации

[45] Проблема сознания в философии и науке. М.: ИФ РАН, «Канон+», 2008. С. 149.

специфично и индивидуально. Если же кто-то никогда не испытывал боли, то он в принципе не может понять, каково это – испытывать боль.

Когда в 1879 году в Лейпциге В. Вундт основал первую лабораторию для экспериментального изучения психических явлений, то в качестве научного метода использовал интроспекцию как осознанное наблюдение субъекта за своей внутренней жизнью. Чтобы интроспекция стала объективно-научным методом, В. Вундт предложил отличать ее от простого самонаблюдения, которое стихийно и не имеет последовательности специфических процедур. Одним из первых, кто оспорил научность интроспекции, был американский психолог и философ У. Джеймс, который заметил, что интроспективный анализ должен обнаруживать сознание, занятое интроспекцией, и ничего более он обнаружить не может. В ответ на это В. Вундт подчеркнул, что интроспективный метод имеет дело не с самим исследуемым феноменом, а с воспоминанием о его присутствии в психическом опыте испытуемого. Поэтому точность и правильность интроспекции напрямую зависит от тренировки памяти. Однако, как замечает А. Боно в своей статье «Психологическая наука», «в интроспективном методе Вундта объектом наблюдения или интерпретации было содержание индивидуального сознательного опыта наблюдателей, обученных давать аналитические интерпретации своему опыту; то есть этот метод был, безусловно, субъективной процедурой. По-видимому, программа Вундта разбилась именно об эту субъективность»[46]. Впоследствии Э. Гуссерль попытался оправдать интроспекцию как метод научного исследования за счет ретенциональной способности сознания, благодаря которой мы можем какое-то время удерживать психическое переживание как оно есть в поле осознанного внимания, что позволяет достоверным образом описывать фундаментальные структуры психического опыта.

Английский философ Г. Райл, сторонник логического бихевиоризма, продолжая критику интроспективного метода, утверждает, что интроспекция является самопротиворечивым понятием[47]. Действительно, интроспективный акт распа-

---

[46] Психологическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2006. С. 673.
[47] Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 166-167.

дается на два психических акта, один из которых фиксирует интенциональное единство, тождественное предмету интроспективного наблюдения, а другой фиксирует интенциональное единство, тождественное предмету наблюдаемого психического акта. Но если занятый интроспекцией субъект понимает, что он занимается интроспекцией, то к двум психическим актам прибавляется третий, который фиксирует интенциональное единство, тождественное предмету осознания самого интроспективного акта. В итоге возникает редукция в бесконечность, которая делает логически невозможным интроспективное исследование ментальных феноменов, т.е. в данном случае критика интроспекции сводится уже не к ее субъективной природе или практической невозможности достигнуть цели, которую пытаются достигнуть в рамках научного исследования (как это утверждает Джеймс), а к логической самопротиворечивости понятия. Д. Серл также обрушивается с критикой на интроспективный метод исследования психики: «Любая присущая мне интроспекция моего собственного сознательного состояния сама есть это сознательное состояние. … В силу этого сама идея того, что мог бы быть особый метод исследования сознания, а именно “интроспекция”, которая, как полагают, есть нечто вроде внутреннего наблюдения, была изначально обречена на неудачу, и потому нет ничего удивительного в том, что интроспективная психология потерпела банкротство»[48].

Однако все эти возражения теряют силу, если учесть, что внутреннее знание становится возможным лишь благодаря интроспекции, и никакие когнитивные процедуры, осуществляемые на уровне внешнего знания не открывают доступ к феноменальному содержанию психики. В частности, немецкий философ и культуролог Э. Кассирер в своей статье «Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры» пишет: «Можно критиковать чисто интроспективную позицию, считая ее недостаточной, но нельзя запретить или просто игнорировать ее. Без интроспекции, без непосредственного значения чувств, эмоций, восприятий, мыслей, ощущений мы вообще не могли бы определить сферу человеческой пси-

[48] Серл Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 105.

хологии»[49]. Игнорируя интроспективный метод, нельзя изучать сознание, хотя и можно изучать иные психические способности (например, мышление, восприятие, воображение и память), которые проявляются на бессознательном уровне бытия и чья активность может быть сведена к последовательности операций без внутреннего феноменального содержания. Исследование, лишенное интроспективной компоненты, позволяет изучать феномены поведенческого характера, от которых нельзя с необходимостью умозаключить о наличии сознания и его сущностных свойствах, ибо логически допустимо, что они могут оказаться не проявлением последнего, а лишь имитацией ментальных состояний. Робот может демонстрировать поведение, идентичное поведению человека, который мыслит, воспринимает, воображает или вспоминает, но при этом он не будет обладать сознанием и ему не будет присущ внутренне переживаемый ментальный опыт.

Прояснение психофизической корреляции, которая позволяет, исходя из объективно наблюдаемых процессов, делать выводы о субъективной стороне бытия, предполагает исследование в двух направлениях – внешнем и внутреннем, и только одного внешнего исследования оказывается недостаточно. Когда я что-то переживаю, то, безусловно, веду себя определенным образом и внутри моего тела протекает множество процессов физического порядка, но вместе с тем ни поведенческие реакции, ни физические процессы сами по себе не позволяют внешнему наблюдателю понять, что именно я переживаю и каково это – находиться в том психическом состоянии, в котором я нахожусь, если рассматриваемый наблюдатель не имеет соответствующих переживаний. Из поведения и физических процессов, лежащих в онтологической основе ментального опыта, нельзя дедуктивно вывести феноменальный контент последнего, но можно лишь эмпирически соотнести внешнюю и внутреннюю сторону бытия переживающего субъекта.

Отсюда, в частности, следует вывод, что сознание не является высокоуровневым свойством физических систем, ибо из физической (нейрофизиологической, биохимической и биоэлектрической) сущности процессов, протекающих в головном мозге человека, нельзя априорно (дедуктивно) вывести ментальную сущность

[49] Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 4.

сознания, но можно установить психофизическую корреляцию, сравнивая физические показатели нейронной активности мозга и соответствующие им интроспективные данные. Физические свойства системы, состоящей из множества взаимодействующих элементов, являются ее высокоуровневыми свойствами постольку, поскольку априорно (дедуктивно) выводятся из поведения взаимодействующих элементов при условии, что мы знаем все соответствующие ему законы физического бытия (в противном случае нарушается полнота физики и бытийная целостность физического мира, а вместе с этим и закон сохранения физической энергии), но аналогичные рассуждения неприменимы к ментальному опыту. Правильно говорить не о том, что физические события, происходящие в головном мозге человека, являются причиной ментальных переживаний (подобно тому, как поведение материальных частиц, образующих сложную физическую систему, является причиной ее высокоуровневых свойств, таких, например, как температура или вязкость), а о том, что одновременно с физическими событиями, происходящими в головном мозге человека, случаются события ментального порядка. Таким образом, закономерная взаимосвязь между физическими и ментальными событиями носит не априорный, а апостериорный характер, и поэтому невозможно объективно-научными средствами исследовать сознание без субъективного отчета испытуемых, по крайней мере, на этапе установления самой психофизической корреляции.

§ 3. Эвиденциальность и символичность сознания[50]

В современной аналитической философии сознания широко используется понятие *бессознательного зомби* для указания на гипотетическое существо, которое «является абсолютной функциональной и физической копией человека… ведет себя как человек (рассказывает о себе, смеется, ест, спит и т.п.), но при этом лишено сознания, внутренняя жизнь отсутствует, все процессы происходят “в

[50] Результаты исследования были опубликованы в статье: Черепанов И. В. Эвиденциальность и символичность сознания // Научное мнение. Педагогические, психологические и философские науки. 2017. № 6. С. 32-38.

темноте”»[51]. Иными словами, бессознательный зомби структурно и функционально идентичен сознающему человеку, но в отличие от него не имеет соответствующей феноменологии переживаемых психических состояний. В отношении обладающего сознанием человека вопрос о том, каково это – быть сознающим существом, имеет определенный смысл, тогда как в отношении бессознательного зомби вопрос о том, каково это – быть бессознательным зомби, оказывается лишенным смысла. Существование бессознательного зомби как сложно устроенной физической системы можно допустить, не впадая в противоречие с известными законами физики, откуда следует, что понятие сознания в его феноменальном контенте не выводимо из понятий, описывающих функционирование телесного носителя ментальных состояний на физическом уровне бытия. Более того, физикалистская картина мира допускает лишь существование бессознательных зомби, тогда как появление сознающих субъектов не может быть объяснено свойственными ей эвристическими средствами. Для существ, не обладающих ментальным опытом и существующих в качестве бессознательных зомби, никакие описания ментальных переживаний и никакие ссылки на физические (нейрофизиологические, биохимические или биоэлектрические) закономерности и кодовые зависимости не позволят понять, что по сущности представляет собой сознание, переживаемое изнутри.

Таким образом, понятие сознания, будучи не выразимым через физические термины и не выводимым априорно (дедуктивно) ни из каких закономерностей нейронного порядка, является первичным, базовым понятием, смысл которого схватывается интуитивно (интроспективно) с эвиденциальной достоверностью. Если мы имеем осознаваемое переживание, то не нуждаемся ни в каких доказательствах, что мы его действительно переживаем, по крайней мере, в той форме, в какой оно переживается (хотя вопрос о сущности и адекватности осознаваемого переживания остается открытым, но лишь постольку, поскольку это касается уже не сознания как такового, а перцептивной и мыслительной активности субъекта).

[51] Нагуманова С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань: Издательство Казанского университета, 2011. С. 75.

Например, субъект, воспринимающий озеро, может сомневаться в том, действительно ли перед ним находится озеро, которое он видит, но нет никаких оснований сомневаться, что он действительно переживает в ментальном опыте визуальный образ озера. Человек, испытывающий радость, может сомневаться, существуют ли объективные причины для переживания радости, но бессмысленно сомневаться, действительно ли он переживает радость в своем непосредственном субъективном опыте на сознательном уровне бытия или же она ему только кажется (хотя в опосредованном субъективном опыте на бессознательном уровне бытия под радостью может скрываться другое эмоциональное состояние). Иными словами, разделение на действительно существующие и иллюзорные феномены имеет смысл лишь в отношении внешнего мира и бессознательной психики, тогда как в ментальном опыте психические переживания несомненно переживаются и не могут не переживаться в то самое время, когда они переживаются, и в том самом виде, в каком они переживаются. Ментальному опыту, продуцирующему иллюзию, может и не соответствовать никакое реально существующее сущее, но вместе с этим сам по себе кажущийся феномен очевидным образом существует как именно кажущийся в психическом опыте воспринимающего субъекта. Поэтому ментальные переживания даны сознающему субъекту в своем феноменальном содержании с эвиденциальной достоверностью (интуитивной очевидностью).

С другой стороны, по своему психическому содержанию ментальные феномены не всегда представляют собой в точности то же самое, чем они кажутся сознающему субъекту, что обусловливает их символический характер. В ряде ситуаций они символически отсылают к бессознательному материалу, который не совпадает с тем, что переживается субъектом на сознательном уровне бытия. Мы можем обманываться относительно наших подлинных чувств, желаний и мыслей, в результате чего возникает псевдочувствование, псевдожелание и псевдомышление. Анализируя псевдобытие человека, Э. Фромм пишет: «Содержание наших мыслей, чувств и желаний бывает индуцировано извне, не является своим собственным настолько часто, что эти псевдоакты, пожалуй, являются правилом, а

исключение составляют подлинно самобытные мысли и чувства»[52]. Такое положение дел означает, что, во-первых, имея определенные чувства, мы можем чувствовать в действительности совсем не то, что чувствуем на сознательном уровне бытия, во-вторых, имея определенные желания, мы можем желать в действительности совсем не того, чего желаем на сознательном уровне бытия, и, в-третьих, имея определенные убеждения, мы можем придерживаться в действительности иных убеждений, не принадлежащих сознательному уровню бытия. За страхом может скрываться любовь, за обидой – зависть, а за физиологической тошнотой – переживание бессмысленности жизни. Поэтому сознание – это ментальный символ бессознательного, а бессознательное – это латентное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания.

Здесь возникает нетривиальная проблема, связанная с тем, можно ли вообще говорить о бессознательном бытии как о бытии психического порядка, т.е. о таком бытии, которое в отличие от физического, обладает своей уникальной онтологией и феноменологией, не сводимой к онтологии и феноменологии физического сущего. Иными словами, существуют ли в действительности бессознательные чувства, желания и мысли, и не являются ли они по сущности лишь совокупностью нейронных процессов, которые не осознаются? Находясь в состоянии гипнотического транса, человек может смеяться и говорить, что его жизнь наполнена смыслом, но оправданно ли при этом утверждать, что ему присуща эмоция радости в ее чувственном содержании и он понимает смысл своей жизни в его рационально-интеллектуальном содержании или же, пребывая в бессознательном трансе, он лишь демонстрирует поведенческую реакцию, проявляемую через последовательность телесных символов? Французский философ, математик и физик Нового времени Р. Декарт сказал бы, что такие высказывания недопустимы, ибо никакой бессознательной психики не существует, и вне ментальной сферы бытия наличествуют лишь телесно-физические процессы. С подобной точкой зрения не согласился бы другой представитель Нового времени немецкий философ, математик и физик Г. Лейбниц, который полагает, что «если бы в наших представлениях

[52] Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. С. 198.

не было ничего ясного и, так сказать, выдающегося и ничего более высокого разряда, то мы постоянно находились бы в бессознательном состоянии»[53]. Современные психоаналитики, опираясь на исследования австрийского психолога, психиатра и невролога З. Фрейда и его последователей (А. Адлера, Г. Мюррея, В. Райха, О. Ранка, Э. Фромма, К. Хорни, К. Юнга и др.), также убеждают нас, что мы имеем психические переживания, которые существуют за пределами ментального опыта. Если это, действительно, так и психоаналитики правы, то возникает закономерный вопрос: чем переживания, существующие на бессознательном уровне бытия, по своему психическому контенту отличаются от переживаний, существующих на уровне сознания?

Прежде всего, следует заметить, что символичность сознания (внутреннего знания) необходимо отличать от символичности познания (внешнего знания), которая сводится к тому, что репрезентирующее символически указывает на репрезентируемое, и поэтому, с одной стороны, всякое репрезентирующее может быть рассмотрено в отрыве от репрезентируемого как именно репрезентирующий конструкт, а, с другой стороны, всякое репрезентируемое может быть представлено в виде разных репрезентирующих символов. Символическая природа познания (внешнего знания) указывает на бытийное неравенство репрезентирующего конструкта и репрезентируемого явления несмотря на то, что первое используется для указания на второе и поэтому в логическом отношении признается ему тождественным, тогда как символическая природа сознания (внутреннего знания) означает его собственную сущностную несамотождественность. Психическое переживание может отличаться от себя самого, когда, например, человек осознает, что испытывает ненависть, в то время как, на самом деле, испытывает любовь, т.е., переживая ненависть, он переживает любовь, и поэтому собственно то, что он переживает, ни логически, ни онтологически не является себе тождественным.

В восприятии и мышлении (во внешнем знании) всегда наличествует структурная расщепленность на репрезентирующее содержание и репрезентируемый предмет, которые, вообще говоря, могут и не соответствовать друг другу. Напри-

[53] Г. Лейбниц. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1982. С. 419.

мер, визуальный образ вещи может не соответствовать самой воспринимаемой вещи, а интеллектуальный конструкт, посредством которого осмысляется ситуация, может не соответствовать самой осмысляемой ситуации. В отличие от этого осознаваемое содержание тождественно предмету осознания, поскольку феномены ментального опыта раскрываются в своей непосредственной данности (например, переживаемый красный цвет раскрывается через само переживание красного цвета, тогда как воспринимаемая вещь раскрывается через визуальный образ, не тождественный самой воспринимаемой вещи в ее интенционально полагаемом предметном единстве), т.е. на уровне сознания репрезентируемая предметность совпадает с репрезентирующим содержанием.

С целью прояснения данного положения дел заметим, что в отношении характера взаимосвязи между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием психического акта символы могут быть информационными и экзистенциальными. *Информационные символы* устанавливают соответствие между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием при условии, что последнее является *инобытием* первого (например, фотография является информационным символом вещей, которые на ней изображаются, или текст является информационным символом событий, которые в нем описываются). В отличие от этого *экзистенциальные символы* устанавливают соответствие между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием при условии, что последнее является *бытием* первого (например, в индивидуальном опыте субъекта любовь может быть бытием ненависти, или, наоборот, ненависть может быть бытием любви, т.е. любовь может существовать в виде ненависти, а ненависть – в виде любви).

Неправильно утверждать, что вещь существует в виде фотографии или событие – в виде текста, поскольку в аналогичных ситуациях репрезентируемый объект и репрезентирующее содержание онтологически отличны и существуют независимо друг от друга, но, тем не менее, между ними наблюдается определенная связь, которая позволяет делать истинные суждения о репрезентируемом объекте на основе репрезентирующего содержания. Поэтому в данном случае нужно

говорить не о бытии, а об инобытии репрезентируемого объекта в виде репрезентирующего содержания. Однако любовь субъекта может существовать в виде ненависти, поскольку в аналогичных ситуациях репрезентируемый объект и репрезентирующее содержание слиты в единое онтологическое целое и не существуют независимо друг от друга. В контексте эмоционального состояния субъекта его любовь на данный момент времени не проявляется в виде ненависти подобно тому, как вещь проявляется в виде фотографического изображения, а она и есть сама эта ненависть со всеми ее эмоциональными оттенками и сопровождающими их смысловыми интенциями. В рассматриваемом примере любовь можно отделить от ненависти лишь абстрактно как некую идею, которая описывает множество сменяющих друг друга эмоциональных состояний субъекта в их логическом единстве, но если мы произведем такую сепарацию на уровне конкретного переживания, то само оно сущностно трансформируется и уже не будет тем, чем оно было до сепарирующего акта, тогда как уничтожение вещи никак не повлияет на ее фотографию, а уничтожение фотографии никак не повлияет на вещь. Поэтому в данном случае нужно говорить уже не об инобытии, а именно о бытии репрезентируемого объекта в виде репрезентирующего содержания. Сознание – это экзистенциальный символ бессознательного, а бессознательное – это экзистенциальное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания.

Таким образом, мы можем постулировать *принцип топографического единства*, который заключается в бытийной неразделимости сознательной и бессознательной психики. Сознательное существует лишь во взаимосвязи с бессознательной подложкой, а бессознательное существует лишь во взаимосвязи с интерпретирующими актами, которые на сознательном уровне бытия вскрывают бессознательный контент.

Во внешнем знании ментальное, демонстрируя свою информационно-символическую природу, репрезентирует сущее, которое находится за его онтологическими пределами. Во внутреннем знании как именно знании также сохраняется разделение на познаваемое и собственно то, посредством чего познаваемое познается. Следовательно, сознание в качестве внутреннего знания должно имма-

нентным образом содержать, во-первых, нечто явное, открытое и, во-вторых, нечто неявное, скрытое, что является и выражается посредством явного, открытого контента. Первое представляет собой ментальную сферу психического бытия сознающего субъекта, а второе – бессознательную сферу психического бытия сознающего субъекта. Иными словами, сознание в себе самом заключает внешнюю и внутреннюю стороны, поскольку иначе оно утрачивает свои репрезентативные качества и перестает быть собственно репрезентацией. Таким образом, во-первых, сознательное неотделимо от бессознательного, ибо в противном случае во внутреннем знании более уже не репрезентируется ничего предметного, и, во-вторых, бессознательное неотделимо от сознательного, ибо в противном случае все собственно психическое (данное изнутри) исчезает, а остается одно лишь физическое (данное извне).

Идея онтологического единства сознательной и бессознательной психики обнаруживается уже в философии Г. Лейбница. В своей вводной статье к собранию сочинений немецкого философа В.В. Соколов следующим образом характеризует его понимание бессознательной сферы психики: «Бессознательные представления… есть наименьшая степень рефлектирующего сознания»[54]. Однако с этой точкой зрения не соглашаются многие ведущие ученые современности. На всероссийской научной конференции «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе», которая состоялась в марте 2012 г. в Институте философии РАН, академик В.А. Лекторский подчеркнул, что следует отбросить принимавшееся классической философией и психологией отождествление психики с сознанием и необходимо исследовать психические феномены, которые не сопровождаются сознанием[55].

Американский нейробиолог, психолог и невролог А. Дамасио полагает, что «наделенная сознанием психика возникает тогда, когда к базовым психическим процессам добавляется процесс самости»[56]. Сначала возникает бессознательная психика, а затем в процессе формирования самости она поднимается до уровня

[54] Г. Лейбниц. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1982. С. 59.
[55] Вопросы философии. 2012. № 10. С. 171.
[56] Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. С. 20.

сознания. По данной теме А. Дамасио пишет: «Если в ментальном потоке имеются упорядоченные образы, возникает психика, но без некоторых дополнительных процессов психика эта будет лишена сознания»[57]. Однако психический образ, будучи именно психическим, обладает качеством переживаемости изнутри, поскольку в противном случае он становится лишь совокупностью данных извне физических процессов, протекающих в головном мозге, которые не обладают собственно психическими свойствами. Видеокамера фиксирует последовательность дискретных изображений окружающей обстановки в аналоговом или цифровом режиме, но ей самой не присущи никакие психические (визуальные) образы (которые в сознании благодаря стробоскопическому эффекту образуют непрерывно-динамическую целостную картину), ибо она не содержит в себе ничего такого, что не могло бы быть обнаружено во внешнем знании с помощью объективных методов науки. Головной мозг вместе с органами зрения может работать в режиме видеокамеры, но если процессам визуального восприятия не присущи ментальные свойства, то они, по сути, ничем не отличаются от процессов нейрофизиологического порядка и, значит, не могут быть противопоставлены им как качественно новые (психические) феномены. А. Дамасио утверждает, что бессознательной психике в отличие от сознания субъективность не присуща, но тогда бессознательная психика уже не является собственно психикой. В данном случае суть рассматриваемой проблемы сводится не просто к определению терминов, а собственно к тому, что психические феномены качественно не тождественны физическим и не могут быть к ним полностью редуцированы без потери сущностных характеристик.

Поэтому можно согласиться с Р. Декартом, что сознание является необходимым условием психического бытия, и если оно отсутствует, то не наблюдается никакой собственно психической активности. Однако сознание не исчерпывает всей глубины психического бытия, и следует признать наличие иного, бессознательного, уровня психики, который сопровождает сознание и образует с ним единое онтологическое целое. Значит, продолжая аналогию между сознанием и «све-

[57] Там же. С. 23.

том», можно сказать, что не бывает психических состояний, в которых интенсивность «света» падает до нуля, ибо в данном случае говорить о психическом контенте уже не приходится. Даже в самых глубоких состояниях гипнотического или сомнамбулического транса присутствует некоторая доля сознания, пусть даже и очень маленькая, но все-таки разбавляющая «светом» бессознательную «темноту». Она может быть настолько незначительной, что по возвращению в нормальное бодрствующее сознание человек не будет помнить, что именно с ним происходило, когда он пребывал в состоянии глубокого транса. С другой стороны, психическое состояние, когда «свет» сознания полностью побеждает «темноту» бессознательного, также не достижимо, как и противоположное состояние абсолютной бессознательности психического характера, поскольку иначе мы вступаем в противоречие с принципом топографического единства. Однако, учитывая возможность особого состояния сознания, когда на психическом уровне бытия не остается ничего бессознательного, а, значит, разрешаются конфликты, связанные с противодействием сознательных и бессознательных установок, и субъект, погружаясь в переживание настоящего момента времени, обретает экстатическую гармонию со всем окружающим миром, следует внести корректировку в принцип топографического единства и допустить особое пиковое переживание ментального характера, когда сознание полностью вытесняет бессознательное, в результате чего субъект достигает состояния онтопсихологической целостности (духовного просветления).

Информационные символы не влияют на символизируемые объекты, но последние влияют на характер информационных символов, тогда как экзистенциальные символы влияют на символизируемые объекты, раскрывая их сущность, а последние влияют на экзистенциальные символы, определяя их бытие. Например, визуальный образ вещи зависит от самой этой вещи, но последняя нисколько не зависит от ее визуального образа. В отличие от этого самооценка личности зависит от ее поведения, которое репрезентируется оценочными суждениями, а поведение личности зависит от ее самооценки, которая репрезентируется поведенческими паттернами, в результате чего изменение самооценки приводит к измене-

нию поведения, а изменение поведения приводит к изменению самооценки (отчего, собственно говоря, мы и приписываем бытию человека экзистенциальный характер в отличие от бытия вещей).

Ментальный опыт представляет собой экзистенциальную символизацию бессознательного контента, который манифестируется через содержание ментального опыта. Поскольку же бессознательные переживания получают свою сущностную определенность лишь в интерпретирующих актах сознания, а последние онтологически укореняются в бессознательных переживаниях, то бессознательное оказывается онтологической границей сознания, которая изменяется в зависимости от изменения нейронного кода, лежащего в основе психических переживаний, и изменения структурных и смысловых особенностей интерпретации, тогда как сознание, со своей стороны, оказывается онтологической границей бессознательного, которая изменяется в зависимости от изменения латентного содержания психических переживаний. Если из психического вычесть все ментальное (сознательное), то оставшееся бессознательное будет представлять собой совокупность нейронных процессов, лишенных психической феноменологии. Если же из психического вычесть все бессознательное, то сознательное лишится своей онтологической подпорки, ибо уже не будет символизировать никакое экзистенциальное содержание. Всякий ментальный опыт обретает свое бытие лишь в более широком бессознательном контексте, который, с одной стороны, символически манифестируется этим опытом, а, с другой стороны, определяет его латентное бытие. Таким образом, бессознательное как именно психическое существует лишь в отношении к сознательной активности репрезентирующего субъекта (в качестве ее онтологической границы), тогда как бессознательным зомби, строго говоря, не присуще не только сознательное, но и бессознательное бытие, т.е. их вообще нельзя считать психическими существами в силу отсутствия у них внутреннего феноменального содержания, которое не сводится по сущности к физическим процессам, протекающим в нейронных сетях головного мозга.

Выводы к главе 1

В первой главе диссертационного исследования 1) дается определение понятию сознания, исходя из разделения на внешнее и внутреннее знание, 2) противопоставляется физическое и психическое сущее, а также сознательная и бессознательная сферы психики, 3) рассматриваются феноменальный и интенциональный аспекты сознания, 4) в отношении источника ментального опыта анализируются концепции интернализма и экстернализма, а в отношении однородности или неоднородности ментального опыта анализируются концепции репрезентационализма и сепаратизма, 5) анализируется методологическая проблема сознания в связи с приватным характером ментальных феноменов, 6) разводятся информационные и экзистенциальные символы, что позволяет описать символическую природу сознания (как внутреннего знания) в отличие от символической природы познания (как внешнего знания).

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. На чувственном (сенсорном) уровне репрезентации феноменальный аспект играет ведущую роль, поскольку феноменальное содержание психического акта задает собственно то, что переживается в чувственном акте. На интеллектуальном (мыслительном) уровне репрезентации ведущую роль играет интенциональный аспект, поскольку интенциональное единство задает собственно то, что мыслится в интеллектуальном акте.

2. Феноменальный аспект является атрибутом сознания, поскольку нельзя что-то осознавать, не имея при этом никаких ощущений, тогда как интенциональный аспект является модусом сознания, поскольку можно что-то осознавать, не имея при этом никаких мыслей (например, в случае элементарных ощущений, которые не обладают свойством интенциональности).

3. Логический анализ концепций интернализма и экстернализма, а также репрезентационализма и сепаратизма показывает, что следует остановиться на сепаратизме экстерналистского типа в связи с тем, что, во-первых, один и тот же

интенциональный объект может репрезентироваться разным феноменальным контентом и, во-вторых, один и тот же феноменальный контент может репрезентировать разные интенциональные объекты.

4. Сознание представляет собой целостный феномен, но его ментальное содержание определяется двумя классами причин, один из которых (феноменальный) связан с репрезентирующей системой, а другой (интенциональный) – с репрезентируемым объектом.

5. Данность от первого лица является необходимой характеристикой сознания, поскольку в противном случае психические феномены могут быть обнаружены благодаря сканированию головного мозга в своем феноменальном составе, а не в виде соответствующего им нейронного кода, что приводит либо к отрицанию уникальной онтологии ментального сущего, либо к идеалистическим теориям сознания.

6. Интроспективный метод является необходимой компонентой объективно-научное исследования ментального опыта, ибо сознание невозможно исследовать без субъективного отчета испытуемых на этапе установления самой психофизической корреляции.

7. Сознание не является высокоуровневым свойством физических систем, поскольку из физической сущности процессов, протекающих в головном мозге человека, нельзя априорно (дедуктивно) вывести ментальную сущность сознания, но можно установить психофизическую корреляцию, сравнивая физические показатели нейронной активности мозга и соответствующие им интроспективные данные.

8. Сознание представляет собой экзистенциальный символ бессознательного, а бессознательное представляет собой экзистенциальное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания.

9. Психическая сфера бытия подчиняется принципу топографического единства, который сводится к бытийной неразделимости сознательной и бессознательной психики.

ГЛАВА 2. ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ К ПЕРВИЧНОМУ ДУАЛИЗМУ СВОЙСТВ КОРРЕЛЯТИВНОГО ТИПА

§ 1. Проблема бытия ментальных феноменов и теоретические предпосылки исследования

Что есть сознание по сущности? Почему наши действия сопровождаются внутренней субъективно переживаемой жизнью, а не протекают во «тьме» бессознательного бытия? Что позволяет нам существовать в физической Вселенной как нечто большее, нежели сложно устроенные физические системы? Почему мы не являемся бессознательными зомби, которые не имеют ментального опыта, но обладают на поведенческом уровне бытия проявлениями психических способностей (таких, как восприятие, мышление, память, воображение и т.д.), свойственных сознающим субъектам, и могут пройти в силу своего структурного и функционального устройства любые модификации теста Тьюринга? Анализируя работы предшественников, Д. Чалмерс замечает, что они в большей степени решали «легкие» проблемы сознания, которые затрагивают общее функционирование психики: «Как мозг обрабатывает стимулы, идущие из окружающей среды? Как он интегрирует информацию? Как мы формируем отчеты о внутренних состояниях?»[58]. При этом из фокуса философского исследования выпадала «трудная» проблема сознания, которая обусловливается тем, что психическая жизнь человека не просто сводится к процессам энергетического порядка, а сопровождается ментальным опытом, не выводимым из активности физических систем. Каким образом, например, становится возможным, что нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические процессы, лежащие в бытийной основе переживания красного цвета, преобразуются в само это осознаваемое феноменально-психическое переживание красного цвета? С учетом разделения психического бытия на сознатель-

[58] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 9.

ную и бессознательную сферы психики, возникает вопрос, обусловленный не только тем, почему мы обладаем сознанием, а не функционируем, как бездушные автоматы, лишенные внутренней субъективно переживаемой жизни, но также и тем, почему мы находимся в бодрствующем (сознательном) состоянии, а не функционируем, как загипнотизированные зомби, которые ничего не осознают, но одновременно не являются полностью бездушными автоматами, ибо обладают бессознательной психикой.

Британский физиолог и нейробиолог Ч. Шеррингтон следующими словами описывает проблему бытия сознания и трудность ее решения в рамках научной картины мира: «Когда я поднимаю глаза вверх, то вижу купол неба, сверкающий на нем диск солнца и сотни предметов под ним. Что создает эту картину? Солнечный луч попадает в глаз, фокусируется на сетчатке и вызывает изменения, которые распространяются по нервным уровням мозга. Все шаги этой цепочки, от солнца до верхних уровней мозга, являются физическими событиями. Каждый шаг – это электрическая реакция. Но затем происходят изменения, которые абсолютно не похожи на то, что привело к ним, и эти изменения нам не понятны. В мозге возникает зрительная сцена: купол неба, солнце на нем и сотни других зрительных вещей»[59].

Если мы опираемся на материалистические позиции и полагаем, что в своей бытийной основе окружающий мир состоит из взаимодействующих частиц и полей и более ни из чего такого, что не имеет материальной (физической) природы, но при этом в силу непосредственного опыта признаём бытие нередуцируемого феноменального содержания нашей внутренней психической жизни, то должны аргументированно объяснить, каким образом становится возможным, что физические процессы порождают несводимые к ним, т.е. обладающие нефизическим бытием и нефизической сущностью, ментальные переживания. Анализируя квалитативную специфику сознания, Т. Нагель в своей статье «Каково это быть летучей мышью?» («What is it like to be a bat?») подчеркивает, что «если факты сознания – факты, каково это для переживающего организма, – доступны только с одной

[59] Sherrington C. Man on His Nature. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. P. 24.

точки зрения, то настоящей загадкой является то, как истинный характер этих переживаний может быть обнаружен в физической работе этого организма»[60]. Каким образом физические системы могут порождать нефизические (ментальные) феномены, в то время как, согласно закону сохранения энергии, одно физическое сущее может трансформироваться лишь в другое физическое сущее? Еще Г. Лейбниц заметил, что бытие сознания нельзя объяснить, апеллируя к функционированию сложно устроенных физических систем. По этому поводу он пишет: «Будь у нас даже такое острое зрение, что мы могли бы видеть мельчайшие частицы структуры тел, то и тогда, думается мне, мы не продвинулись бы ни на шаг и не увидели бы, откуда берется перцепция, совершенно так же, как сейчас невозможно обнаружить ее ни в часах, где хорошо видны все составляющие части механизма, ни в мельнице, где можно даже прогуляться между колесами; ведь разница между мельницей и более тонко устроенной машиной лишь количественная. Легко понять, что машина, хотя и производит самые красивые на свете вещи, сама этого не воспринимает»[61].

С целью решения проблемы бытия ментальных феноменов в рамках проводимого диссертационного исследования совершается попытка построения философской теории сознания, которая опирается на две основные теоретические предпосылки: 1) феноменологическую и 2) каузалистическую.

Феноменологическая предпосылка сводится к тому, что философская теория сознания должна признавать уникальную феноменологию ментального, а вместе с ней и существование субъективно-феноменального содержания психических переживаний, не редуцируемого по сущности к нейронным процессам и не выражаемого по смыслу в физических терминах. Сознание имеет феноменальную (квалитативную) природу в том смысле, что внутреннее содержание ментального опыта сущностно не редуцируется к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающим в головном мозге человека. Ментальные феномены сами по себе не обладают физической энергией, ибо мож-

---

[60] Philosophical Review. 1974. № 83. P. 438.
[61] Лейбниц Г. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1982. С. 347.

но поджечь хворост реальной спичкой, но нельзя его поджечь спичкой воображаемой. Даже если мы допустим существование пирокинетических способностей человека, благодаря которым он может вызывать самовозгорание предметов одной лишь силой мысли, воображая зажженную спичку, то и в этом случае источником физической энергии, затрачиваемой на возгорание, будут физические процессы, а не сам по себе ментальный образ как таковой. Поскольку же сознание не обладает энергией, то, следовательно, оно имеет нефизическую природу, так как быть физическим сущим означает быть способным вступать в физические взаимодействия и совершать физическую работу, невозможную без энергетической компоненты бытия.

Возьмем, например, зрительный образ письменного стола. В коре головного мозга путем объективно-научного исследования можно найти физические (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) связи, которые кодируют визуальный образ письменного стола, но сам визуальный образ обнаружить нельзя подобно тому, как в компьютерной программе, кодирующей картинку, нельзя обнаружить саму эту картинку ни в последовательности нулей и единиц, ни в распределении пикселей на экране монитора. Точно так же нельзя обнаружить визуальный образ письменного стола на аналоговой фотографии, сделанной при помощи светочувствительных фотоматериалов, ибо на фотопленке физически существует лишь определенная структура, обусловленная химическими реакциями, и ничего собственно психического она не содержит. Образ письменного стола в его феноменальном содержании присутствует только на сознательном уровне бытия и нигде более в окружающем мире, и, следовательно, субъективно-феноменальное содержание психики не редуцируется к нейронным процессам, протекающим в головном мозге человека.

Как замечает Д. Серл, «сознанию присуща неэлиминируемая субъективная онтология»[62]. Мы можем говорить о нейронном коде, посредством которого на физическом уровне бытия кодируется ментальное событие, но при этом само по себе оно остается не тождественным нейронному коду, поскольку знание послед-

[62] Серл Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 70.

него и всех законов физического бытия еще с необходимостью не дает нам и понимания того, что представляет собой по своему субъективно-феноменальному контенту само это ментальное событие. Например, можно представить себе, что мы определили у гипотетического инопланетянина нейронный код, посредством которого кодируется ментальное событие, связанное с визуальным восприятием объектов в рентгеновской части электромагнитного спектра, но при этом никакое знание физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) законов, которые участвуют в продуцировании нейронного кода, не позволит нам понять на уровне внутренней феноменологии, каково это – субъективно воспринимать окружающий мир в рентгеновском излучении.

Прежде чем переходить к каузалистической предпосылке, разведем понятия материального и физического сущего. Под *физическим сущим* подразумевается такое сущее, которое 1) локализуется в объективно существующем (астрономическом) пространстве-времени, 2) имеет энергию, которая позволяет совершать работу в объективно существующем пространстве-времени, и 3) подчиняется физическим законам, которые устанавливают фундаментальные взаимосвязи между величинами, характеризующими его бытие в объективно существующем пространстве-времени. *Материя* – это объективно существующая онтологическая основа (т.е. предельная сущность и причина) всякого физического события, которое имеет место в окружающем мире. Понятие материального имеет больший объем, нежели понятие физического, ибо всякое физическое событие является материальным, но не всякое материальное событие является физическим, о чем более развернуто пойдет речь в заключительном параграфе данной главы. Материальное сущее отличается от духовного (нематериального) сущего тем, что оно всегда имеет физическую компоненту бытия, тогда как *духовное сущее* само по себе лишено физической компоненты бытия.

Некторые философы отождествляют материализм и физикализм (например, Д. Чалмерс), что обедняет понятие материи и не дает возможности объяснить ее закономерную упорядоченную организацию без привлечения нематериальных (духовных) сущностей. Но есть и такие философы, которые придерживаются

иной точки зрения. Доктор философских наук С.Р. Аблеев в своей статье «Когнитивная методология в исследованиях сознания: физикализм и психологизм» пишет: «Физикализм представляет собой не более чем частный случай материализма. Физическая реальность и материальное бытие – это не одно и то же. Материя как таковая не исчерпывается известными формами физической материи. А материальное бытие выходит далеко за пределы известного и доступного современной науке физического мира»[63].

Каузалистическая предпосылка сводится к незыблемости *принципа каузальной замкнутости физических событий*, согласно которому, в силу закона сохранения физической энергии, всякое физическое событие может иметь только физическую причину и только физическое следствие, ибо если физическое событие имеет нефизическую причину, то физическая энергия возникает из ниоткуда, а если физическое событие имеет нефизическое следствие, то физическая энергия исчезает в никуда. Из принципа каузальной замкнутости физических событий вытекает *принцип эпистемологической полноты физики*, в соответствии с которым для описания и прогнозирования поведения любой, сколь угодно сложно устроенной, физической системы на физическом уровне бытия достаточно физических свойств, характеристик и законов.

Как замечает российский философ, специалист в области аналитической философии сознания В.В. Васильев, «принцип каузальной замкнутости… требует именно признания наличия у каждого физического действия физической причины»[64]. Однако в этом утверждении содержится только половина принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо у физического действия не может быть не только нефизической причины, но и нефизического следствия. В противном случае часть действия (т.е. часть энергии) физической системы расходуется на производство нефизических эффектов, что приводит к бесследному исчезновению физической энергии. Если же мы полагаем, что физическая система может продуцировать нефизические следствия без затраты физической энергии, то в

[63] Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 201.
[64] Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 225.

этом случае она не принимает никакого активного участия в самом продуцировании, и, значит, нельзя говорить, что именно она продуцирует нефизические следствия. Например, вещи отбрасывают тени, и бытие последних зависит от бытия первых, но бытие первых не зависит от бытия последних. На первый взгляд, может показаться, что тени, имея нефизическую сущность, продуцируются физическими вещами, но в действительности тени как сущности, обладающие бытием, не существуют вне восприятия, ибо сами по себе являются отсутствием света, и поэтому в физическом мире не существует нефизических теней. Отсюда вытекает, что если мы признаём нередуцируемость сознания к процессам нейронного порядка, то ментальные феномены не могут оказывать на них причинного действия, а они, со своей стороны, не могут оказывать причинного действия на ментальные феномены, поскольку иначе мы приходим к нарушению принципа каузальной замкнутости физических событий. С таким двухсторонним пониманием принципа каузальной замкнутости физического мира в качестве недопустимости не только нефизических причин у физических событий, но и физических причин у нефизических событий соглашается М. Велманс, который в своей статье «Как отличить концептуальные моменты от эмпирических при изучении сознания» пишет: «Если на физические события влияет нематериальный сознательный опыт, то физическая энергия должна получаться из некоего нематериального источника, и в результате общая физическая энергия вселенной увеличится. Точно также, чтобы физические события влияли на сознательные, энергия должна потребляться из физической вселенной. Однако в соответствии с принципом сохранения энергии, энергия не может ни создаваться, ни исчезать»[65]. Это порождает психофизическую проблему и проблему ментальной каузации, которые должны разрешаться в рамках философской теории сознания.

Из принципа каузальной замкнутости физических событий вытекает, что всякая энергия, как бы мы ее ни назвали, будучи именно способностью совершить работу, направленную на изменение количественных параметров материальной системы, в своей онтологической основе имеет физическую природу. Например,

[65] Методология и история психологии. 2009. Том 4. Вып. 3. С. 51.

З. Фрейд, разрабатывая в рамках научной картины мира энергетическую концепцию психики (согласно которой сознание – это свободная форма бытия психической энергии, а бессознательное – это связанная форма бытия психической энергии), подчеркивал, что психическая энергия в ее бытийной основе представляет собой нейрофизиологическое возбуждение, т.е. сущность физического порядка. Понимая образность и недостаточную релевантность языка психологии эмпирически фиксируемым данным, З. Фрейд пишет: «Недостатки нашего описания, вероятно, исчезли бы, если бы психологические термины мы могли заменять физиологическими или химическими терминами»[66].

Идеалистические теории сознания, несмотря на их простоту (которая обусловливается тем, что бытие сознания в качестве духовной субстанции не требует аргументированных объяснений, а признается как аксиоматическая данность), не согласуются с научной картиной мира, поскольку физические уравнения, описывающие фундаментальный уровень бытия окружающего мира, не содержат в себе духовных (нефизических) величин и не нуждаются в них для объяснения бытия всего разнообразия объективно наблюдаемых явлений. Присутствие духовных (нефизических) величин в уравнениях физики указывало бы на энергетическое взаимодействие между духовным и материальным сущим, что, в свою очередь, свидетельствовало бы о нарушении принципа каузальной замкнутости физических событий. В рамках идеалистического монизма материальная Вселенная возникнуть не может, поскольку иначе у физических событий появляется нефизическая причина. Если же мы обратимся к концепциям субстанциального дуализма, то опять-таки в силу принципа каузальной замкнутости физического мира духовная субстанция не может оказывать энергетического влияния на материальные объекты, и поэтому ее роль в жизни физической Вселенной сводится к нулю.

Поскольку идеалистические теории сознания не соответствуют каузалистической предпосылке, то это подводит нас к *материалистическому принципу*, который заключается в том, что философская теория сознания должна развиваться в рамках материалистического мировоззрения, т.е. она должна признавать первич-

[66] Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 25.

ность материальных процессов, которые на определенном уровне структурной и функциональной организации порождают процессы ментального характера. Таким образом, бытие сознания, согласно материалистическому принципу, в конечном счете, укореняется в бытии нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека, и в бытии окружающего мира, который оказывает на эти процессы влияние, не выходящее за пределы научно-материалистической онтологии. Иными словами, ментальное сущее существует лишь постольку, поскольку реализуются соответствующие ему процессы физического (нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического) характера.

Одновременное удовлетворение материалистического принципа и феноменологической предпосылки приводит к противоречию, которое обусловливается тем, что ментальные переживания, с одной стороны, продуцируются физическими системами, но, с другой стороны, обладают уникальной онтологией и характеризуются наличием субъективно-феноменального (квалитативного) содержания, не редуцируемого по сущности к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающим в головном мозге человека. Философская теория сознания должна справляться с этой онтологической проблемой, показывая, каким образом в материалистическую онтологию вписывается приватное бытие ментальных феноменов.

Согласно данному выше определению, понятие материального сущего имеет больший объем, нежели понятие физического сущего, и соответственно возникает вопрос, связанный с тем, может ли материальное нефизическое сущее существовать в отрыве от материального физического сущего. Если мы отвечаем на него утвердительно, то нефизическое бытие так же, как и физическое, становится каузально замкнутым, т.е. не нуждается ни в какой причине, которая выходила бы за пределы его собственной онтологической сферы. В свою очередь, это означает, что нефизическое сущее, будучи причиной самого себя, субстанционализируется и противостоит в качестве субстанции физическому уровню бытия. Таким образом, мы приходим к субстанциальному дуализму, который несовместим с материалистической (натуралистической) точкой зрения, утверждающей, что в онтоло-

гической основе окружающего мира лежит единственное материальное начало как предельная причина и сущность всех наблюдаемых процессов. Следовательно, на поставленный вопрос мы должны ответить отрицательно, утвердив тем самым *принцип онтологической несепарабельности*, который сводится к тому, что материальное нефизическое сущее ни при каких условиях не может существовать в отрыве от физического сущего. Иными словами, материальное нефизическое событие происходит тогда и только тогда, когда происходит соответствующее ему материальное физическое событие.

Чтобы философская теория сознания, с одной стороны, удовлетворяла материалистическому принципу и принципу онтологической несепарабельности, а, с другой, сохраняла уникальную онтологию ментальных переживаний, необходимо выстроить классификацию материалистических онтологий и уточнить, какая из них в плане бытия сознания не противоречит двум основным предпосылкам (феноменологической и каузалистической) проводимого диссертационного исследования.

§ 2. Материалистическая онтология сознания[67]

В отношении сводимости или несводимости сущности и бытия ментального сущего к сущности и бытию физического сущего материализм (натурализм) может быть редуктивным или нередуктивным. В свою очередь, *редуктивный материализм*, который утверждает, что сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка, делится на сильный и слабый. В соответствии с *сильным редуктивным материализмом* сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка по сущности и по бытию, т.е. присущие ему свойства тождественны свойствам физического сущего и оно существуют в модусе физического бытия. Иными словами, ментальное сущее обладает физическими свойствами и существует так же, как существует физическое сущее. *Слабый редуктивный ма-*

[67] Результаты исследования были опубликованы в статье: Черепанов И. В. Неполнота материалистической картины мира в рамках аргумента нейронного знания // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. № 2. Том 2. Философия. С. 148-153.

териализм полагает, что сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка по сущности, но не по бытию, т.е. присущие ему свойства тождественны свойствам физического сущего, но оно не существуют в модусе физического бытия. Иными словами, ментальное сущее обладает физическими свойствами, но существует иначе, нежели существует физическое сущее. Согласно *нередуктивному материализму*, сознание не сводится к процессам нейронного (физического) порядка ни по сущности, ни по бытию, т.е. присущие ему свойства не тождественны свойствам физического сущего и оно не существуют в модусе физического бытия. Иными словами, ментальное сущее не обладает физическими свойствами и существует иначе, нежели существует физическое сущее.

В отношении количества каузальных уровней, которые по сущности не сводятся друг к другу и определяют бытие сущего в окружающем мире, материализм (натурализм) может быть 1) монистическим и 2) дуалистическим.

Согласно *натуралистическому монизму*, в онтологической основе окружающего мира не существует ничего, кроме *физической материи*. Такая точка зрения соответствует *классической материалистической онтологии*. Все процессы и явления, которые обнаруживаются во Вселенной, имеют физическую природу и обусловливаются физическими причинами. Мы можем описывать их на разных репрезентативных уровнях (химическом, биологическом, психологическом, социальном или духовном), но при этом по сущности они остаются материально-физическими, поскольку одно физическое событие порождает лишь другое физическое событие и, в свою очередь, само порождается лишь третьим физическим событием. Отдельные репрезентативные уровни существуют в нашем субъективном восприятии и мышлении, тогда как в объективной действительности существуют лишь сложно организованные физические системы, подчиняющиеся физическим законам, а законы более высокого порядка (химического, биологического, психологического, социального или духовного) сводятся к последним (т.е. выводятся из них априорно), будучи их статистическим обобщением для удобной и компактной репрезентации. Поэтому фундаментальной онтологией окружающего мира является физическая онтология, лежащая в основе всех наблюдаемых собы-

тий. Отсюда следует, что натуралистический монизм представляет собой редуктивную концепцию, согласно которой сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка.

Натуралистический монизм сильного редуктивного типа утверждает, что всякое ментальное событие по бытию и по сущности (онтологически и феноменологически) сводится к событиям физического порядка. Всякое событие, происходящее в мире, в отношении предметной сущности, т.е. в отношении того, что собственно случается и происходит, когда имеет место данное событие, редуцируется к совокупности физических событий без потери каких-либо свойств и характеристик, присущих рассматриваемому событию. В частности, все свойства и характеристики ментальных переживаний, согласно данной точке зрения, можно свести к физическим свойствам и характеристикам, которые проявляются на уровне нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека. Например, А. Дамасио утверждает, что «ментальные процессы являются эквивалентом определенных процессов, происходящих в мозгу», и «некоторые нейронные паттерны одновременно являются психическими образами»[68].

Поэтому материалистический монизм сильного редуктивного типа есть *физикализм*, хотя с этой точкой зрения согласны не все современные философы, занимающиеся проблемой бытия сознания. Например, российский специалист в области аналитической философии сознания Д.В. Иванов пишет: «Физикализм не является разновидностью монизма… В физикализме акцент делается не на существовании одной реальности, материи, а на той особой роли, которую играет физика… Физикализм – это доктрина о причинности. Она базируется на принципе “полноты физики”… Принцип “полноты физики” не означает, что физика может объяснить все»[69]. Однако если мы полагаем, что физические события каузально замкнуты, т.е. любое физическое событие причинно обусловливается другим физическим событием и само по себе обусловливает третье физическое событие, то в этом случае существование нефизических событий, причинный ряд которых ни-

[68] Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. С. 29.
[69] Иванов Д.В. Три аргумента современной аналитической философии сознания // Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. Выпуск II. М.: Современные тетради, 2003. С. 118.

когда не сводится к событиям физического порядка и которые поэтому не могут быть объяснены в рамках физической науки, указывает на существование второй, наряду с материей, нематериальной (духовной) основы бытия, в результате чего мы приходим к субстанциально-дуалистической картине мира. Причем такого рода онтологический дуализм не допускает взаимодействия физического и нефизического сущего, поскольку иначе нарушается принцип «полноты физики», и логически приводит к концепции психофизического параллелизма.

Материалистический монизм сильного редуктивного типа развивается в рамках *теории тождества сознания и тела*, согласно которой ментальные переживания по сущности тождественны физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, происходящим в нейронных сетях головного мозга, подобно тому, как свет по сущности тождественен потоку электромагнитных волн. К представителям теории тождества сознания и тела можно отнести Д. Армстронга, Д. Льюиса, Ю. Плейса, Д. Смарта, Х. Фейгеля. Они полагают, что психическое событие тождественно нейронному, и любое описание внутренней субъективной жизни человека в психических терминах может быть переведено на язык физики без потери сущностного содержания. По этому поводу австралийский философ Д. Смарт в своей статье «Ощущения и мозговые процессы» («Sensations and Brain Processes») заявляет, что «ощущения, состояния сознания представляются единственным родом вещей, которые остаются за пределами физикалистской картины, и по разным причинам я просто не могу поверить, что это возможно»[70]. Например, переживание боли тождественно возбуждению определенных волокон в коре головного мозга, но мы можем не понимать их тождества подобно тому, как можем не понимать тождества света и потока фотонов или тождества Утренней и Вечерней звезды. Продолжая данную метафору, можно сказать, что Утренняя звезда кажется нам отличной от Вечерней просто потому, что мы описываем их по-разному, определяя одну как небесное тело, самое яркое на утреннем небосводе, а вторую как небесное тело, самое яркое на вечернем небосводе. Но если мы проследим траектории их движения по звездному небу, то

[70] The Philosophical Review. 1959. Vol. 68. №. 2. P. 142.

убедимся, что в действительности они представляют собой одно и то же небесное тело, а именно – Венеру. Таким образом, два разных описания соответствуют одному и тому же реальному объекту. Аналогично этому два разных описания – нейронное и психическое – соответствуют одним и тем же физическим событиям, которые происходят в коре головного мозга.

Если мы признаём тождество между психическим описанием и физическим подобно тому, как признаём тождество между Утренней звездой и Вечерней или температурой и средней кинетической энергией молекул, то это означает, что психическое по сущности есть определенный вид физического. Следовательно, все, что по сущности имеет отношение к первому, в равной степени имеет отношение и ко второму, а все, что по сущности имеет отношение ко второму, в равной степени имеет отношение и к первому. Если кто-то воображает оранжевое небо, то в рамках теории тождества сознания и тела правильно говорить не о том, что акту воображения соответствуют нейронные процессы, а о том, что акт воображения со всеми его ментальными свойствами ничем, по сути, не отличается от совокупности нейронных процессов. Однако с помощью сканирования, используя самые фантастические технологии, мы не найдем в головном мозге человека оранжевого неба, т.е. не обнаружим собственно то, что он видит, но обнаружим нейронные процессы, которые в силу теории тождества сознания и тела и есть само по себе воображаемое оранжевое небо. Следовательно, либо 1) психическое вообще не существует, а существует одно лишь физическое, либо 2) между психическим и физическим нет абсолютного тождества. В первом случае мы приходим к нарушению феноменологической предпосылки и сталкиваемся с противоречием нашему повседневному опыту, который доказывает, что психическое существует и мы, действительно, видим оранжевое небо, а не просто говорим об этом. Во втором случае уже не все ментальные свойства могут быть сведены к свойствам физического порядка, а, значит, мы уходим от теории тождества сознания и тела в сторону материалистического (натуралистического) дуализма.

Ментальные переживания в рамках материалистического монизма слабого редуктивного типа представляют собой формы бытия физических систем и соот-

ветственно могут сводиться 1) *к функциям физических систем*, что характерно для функционализма, согласно которому ментальные переживания по сущности тождественны функциональным состояниям, реализующимся в нейронных сетях головного мозга, подобно тому, как операции сложения и умножения сводятся к последовательности вычислительных алгоритмов, которые осуществляются в микросхемах калькулятора, или 2) *к поведению физических систем*, что характерно для бихевиоризма, согласно которому ментальные переживания по сущности тождественны сумме сложно организованных действий человеческого организма в целом, подобно тому, как полет птицы сводится к сумме действий, которые совершает летящая птица.

К представителям *функционализма*, который в настоящее время популярен благодаря бурному развитию компьютерных технологий, можно отнести Н. Блока, Д. Деннета, Д.И. Дубровского, Х. Патнэма, П. Черчланда, Д. Фодора. Они полагают, что ментальные состояния – это функции, реализуемые на физическом носителе, который, вообще говоря, может иметь и неорганическую природу. Под *функцией* в данном случае понимается каузальное отношение между событием «на входе» и событием «на выходе».

Согласно функционализму, поведение человека как сложно устроенной физической системы ничем не отличается от поведения робота, ибо оно управляется программами и алгоритмами, которые реализуются в биокомпьютере мозга. Человек подобен машине Тьюринга в том смысле, что мозг – это органическое «железо», а сознание – это «софт», реализованный на органическом носителе. В частности, Х. Патнэм утверждает, что «боль или состояние боли – это функциональное состояние всего организма»[71]. Если такое функциональное состояние реализуется в программном обеспечении робота, то последний испытывает боль подобно тому, как ее испытывает человек. Поскольку же всякое психическое переживание представляет собой функцию, реализованную на физическом носителе, то робот может не только испытывать боль, но и иметь любой субъективный опыт, свойственный человеку. Представим себе, как это предлагает Д. Чалмерс в своей

[71] Пантэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 59.

книге «Сознающий ум», мысленный эксперимент, в котором все нейроны головного мозга заменяются кремниевыми чипами, выполняющими ту же самую функцию, что и удаленные нейроны. В итоге мозг превратится в кибернетическое устройство, созданное из неорганического материала, но при этом поведение человека не изменится, ибо поведенческие реакции определяются каузальным отношениям между событиями «на входе» и событиями «на выходе», т.е. функциональными состояниями организма. Д. Чалмерс замечает, что «если бы наши нейроны были заменены кремниевыми чипами, то при условии, что эти чипы были бы наделены состояниями с теми же самыми схемами каузальных взаимодействий, что и у нейронов, эта система порождала бы точно такое же поведение»[72]. Поскольку же поведенческие реакции в рассматриваемом мысленном эксперименте останутся прежними, то ни сам человек, ни окружающие люди не обнаружат сделанной подмены. Отсюда следует, что психические переживания, которые участвуют в поведении человека, тоже не подвергнутся трансформациям, а, значит, они тождественны функциям головного мозга, реализуемым на каком угодно физическом носителе.

Благодаря тому, что субъективный опыт обусловливается не биологией мозга, а каузальными связями между отдельными нейронами или группами нейронов, можно допустить существование функциональных изоморфов (т.е. существ, не тождественных нам субстратно, но тождественных функционально) и пофантазировать об относительном бессмертии личности, которая переносится, включая самосознание, с одного физического носителя на другой. Один из самых невероятных вариантов функционального изоморфизма предлагает Н. Блок, описывая искусственно созданную ситуацию, в которой скоординированные действия большого количества китайцев имитируют на функциональном уровне бытия активность нейронных сетей головного мозга, в результате чего китайская нация как единое целое начинает мыслить и переживать точно так же, как мыслит и переживает обладающий сознанием человек. Однако подобная точка зрения выглядит

[72] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 310.

весьма сомнительной, о чем, в частности, говорит Д. Деннет, подчеркивая, что «в действительности, имеет значение, из чего создается психика, – нельзя создать способную ощущать психику из кремневых кристаллов, проводников и стекла или из пивных банок, связанных веревкой»[73].

В защиту функционализма Д. Чалмерс предлагает еще один мысленный эксперимент со скачущим ментальным опытом. Представим себе, что у испытуемого все участки головного мозга не заменяются, но дублируются кремниевыми аналогами, которые функционально неотличимы от работы органических нейронов. В итоге у нас получаются две разные мозговые цепи (органическая и неорганическая), управляющие поведением человека. Предположим, что с помощью специального переключателя мы можем активировать то одну цепь, то другую. Если функциональный изоморф не обладает сознанием, то при включении кремниевого аналога сознание у испытуемого исчезает. При обратном включении органических нейронов сознание у испытуемого вновь появляется. Поскольку же обе мозговые цепи функционально тождественны, поведение испытуемого при смене положения переключателя остается неизменным, тогда как его внутренний субъективный опыт в одном положении исчезает, а в другом – снова появляется. Таким образом, психические переживания испытуемого «скачут», но ни сам испытуемый, ни окружающие наблюдатели этого не замечают, хотя испытуемый и продолжает говорить о своих переживаниях даже в том случае, когда они оказываются выключенными. Тождество на уровне функционального устройства влечет за собой тождество на уровне поведенческих реакций, а тождество на уровне поведенческих реакций влечет за собой тождество на уровне функционального устройства, ибо функции реализуются в поведении, а поведение определяется совокупностью функций. Сознание как аспект исследуемой системы, должен проявляться в ее поведенческой активности, поскольку иначе оно вообще не может быть признано существующим. Следовательно, делает вывод Чалмерс, мы должны согласиться, что функциональный изоморф обладает сознанием.

---

[73] Деннет Д. Виды психики. М.: Идея-Пресс, 2004. С. 82.

Однако отождествление ментального опыта с совокупностью нейрофизиологических программ сталкивается с серьезными трудностями. Анализируя нерелевантность компьютерной модели сознания, Т.В. Черниговская в своей статье «Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть» указывает на следующие свойства ментального опыта: 1) чрезвычайная роль контекста (возможность разнообразных интерпретаций сообщений и событий), 2) избыточность многих путей решения проблемы (использование разных алгоритмов и нахождение моментов, которые изначально не заявлялись в качестве поставленной цели), 3) неожиданность и частотная непрогнозируемость сопоставляемых объектов или когнитивных процедур (спонтанность творческого процесса), 4) размытость, неточность, приблизительность описаний (неприменимость в одинаковом смысле понятий «простоты» и «сложности» к действиям человека и компьютера), 5) искусственность аристотелевского типа мышления (неравнозначность логики человека и логики компьютера), 6) юмор и смех (невозможность создания логико-вычислительного алгоритма чувства юмора)[74].

Следует заметить, что функционализм в отличие от теории тождества является более тонкой формой редукционизма, поскольку сводит ментальные состояния не просто к физическим состояниям нейронов, а к логико-вычислительным операциям, которые, вообще говоря, могут быть реализованы иными материальными структурами. Именно поэтому функционализм (в отличие от редукционизма сильного типа) отождествляет ментальные и физические феномены по сущности, но не по бытию, ибо ментальные свойства редуцируются к свойствам физического порядка (т.е. к каузальным отношениям между физическими объектами), но ментальное бытие не редуцируется к бытию физического порядка, ибо функции физических систем (каузальные отношения между физическими объектами) существуют иначе, нежели сами физические системы, в силу своей множественной реализуемости на разных физических носителях.

Можно согласиться с российским психологом В.М. Аллахвердовым, который в своей статье «Проблема сознания. Поиск путей решения» пишет: «*Объяс-*

[74] Проблема сознания в философии и науке. М.: ИФ РАН, «Канон+», 2008. С. 156-157.

нить сознание – значит найти такую логику рассуждений, при которой возникновение сознания и осознанности должно стать неизбежным»[75]. Поэтому функционализм, прежде всего, сталкивается с проблемой существования квалиа, которые с неизбежностью не возникают ни при каких функциональных трансформациях живого организма. Если мышление (вместе с интенциональной компонентой сознания) можно попытаться свести к логико-вычислительным операциям, которые реализуются в нейронных сетях головного мозга, то чувственность (вместе с феноменальной компонентой сознания) такого рода редукции не подвластна, ибо никакие логико-вычислительные операции, существующие объективно и данные извне, не объясняют наличие феноменального сознания, существующего субъективно и данного изнутри. Анализируя функционалистское понимание ментальных феноменов, Д. Чалмерс в своей статье «Лицом к лицу с проблемой сознания» («Facing up to the Problem of Consciousness»), несмотря на существенные плюсы данного подхода, приходит к неутешительному выводу: «Ключевой вопрос проблемы сознания объяснение в функциональных терминах оставляет открытым»[76].

Обнаружение единого функционального состояния, которое реализуется на неидентичном физическом субстрате, подобно обнаружению идей, описывающих идеальное единство во множестве материальных объектов. Если мы утверждаем, что эти функции, тождественные феноменальному содержанию психических переживаний, существуют объективно, т.е. независимо от нашей репрезентации, то тогда мы должны признать также и то, что объективно существуют субъективные образы и идеи, посредством которых мы репрезентируем окружающий мир, а это уже приводит не только к логическому противоречию в понятиях «объективного» и «субъективного», но и к потере самого субъективно-феноменального содержания психических переживаний. Операцию сложения можно реализовать на деревянных счетах, карманном калькуляторе, квантовом компьютере или нейронных сетях головного мозга, но при этом возникает закономерный вопрос: где и как она существует? Ведь если мы говорим, что она существует в мышлении, то тогда

[75] Мир психологии. 2018. № 2 (94). С. 17.
[76] Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3). P. 207.

мышление оказывается необходимым условием бытия функциональных состояний и мы отклоняемся в сторону субъективно-идеалистических концепций. Если же операция сложения существует независимо от мышления, то тогда мы задаемся следующим вопросом: где и как она существует при условии, что весь окружающий мир в своей онтологической основе представляет собой лишь сложно устроенное взаимодействие физических элементов?

Возьмем, например, в качестве функции, реализуемой на разном материальном субстрате, игру в футбол. В нее могут играть люди, звери или роботы. Таким образом, функция остается одной, но физический носитель меняется. Мы опять-таки спрашиваем: каким бытием обладает футбол как таковой? Понятно, что игра в футбол представляет собой обобщение совокупности алгоритмов, задающих перемещение игроков по полю. Также и операция сложения представляет собой обобщение совокупности алгоритмов, которые задают каузальную взаимосвязь символов на «входе» и символов на «выходе». Но всякое обобщение само по себе есть интеллектуальная процедура, выполняемая познающим субъектом. В физической природе независимо от обобщающего мышления не существует никаких обобщений, и, следовательно, бытие функции, инвариантной по отношению к физическому субстрату, предполагает наличие обобщающего субъекта. Если последнего не существует, то бессмысленно говорить о бытии функции как таковой. На физическом уровне в компьютере происходят лишь физические (механические, электрические или квантовые) процессы, которые объединяются сознанием оператора в репрезентативное целое. В равной степени, на нейронном уровне в коре головного мозга происходят лишь нейронные (нейрофизиологические, биохимические или биоэлектрические) процессы, а ментальные переживания обретают свое бытие лишь в сознании воспринимающего и мыслящего субъекта. Поэтому если мы отрываем функцию от субстрата не только логически, но и онтологически как нечто, сохраняющее свою самотождественность на разных физических носителях в качестве феноменального содержания психических переживаний, то тем самым гипостазируем результат обобщающей процедуры и приписываем ему объективно-реальное бытие, подобное бытию платоновских идей. Если

же мы утверждаем, что по бытию и по сущности функции – это только совокупности каузальных связей, которые устанавливаются между элементами физической системы независимо от субстратного состава последних, то в данном случае элиминируем субъективно-феноменальный контент психических переживаний, что противоречит феноменологической предпосылке диссертационного исследования.

Каузальные отношения сами по себе отличны от сущего, которое вступает в каузальные отношения. Иными словами, функция отличается от носителя функций, поскольку иначе она субстанционализируется и соотносится с физическим носителем уже не как функция, а как субстанция, что превращает функционализм в субстанциальный дуализм. Однако элементы психического опыта вступают в каузальные отношения между собой, и, следовательно, сознание, переживаемое изнутри, является носителем функций (так как само по себе исполняет каузальные роли, обусловленные его значимостью в жизни человека), а не функцией физического носителя.

Согласно *бихевиоризму,* ментальные феномены редуцируются к поведению внешнего или внутреннего характера (например, к мимике, движению глаз, положению тела, изменению кровяного давления, гормональному сдвигу, изменению в электрической активности мозга и т.д.). В зависимости от типа поведенческих форм, к которым совершается редукция, бихевиоризм можно классифицировать на 1) логический бихевиоризм (который отождествляет ментальные феномены с поведенческими диспозициями, т.е. предрасположенностями к определенного рода поведенческим реакциям), 2) психологический бихевиоризм (который отождествляет ментальные феномены с совокупностью условно-рефлекторных взаимосвязей) и 3) эмпирический бихевиоризм (который отождествляет ментальные феномены с действием нейронных сетей).

Представитель *логического бихевиоризма* Г. Райл полагает, что ментальные причины как таковые не существуют, а существуют лишь физические причины одного класса, которые порождают физические следствия другого класса. В каузальном отношении неправильно говорить, что человек обрадовался, потому что

понял, что опасность миновала, подобно тому, как неправильно говорить, что стеклянный стакан разбился, потому что обладает свойством хрупкости, ибо хрупкость стеклянного стакана является не свойством, которое можно определить вне каузальных связей с окружающими объектами, а предрасположенностью к ответной реакции на внешнее воздействие. Таким образом, разделение на классы физических и ментальных событий носит условный характер, поскольку ментальные события, в конечном счете, являются физическими.

Утверждение, касающееся ментальных состояний, имеет смысл только в том случае, если оно содержит диспозиционное описание, ибо в противном случае мы не можем осуществить интерсубъективную проверку. Г. Райл подчеркивает, что «мы не можем публично проверить заявления о данных самосознания и интроспекции. Только внешнее поведение человека может наблюдаться несколькими свидетелями, только оно может быть измерено и механически зафиксировано»[77]. Если кто-то говорит, что ему больно, то для того, чтобы определить, истинно данное высказывание или ложно, необходимо перевести его на поведенческий язык. При этом лингвистический перевод феномена боли на уровень болевого поведения вовсе не означает, что в действительности существует субъективно-феноменальное содержание ощущения боли, которое мы можем транслировать лишь тогда, когда выражаем его в поведенческих терминах. Переживаемая боль не является чем-то большим, нежели то, что мы можем сказать о ней, используя поведенческий язык. Она не просто манифестируется поведенческими диспозициями, а отождествляется с их упорядоченной совокупностью как в отношении психического бытия, так и в отношении феноменальной сущности.

Таким образом, в рамках логического бихевиоризма разделение на физическое и ментальное бытие становится результатом неправильного употреблением языка. Г. Райл замечает, что чтение книги состоит не из двух разных процессов – физического и ментального, как это может показаться на первый взгляд, а из одного единственного – поведенческого, который описывается по-разному – в физических и ментальных терминах. Несмотря на то, что ментальная дескрипция по

[77] Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 316-317.

сущности и смыслу отличается от физической, бытие ментального сущего, будучи, в конечном счете, существованием совокупности сложно организованных движений тела, тождественно бытию физического сущего, и, следовательно, переживаний самих по себе (как чего-то такого, что обладает уникальной онтологией) не существует, а существует лишь набор поведенческих диспозиций, что противоречит феноменологической предпосылке данного исследования. Кроме этого, в рамках логического бихевиоризма невозможно прочертить демаркационную линию между сознательной и бессознательной психикой. Такое разделение становится неправильным употреблением слов, и, следовательно, все сознательное, по сути, является бессознательным (подобно тому, как все психическое, по сути, является физическим), что приводит нас к логическому противоречию, ибо понятие бессознательного сознания, как уже отмечалось выше, настолько же бессмысленно, как и понятие деревянного железа.

Согласно теории *психологического бихевиоризма*, которой придерживаются Д. Уотсон, Б. Скиннер и Э. Толмен, ментальные феномены представляют собой уже не способы описания поведенческих реакций, как это характерно для логического бихевиоризма, а сложно организованные совокупности условно-рефлекторных взаимосвязей. В частности, процесс смыслообразования имеет стимул-реактивный характер, благодаря чему слова обладают значением лишь постольку, поскольку вызывают реакцию, сходную с реакцией, которую вызывают референты. Ментальная активность характеризуется наличием между стимулом и реакцией имманентных детерминант, в качестве которых могут выступать приспособительные акты (как это полагает Д. Уотсон), когнитивные карты (как это полагает Э. Толмен) или паттерны оперантного научения (как это полагает Б. Скиннер). Строго говоря, в психологическом бихевиоризме сознания как такового вообще не существует, поскольку то, что мы называем внутренней субъективной жизнью сознающего существа, в действительности тождественно объективно наблюдаемым комплексам поведенческих реакций.

В рамках *эмпирического бихевиоризма*, разрабатываемого С. Пристом, сознание – это ментальная активность мозга, которая не представляет собой ничего

иного, кроме того, что мы можем обнаружить в действии нейронных сетей объективно-научными средствами. Тождество физического и ментального отслеживается эмпирическим путем в результате сопоставления активности нейронных сетей и поведенческих реакций, которые раскрывают феноменальную сущность психических переживаний. Внеэмпирического вопроса о взаимодействии сознания и мозга не существует подобно тому, как в отношении двигающегося автобуса не существует проблемы взаимодействия автобуса и его механического движения. В итоге С. Прист элиминирует субъективные переживания, утверждая, что они «суть качественные феноменологические результаты количественных физиологических чувственных импульсов и неврологической активности (подобно тому, как фотография может, помимо всего прочего, быть продуктом огромного количества малых точек)»[78].

Зададимся вопросом: что есть действие по сущности и каков его онтологический статус? Возьмем газ, который, нагреваясь, расширяется в сосуде и толкает поршень. Расширение газа и перемещение поршня можно назвать действием газа. Однако, когда мы говорим о действии газа, то подразумеваем, что газ находится в состоянии действия, и реально существует лишь действующий газ, тогда как действие как таковое является описанием того, что именно с газом происходит. Приписывая действию физической системы нечто большее, нежели то, что содержит в себе действующая система, т.е. добавляя к совокупности происходящих с ней физических процессов еще некоторое феноменальное содержание, качественно несводимое к физическому уровню бытия, мы тем самым нарушаем принцип каузальной замкнутости физического мира, ибо всякое действие, совершаемое физической системой, имеет последствия, реализуемые на физическом уровне бытия.

Таким образом, редуктивные теории сознания не соответствуют феноменологической предпосылке данного исследования, ибо элиминируют субъективно переживаемое содержание ментальных феноменов. Между редуцируемым сознанием и редуцирующими сущностями физического порядка существует неустранимый дескриптивный и онтологический разрыв.

---

[78] Прист С. Теории сознания. М., 2000. С. 202.

Дескриптивный разрыв заключается в том, что какие бы сложные и длинные предложения физикалистского характера (в физических, логико-вычислительных или поведенческих терминах) мы ни выстраивали, нам все равно не удастся выразить собственно то, что мы переживаем во внутренней ментальной жизни. Сколько бы мы ни описывали на физикалистском языке переживание красного цвета, мы никогда не поймем, каково это – видеть красный цвет, пока сами не увидим что-либо красное. Описание боли как возбуждения определенного участка нейронной цепи в головном мозге человека также не дает представления о том, каково это – переживать боль в ее внутреннем феноменальном содержании. Поскольку же описание ментального переживания боли невозможно свести к описанию его физической подложки, то и само по себе переживание боли не находит адекватного места в редуктивных теориях сознания.

Онтологический разрыв сводится к тому, что никакие физические факты и законы не позволяют априорно (дедуктивно) имплицировать факты ментального порядка. По этому поводу американский философ Д. Левин пишет: «Явление объяснено, если редуцирующие факты делают его эпистемологически необходимым, если мы можем видеть, почему при наличии фактов, на которые ссылается редукция, вещи должны быть именно такими, какими они нам кажутся на поверхности»[79]. Поскольку же мы не понимаем (и в принципе понять не можем, исходя из законов физического бытия), почему при наличии нейронных фактов случаются также и соответствующие им ментальные факты именно в той форме, в какой они переживаются, то редуктивная точка зрения на природу сознания оказывается ложной.

Из описания физических событий невозможно логически вывести события ментального порядка даже при условии, что такое описание будет абсолютно полным. Как замечает С. Прист, «никакое наблюдение учеными электрических процессов внутри моего черепа не откроет им переживаемые мной мысли и эмо-

[79] Levine J. On leaving out what it is like // Consciousness: Psychological and Philosophical Essays. Oxford: Blackwell, 1993. P. 129.

ции»[80]. Поскольку редукция сложной системы к простым элементам с необходимостью предполагает логическую выводимость высокоуровневых событий из низкоуровневого описания, как это происходит в ситуации, когда из законов, управляющих движением микрочастиц, мы получаем представление о свойствах макроскопических объектов, то отсюда можно сделать вывод, что сознание не сводится к физическим процессам, а это, в свою очередь, указывает на ложность материалистического (натуралистического) монизма. Как только мы объективируем ментальные феномены, отождествляя их свойства со свойствами физического характера, так сразу же они теряют субъективно-феноменальное содержание и перестают быть собственно ментальными феноменами, в результате чего не остается ни образов, ни эмоцией, ни желаний, ни мыслей, ни идей.

Поэтому материалистический (натуралистический) монизм есть *элиминативизм*, утверждающий, что ментальные свойства вообще не существуют, аналогично тому, как, по меткому замечанию Д. Деннета, не существует никаких фокусов, ибо всякий фокус, на самом деле, не является таковым, а представляет собой вполне объяснимое и закономерное явление. Будучи честным и последовательным физикалистом (материалистическим монистом сильного редуктивного типа), Д. Деннет утверждает, что в физическом мире может присутствовать только физическое сущее, и, следовательно, ментальное сущее имеет физическую основу и физическую сущность. Значит ментальных феноменов не существует, они – лишь фикции человеческого языка, ибо «психика, которая получается, когда к ней добавляется язык, настолько отличается от психики, которая была бы без добавления языка, что было бы ошибкой называть и ту и другую психикой»[81]. Своей радикальной критикой сознания Д. Деннет выступает против концепции картезианского театра, согласно которой внутри мозга сидит субъективный зритель и наблюдает ментальное шоу в виде психических переживаний. Субъективного Я как идеального единства внутренней психической жизни не существует, поскольку сами по себе физические системы, пребывая в постоянном становлении и из-

[80] Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 137.
[81] Деннет Д. Виды психики. М., 2004. С. 24.

менении, никаких идеальных единств содержать не могут, и поэтому правильно говорить не о едином субъективном Я человека, а о множестве ментальных набросков, которые объединяются памятью в иллюзию потока сознания. По этому поводу Д. Деннет пишет: «Феномен человеческого сознания объясняется в терминах “виртуальной машины” – некоего вида эволюционировавшей компьютерной программы, которая оформляет мозговую активность. Не существует никакого “картезианского театра” – есть только Множественные Наброски, которые создаются процессами фиксации содержания, играющими различные полунезависимые роли в более крупной экономике мозга по контролю путешествия человеческого тела через жизнь»[82].

С. Прист в результате размышлений также приходит к выводу, что «сознание не существует. Различные виды опыта, разумеется, существуют, но как только мы перечислим все виды опыта, которые имеет человек, то слово “сознание” уже не будет схватывать абсолютно ничего»[83]. По его мнению, достоинства элиминативизма сводятся к 1) *эмпирической экономии*, благодаря которой для описания и объяснения ментальных фактов не требуется дополнительной объективно ненаблюдаемой сущности, 2) *теоретической экономии*, благодаря которой можно объяснить эфемерность сознания, его неуловимую природу и невыразимость соответствующего понятия, и 3) *экспликативной экономии*, благодаря которой необходимость обоснования бытия сознания ложится на противников элиминативизма, тогда как сторонники этой теории не нуждаются ни в каком обосновании, ибо в данном случае обосновываемый феномен не обладает объективно фиксируемым существованием.

Таким образом, натуралистический монизм, ведущий при последовательном развитии к элиминативизму, уравнивает человека с бессознательным зомби, который в действительности не имеет ментальных переживаний, а лишь говорит, что они ему свойственны, и приписывает их другим субъектам, которые демонстрируют схожее поведение. Однако подобный вывод противоречит непосредствен-

---

[82] Dennett D. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Company, 1991. P. 431.
[83] Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 237.

ному опыту, который с эвиденциальной достоверностью свидетельствует, что мы имеем чувственное восприятие, переживаем эмоции, видим сны и, закрыв глаза, может себе представить то, что физически отсутствует, т.е., иными словами, противоречит феноменологической предпосылке данного исследования.

Дуалистический материализм (натурализм), или *материалистический (натуралистический) дуализм*, утверждает, что во Вселенной существуют процессы и явления, которые в своей бытийной основе имеют нефизическую (ментальную) природу и обусловливаются нефизическими (ментальными) причинами (иначе нарушается принцип каузальной замкнутости физического мира). Поэтому при определенных условиях физические события сопровождаются нефизическими (ментальными), которые и по бытию, и по сущности сохраняют нередуцируемый характер. В итоге утверждается существование психофизических событиях, которые обладают нетождественными свойствами психического и физического порядка, что соответствует точке зрения Д. Дэвидсона, Я. Кима, Р. Сперри, Д. Чалмерса, а также представителей диалектического материализма. Переживание боли в отношении того, как оно существует, нельзя отождествить с существованием сопровождающих ее нейрофизиологических процессов. Бытие ментального образа солнца не тождественно бытию физических процессов, сопровождающих восприятие солнца, хотя последнее происходит тогда и только тогда, когда происходят соответствующие ему события нейронного порядка. Феноменологию переживания красного цвета нельзя свести к феноменологии нейронных процессов, которые сопровождают данное переживание, поскольку никакие описания последних не раскрывают по сущности феноменальное содержание того, что именно переживается в ментальном переживании красного цвета. Наблюдая в головном мозге события физического порядка, можно из эмпирически установленной корреляции с необходимостью умозаключить о наличии соответствующих им ментальных переживаний, но вместе с тем никакое знание сущности объективно-физических событий не раскрывает внутренней феноменологии субъективно-ментального опыта. Таким образом, рамках материалистического дуализма развиваются нередуктивные теории сознания.

Натуралистический дуализм позволяет преодолеть аргумент знания, предложенный австралийским философом Ф. Джексоном с целью опровержения редуктивного материализма, который утверждает, что бытийная основа окружающего мира, в конечном счете, имеет материально-физическую основу, т.е. любые события, происходящие во Вселенной, могут быть редуцированы к набору событий физического характера. Согласно редуктивному материализму, знание всех физических фактов об окружающем мире исчерпывает всю совокупность фактов вообще. В частности, знание всех физических фактов, лежащих в онтологической основе ментальных фактов, дает исчерпывающее знание последних. Если же это утверждение оказывается ложным, а истинным оказывается противоположное утверждение, в соответствии с которым знание всех физических фактов, лежащих в онтологической основе ментальных фактов, не дает исчерпывающее знание последних, то тогда мы должны признать неполноту редуктивно-материалистической картины мира и, как следствие, ложность философской концепции редуктивного материализма (натуралистического монизма).

Одним из первых, кто обратил на это внимание, был Ф. Джексон, который придумал свой антиматериалистический аргумент знания в виде следующего мысленного эксперимента. Представим себе, что существует девушка Мэри, которая знает совершенно все о нейронных механизмах, протекающих в головном мозге человека. При этом на протяжении всей своей жизни она была окружена лишь черно-белыми предметами и никогда не видела ничего цветного. Соответственно возникает вопрос: узнает ли воображаемая Мэри нечто новое, чего она не знала ранее, имея представление обо всех возможных процессах нейронного характера, если в действительности увидит цветной предмет? Джексон отвечает на него положительно, делая вывод, что знание нейронной основы ментальных событий еще с необходимостью не дает нам и априорного знания о самих этих ментальных событиях в их собственном феноменальном содержании. В частности, знание всей нейрофизиологии и биохимии красного цвета еще не дает нам представления о том, каково это – переживать красный цвет.

Аргумент знания с участием воображаемой Мэри можно разложить на следующие логические составляющие: 1) если мы знаем все о физических событиях, которые случаются на нейронном уровне в головном мозге человека, но никогда не видели цветных предметов и поэтому не знаем, каково это – видеть тот или иной цвет, отличный от белого и черного, то 2) увидев, что-то цветное, получим новое знание, несмотря на то, что имеем представление обо всех нейронных процессах, сопровождающих восприятие цветов, и с учетом того, что 3) в соответствии с редуктивно-материалистической точкой зрения знание всех физических событий исчерпывает вообще все возможное знание об окружающем мире, ибо в онтологической основе любых явлений с необходимостью лежат события физического порядка, мы приходим к выводу, что 4) редуктивный материализм ложен.

Защитники редуктивного материализма пытаются подорвать первые три утверждения, чтобы сделать несостоятельным конечный вывод. Во-первых, они утверждают, что Мэри, зная нейронную основу феноменального опыта, знает одновременно и сам феноменальный опыт. Например, Д. Деннет, возражая против аргумента Джексона, апеллирует к тому, что ничего ментального как такового в действительности не существует, а существует одно лишь нейронное, зная которое, мы автоматически знаем и само ментальное ровно настолько, насколько оно вообще может быть узнано сознающим субъектом[84]. Во время ментального восприятия не появляется ничего дополнительного, чего не было бы при понимании его нейронной основы. Однако нельзя согласиться с этим утверждением, поскольку знание нейронного кода еще не дает и знания того, что именно при этом кодируется, ибо в противном случае мы имеем дело с переводом одного кода в другой по правилам, имманентным совокупности событий, частью которых является и сам переводимый код. Но тогда ментальное по сущности ничем не отличается от физического, а субъективное – от объективного, что логически опять-таки приводит нас к концепции элиминативизма.

---

[84] Dennett D. What RoboMary knows? // Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism. Oxford: Oxford University Press. 2007. P. 15-31.

Во-вторых, сторонники редуктивного материализма полагают, что Мэри знает все о физических событиях лишь на теоретическом уровне, т.е. на уровне их абстрактно-символического описания, что никак не позволяет ей иметь и соответствующий феноменальный опыт, дающий знание о том, каково это – находиться внутри состояния, описываемого извне. Практический опыт принципиально отличается от теоретического знания в рамках ментального бытия, прежде всего, тем, что на практике появляется феноменальное содержание психического опыта, которое не тождественно теоретическим конструктам, описывающим нейронную активность мозга. Поэтому воображаемая Мэри, увидев цветной предмет, получит новый опыт несмотря на то, что при этом не узнает ничего нового относительно нейронных событий. Зная физическую основу, например, красного цвета, Мэри может вообразить его только в том случае, если у нее должным образом заработает представление, но само по себе внешнее знание не дает ей ментального переживания изнутри, которое соответствует красному цвету, ибо нейронная основа красного не есть само это красное уже потому, что она не заключает в себе ничего феноменально красного, воспринимаемого на ментальном уровне бытия.

Если некое событие не описывается на языке теории, то оно выходит за рамки соответствующего ей онтологического региона, и, следовательно, психические феномены выпадают из физической сферы бытия. Это означает либо то, что никакого феноменального опыта вообще не существует, и тогда мы оказываемся на позициях элиминативизма, либо то, что феноменальный опыт детерминируется нейронной основой головного мозга не априорно, а апостериорно, в силу чего Мэри, зная одну лишь нейронную основу, не может одновременно знать и сам феноменальный опыт. Однако если мы хотим остаться в рамках редуктивного материализма, то должны признать, что во втором случае феноменальный опыт является сложным онтологическим феноменом, состоящим из нейронных процессов, подобно тому, как идеальный газ является сложной физической структурой, состоящей из взаимодействующих материальных частиц. И аналогично тому, как бытие идеального газа априорно (дедуктивно) выводится из бытия составляющих его материальных частиц при условии, что мы знаем все соответствующие законы

взаимодействия этих частиц, следует также согласиться и с тем необходимым обстоятельством, что бытие ментальных переживаний априорно (дедуктивно) выводится из бытия нейронных процессов. А это, в свою очередь, делает вышеописанное возражение сторонников редуктивного материализма неудовлетворительным.

Наконец, в-третьих, сторонники редуктивного материализма утверждают, что если их точка зрения истинна, то это еще не означает, что знание всех физических событий должно исчерпывать вообще все возможное знание об окружающем мире, ибо одно и то же событие может репрезентироваться по-разному, в результате чего умножаются не сами события, а способы их репрезентации. В частности, сам Ф. Джексон, будучи автором антиматериалистического аргумента знания, в последствии изменил свое мнение и перешел на сторону физикализма репрезентационалистского типа, полагая, что одно и то же событие может репрезентироваться по-разному, т.е. умножаются не сами события, а способы их психической репрезентации, в результате чего, во-первых, физические события на онтологическом уровне исчерпывают все возможные события вообще, и, во-вторых, ментальная репрезентация этих событий дает новое знание, которое, тем не менее, априорно (дедуктивно) не выводится из их физической основы. Однако это возражение теряет доказательную силу, если мы обратим внимание на то, что и сами репрезентативные акты, наряду с репрезентируемыми событиями, также являются специфическими событиями, которые происходят в окружающем мире. Мэри, действительно, может репрезентировать одни и те же нейронные процессы, протекающие в головном мозге, посредством физического или ментального описания, но при этом оба репрезентативных акта, в свою очередь, также будут специфическими событиями, которые происходят в физическом мире. Если мы скажем, что они отличаются от репрезентируемых нейронных процессов, то вступим в противоречие с редуктивным материализмам, который утверждает, что в своей онтологической основе все ментальные процессы тождественны физическим. Если же мы станем утверждать, что они, напротив, представляют собой разновидность репрезентируемых нейронных процессов, протекающих в головном мозге Мэри, то вступим в противоречие с изначальной предпосылкой данных рассужде-

ний, которая заключается в том, что знание физических событий не исчерпывает все возможное знание об окружающем мире.

Натуралистический дуализм также подрывает третью логическую составляющую аргумента знания, отрицая истинность тезиса, согласно которому знание всех физических событий и законов физического бытия исчерпывает все возможное знание об окружающем мире, поскольку согласно данной концепции ментальные события не редуцируются к физическим ни по бытию, ни по сущности, что и не позволяет Мэри знать, каково это – видеть цветную вещь, при условии, что она никогда ее не видела, но знает совершенно все о физических процессах, сопровождающих цветное восприятие. Нередуктивный материализм признает онтологический и дескриптивный разрыв между ментальными и физическими событиями, который обусловливается существованием внутреннего и внешнего знания, и поэтому он не сталкивается с проблемами, которые характерны для материализма редуктивного типа при анализе аргумента Джексона.

Далее следует заметить, что онтологический дуализм может быть двух видов 1) дуализм субстанций и 2) дуализм свойств. Под *субстанцией* понимается бытийная основа окружающего мира, которая подчиняется принципу causa sui, т.е. не требует никакой внешней причины для объяснения ее бытия. Поэтому дуализм субстанций (например, в его декартовском варианте, согласно которому бытийная основа окружающего мира состоит из двух непреходящих и самодостаточных субстанций – материальной, протяженной, и духовной, мыслящей) не совместим с материалистической точкой зрения, утверждающей в качестве бытийной основы окружающего мира одну единственную материальную субстанцию, благодаря которой изменяющиеся параметры рассматриваемых явлений, в конечном счете, обретают свой устойчивый онтологический фундамент. Попытка совмещения материалистических оснований с дуализмом субстанций наблюдается в эмерджентном дуализме американских философов У. Хескера и Д. Зиммермана, согласно которым духовная субстанция в качестве носителя ментальных свойств отождествляется с эмерджентным продуктом деятельности нейронных сетей головного мозга и оказывает на них обратное каузальное влияние. Однако

такой подход неминуемо приводит к нарушению принципов каузальной замкнутости физического мира и эпистемологической полноты физики, что подтверждается собственными словами У. Хескера, который настаивает, что «надо отказаться от каузальной замкнутости физического, а значит, и от приверженности универсальным механическим объяснениям»[85].

Строго говоря, дуализм субстанций с необходимостью влечет за собой дуализм свойств, поскольку нетождественные субстанции обладают нетождественными свойствами. Однако обратное утверждение неверно: дуализм свойств с необходимостью не влечет за собой дуализм субстанций, поскольку одна и та же субстанция может обладать разными свойствами. При этом не возникает логического противоречия, ибо неправильно говорить, что одна и та же субстанция в актуальном бытии обладает и свойством А, и свойством не-А одновременно (например, свойством топичности и свойством атопичности), а правильно говорить, что некоторые проявления субстанции обладают свойством А, а другие ее проявления не обладают свойством А (например, физическое сущее локализуемо в астрономическом пространстве и обладает физической энергией, а ментальное сущее не локализуемо в астрономическом пространстве и не обладает физической энергией). Такое положение дел мы наблюдаем на квантовом уровне бытия. Элементарная частица может проявляться как волна и как корпускула, причем до акта наблюдения она потенциальным образом находится в суперпозиции волны и корпускулы одновременно.

Материалистический (натуралистический) дуализм представляет собой *дуализм свойств*, в соответствии с которым материальные процессы могут обладать двумя разными, не тождественными по сущности, классами свойств – физическими и ментальными. В отношении атрибутивности или неатрибутивности ментальных свойств, присущих материальным системам, дуалистический материализм может быть классифицирован на 1) первичный дуализм свойств и 2) вторичный дуализм свойств.

---

[85] Hasker W. The Emergent Self. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 80.

Первичный дуализм свойств утверждает, что материи изначально присущи физические и нефизические свойства. Благодаря атрибутивным нефизическим свойствам на высшем уровне организации материальных систем возникают феноменальные качества субъективно-ментальных переживаний. В рамках первичного дуализма свойств развивает свою теорию интегрированной информации итальянский нейробиолог Д. Тонони, согласно которому сознание является внутренней, фундаментальной характеристикой реальности. К такого рода онтологическим концепциям относится панпротопсихизм Д. Чалмерса, совершающего синтез функционализма и дуализма свойств, что позволяет объяснить поведение человека, с одной стороны, в отношении каузальной роли, которую это поведение выполняет, а, с другой стороны, в отношении ментального содержания, которое этим поведением выражается. Мозг человека реализует определенную функцию, в результате чего возникает ментальное состояние, которое во внутренней феноменологии не редуцируется к состоянию функционального характера. В данном случае мы имеем дело с натуралистическим дуализмом (т.е. дуализмом материалистического типа), ибо ментальное сущее противостоит физическому, но в то же самое время не утверждается в качестве самостоятельной субстанции.

Подобные теории сталкиваются с опасностью, которая сводится к тому, что при последовательном развитии они могут превратиться в панпсихизм, одушевляющий материальную природу в ее онтологической основе. Одним из наиболее видных представителей панпсихизма является нидерландский философ Нового времени Б. Спиноза, согласно которому единая мировая субстанция обладает двумя неотъемлемыми качествами – протяженностью (что делает ее материальной) и мышлением (что делает ее духовной). Таким образом, всем материальным объектам присуще сознание. По мнению Б. Спинозы, чем сложнее физическое тело, т.е. чем большее количество степеней свободы оно имеет и чем большее количество движений может совершить, тем сложнее и принадлежащая ему душа, которая соответственно обладает большей способностью осознавать и мыслить, нежели душа, связанная с менее сложным и упорядоченным телом.

Современные философские концепции сознания, разрабатываемые в рамках первичного дуализма свойств, утверждают, что материи атрибутивно присущи *протоментальные* свойства, которые, будучи примитивной и неразвитой формой бытия ментальных свойств, присущих человеческому сознанию, позволяют говорить о внутреннем субъективно-феноменальном содержании любых физических объектов. Поэтому вопрос, связанный с тем, каково это – находиться в том или ином феноменальном состоянии, касается не только существ, обладающих высшей нервной системой, но и простых физических вещей, как это характерно для натуралистического дуализма Д. Чалмерса. Последний заявляет, что даже у термостата имеются информационные состояния (ведущие к охлаждению, нагреванию или бездействию), которые обладают внутренней феноменологией, в результате чего мы вполне «могли бы задаться вопросом: каков характер этих феноменальных состояний? Иначе говоря, каково это – быть термостатом?»[86].

В философии Б. Рассела тоже прослеживаются аналогичные идеи, согласно которым исследование окружающего мира открывает его внешнюю сторону, обусловленную тем, каким образом один объект воздействует на другой объект и, в частности, на наши исследовательские средства. Например, физические характеристики элементарных частиц в экспериментальной ситуации определяются их воздействием на регистрирующие приборы. Мы можем сказать, что элементарная частица обладает такой-то массой, таким-то зарядом, таким-то спином, такой-то энергией или таким-то импульсом, т.е. можем сказать, что внешним образом рассматриваемая частица так-то и так-то взаимодействует с окружающей средой, но при этом мы ничего не можем сказать о том, чем она является внутренним образом, т.е. чем она, собственно говоря, является вне всех этих физических взаимодействий. Однако если мы все-таки допускаем, что бытие элементарных частиц имеет как внешнюю, так и внутреннюю сторону, то наилучшим кандидатом на их внутреннее бытие следует признать феноменальную составляющую, поскольку на основании нашего непосредственного опыта мы убеждаемся, что психические пе-

[86] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 366.

реживания, обладающие феноменальным содержанием, представляют собой внутреннюю сторону физического поведения, обусловленного нашим взаимодействием с окружающими объектами. Поэтому логично предположить, что у всякого сущего в окружающем мире наличествует две стороны бытия, одна из которых внешняя, физическая, а другая внутренняя, психическая (точнее протопсихическая, которая еще только может стать психической на определенном уровне организации материальных систем).

Панпсихическая точка зрения связана с рядом противоречий, которые ставят под сомнение истинность данной теории. Если мы полагаем, что сознание в той или иной форме присуще материи как таковой, то оно должно быть присуще ей на всех ее онтологических уровнях. Но тогда сознанием в той или иной степени обладают и субатомные частицы, и сам атом, состоящий из субатомных частиц, и молекула, в которую входит атом, и предмет, частью которого является молекула, и совокупность предметов, с которыми этот предмет взаимодействует, и, в конечном счете, вся физическая Вселенная целиком, состоящая из отдельных частей, каждая из которых в той или иной степени обладает сознанием. В результате мы приходим к абсурдной ситуации, в которой одна и та же вещь обладает большим количеством центрированных сознаний. Например, человек обладает сознанием, и его рука обладает сознанием, и его нога, и его нос, и вообще каждая клеточка его тела тоже обладает сознанием, и так продолжается до бесконечности как в сторону уменьшения масштаба окружающего мира, так и в сторону увеличения. Н.В Перунова и В.И. Филатов в совместной статье «О структурах сознания: постановка проблемы» подчеркивают, что «сознания вне Я нет»[87]. Если же мы утверждаем, что простейшим материальным структурам присущи бессознательные психические состояния, лишенные ментальной компоненты, то вступаем в противоречие с принципом топографического единства.

Вторичный дуализм свойств в отличие от первичного утверждает, что материи изначально присущи лишь физические свойства, тогда как ментальные возникают из физических в процессе эволюции материальных систем. Протомен-

[87] Культура и время перемен. 2018. № 1 (20). С. 31.

тальные качества в своей бытийной основе имеют физическую природу и представляют собой разновидность физических характеристик. Таким образом, отслеживая эволюционные корни ментального опыта во всем разнообразии физических свойств, атрибутивно присущих материи, можно выделить особое фундаментальное свойство, обладающее протоментальным статусом.

Вторичный дуализм свойств есть *эмерджентизм*, согласно которому ментальные переживания тождественны эмерджентным (системным) свойствам, присущим головному мозгу в целом, а не отдельным его структурным элементам. В соответствии с данной точкой зрения, как подчеркивает отечественный специалист в области истории западной философии Н.С. Юлина, «ментальное является новым эмерджентным качеством, возникающим из физического, но не редуцируемого к нему»[88]. Ментальные события по сущности не тождественны физическим, но случаются лишь тогда, когда физическая система проявляет соответствующие им эмерджентные свойства. Однако некоторые эмерджентисты приписывают новым эмерджентным качествам ментального порядка физический статус, что отбрасывает их из концептуальной сферы вторичного дуализма свойств в концептуальную сферу редуктивного материализма сильного типа. Например, Д. Серл дает следующее определение сознанию: «Сознание есть свойство мозга высшего уровня (или эмерджентное свойство) в совершенно безобидном смысле слов “высший уровень” и “эмерджентный”, подобном тому, как твердость является высшего уровня эмерджентным свойством молекул H_2O, когда они обладают решетчатой структурой (лед), а жидкое состояние сходным образом является высшего уровня эмерджентным свойством молекул H_2O, когда они, грубо говоря, катаются вокруг друг друга (вода). Сознание есть ментальное и потому физическое свойство мозга в том смысле, в каком жидкое состояние есть свойство системы молекул»[89]. Эмерджентные свойства физических систем, как утверждает Д. Серл, зависят от реализующего их материального субстрата, и поэтому в отличие от функционализма одни и те же эмерджентные свойства (в частности, одни и те же менталь-

[88] Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания. М.: Канон+, 2004. С. 42.
[89] Серл Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 35.

ные переживания) не могут быть реализованы на разнородных (т.е. собранных из неидентичного материала) физических носителях, что, в частности, соответствует аргументу китайской комнаты и противоречит концепции сильного искусственного интеллекта.

Следует заметить, что эмерджентное свойство материальной системы априорно (дедуктивно) выводится из совокупности реляционных свойств, которые присущи ее отдельным элементам, поскольку элементы системы обладают конститутивным характером по отношению к системе в целом, и, значит, свойства частей конституируют свойства целостной системы. Например, текучесть воды как физическое эмерджентное свойство совокупности взаимодействующих молекул H_2O сводится к сумме физических свойств, которыми эти молекулы обладают в отдельности, ибо, зная их наряду с основными законами физики, можно вывести закономерности, которым подчиняется текущая вода как сложно организованная физическая система. Ведь то, что мы называем текучестью воды, по сущности представляет собой электромагнитное взаимодействие большого количества субатомных частиц. Аналогично, если мы определяем сознание как физическое эмерджентное свойство нейронных сетей, то это означает, что, в конечном счете, его ментальная сущность сводится к физической сущности событий, которые происходят в отдельных нейронах головного мозга.

Таким образом, оставляя за эмерджентными свойствами материальных систем собственно физический статус, мы редуцируем сущность ментальных событий к сущности событий физического порядка и оказываемся в рамках теории тождества сознания и тела. Понимая это, сторонники эмерджентизма пытаются объяснить бытие сознания не просто через эмерджентные свойства нейронных сетей головного мозга, а именно через их нефизические (например, информационные) эмерджентные свойства. Например, отечественный специалист в области эпистемологии и философии науки И.П. Меркулов пишет: «Психика и мышление

– это эмерджентные феномены, относящиеся к информационным уровням функционирования когнитивной системы»[90].

Однако у физических явлений могут быть только физические свойства, ибо в противном случае физическое сущее как таковое утрачивает свою сущность и перестает быть собственно физическим. Если мы говорим о ментальных (нефизических) свойствах материального сущего, то либо редуцируем ментальное к физическому (определяя ментальные свойства как разновидности физических свойств) и тем самым встаем на позиции теории тождества сознания и тела, либо в самой материи предполагаем наличие протоментальной (нефизической) компоненты, что сдвигает нас в сторону первичного дуализма свойств. Поэтому, чтобы сохранить когерентные позиции эмерджентизма, мы должны объяснить, каким образом материальная система может обретать нефизические свойства, без апелляции к теориям физикалистского или панпсихического типа.

С этой задачей справляется *диалектический материализм*, согласно которому ментальные события надстраиваются над физическими за счет того, что при определенных условиях количество переходит в качество. Учение диалектического материализма основывается на теории отражения как атрибутивного свойства материи. В соответствии с точкой зрения В.И. Ленина, «логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»[91]. В процессе становления окружающего мира отражение усложняется и эволюционирует, постепенно достигая своей высшей формы – мышления и сознания человека. При этом отражение как таковое изначально не содержит в себе ничего психического, будучи способностью каждого объекта и явления материальной природы отвечать тем или иным образом на воздействие другого объекта или явления материальной природы, за счет чего в измененном и трансформированном виде воспроизводятся характеристики и черты отражаемого сущего средствами отражающей системы. Отражение бытийно укореняется в физическом взаимодействии, поскольку, как замечает советский философ, специа-

---

[90] Меркулов И.П. Когнитивная модель сознания // Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология). М.: Канон +, 2004. С. 56.
[91] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 91.

лист в области онтологии и теории познания Н.П. Антонов, «взаимодействие тел и явлений природы есть та основа, на которой возникает способность всей материи к отражению»[92]. Благодаря диалектическому закону перехода количественных характеристик в качественные, на определенном этапе структурной и функциональной организации материальных систем количественные характеристики физического (в том числе нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического) взаимодействия материальных элементов переходят в новое эмерджентное качество ментальности подобно тому, как при достижении определенной температуры жидкость трансформируется в качественно новое газовое состояние.

Однако в силу полноты физической картины мира (т.е. достаточности физических законов для описания событий физического порядка) количественное изменение физических величин ни при каких условиях не может породить принципиально новое нефизическое качество. Как верно замечает отечественный специалист в области онтологии и теории познания Е.Н. Шульга, эмерджентисты «не в состоянии дать ответ на вопрос, каким образом от биологической новации возникает особая бытийственность сознания, способность все “означивать”, придавать окружающему миру смыслы и создавать мир артефактов»[93]. Вода может превратиться в пар или замерзнуть в лед, а металл может стать сверхпроводящим при температуре, близкой к абсолютному нулю, но все эти качественные изменения по-прежнему описываются количественными параметрами, присущими физической системе. И если мы поднимаемся на более высокий уровень организации материальных структур (например, на уровень химии или биологии), то все равно в его бытийной основе лежат физические закономерности, не допускающие появление у физических систем нефизических характеристик, которые не сводятся к характеристикам физического порядка. В противном случае мы должны допустить наличие психофизических законов, которые устанавливают соответствие между физическими и нефизическими (ментальными) событиями и указывают на

---

[92] Антонов Н.П. Происхождение и сущность сознания. Иваново: ИГПИ, 1959. С. 9.
[93] Шульга Е.Н. Философия сознания: методологические инварианты исследования // Философия науки. Вып. 12. Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 206-207.

существование физических явлений, не объяснимых с помощью физической науки, поскольку в ситуациях, где физическое порождает ментальное и ментальное влияет на физическое, законы физики в отношении физических систем, взаимодействующих с ментальным сущим, оказываются бессильными. Признание психофизических законов, а вместе с этим и эпистемологической неполноты физики (как это происходит в панпротопсихизме Д. Чалмерса), уводит нас в сторону первичного дуализма свойств. Однако варианты диалектического материализма, которые основываются на атрибутивной концепции информации и, тем самым, не противоречат первичному дуализму свойств (например, в работах отечественного специалиста по философским проблемам информатики и кибернетики А.Д. Урсула), успешно справляются с проблемой генезиса нефизических качеств в процессе усложнения физических систем.

Здесь следует заметить, что, вообще говоря, отождествление сознания со свойством или качеством нейронных сетей головного мозга приводит к абсурдной ситуации, когда ментальные феномены, будучи свойствами тела, сами по себе обладают рядом свойств. У свойства не может быть никаких свойств, ибо оно само является свойством, как и у красного цвета не может быть никакого цвета, ибо он сам является цветом. Если некое сущее является носителем свойств, то оно не может быть одновременно и свойством некоего другого сущего, ибо свойство, будучи признаком и характеристикой конкретного (единичного) сущего, само по себе есть нечто абстрактное (всеобщее), что, вообще говоря, может быть присуще и другому конкретному (единичному) сущему. Если же мы говорим о свойстве сущего, то оно не может быть одновременно и носителем свойств, ибо в противном случае свойство гипостазируется, и мы переходим с позиций материализма на позиции идеализма платоновского типа. Поэтому эмерджентизм, утверждающий, что сознание – это эмерджентное свойство нейронных сетей головного мозга, либо гипостазирует эмерджентные свойства, теряя материалистические позиции, либо оставляет за ними статус ментальных свойств, в результате чего сознание утрачивает свои внутренние феноменальные качества, ибо, будучи свойством, уже не может быть одновременно и носителем свойств. Например, поле визуаль-

ного восприятия обладает рядом внутренних феноменальных свойств (субмодальностей), таких, как пространственная структура, цветовая гамма и темпоральная динамика, а, следовательно, является носителем свойств и само по себе никак не может быть представлено в виде эмерджентного свойства. Когда мы говорим о дуализме свойств, следует понимать, что существует два вида бытия (два вида сущего) – ментальное и физическое, и они обладают не сводимыми друг к другу наборами качеств, но неправильно говорить, что ментальное сущее является свойством физического сущего, ибо тогда ментальное сущее как именно единичное субъективно переживаемое бытие исчезает, и мы приходим к концепции элиминативизма.

Таким образом, решая проблему бытия сознания в физическом мире, мы можем остановиться на *идеалистической точке зрения*, согласно которой сознание не производно от материи, т.е. имеет трансцендентную (выходящую за пределы материального бытия) онтологическую основу, либо на *материалистической точке зрения*, согласно которой сознание производно от материи, т.е. имеет имманентную (внутренне присущую материальному бытию) онтологическую основу. Если мы останавливаемся на материалистической точке зрения, то можем придерживаться *редуктивного подхода*, в соответствии с которым ментальное является разновидностью физического, т.е. сводится к последнему и не отличается от него по своим сущностным характеристикам и свойствам, либо *нередуктивного подхода*, в соответствии с которым ментальное не является разновидностью физического, т.е. не сводится к последнему и отличается от него по своим сущностным характеристикам и свойствам. Редуктивный подход разделяется на *редуктивизм сильного типа*, утверждающий, что ментальное сводится к физическому и по сущности, и по бытию, или *редуктивизм слабого типа*, утверждающий, что ментальное сводится к физическому по сущности, но не по бытию. Нередуктивный подход, в свою очередь, может быть понят как *первичный дуализм свойств*, согласно которому нефизические свойства, выступающие в качестве онтологической основы ментальных характеристик, появляются в результате закономерной активности физических систем на определенном уровне их структурной

и функциональной организации, либо *вторичный дуализм свойств*, согласно которому нефизические свойства, выступающие в качестве онтологической основы ментальных характеристик, изначально присущи всем физическим системам вообще на любом сколь угодно простом уровне их структурной и функциональной организации.

Каждый из логически возможных вариантов решения проблемы бытия сознания в физическом мире сталкивается с серьезными вопросами и имеет слабые стороны. Идеалистическая точка зрения отказывается от материалистической онтологии, которая на сегодняшний день лежит в основе научной картины мира. Редуктивный подход (в его сильном и слабом варианте) элиминирует субъективную реальность. Вторичный дуализм свойств нуждается в постулировании нефизических законов, которые объясняют трансформацию физического сущего в нефизическое и нарушают тем самым эпистемологическую полноту физики. Первичный дуализм свойств расширяет научную картину мира, дополняя ее нефизической сущностью фундаментального порядка, что заставляет отказаться от классической материалистической онтологии и создает угрозу перехода к онтологии панпсихического типа. Однако именно первичный дуализм свойств не вступает в противоречие с феноменологической и каузалистической предпосылками данного исследования. Поэтому необходимо его дальнейшее развитие, которое позволит создать когерентную теорию сознания и справиться с обозначенными выше онтологическими трудностями.

§ 3. Психофизическая проблема и пути ее решения в рамках материалистической онтологии[94]

Помимо классификации философских теорий сознания в отношении его сущности и бытийного статуса, построим их классификацию в отношении характера взаимодействия ментального и физического сущего, что определяется спосо-

[94] Результаты исследования были опубликованы в статье: Черепанов И. В. Психофизическая проблема сознания // Научное мнение. Педагогические, психологические и философские науки. 2016. № 10. С. 79-86.

бом решения *психофизической проблемы*. Как происходит взаимодействие между субъективно существующим нефизическим (ментальным) сознанием и объективно существующим физическим телом? Как физическое тело воздействует на нефизическое (ментальное) сознание и воздействует ли вообще? Как нефизическое (ментальное) сознание воздействует на физическое тело и воздействует ли вообще?

Если мы утверждаем, что ментальное сущее самостоятельно индуцирует физические процессы, то тогда мы отказываемся от принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо в этом случае, по крайней мере, у некоторых физических событий оказываются нефизические причины. Если же мы соглашаемся, что ментальное сущее не влияет на физические процессы и что в действительности на одно физическое событие влияет лишь другое физическое событие, которое лежит в бытийной основе рассматриваемого ментального феномена, то в этом случае сознание либо утрачивает экзистенциальную активность в виде эпифеномена физических процессов, либо отождествляется с последними, что отбрасывает нас в сторону редуктивных и элиминативистских концепций, отрицающих бытие субъективно-феноменального содержания психического опыта.

Следует заметить, что в рамках материалистического монизма (редуктивного материализма) психофизическая проблема снимается и не требует аргументированного решения, поскольку бессмысленно спрашивать о взаимоотношении физической системы с ее физическими характеристиками (свойствами, функциями или действиями). Физическая система обладает свойствами, реализует функции и совершает действия, которые являются способами ее бытия и поэтому не находятся с ней ни в каких каузальных отношениях. Бессмысленно спрашивать, например, каким образом хрупкость стекла действует на стекло, а последнее действует на собственную хрупкость, или каким образом полет птицы действует на птицу, а птица действует на собственный полет. Однако снятие психофизической проблемы в данном случае достается большой ценой, поскольку мы либо 1) теряем ментальные переживания, отождествляя их с феноменами, которые не имеют уникальной онтологии и не обладают уникальной сущностью, что противоречит

феноменологической предпосылке данного исследования, либо 2) гипостазируем свойства, отождествляя их с феноменами, которые имеют уникальную онтологию и обладают уникальной сущностью, что отбрасывает нас в сторону идеалистических теорий сознания. Поэтому психофизическая проблема остается актуальной лишь в рамках материалистического дуализма (нередуктивного материализма).

Сложность и нетривиальность психофизической проблемы обусловливается тем, что ментальное сущее в отличие от физического 1) не обладает физической энергией и 2) не локализуется в физическом пространстве. Если ментальное сущее обладает физической энергией, то оно может выступать в качестве действующей причины физических событий, что нарушает принцип каузальной замкнутости физического мира или делает ментальное сущее разновидностью физического и тем самым противоречит феноменологической предпосылке данного исследования. Вопрос о пространственных координатах ментального сущего лишен смысла, в то время как аналогичный вопрос относительно физического сущего вполне уместен. Например, можно спросить, где находится шариковая ручка, но бессмысленно спрашивать, где находится визуальный образ шариковой ручки, ибо он нигде не находится, т.е. не имеет объективно-физической пространственной локализации. Можно говорить о пространственной локализации физических событий, которые сопровождают визуальное восприятие шариковой ручки, и указать определенные области мозга, где эти события случаются и происходят, но если в силу феноменологической предпосылки мы не отождествляем их с событиями ментального порядка, то последние не поддаются объективно-физической пространственной локализации. С другой стороны, можно говорить об особом виртуальном пространстве, в котором задается структура сосуществования чувственных образов (например, о виртуальном пространстве сновидения), или об особом интеллигибельном пространстве, в котором задается структура сосуществования понятий и идей (например, об интеллигибельном пространстве обобщенных координат), но ни одно из них не локализуется в пространстве, где происходят физические события. Поэтому остается непонятным, каким образом осуществляется взаимодействие физического сущего, которое обладает энергией и

локализуется в физическом пространстве, с ментальным сущим, которое не обладает энергией и не локализуется в физическом пространстве.

В плане решения психофизической проблемы философские теории сознания могут быть: 1) детерминистскими и 2) индетерминистскими. *Детерминистские теории* сознания, которые утверждают, что ментальное и физическое сущее находятся в состоянии каузального взаимодействия, разделяются на 1) интеракционизм и 2) эпифеноменализм.

Согласно *интеракционизму* ментальные события (мысли, убеждения, чувства, эмоции, аффекты, желания, представления и т.д.) могут выступать в качестве действующей причины физических событий, а физические события (как внешние, имеющие отношение к окружающему миру, так и внутренние, имеющие отношение к телу человека) могут выступать в качестве действующей причины ментальных событий. Одним из первых, кто попытался количественно связать физические и психические процессы, был немецкий физик, психолог и философ Г. Фехнер. Он сформулировал в XIX веке психофизиологический закон, согласно которому при возрастании физического силы стимула в геометрической прогрессии интенсивность психического ощущения растет в арифметической прогрессии, т.е. интенсивность психического ощущения пропорциональна логарифму интенсивности физического раздражителя. Используя психофизиологический закон, Г. Фехнер попытался найти количественные отношения (на примере обыденных ситуаций и восприятия знаменитой «Мадонны» Леонардо да Винчи), которые вызывают позитивные эстетические чувства. Представителями интеракционизма являются К. Поппер, У. Хескер, Д. Экклз. К разновидностям интеракционизма относится информационная теория Д.И. Дубровского, основанная на идее информационной причинности, а также локальный интеракционизм В.В. Васильева, согласно которому ментальные феномены порождаются нелокальным взаимодействием мозга с окружающим миром, что, с одной стороны, обеспечивает каузальную действенность сознания, а, с другой стороны, сохраняет его приватный характер и внутреннее феноменальное содержание.

Допуская двухстороннее взаимодействие ментального и физического сущего, интеракционизм нарушает принцип каузальной замкнутости физического мира, ибо у физических событий появляются нефизические (ментальные) причины, а у нефизических (ментальных) событий появляются физические причины. В дуалистической философии Р. Декарта, которую можно назвать субстанциальным интеракционизмом, энергообмен между физическим телом и нефизической душой реализуется посредством шишковидной железы, которая, однако, представляет собой телесно-физический орган, и поэтому остается непонятным, каким образом на физическом уровне бытия она может воспринимать действие сущего, не локализуемого в физическом пространстве и не обладающего физической энергией, а также оказывать на него обратное энергетическое влияние. Оправдывая интеракционизм, мы можем либо отказаться от закона сохранения физической энергии, как это делают субстанциальные дуалисты (например, Р. Декарт, С. Гроф, Р. Свинберн), либо попытаться объяснить каузальные отношения между физическим и ментальным сущим с помощью кратковременных флуктуаций, которые в макроскопических масштабах времени не нарушают каузальную замкнутость физического мира. Второй вариант характерен для мыслителей, использующих онтологию квантовой реальности в построении теории сознания (например, в работах Р. Пенроуза, Г. Степпа, С. Хамероффа, Д. Чалмерса). Они пытаются удержаться в рамках материалистического мировоззрения и сохранить каузальную замкнутость физического мира, обращаясь к принципу неопределенности Гейзенберга, о чем более развернуто пойдет речь ниже.

Согласно *эпифеноменализму* физические события детерминируют события ментального порядка, но последние не оказывают обратного влияния на физические события. Ментальное онтологически отличается от физического, но зависит от него каузально. Мысли и переживания не двигают телом, но детерминируются нейронными процессами, которые выступают в качестве причин телесных движений.

Исторически эпифеноменализм восходит к работам немецкого философа Нового времени Х. Вольфа, который, опираясь на теорию предустановленной

гармонии Г. Лейбница, полагал, что психические феномены не оказывают влияние на физическое тело. Можно также упомянуть английского популяризатора науки Т. Гексли, который сравнивал ментальные переживания со свистком паровоза. В.В. Васильев обнаруживает, что Д. Серл – скрытый эпифеноменалист[95]. Перспективы эпифеноменализма рассматриваются в работах Ф. Джексона. Борясь с эпифеноменализмом и доказывая его несостоятельность, Д. Чалмерс приходит к выводу, что «в конечном счете мы можем решиться на какую-то дозу эпифеноменализма»[96], поскольку эпифеноменализм «может быть контринтуитивным, но он не очевидно ложен, так что если основательная аргументация ведет нас к нему, мы должны принять его»[97].

Слабая сторона эпифеноменализма заключается в том, что он, во-первых, так же, как и интеракционизм, не согласуется с принципом каузальной замкнутости физического мира, ибо у физических событий появляются нефизические (ментальные) следствия, и, во-вторых, отрицает ментальную каузацию, рассматривая сознание в качестве «номологического бездельника». Многие современные философы (например, В.В. Васильев, Д. Деннет, К. Поппер, Д. Смарт, Г. Фейгль, Д. Чалмерс) рассматривают принцип каузальной замкнутости физического мира только в отношении того, что у физических событий не может быть нефизических причин, и поэтому эпифеноменализм признается ими как философская теория, не нарушающая полноту физики, но вместе с тем они критикуют его, отрицая каузальную неэффективность сознания. В частности, Д. Деннет полагает, что эпифеноменализм логически приводит к солипсизму, поскольку психические переживания отрываются от материальной основы и онтологически замыкаются в себе, не оказывая никакого влияния на физический мир. Будучи сторонником интеракционизма, британский философ австрийского происхождения К. Поппер критикует эпифеноменализм за его неспособность объяснить каузальную действенность мира информации. По этому поводу, подрывая физикалистские тенденции, он

---

[95] Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 83.
[96] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 194.
[97] Там же. С. 204.

пишет: «Эпифеноменализм разделяет с параллелизмом убеждение в том, что мир физики завершен – или, в других словах, что в принципе все, что может быть объяснено, может быть объяснено в физических терминах»[98].

Из истинности эпифеноменализма с необходимостью следует эпистемологическая полнота физики, но из эпистемологической полноты физики с необходимостью не следует истинность эпифеноменализма при условии, что со стороны ментальной каузации осуществляется детерминированный выбор из множества причинно-следственных цепей физического типа. Если мы признаём полноту физики и полагаем, что всякое физическое событие может быть объяснено в рамках физической онтологии без привлечения нефизических сущностей, то в этом случае мы не допускаем непосредственного влияния ментальных феноменов на физические процессы при условии, что первые не редуцируются ко вторым. Правильно говорить не о том, что ментальное сущее влияет на физическое сущее или одно ментальное сущее влияет на другое ментальное сущее, а о том, что одно физическое сущее, которое лежит в бытийной основе ментального сущего, влияет на другое физическое сущее, которое либо сопровождается ментальным сущим, либо не сопровождается никакими эффектами сознания. Опираясь на работы отечественных физиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова, отечественный философ-марксист В.В. Орлов показывает, что психическое и физическое – это «два уровня, высший и низший, деятельности материального мозга»[99]. Физическое (имеющее отношение к нейронной деятельности мозга) всегда лежит в основе психического (ментального) подобно тому, как в основе поведения макроскопического тела всегда лежит поведение составляющих его элементарных частиц. Следовательно, основа взаимодействия между психическим и физическим заключается в «неразрывной связи психических явлений и соответствующих им “нервных эквивалентов”, “нервных моделей”, “индивидуальных физиологических комплексов”»[100]. Но тогда влияние ментального на физическое и физического на менталь-

---

[98] Поппер К. Знание и психофизическая проблема. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 168.
[99] Орлов В.В. Проблема идеального // Философия сознания: классика и современность. М.: Издатель Савин С.А., 2007. С. 160.
[100] Там же. С. 164.

ное сводится в своей бытийной основе к влиянию одного физического на другое физическое, и сознание оказывается лишенным ментальной каузации довеском к нейрофизиологическим процессам, протекающим в головном мозге человека. При этом остается непонятно, зачем вообще ментальный довесок нужен, если сам по себе он не оказывает никакого влияния на поведение человека и последнее вполне могло бы протекать лишь в силу определенных нейрофизиологических причин без каузального участия сознания. Мы оказываемся в парадоксальной ситуации, когда действуем в соответствии с нашими желаниями вовсе не потому, что действительно хотим чего-то, а потому что к этому чему-то побуждают нас нейронные процессы, лежащие в основе ментального опыта и осознаваемые нами в виде психических переживаний. Если проводить аналогию между эпифеноменальными квалиа и тенями, которые отбрасывают материальные вещи, то можно сказать, что игра теней задается трансцендентными по отношению к их поведению причинно-следственными связями, и, значит, сама по себе она не обусловливается имманентной причинностью. Вглядываясь в игру теней и ничего не зная о вещах, которые их отбрасывают, мы неспособны обнаружить присущие ей универсальные закономерности. Продолжая аналогию, мы приходим к выводу, что, вглядываясь в мыслительные акты и ничего не зная о нейронных процессах, которые их порождают, мы неспособны обнаружить в мышлении логической и ассоциативной последовательности идей и ментальных состояний, что противоречит нашему непосредственному опыту.

Индетерминистские теории сознания, согласно которым ментальное и физическое сущее не находятся в состоянии каузального взаимодействия, разделяются на 1) параллелизм и 2) коррелятивизм.

Параллелизм утверждает, что ни ментальное сущее не влияет на физическое, ни физическое сущее не влияет на ментальное, а ментальные и физические события протекают параллельно, будучи сонастроенными в силу некой предустановленной гармонии. Например, голландский философ Нового времени А. Гейлинкс полагает, что ментальные и физические события идут параллельным ходом подобно двум сонастроенным и невзаимодействующим часам. Согласно окказио-

нализму французского философа Нового времени Н. Мальбранша, связующим звеном между телом и сознанием является Бог, который вмешивается в две параллельно протекающие каузальные цепи (физическую и ментальную) как истинная причина любого психофизического действия. Событие, которое мы принимаем за действующую причину, есть лишь видимый повод, или «оказия», для божественного вмешательства в параллельный ход ментальных и физических процессов. Конечно, подобные теории, которые основываются на идее предустановленной гармонии и которые И. Кант метко назвал подушкой для ленивого разума, нельзя рассматривать всерьез, поскольку они, по сути, ничего не объясняют, а откровенно капитулирует перед проблемой, связанной с тем, каким образом происходит каузальное взаимодействие между ментальным и физическим сущим.

Согласно *коррелятивизму* ментальное сущее находится с физическим не в причинно-следственных отношениях, а в отношениях корреляции, т.е. сознание – это не следствие, а коррелят нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека. Как замечает В.В. Васильев, «коррелят – это феномен, реально отличный от другого феномена и сопровождающий его. Иными словами, коррелят, в отличие от следствия, нельзя логически вывести из того, коррелятом чего он является»[101]. Если мы говорим, что группа ментальных событий X коррелирует с группой физических событий Y, то это означает, что во всех случаях, когда имеет место Y, с необходимостью имеет место X, но при этом X нельзя априорно (дедуктивно) вывести из Y, зная все начальные условия и законы, которым подчиняется Y. Иными словами, X и Y случаются одновременно и представляют собой целостный феномен, который существует лишь постольку, поскольку существуют X и Y, и сущность которого определяется сущностями X и Y.

Можно говорить о взаимодействии ментальных феноменов X_1 и X_2 или физических феноменов Y_1 и Y_2, но нельзя говорить о взаимодействии X_1 и Y_1 или X_2 и Y_2. Если мы знаем корреляцию между X и Y, которая устанавливается эмпирическим путем, и если она носит однозначный характер, то можно восстановить

[101] Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 68.

по цепочке событий $X_1^1, X_1^2, ..., X_1^n$ цепочку коррелирующих событий $Y_1^1, Y_1^2, ..., Y_1^n$ и, наоборот, по цепочке событий $Y_1^1, Y_1^2, ..., Y_1^n$ цепочку коррелирующих событий $X_1^1, X_1^2, ..., X_1^n$, а также по взаимодействию между цепочками событий $X_1^1, X_1^2, ..., X_1^n$ и $X_2^1, X_2^2, ..., X_2^n$ – взаимодействие между цепочками событий $Y_1^1, Y_1^2, ..., Y_1^n$ и $Y_2^1, Y_2^2, ..., Y_2^n$ и, наоборот, по взаимодействию между цепочками событий $Y_1^1, Y_1^2, ..., Y_1^n$ и $Y_2^1, Y_2^2, ..., Y_2^n$ – взаимодействие между цепочками событий $X_1^1, X_1^2, ..., X_1^n$ и $X_2^1, X_2^2, ..., X_2^n$.

Данная точка зрения согласуется с гипотезой психоневральной номической корреляции, которую выдвигает Т. Хондрих и которая сводится к тому, что определенное ментальное событие с необходимостью происходит, если происходит определенное невральное (физическое) событие. Причем каузальная связь невральных (физических) и ментальных событий носит не последовательный, а одновременный характер, т.е. причина не предшествует следствию, а происходит одновременно с ней, в силу чего невральные (физические) и ментальные события, находящиеся в коррелятивных отношениях, образуют онтологическую целостность. По этому поводу Т. Хондрих пишет: «Для каждого ментального события данного типа имеется некоторое одновременное с ним невральное событие одного из типов, принадлежащих к определенному множеству. Существование невронального события с необходимостью обусловливает существование ментального события, поэтому ментальное событие оказывается необходимым по отношению к невральному событию. Любое другое невральное событие из указанного множества типов будет находиться в тех же самых отношениях и к другому ментальному событию данного типа»[102].

Схожую позицию занимает отечественный философ, специалист в области аналитической философии сознания Д.И. Дубровский, утверждающий, что взаимосвязь между «явлением субъективной реальности (А) и соответствующей ему мозговой нейродинамической системой (Х)… выступает в форме *кодовой зависи-*

[102] Honderich T. A Theory of Determinism. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 107.

мости; А и Х суть явления *одновременные*, *однопричинные*, находятся в отношении *взаимооднозначного соответствия*»[103]. Поэтому «исследование связи А – Х, структурной и функциональной организации систем типа Х означает расшифровку мозгового кода данного психического явления»[104]. Иными словами, ментальное событие А коррелятивно связано с физическим событием Х, и когда происходит событие Х, одновременно происходит событие А, что обусловливается историческим развитием сложно устроенной физической системы, генерирующей событие Х.

Однако подобные теории сталкиваются с опасностью психофизического параллелизма, ибо остается непонятным, почему определенного рода физическим событиям с необходимостью аккомпанируют события ментального порядка, не выводимые дедуктивно из самих этих физических событий. Почему с необходимостью происходит определенное ментальное (психическое) событие, если происходит определенное невральное (физическое) событие, в то время как второе на невральном (физическом) уровне бытия ничего не потеряло бы без первого (в силу каузальной замкнутости физического мира)? Почему определенное нейронное (физическое) событие выступает в качестве кода по отношению к определенному ментальному (нефизическому) событию, в то время как кодирующее на нейронном (физическом) уровне бытия ничего не потеряло бы без сопутствующего ему кодируемого содержания (опять-таки в силу каузальной замкнутости физического мира)?

Поскольку речь в данном случае идет о необходимой взаимосвязи между разными событиями (физического и психического типа), то, значит, мы имеем дело с законами нефизического порядка, которые действуют в физическом мире. Если мы попытаемся вернуть рассматриваемым законам физический характер, то отождествим по сущности психические и физические свойства, утратив тем самым внутренне переживаемое феноменальное содержание сознания. Если же мы смиримся с нефизической природой законов, действующих в физическом мире и

---

[103] Дубровский Д.И. Нейрофилософия и проблема сознания // Философские науки. № 11. 2015. С. 18.
[104] Дубровский Д. И. Проблема «Сознание и мозг»: Информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 93.

обусловливающих активность физических систем, то утратим позиции материализма и должны будем признать наличие неких фундаментальных законов духовного порядка, что, в конечном счете, приведет нас к нарушению каузальной замкнутости физических событий. Чтобы вырваться из этого порочного круга, мы должны допустить наличие нефизических законов, которые действуют в физическом мире, не нарушая его каузальную замкнутость и не противореча фундаментальным законам физики, лежащим в онтологической основе наблюдаемой Вселенной.

Исходя из феноменологической и каузалистической предпосылок диссертационного исследования, а также принципа онтологической несепарабельности, который основывается на второй предпосылке, мы приходим к выводу, что сознание есть *коррелят* нейронных (физических) процессов, т.е. оно 1) существует тогда и только тогда, когда происходят соответствующие процессы нейронного порядка (в силу принципа онтологической несепарабельности), но 2) не редуцируется к этим процессам по сущности (в силу феноменологической предпосылки) и 3) не находится с ними в каузальных отношениях (в силу каузалистической предпосылки). Таким образом, от классической материалистической онтологии мы смещаемся в сторону первичного дуализма свойств коррелятивного типа.

Однако в рамках коррелятивизма так же, как и эпифеноменализма, сознание оказывается «номологическим бездельником», не влияющим на события физического порядка. Эту трудность можно преодолеть, если допустить, что сознание, будучи коррелятом нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека, никак не встраивается в причинно-следственные цепи физических событий (что соответствует каузалистической предпосылке), но одновременно влияет на то, какое именно физическое событие произойдет (что уже соответствует требованию не быть «номологическим бездельником»). Иными словами, если некое нефизическое сущее не встраивается в причинно-следственные цепи физических событий, то это еще не значит, что оно не обладает каузальной силой, ибо можно предположить, что на ментальном уровне бытия осуществляется детерминированный выбор из множества причинно-следственных цепей физического типа.

Например, отечественный физик А.А. Гриб, анализируя влияние сознающего наблюдателя на коллапс волновой функции, описывающей состояние наблюдаемой системы, в своей статье «Квантовый индетерминизм и свобода воли» пишет: «В отличие от измерений, опосредованных прибором, при измерениях как непосредственном осознании квантовых свойств не происходит никакой передачи энергии от прибора к исследуемому объекту, т.к. сознание не есть какое-либо поле с физическими характеристиками»[105].

Таким образом, сознание в качестве коррелята 1) детерминируется процессами нейронного (физического) порядка и 2) не встраивается в причинно-следственные цепи физических событий (что позволяет сохранить полноту физики, ибо для объяснения телесно-физических событий оказывается достаточно законов и принципов физической науки), но 3) может выступать в качестве действующей причины, которая обусловливает тот факт, что случается именно данное физическое событие, а не другое. Последний пункт назовем экзистенциальным требованием и на основании вышесказанного будем считать его необходимым условием построения философской теории сознания.

Сознанию присуща внутренняя детерминированность, которая обусловливается каузальными связями между психическими переживаниями, собранными в единое психическое целое. Как верно замечает Д.И. Дубровский, «отрицание оппонентом способности управлять по своей воле своими мыслями сразу же перечеркивает его право на самостоятельное рассуждение, тем более на теоретические решения, включая и его отрицание данного тезиса»[106]. Можно утверждать, что сознательная жизнь человека управляется процессами бессознательного характера, но нельзя сомневаться, что имманентно самому сознанию наблюдается активность, обусловленная ментальным опытом. Действуя осознанно, мы исходим на ментальном уровне бытия из непосредственно данных переживаний, ничего не зная о процессах нейронного характера, которые сопровождают нашу сознательную активность. Следовательно, сознание в своем внутреннем содержании, кото-

---

[105] Философия науки и техники. 2009. Т. 14. № 1. С. 19.
[106] Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 95.

рое не редуцируется к событиям физического порядка, подчиняется принципу аутодетерминизма, т.е. обладает спонтанностью (самопроизвольностью), не сводимой к причинности нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека.

Таким образом, *экзистенциальное требование* заключается в том, что философская теория сознания, несмотря на принцип каузальной замкнутости физических событий, должна сохранять свободу человеческого бытия, т.е. онтологическую активность сознания и его способность к спонтанным действиям, которые во всей своей полноте не детерминируются физическими факторами. В противном случае сознание, будучи «номологическим бездельником», ни на что не влияет, сопутствуя, как тень, процессам физического порядка. В эволюционном плане также остается непонятным, почему сознание возникло, если оно, будучи пассивным, не участвует в выживаемости высших организмов и их адаптации к изменяющимся условиям среды обитания. Отказ от спонтанности (аутодетерминированности) сознания, а, значит, и от свободы человека, приводит к онтологическому и логическому противоречию.

Онтологическое противоречие, фиксируемое в рамках экзистенциального требования, сводится к тому, что если мы признаём, что наше сознание в действительности ни на что не влияет и любое наше действие, в конечном счете, детерминируется событиями бессознательного и нейронного характера, то с необходимостью приходим к парадоксу израильского физика и философа А. Элитцура, согласно которому отрицание каузальной эффективности сознания означает, что любые суждения о ментальном опыте и соответствующие ему психические переживания не зависят от самой его внутренней феноменологии (т.е. от субъективно переживаемых феноменов сознания). На первый взгляд, может показаться, что тут нет никакого противоречия, если предположить, что ментальные переживания генерируется физическими процессами, протекающими в головном мозге человека, и поэтому любые высказывания, касающиеся субъективно-феноменального опыта, в действительности обусловливаются не этим субъективно-феноменальным опытом, а физическими процессами, которые лежат в его бытийной основе. Чело-

век, погруженный в бессознательный транс, или робот, имитирующий поведение человека, может высказываться о своей внутренней жизни, не имея при этом никаких ментальных (осознаваемых) переживаний. Однако когда мы имеем дело с субъектами, обладающими сознанием, и утверждаем, что их высказывания о ментальных переживаниях не зависят от сущности и бытия самих этих ментальных переживаний, то это означает, что переживаемое в ментальном переживании (т.е. в данном случае референт осмысленного высказывания) онтологически не зависит от сущности и бытия самого субъективно переживаемого феномена, т.е., другими словами, мы имеем осознаваемые переживания, в которых феноменально ничего не переживается, что уже приводит к явному онтологическому противоречию.

Логическое противоречие, фиксируемое в рамках экзистенциального требования, заключается в том, что если свободы воли не существует и все наши действия обусловливаются исключительно причинами физического (бессознательного) характера, то мы оказываемся бессознательным зомби. Не обладающий свободой человек тождественен бессознательному зомби, поскольку он лишь говорит, что осуществляет свободный выбор, тогда как в действительности его поведение полностью определяется физическими (бессознательными) процессами.

На первый взгляд, может показаться, что в данных рассуждениях смешиваются феноменальный и каузальный уровни бытия сознания. Ведь можно допустить, что сознание не обладает внешней ментальной каузацией (т.е. не воздействует на каузально замкнутые процессы физического порядка), но при этом имеет внутреннюю сущность, которая не редуцируется к сущности физических событий. Однако в силу рассмотренного выше парадокса Элитцура мы должны признать, что сознание обладает внутренней ментальной каузацией, т.е. один ментальный феномен может быть причиной другого ментального феномена, поскольку иначе мы имеем осознанные переживания, в которых феноменально ничего не переживается. Если мы станем утверждать, что внутренняя ментальная каузация полностью обусловливается причинно-следственными отношениями между феноменами физического порядка, то это означает, что в действительности никакой

внутренней ментальной каузации не существует и любое наше высказывание о внутренней субъективно-ментальной жизни не зависит от самой этой внутренней субъективно-ментальной жизни. Например, я говорю, что испытываю эмоцию радости, но при этом мое высказывание никак не зависит от самой эмоции радости, а, следовательно, ее просто не существует как именно некоего феноменального содержания сознания, поскольку на ментальном уровне бытия я говорю, что радуюсь, именно потому, что радуюсь, но не наоборот: причина того, что я радуюсь, не сводится к высказыванию о том, что я радуюсь. Таким образом, отсутствие внешней ментальной каузации (которая укореняется в несводимости внутренней ментальной каузации к процессам физического порядка) элиминирует внутреннее субъективно-феноменальное содержание психических переживаний, т.е. приводит к бытию бессознательных зомби. Если мы не соглашаемся с концепцией психофизического параллелизма, но одновременно отрицаем существование свободы, то сознание оказывается бессознательным феноменом психики (ибо за любым актом сознания скрываются бессознательные силы, исчерпывающие его каузальное действие), и в итоге мы получаем самопротиворечивое понятие бессознательного сознания.

Для согласования философской теории сознания с экзистенциальным требованием достаточно признать, что свобода воли существует как диспозиция, т.е. предрасположенность к свободному действию, которая, вообще говоря, может оставаться и нереализованной, если сознающий субъект будет руководствоваться не ассимилированными (осознаваемыми и понимаемыми), а интроецированными (не осознаваемыми и не понимаемыми) установками, мотивами и потребностями. Одновременное признание экзистенциального требования и коррелятивности ментальных переживаний приводит к противоречию, которое заключается в том, что сознание, с одной стороны, не оказывает влияния на процессы физического порядка, поскольку их причинно-следственная обусловленность укладывается в рамки каузальной замкнутости физического мира, но, с другой стороны, обладает свободой, т.е. онтологической активностью, не редуцируемой к процессам физического порядка в силу уникальной приватно-субъективной онтологии менталь-

ных феноменов. Поэтому философская теория сознания должна справляться с данной проблемой, показывая, каким образом сознание, не редуцируемое к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающими в головном мозге человека, может оказывать причинное действие на материальные системы без нарушения принципа каузальной замкнутости физических событий.

Выводы к главе 2

Во второй главе диссертационного исследования 1) сознание рассматривается как сущность, понимаемая с позиции материализма, 2) аргументируется необходимость двух фундаментальных предпосылок (феноменологической и каузалистической) философской теории сознания, 3) выстраивается классификация логически возможных материалистических онтологий ментального сущего, 4) накладываются ограничения на принципы материалистической онтологии, которые позволяют объяснить бытие сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире с учетом двух фундаментальных предпосылок (феноменологической и каузалистической), 5) намечаются пути решения психофизической проблемы в рамках материалистической философии, 6) обосновывается переход от классической материалистической онтологии к первичному дуализму свойств коррелятивного типа в рамках понимания бытия ментальных феноменов как нефизических сущностей, существующих в физическом мире.

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. Уникальная онтология и феноменология ментального сущего базируется на эвиденциальном опыте сознающего субъекта.

2. Принципы каузальной замкнутости физических событий и эпистемологической полноты физики основываются на нерушимости закона сохранения физической энергии.

3. Редуктивный материализм (сильного и слабого типа) теряет уникальную феноменологию ментального сущего, а нередуктивный материализм в форме вторичного дуализма свойств не согласуется с принципом каузальной замкнутости физических событий, и только нередуктивный материализм в форме первичного дуализма свойств сохраняет уникальную феноменологию ментального сущего и согласуется с принципом каузальной замкнутости физических событий.

4. В плане решения психофизической проблемы интеракционизм и эпифеноменализм не согласуются с принципом каузальной замкнутости физических событий, а параллелизм является эвристически пустой концепцией, не дающей никаких конструктивных объяснений бытия нефизического сознания в физическом мире, и только коррелятивизм оставляет возможность ментальной каузации без нарушения полноты физической науки.

5. Отрицание каузальной эффективности ментальных феноменов приводит к парадоксальной ситуации, в которой любые суждения о ментальном опыте и соответствующие ему психические переживания не зависят от его собственного психического контента, откуда логически следует отрицание уникальной феноменологии ментального сущего.

6. Исходя из анализа логически возможных онтологий сознания, делается вывод, что ментальные феномены представляют собой корреляты нейронных (физических) процессов, т.е. они существуют тогда и только тогда, когда происходят соответствующие процессы нейронного порядка (в силу принципа онтологической несепарабельности), но не редуцируются к этим процессам по сущности (в силу феноменалистической предпосылки) и не находятся с ними в каузальных отношениях (в силу каузалистической предпосылки), но сохраняет возможность ментальной каузации за счет квантово-информационной специфики бытия.

ГЛАВА 3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ

§ 1. Энергия и информация как две составляющие материального бытия

Физическое сущее 1) пребывает в физическом времени (т.е. обладает темпоральностью), 2) пребывает в физическом пространстве (т.е. обладает топичностью), 3) совершает работу в физическом пространстве и времени (т.е. обладает энергией) и 4) подчиняется физическим законам (т.е. описывается уравнениями физики). Как уже подчеркивалось выше, понятие материального имеет больший объем, нежели понятие физического, ибо всякое физическое событие является материальным, но не всякое материальное событие является физическим благодаря существованию особого рода материальных событий, отличных от событий физического порядка. Будем называть нефизическую материальную сферу сущего *информационной*. Информационные события, в отличие от физических, не локализуются в физическом пространстве, не обладают физической энергией и описываются законами, не сводимыми к законам физического бытия, но так же, как и физические, имеют темпоральную организацию (локализуются в физическом времени). Признание материальной нефизической компоненты бытия обусловливается, во-первых, необходимостью объяснения ментальных феноменов в рамках материалистической онтологии, ибо, как было показано выше, идеалистические теории сознания не согласуются с эпистемологической полнотой физики, и, во-вторых, невозможностью порождения чисто физическими системами событий, которые обладают нефизическими свойствами, поскольку в противном случае мы приходим к нарушению каузальной замкнутости физического мира.

В силу принципа онтологической несепарабельности информационное (материальное нефизическое) сущее ни при каких условиях не может существовать в отрыве от физического сущего, и, значит, информационное (материальное нефизическое) событие происходит тогда и только тогда, когда происходит соответствующее ему материальное физическое событие.

Информация имеет физический и феноменальный аспекты. В таком же направлении мыслит Д. Чалмерс, утверждая, что «информация (или, по крайней мере, некоторая информация) обладает двумя базисными аспектами – физическим аспектом и феноменальным аспектом. Это положение имеет статус фундаментального принципа, который может лежать в основе объяснения происхождения субъективного опыта из физического процесса»[107]. *Физический аспект информации* характеризует ее в количественном отношении и представляет собой меру различия в вероятностном описании состояний, присущих рассматриваемой материальной системе. Советский математик и кибернетик В.М. Глушков подчеркивает, что «информация – это мера неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени»[108]. *Феноменальный аспект информации* характеризует ее в качественном отношении и представляет собой сведения (данные) нефизического характера, существующие на физическом носителе в виде репрезентативного кода и коррелирующие с процессами физического порядка. В данном случае можно согласиться с Д.И. Дубровским, который в своей статье «Проблема “Сознание и мозг”: Информационный подход» подчеркивает, что в рамках его информационной теории сознания «понятие информации берется в общепринятом в науке смысле (предложенном Н. Винером) – как “содержание сообщения”, “содержание сигнала”»[109].

Информационные данные возникают, хранятся и уничтожаются в результате изменений физического носителя, и поэтому они существуют во времени, но пространственная локализация им не присуща, поскольку они не тождественны физическому носителю, а соотносятся с ним как с кодирующей структурой. В пространстве находится физический носитель информационных данных, например, книга или жесткий диск компьютера, но сами по себе информационные данные не сводятся ни к структуре чернил на бумаге, ни к распределению заряда в полупроводниках микросхемы. Информация существует в определенное время,

---

[107] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 217.
[108] Глушков В.М. Кибернетика, мышление, жизнь. М.: Наука. 1964. С. 53-62.
[109] Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 93.

но не в определенном месте, ибо в определенном месте можно обнаружить лишь физическую систему, которая кодирует информацию, но не сами информационные данные как таковые. Кроме этого, информация не обладает энергией, поскольку в силу принципа каузальной замкнутости физического мира любое энергоемкое действие совершает физическое сущее, но не информационное. Можно кинуть в стену носитель информационных данных и передать ей импульс и энергию, но нельзя кинуть в стену сами информационные данные, чтобы добиться энергетического эффекта. В физическом пространстве-времени действует физический носитель информационных данных, а не сами информационные данные как таковые, поскольку в противном случае у некоторых физических событий появляются нефизические (информационные) причины. Иными словами, для объяснения одного физического события достаточно апелляции к другим физическим событиям и законам физического бытия без необходимости включения в их причинно-следственные цепи особых событий нефизического (информационного) порядка.

Принципы каузальной замкнутости физического мира и эпистемологической полноты физики ставят под сомнение существование информации в феноменальном аспекте, ибо остается непонятным, каким образом физические процессы могут быть причиной возникновения информационных (нефизических) состояний. В соответствии с данной точкой зрения информационные события являются лишь удобным и компактным способом описания большой совокупности физических событий и сами по себе реально не существуют. Например, отечественный философ, методолог науки М.И. Сетров заявляет: «Никто еще не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию…. Ее не существует в природе, как не существует флюидов, флогистона, эфира и т.д.»[110]. Это означает, что феноменальный аспект информации редуцируется к физическому, а семантическая наполненность сообщения редуцируется к синтаксическим структурам, которые реализуются на более широкой физической системе, нежели материальный

[110] Сетров М.И. Информационные процессы в биологических системах: Методологический очерк. Л.: Наука, 1975. С. 123-124.

носитель рассматриваемого сообщения (например, содержательная информация, записанная в молекуле ДНК редуцируется к последовательности физических процессов, которые выходят за пределы самой молекулы ДНК и предполагают наличие всего комплекса физических структур клетки). Логическим следствием такого подхода является теория тождества сознания и тела, слабые стороны которой были рассмотрено выше. Поэтому отрицание феноменального аспекта информации, в конечном счете, приводит к элиминативизму и нарушению феноменологической предпосылки диссертационного исследования.

В рамках первичного дуализма свойств коррелятивного типа информация образует с энергией единое материальное целое, которое имеет энергоинформационную природу. Поэтому можно говорить об *энергоинформационном принципе*, который заключается в том, что любое изменение энергетических состояний сопровождается изменениями состояний информационного порядка, и любое изменение информационных состояний сопровождается изменениями состояний энергетического порядка. Не существует информации без энергии, и не существует энергии без информации. Всякое материальное событие представляет собой энергоинформационное целое, имеющее две стороны бытия – физическую и информационную. При этом информационное сущее, в отличие физического, не локализуется в пространстве, не обладает энергией и описывается законами, не сводимыми к законам физического бытия, но, как и физическое сущее, локализуется во времени. Поэтому две стороны материального бытия – физическая и информационная – объединяются в единое материальное целое общим атрибутивным качеством темпоральности.

Как верно замечает Д.И. Дубровский во второй части статьи «Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа», для преодоления дескриптивного и онтологического разрыва между физическими и ментальными феноменами в онтологически единой Вселенной «необходимо создание “концептуального моста” между двумя системами понятий, не имеющими между собой прямых логических связей (массой, энергией и т.п., в которых описываются физические процессы, и смыслом, ценностью, целью, волей и т.п. в которых описываются явле-

ния сознания)»[111]. На роль связующей сущности между разными по своим атрибутивным свойствам регионами бытия подходит информация, которая, с одной стороны, описывается количественно как мера упорядоченности физических систем, а, с другой стороны, заключает в себе качественный аспект, связанный с содержанием информационных данных.

Энергоинформационный принцип в рамках первичного дуализма свойств коррелятивного типа позволяет справиться с антиматериалистическим аргументом мыслимости зомби, который выдвинул британский философ Р. Кирк в статье «Ощущение и поведение» («Sentience and Behavior»), указав, что «имеется как минимум логическая возможность существования организма, полностью неотличимого от человека в отношении анатомии, поведения и других наблюдаемых фактов, однако без сознания»[112]. Аргумент зомби можно разложить на следующие логические компоненты: 1) существование зомби (т.е. существ, физически тождественных людям, но не имеющих субъективно переживаемой внутренней жизни) мыслимо, поскольку оно не противоречит законам физической науки, и более того 2) физическая наука может объяснить лишь существование зомби, но никак не существ, обладающих субъективно переживаемой внутренней жизнью, которая не редуцируется к процессам физического порядка, а поскольку 3) существа, обладающие сознанием, очевидным образом существуют, то в силу того, что 4) истинность редуктивного материализма предполагает возможность объяснения онтологической основы любых явлений, происходящих во Вселенной, исходя из физических законов, которым подчиняется взаимодействие материальных частиц и полей, то мы должны признать, что 5) редуктивный материализм ложен. Первичный дуализм свойств коррелятивного типа, опирающийся на энергоинформационный принцип, подрывает четвертую логическую составляющую аргумента мыслимости зомби, отрицая тезис, согласно которому онтологическую основу любых явлений, происходящих во Вселенной, можно объяснить, исходя из физических законов, управляющих взаимодействием материальных частиц и полей, ибо мен-

---

[111] Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 93.
[112] Mind, New Series. 1974. Vol. 83. № 329. P. 43.

тальные события априорно не выводятся из событий физического порядка и особенности их бытия устанавливаются апостериорно в результате отслеживания коррелятивных отношений между внешним и внутренним знанием. Строго говоря, существование бессознательных зомби ни метафизически, ни концептуально недопустимо, поскольку воспроизведение физической конституции в силу энергоинформационного принципа с необходимостью влечет за собой и воспроизведение информационных состояний, коррелирующих с воспроизводимой физической системой.

В ряде философских концепций, использующих информационный подход к пониманию феномена сознания, утверждается, что физические (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) процессы кодируют феноменальное содержание психических переживаний. Однако кодирующая структура не тождественна кодируемой сущности, ибо в противном случае код перестает быть собственно кодом, указывающим на нечто от себя отличное, и поэтому ментальное сущее не тождественно физическому, которое связано с ним отношениями кодовой зависимости. Если физические события являются кодом, посредством которого ментальные события кодируются в нейронных сетях головного мозга, и одновременно ментальные и физические события не совпадают по сущности, то это означает, что они идут в онтологической сцепке как две стороны единого материального процесса. Причем одна из сторон, физическая, обладает способностью к энергетическому действию, а другая, ментальная, данной способностью не обладает и просто следует, как тень, за первой, будучи ее онтологическим коррелятом.

Совокупность информационных данных, существующих на физическом носителе в виде информационного кода, в силу пассивной (анэнергийной) природы играет не конститутивную (определяющую), а констативную (репрезентирующую) роль, т.е. она не конституирует (задает, продуцирует, генерирует, детерминирует) основные параметры и свойства окружающего мира (например, значение фундаментальных констант, число пространственных измерений или параметры физических взаимодействий), а лишь констатирует (фиксирует, свидетельствует, выражает, отражает) их энергетическую реализацию в виде материальных про-

цессов, что исключает субстанциальный дуализм декартовского типа или платоновский идеализм, допускающий автономное бытие идеальных (информационных) сущностей.

Таким образом, информация противопоставляется энергии онтологически и феноменологически (т.е. по бытию и по сущности) как несводимый к ней элемент окружающего мира. По этому поводу американский философ и математик, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта Н. Винер метко замечает: «Информация – это не материя и не энергия, информация – это информация. Тот материализм, который не признает этого, не может быть жизнеспособным в настоящее время»[113]. Правда, здесь Н. Винер понимает материю чисто физически, отождествляя ее с энергией, и поэтому противопоставляет материю и информацию, тогда как в рассматриваемой теоретической модели энергия не исчерпывает все материальное бытие, но является его неотъемлемой компонентой. Идеальная и физическая реальности объективно сосуществуют вместе, поскольку одной физической реальности в силу принципа эпистемологической полноты физики и каузальной замкнутости физического мира недостаточно, чтобы породить все разнообразие наблюдаемых процессов. Отечественный специалист в области философии информации К.К. Колин в своей статье «Философия информации и фундаментальные проблемы современной информатики» по этому поводу пишет: «Идеальная реальность объективно существует, независимо от деятельности сознания, и является таким же важным компонентом реальности, как и физическая реальность. Она возникает в результате взаимодействия объектов (или процессов) физической реальности и проявляет себя как отражение свойств одних объектов (или процессов) в структуре других объектов (или процессов)»[114].

Чтобы развести понятия энергии и информации в отношении их онтологического статуса введем два уровня бытия сущего: 1) эндофеноменальный и 2) экзофеноменальный. На *эндофеноменальном уровне бытия* сущее обладает внутренней феноменологией, т.е. имеет качества, которые не проявляются и не мани-

---

[113] Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983. С. 34.
[114] Информационные ресурсы России. 2010. № 1. С. 26.

фестируются вне рассматриваемого сущего в его физическом взаимодействии с другим сущим. Никакие манипуляции с окружающим сущим не позволяют с необходимостью заключить по производимым эффектам о наличии эндофеноменальных качеств у рассматриваемого сущего. В этом смысле субъективный опыт переживающего субъекта представляет собой эндофеномен, поскольку никакие внешние поведенческие реакции или нейронные процессы, протекающие в головном мозге, не позволяют с необходимостью сделать вывод о наличии внутренней субъективной жизни, если при этом сам исследователь не обладает соответствующими эндофеноменальными качествами, т.е. не переживает их изнутри, что дает ему возможность умозаключить по аналогии о коррелятивной связи между организацией физического тела и наличием ментальных феноменов.

На *экзофеноменальном уровне бытия* материальное сущее обладает внешней феноменологией, т.е. имеет качества, которые проявляются и манифестируются вне рассматриваемого сущего в его физическом взаимодействии с другим материальным сущим. Манипуляции с окружающим миром позволяют с необходимостью заключить по производимым эффектам о наличии экзофеноменальных качеств у рассматриваемого сущего. Например, электрический заряд элементарных частиц относится к экзофеноменальным качествам, поскольку о его наличии можно с необходимостью заключить, наблюдая вблизи рассматриваемых частиц поведение других элементарных частиц, которые также обладают электрическим зарядом. Однако сколько бы мы ни вглядывались в поведение человека и не исследовали его методами объективных наук, мы не сможем с необходимостью обнаружить на экзофеноменальном уровне бытия ничего другого, кроме сложно организованных энергетических процессов, протекающих в физическом теле и познаваемых извне.

В соответствии с данной классификацией физическое сущее есть *экзофеномен*, который представляет собой нечто определенное лишь постольку, поскольку манифестируется во взаимодействии с другим сущим, а информационное сущее есть *эндофеномен*, сущностная определенность которого не сводится к взаимодействию физического носителя с другим физическим сущим. Элементарная ча-

стица есть именно то, что она есть на физическом уровне бытия, лишь постольку, поскольку она взаимодействует с другими элементарными частицами и вне физического взаимодействия говорить о ней как о существующей материальной сущности бессмысленно. Например, масса тела определяется лишь во взаимодействии с ускоряющими акселераторами, а заряд частицы – в электромагнитном взаимодействии с другими заряженными частицами. Плотность энергии электромагнитного поля рассчитывается путем интегрирования потенциальной энергии взаимодействия между всеми распределенными в пространстве зарядами, и соответственно, если существует только один точечный заряд, то создаваемое им электромагнитное поле энергией не обладает, поскольку он не участвует ни в каком электромагнитном взаимодействии. Согласно современным научным представлениям электромагнитное взаимодействие между зарядами осуществляется за счет обмена виртуальными фотонами (в отличие от реальных фотонов, обеспечивающих передачу энергии и импульса в электромагнитной волне), и, значит, бессмысленно говорить об электромагнитном поле точечного заряда, вокруг которого не происходит никакого обмена виртуальными фотонами. Иными словами, у точечного заряда, не взаимодействующего с другими зарядами, электромагнитное поле отсутствует, а вместе с ним отсутствует и сам электрический заряд. Таким образом, физическая величина не просто манифестируется через физическое взаимодействие, а именно существует тогда и только тогда, когда физическое взаимодействие происходит, подобно тому, как бессмысленно говорить о движении тела в абсолютной пустоте (т.е. вне энергоинформационного взаимодействия с другими движущимися телами).

Отсюда следует, что материя – это система отношений между физическими объектами. Вместе с тем физическая (внешняя) сторона материи, определяемая взаимодействием физических объектов, оказывается не самодостаточной, ибо если то, что вступает в каузальные отношения, сводится к системе этих отношений и не заключает в себе никакой онтологической подложки, то мы получаем математическую абстракцию (как это происходит, например, в идеальном геометрическом пространстве, где каждая точка представляет собой по сущности систему

отношений с другими пространственными точками) и теряем физическую реальность. Чтобы сохранить последнюю, мы должны признать существование нефизической (внутренней) стороны материи, которая наполняет содержанием взаимодействующие элементы и не позволяет им вырождаться в систему субстанциально пустых абстрактных отношений. Эта внутренняя сторона материального бытия в рамках первичного дуализма свойств коррелятивного типа отождествляется с информационными данными, которые в силу энергоинформационного принципа сопровождают любое физическое событие.

Таким образом, информация обеспечивает существование физического сущего в качестве кодирующей структуры независимо от системы отношений с другим физическим сущим (что проявляется в чистых квантовых состояниях, описываемых волновой функцией, в отличие от смешанных квантовых состояний, описываемых матрицей плотности). Значит, информацию следует понимать атрибутивно как неотъемлемую компоненту материального бытия, которая в своем феноменальном содержании коррелирует с энергетическим состоянием материального носителя. Информационные данные как таковые не тождественны свойствам физического носителя (которые определяются конфигурацией составляющих элементов и их количественными параметрами), и поэтому можно говорить об *эндофеноменальном содержании информации*, не сводимом к феноменологии физического сущего (т.е. к его сущностным экзофеноменальным характеристикам). Как замечает К.К. Колин, «сама *информация не является физическим объектом*, а принадлежит к миру *идеальной реальности*. Хотя, конечно же, для своего проявления информация нуждается в объектах (или процессах) физической реальности, которые и служат ее *носителями*»[115]. Если физическое сущее оказывается вне системы отношений с другим физическим сущим, то оно сохраняет свое существование в качестве кода, коррелирующего с информационными данными о его материальном бытии, которое имеет внутреннюю сущность, определяемую возможным (потенциальным) взаимодействием с другим физическим сущим. Соответ-

[115] Колин К.К. Феномен информации: структура реальности и феномен информации // Метафизика. 2013. № 4 (10). С. 69.

ственно точечный заряд, не взаимодействующий с другими зарядами, создает вокруг себя электромагнитное поле на уровне возможного (потенциального) бытия.

Энергоинформационные события имеют два основных структурных уровня: 1) кодирующее и 2) кодируемое. *Кодирующее* (код) есть носитель информации, который коррелятивно связан с информационными данными. *Кодируемое* есть информация, которая в качестве информационного коррелята связана с кодирующим носителем. Корреляционная связь между кодирующим носителем и кодируемым содержанием имеет гетерогенный характер, поскольку они принадлежат разным онтологическим уровням (кодирующий носитель принадлежит экзофеноменальному уровню материального бытия, а кодируемое содержание – эндофеноменальному уровню материального бытия).

Большинство существующих на сегодняшний день теорий информации (статистическая, комбинаторная, динамическая, топологическая, алгоритмическая и т.д.) рассматривают ее в физическом аспекте и не затрагивают феноменальный аспект, который не поддается количественному выражению в виде математических уравнений и формул. Попытки включить феноменальный аспект информации в современную научную картину мира связаны, как правило, с процессами декодирования, которые представляют собой перевод одной (кодирующей) последовательности символов в другую (кодируемую). Например, в молекуле ДНК кодирующей последовательностью символов выступает последовательность нуклеотидов, а кодируемой – последовательность аминокислот.

В современной философии можно выделить три основных подхода к пониманию генетического статуса информации – атрибутивный, функциональный и антропоцентрический.

Согласно *атрибутивному подходу* (которого придерживаются Б.В. Ахлибинский, Ю.Ф. Абрамов, Л.Б. Баженов, Б.В. Бирюков, К.К. Колин, К.Е. Морозов, И.Б. Новик, Л.А. Петрушенко, А.Д. Урсул, Н.М. Чуринов), информация является атрибутом материального бытия и присуща всем физическим системам. Например, А.Д. Урсул, понимая информацию через отраженное разнообразие, подчеркивает, что «информация выступает как всеобщее свойство материи, ведь и раз-

нообразие, и отражение – это атрибуты материи, т.е. неотъемлемые свойства неживой, живой природы и общества»[116]. К.К. Колин также приписывает информации всеобъемлющий характер, что подтверждается следующим определением: «Информация, в широком понимании этого термина, представляет собой объективное свойство реальности, которое проявляется в неоднородности (асимметрии) распределения материи и энергии в пространстве и времени, в неравномерности протекания всех процессов, происходящих в мире живой и неживой природы, а также в человеческом обществе и сознании»[117]. При этом К.К. Колин замечает, что данное определение касается физической информации, тогда как идеальная информация нуждается в особом разговоре. Иными словами, атрибутивисты материалистического толка приписывают материи на самых ее элементарных уровнях организации только информационные состояния физического типа, но никак не феноменального.

В соответствии с *функциональным подходом* (которого придерживаются В.В. Вержбицкий, Г.Г. Вдовиченко, И.И. Гришкин, Д.И. Дубровский, Н.И. Жуков, А.М. Коршунов, В.В. Мантатов, М.И. Сетров, Г.И. Царегородцев), информация является модусом материального бытия и возникает лишь на определенном уровне структурной и функциональной организации физических систем. Функционально-информационный уровень характерен для биологических, социальных, а также искусственно созданных технических систем, которые обладают свойством самоуправления, но не присущ простым физическим системам естественного происхождения. Отечественные специалисты в области эпистемологии и методологии науки А.М. Коршунов и В.В. Мантатов, развивая ленинскую теорию отражения, пишут: «Информация есть такое воспроизведение одной системой структуры (разнообразия и т.д.) другой, при котором она функционально выделяется и включается отражающей системой в процессы управления, жизнедеятельности и

[116] Урсул А.Д. Информация и мышление. М.: Знание, 1970. С. 18.
[117] Колин К.К. Теоретические проблемы информатики. Том 1. Актуальные философские проблемы информатики. М.: КОС-ИНФ, 2009. С. 69.

практики»[118]. Представители функционального подхода рассматривают информацию уже в феноменальном аспекте «как содержание сигнала или сообщения, как обозначение содержания, полученного из внешнего мира, как обозначающее нечто воздействие, а по сути дела попросту отождествляют информацию и сигнал, ибо сигнал не может не иметь смысла, а информация не может не иметь материального носителя»[119].

Согласно *антропоцентрическому подходу* (которого придерживаются В.Г. Афанасьев и А.Н. Степанов), информация продуцируется лишь человеческим сообществом и вне социальных систем не существует. Отечественный математик и философ А.Н. Степанов дает следующее определение: «Под информацией понимается отображение в человеческом сознании знаний и фактов (сведений, данных), используемых или встречающихся в различных областях человеческой деятельности»[120]. Другой отечественный философ В.Г. Афанасьев подчеркивает, что информация «представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и обо всех ее других формах в той мере, в какой они используются обществом, человеком, вовлечены в орбиту общественной жизни»[121]. Однако антропоцентрический подход элиминирует информацию природного происхождения и, в частности, присущие ему недостатки «заключаются в том, что в его рамках невозможно найти адекватного объяснения генетической информации живой природы»[122]. Согласно данной точке зрения, информация не существует вне языковой среды и самосознания, поэтому ни кибернетические системы, ни живые системы, которым не присущи высшие формы сознания, информационными состояниями не обладают. Например, информационный текст ДНК является таковым лишь в рамках человеческого знания, но сама по себе молекула ДНК не содержит никакой информации, ибо тождественна сложно устроенной физической структуре, вступающей во взаимодействие с другими элементами клетки в

---

[118] Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М.: Издательство Московского университета, 1974. С. 32.
[119] Соколов А.В. Философия информации. СПб.: СПбГУКИ, 2010. С. 54.
[120] Степанов А.Н. Информатика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006. С. 35.
[121] Афанасьев В.Г. Социальная информация. М.: Наука, 1994. С. 13.
[122] Информатика для юристов и экономистов. Под. ред. С.В. Симоновича. СПб.: Питер, 2004. С. 18.

соответствии с физическими законами, и никакие иные свойства, кроме физических, ей не присущи.

Первые два подхода, по сути, не противоречат друг другу, а уделяют внимание разным аспектам информации: атрибутивный подход уделяет внимание физическому аспекту информации (как уменьшенной неопределенности), а функциональный – феноменальному аспекту информации (как содержанию передаваемых сообщений). Физический аспект информации, будучи связанным с физическими характеристиками материальных систем, очевидным образом, присущ всем материальным системам независимо от сложности их структурной и функциональной организации. Третий подход так же, как и второй, рассматривает информацию в феноменальном аспекте, но противоречит и первому, и второму, ибо утверждает, что идеальное содержание передаваемых сообщений не существует вне мышления человека и его социальной активности.

Чтобы сделать вышеописанную классификацию информационных состояний в отношении генетического статуса более полной и адекватной, необходимо разделить атрибутивный подход на слабый и сильный. *Слабый атрибутивный подход утверждает*, что материальным системам изначально присуща только физическая информация. В соответствии с *сильным атрибутивным подходом* материальные системы изначально обладают информационными состояниями не только в физическом аспекте, но и в феноменальном. Схожие тенденции можно обнаружить в философских представлениях К.К. Колина, что подтверждается следующими словами: «Объективная реальность обладает свойством дуализма, так как она одновременно включает в себя как физическую, так и идеальную реальность, которые обладают свойствами взаимного отражения. В результате этого и возникает тот удивительный и во многом еще не познанный феномен, который мы называем информацией»[123]. К сильному атрибутивизму информации можно отнести натуралистический дуализм Д. Чалмерса, теорию интегрированной информации Д. Тонони, теорию перцептрониума М. Тегмарка, теорию квантового

[123] Колин К.К. Теоретические проблемы информатики. Том 1. Актуальные философские проблемы информатики. М.: КОС-ИНФ, 2009. С. 60.

интерактивного дуализма Г. Степпа и теорию квантового нейрокомпьютинга Хамероффа-Пенроуза.

Концепции сознания, приписывающие материи атрибутивные нефизические свойства, из которых в процессе эволюции могут получиться свойства ментального характера, упрекают в логической и концептуальной замкнутости причин и следствий, поскольку в основу рассуждений закладывается понятие, которое изначально нуждается в конструктивном объяснении. Например, профессор философии и физики Бостонского университета А. Шимони, критикуя Р. Пенроуза, который придерживается панпротопсихической точки зрения, замечает, что в его концепции ментального бытия «формулировка проблемы объявляется ее решением»[124].

Однако ни слабый атрибутивный, ни функциональный, ни антропоцентрический подходы не позволяют объяснить возникновение эндофеноменального содержания информационных состояний (в частности, психических феноменов), поскольку физические системы, в силу принципа каузальной замкнутости физического мира, могут порождать лишь кодовые зависимости, которые определяются взаимодействием физических элементов и изначально не заключают в себе никакого феноменального содержания. Но тогда не может существовать ни сознание, ни субъективный опыт, ни знание, т.е., в частности, не может существовать разумный и сознающий человек, что противоречит нашему непосредственному опыту. Если изначально простейшие системы не обладают феноменально-информационными состояниями, то возникновение информации в феноменальном аспекте оказывается такой же неразрешимой проблемой, как и возникновение нефизического сознания в физическом мире.

С целью обоснования сильного атрибутивизма информации в феноменальном аспекте рассмотрим два аргумента, один из которых назовем аргументом от отсутствия тождества, а второй – квантово-механическим аргументом.

Аргумент от отсутствия тождества представляет собой доказательство от противного. Если придерживаться функционального подхода, то элементарным

[124] Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. М., 2004. С. 146.

физическим объектам не присущи информационные состояния в феноменальном аспекте, но присущи одни лишь физические свойства, структуры и конфигурации. Однако тогда не существует ни онтологических, ни логических оснований для выделения генетической информации, ибо она, пребывая в молекулах ДНК и РНК, в принципе, неотличима от их физической структуры и взаимного расположения нуклеотидов, которые кодируют генетическую информацию. Поднимаясь на более высокие уровни организации материальных систем, мы приходим к выводу, что сознанию тоже не свойственна информация в феноменальном аспекте, ибо она, в принципе, неотличима теперь уже от физической структуры нейронных цепей головного мозга. Таким образом, если феноменального аспекта информации не существует на элементарном уровне физического бытия, то он не может возникнуть ни на каком сколь угодно более высоком уровне организации материальных систем в силу принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо сами по себе физические события могут порождать только другие физические события, но никак не феноменально-информационные, которые собственно физическими не являются. Поэтому, чтобы не потерять феноменальное содержание информационных данных без нарушения эпистемологической полноты физики, необходимо признать истинность атрибутивного подхода, в соответствии с которым информация, наряду с энергией, изначально присуща материи вообще.

Квантово-механический аргумент апеллирует к тому, что весомое доказательство атрибутивизма информации обнаруживается в современной квантово-механической картине мира, которая основывается на особой онтологии, отличной от онтологии классической реальности. Чтобы объяснить поведение квантовых объектов потребовалось создание новой концептуальной системы понятий, которая позволяет выстроить непротиворечивую и когерентную интерпретацию большого массива эмпирических фактов, не укладывающихся в рамки классической физики. При переходе от классической онтологии к квантовой меняются базовые категории, в том числе, меняется категория информации. В классической физике информация имеет один лишь физический аспект, тогда как в квантовой обретает еще и феноменальный, благодаря которому физические объекты могут

обмениваться не только энергией, но и информацией в смысле определенных феноменальных данных. Именно такой феноменальный аспект информации позволяет объяснить за пределами концептуальной системы классической физики множество квантовых эффектов, связанных, прежде всего, с интерференцией вероятностей и нелокальным взаимодействием физических объектов.

Рассмотрим многократно поставленный эксперимент с квантово-запутанными состояниями, который наглядно демонстрирует существование феноменального аспекта информации на элементарном уровне физического бытия. Используя определенные технические манипуляции, можно приготовить две элементарные частицы в квантово-запутанном состоянии, сепарабельные по координате (т.е. находящиеся в разных точках физического пространства) и несепарабельные по спину (т.е. находящиеся в суперпозиции двух состояний со спином, направленным «вверх» или «вниз»). После того, как элементарные частицы разлетаются в разные стороны и оказываются на большом расстоянии друг от друга, мы, действуя на одну из них, измеряем спин. При этом мгновенно меняются физические свойства второй частицы, и ее спин из суперпонированного состояния переходит в классическое (т.е. обретает одно из значений, соответствующих направлению «вверх» или «вниз»). С точки зрения классической физики суперпозиция состояний имеет отношение не к объективно существующим физическим процессам, а к недостатку знания о скрытых параметрах, которые строго задают рассматриваемую физическую величину (в нашем эксперименте – направление спина элементарной частицы), подобно тому, как вероятностное описание поведения монеты, падающей на гладкую поверхность «орлом» или «решкой» вверх, обусловливается не устройством самого физического мира, а нашим собственным недостаточным знанием о начальных характеристиках подбрасываемой монеты. Однако теорема Кошена-Шпекера и экспериментально подтвержденное нарушение неравенств Белла убедительно доказывают, что неопределенность квантовых явлений (в отличие от неопределенности явлений классического характера), носит не гносеологический, а онтологический характер, т.е. обусловливается не недостатком информации о начальных условиях эксперимента, а самим устройством

окружающего мира. Следовательно, после коллапса волновой функции, когда обе квантово-запутанные частицы в момент измерения, произведенного над одной из них, переходят из суперпозиции двух состояний в одно определенное состояние, происходит не только изменение нашего знания о физических параметрах окружающего мира, но сам окружающий мир меняется в своих физических свойствах. При этом вторая частица мгновенно, т.е. независимо от расстояния до первой частицы, «узнает», что над спином первой частицы произведено измерение. Между двумя рассматриваемыми частицами не может происходить обмена энергией, который противоречит специальной теории относительности, утверждающей, что никакое взаимодействие не осуществляется со скоростью, большей скорости света. Значит, между ними осуществляется взаимодействие на ином, не физическом (не энергетическом), т.е. информационно-феноменальном уровне бытия. В данном эксперименте вторая частица получает от первой не энергетический сигнал (который не может дойти до нее в силу ограничения, накладываемого специальной теорией относительности), а информационные данные, т.е. она «узнает» об изменении физического состояния своего квантово-запутанного партнера и тут же реагирует на эти информационные данные в виде изменения своего физического состояния.

В качестве примера информационного обмена между материальными системами без энергетического контакта можно привести эксперимент отрицательного результата, предложенный немецким физиком Маурициусом Реннингером. В соответствии с данным экспериментом источник элементарных частиц окружен сферой, внутренняя поверхность которой покрыта светочувствительным веществом. В сфере имеется отверстие, и если на ее внутренней поверхности через какое-то время не появляется световая вспышка, то это означает, что элементарная частица пролетела через отверстие. В результате происходит коллапс волновой функции, описывающей поведение элементарной частицы и ее физические свойства меняются, хотя никакого энергетического взаимодействия между элементарной частицей и светочувствительной сферой не было.

Обычно в научной литературе такое нелокальное поведение объясняется тем, что микрообъекты, находящиеся в квантово-запутанном состоянии, до акта измерения представляют собой единое, несепарабельное, целое, и поэтому в действительности никакой передачи энергетического сигнала между ними не происходит. Однако сепарабельность по координате все-таки делает их неидентичными микрообъектами, ибо они находятся в разных областях пространства и вступают в непосредственное взаимодействие лишь со своим локальным окружением. Значит, информация, принадлежащая одной физической системе, может быть дана другой физической системе в своем информационно-феноменальном содержании, а не только энергетическом влиянии, как это происходит в классической онтологии. Таким образом, философская рефлексия над квантово-механической картиной мира с необходимостью доказывает существование особой нефизической компоненты во взаимодействии элементарных частиц. Именно эта нефизическая компонента и является информацией в феноменальном аспекте, благодаря которому объясняется множество квантовых эффектов, не объяснимых в рамках классической физики.

Подобные рассуждения не согласуются с точкой зрения Д.И. Дубровского, который во второй части своей статьи «Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа» пишет: «В рамках атрибутивной концепции информации можно приписывать лишь синтаксические свойства. Согласно же функциональной концепции она обладает не только синтаксическими, но также семантическими свойствами (содержанием, смыслом, ценностной индикацией) и прагматическими свойствами (способностью выражать причинное действие, его цель, служить фактором управления)»[125]. Всякая информация имеет два аспекта – синтаксический (физический) и семантический (феноменальный). Информация, обладающая одним лишь синтаксическим аспектом, собственно информацией (как реально существующим феноменом) не является, поскольку полностью редуцируется к взаимодействию физических структур. При этом следует понимать, что семантическая компонента информации может принадлежать разным онтологиче-

[125] Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 93.

ским уровням. Семантическая компонента самого низкого онтологического уровня присуща элементарным физическим системам и представляет собой информационные данные о физических параметрах рассматриваемой системы, таких, как масса, заряд, энергия и импульс. Если мы утверждаем, что такого элементарного уровня информации не существует и что в данном случае она неотличима от свойств, расположения, структуры и состояния объектов, то срабатывает аргумент от отсутствия тождества и, как следствие, элиминируется вся сфера внутренне переживаемых ментальных феноменов.

Чтобы сохранить феноменологическую предпосылку, не потеряв феноменальное содержание информационных данных, и материалистический принцип, не допустив существование нематериальных (духовных) сил, определяющих бытие материального сущего, необходимо остановиться на атрибутивном подходе, в соответствии с которым информация изначально присуща материи вообще. К.К. Колин, анализируя перспективы данной точки зрения, в своей статье «Информатика как фундаментальная наука» подчеркивает, что «в настоящее время российскими учеными уже опубликовано значительное количество работ, где отмечается, что осмысление определяющей роли информации в эволюционных процессах природы и общества открывает совершенно новую, информационную, картину мира, которая существенным образом отличается от традиционной вещественно-энергетической картины мироздания, доминировавшей в науке еще со времен Декарта и Ньютона до конца XX в. Можно ожидать, что формирование такой новой картины мира будет осуществлено в науке в ближайшие десятилетия, и это должно стать основой формирования новой научной парадигмы, в которой информационным аспектам будет отведена существенно более важная роль по сравнению с тем, как это имеет место в настоящее время»[126].

Атрибутивный подход согласуется с энергоинформационным принципом, утверждающим, что всякое материальное сущее имеет экзофеноменальную (физическую) и эндофеноменальную (информационную) стороны бытия. Не суще-

[126] Методы и технологии информатизации управленческой деятельности: Сборник статей. М.: Издательство РАГС, 2007. С. 10.

ствует изменений энергетических состояний материальной системы, которые не сопровождались бы изменением ее информационных состояний, и не существует изменений информационных состояний материальной системы, которые не сопровождались бы изменением ее энергетических состояний. В вышеприведенном эксперименте изменение информационного состояния волновой функции, описывающей несепарабельную суперпозицию спина двух квантово-запутанных частиц, влечет за собой изменение энергетического состояния второй частицы, в результате чего квантовый мир переходит в классический.

Информация подходит на роль онтологической основы сознания, и соответственно ментальные феномены можно рассматривать как модусы информационного бытия, поскольку бытие информации не противоречит двум главным предпосылкам (феноменологической и каузалистической), на которые опирается диссертационное исследование при построении философской теории сознания.

Во-первых, бытие информации удовлетворяет феноменологической предпосылке, так как информация по своему феноменальному содержанию не отождествляется со структурами и свойствами физического носителя. Понимание ментального уровня бытия как особого уровня бытия информационных систем характерно для современной когнитивной науки. По этому поводу отечественный специалист в области философии и методологии науки И.В. Черникова в своей статье «Проблема сознания в философии и когнитивной науке» пишет: «В когнитивной науке сознание является высшей когнитивной способностью, имеет информационную природу (когнитивных программ – перцептивных и символьных), это сложный многоуровневый феномен, формирующийся на стыках, создаваемый “переливами” природного и культурного»[127]. Американские психологи П. Линдсей и Д. Норман пишут: «Мы рассматриваем организм человека как активный преобразователь информации, всегда стремящийся к обобщению и истолкованию поступающих сенсорных данных, к интерпретации и восстановлению информации, хранящейся в памяти, с помощью разного рода алгоритмов и страте-

[127] Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 106.

гий»[128]. И.П. Меркулов, обосновывая информационную природу сознания, в своей статье «Эволюционирует ли человеческое сознание?» подчеркивает: «Речь в первую очередь идет о допущении, что *человеческий мозг является органом, перерабатывающим когнитивную информацию.* Эта гипотеза выдержала весьма тщательные экспериментальные проверки, и ее правомерность общепризнанна в когнитивной науке»[129]. В другой своей статье «Когнитивная модель сознания» он дает следующее определение сознанию: «Сознание – это эмерджентное, информационное свойство когнитивной системы, которое, абсолютно не нуждаясь в мифических атрибутах “идеальности”, в принципе не может быть редуцировано к своему материальному субстрату (например, нейтронным сетям мозга и т.п.), хотя, естественно, и зависит от него»[130]. Французский нейробиолог С. Деан разрабатывает теорию нейронного рабочего пространства, согласно которой «сознание – это трансляция единого информационного потока в коре головного мозга: основой этого процесса является нейронная сеть, смысл существования которой сводится к активной передаче актуальной информации в пределах мозга»[131].

Здесь следует заметить, что информационный подход к пониманию ментального опыта эффективен только тогда, когда он учитывает феноменальный аспект информации. Если же мы будем использовать в концептуальных построениях только физический аспект информации, то создать полную, исчерпывающую модель психики не получится, ибо никакие собственно физические процессы, разложимые на функциональные компоненты, не поднимутся в процессе эволюции до уровня внутренне переживаемых ментальных феноменов, обладающих онтологическим единством и целостностью, на что указывали многие критики информационного подхода к пониманию сознания (например, Ц.К. Анохин, М. Боден, Д. Вейценбаум, В. Визер, Х. Дрейфус, И.З. Цехмистро). В частности, американский специалист в области искусственного интеллекта Д. Вейценбаум показывает, что в рамках информационного подхода понимание некого феномена тожде-

---

[128] Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М.: Мир, 1974. С. 9.
[129] Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 512.
[130] Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология). М.: Канон +, 2004. С. 55.
[131] Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли. М.: Карьера Пресс, 2018. С. 17.

ственно написанию реализующей его компьютерной программы, тогда как любая компьютерная программа неспособна промоделировать онтологическое единство сознания[132].

Нефизическая природа информации легко обнаруживается по ее феноменальным свойствам, которые, очевидным образом, отличаются от свойств физических объектов, ибо в сравнении с последними она не обладает ни массой, ни весом, ни импульсом, ни зарядом, ни температурой, ни пространственными размерами. Поэтому если мы понимаем сознание как форму информационного бытия, то оно не редуцируется к физическим (нейрофизиологическим, биохимическим и биоэлектрическим) процессам, протекающим в головном мозге человека, сохраняя уникальную онтологию ментальных переживаний, что соответствует феноменологической предпосылке диссертационного исследования. Таким образом, единый материальный процесс, связанный с активностью нейронных сетей головного мозга, имеет две онтологические компоненты – экзофеноменальную (физическую) и эндофеноменальную (информационную), каждой из которых свойственна своя уникальная онтология. Схожей точки зрения придерживаются Р. Пенроуз, Б. Рассел и Д. Чалмерс. Согласно последнему, субъективно-ментальные феномены – это информационные данные, заключенные в объективно-физические паттерны мозга, т.е., другими словами, «опыт есть информация изнутри, физика – извне»[133]. Д.И. Дубровский также использует информационную модель для объяснения бытия сознания в физическом мире и подчеркивает, что субъективный опыт «может интерпретироваться в качестве информации о том или ином явлении действительности»[134]. Понимание физического и психического бытия как двух сторон одного и того же материального целого характерно для онтологических представлений известного физика, родоначальника квантовой механики, В. Паули, который

---

[132] Вейценбаум Д. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. М.: Радио и связь, 1982. С. 209.
[133] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 381.
[134] Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. С. 147.

пишет: «Было бы лучше всего, если бы физику и психику можно было понимать как дополнительные аспекты одной и той же реальности»[135].

Во-вторых, бытие информации удовлетворяет каузалистической предпосылке, так как информация, имея нефизическое бытие, коррелирует с физическими процессами, но при этом сама по себе не оказывает воздействия на последние, ибо в качестве их причин всегда выступают другие физические процессы, и нет никакой необходимости встраивать в причинно-следственные цепи физических событий информационные (нефизические) сущности и соответственно добавлять в физические уравнения информационные (нефизические) величины (если мы сохраняем за информацией содержание феноменальных данных, а не сводим ее к физической характеристике упорядоченных систем с уменьшенной энтропией, как это происходит в статистической теории информации К. Шеннона). Таким образом, информация, будучи коррелятом физических процессов, лежит в онтологической основе сознания, за счет чего ментальный уровень бытия не нарушает принципа каузальной замкнутости физического мира.

Помимо принципа онтологической несепарабельности, информационное бытие подчиняется еще двум основным принципам: 1) принципу инвариантности и 2) принципу супервентности.

Принцип инвариантности сводится к тому, что одни и те же информационные данные могут существовать на разных материальных носителях, ибо разные физические объекты могут обладать одинаковыми свойствами, которые выражаются в соответствующих информационных данных. Например, всякая элементарная частица несет в себе информацию о своем заряде, спине и массе. Поскольку же разным элементарным частицам могут быть присущи одинаковые заряды, спины и массы, то, следовательно, разные физические объекты, выступающие в качестве информационного кода, могут кодировать одни и те же информационные данные (например, одно и то же термодинамическое состояние газа может быть обусловлено разным физическим состоянием молекул). Д.И. Дубровский, который также придерживается принципа онтологической несепарабельности и

[135] Цит. по: Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино: Век 2, 2011. С. 104.

принципа инвариантности, замечает, что информация «инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя, т.е. одна и та же информация может кодироваться по-разному, иметь разные кодовые воплощения»[136]. Данное положение дел касается и более высоких уровней информационного бытия в отличие от уровня, связанного со свойствами экзофеноменального характера, которые проявляются во взаимодействии физических объектов. Например, одна и та же генетическая информация хранится во множестве молекул ДНК, присутствующих в клетках живого организма, и одна и та же фотография может быть записана на разные компьютерные носители. Однако принцип инвариантности имеет узкое значение, поскольку несмотря на то, что отдельные информационные данные могут реализовываться на разных физических носителях, последние остаются нетождественными по всей совокупности информационных состояний, которые коррелируют с их состояниями физического порядка.

Из принципа инвариантности и принципа онтологической несепарабельности вытекает *принцип супервентности*, согласно которому информационные данные коррелятивно связаны с физическими процессами в рамках единого материального (энергоинформационного) сущего. При этом любые изменения на информационном уровне бытия с необходимостью сопровождаются соответствующими изменениями на физическом уровне бытия, но не всякие изменения на физическом уровне бытия с необходимостью сопровождаются соответствующими изменениями на информационном уровне бытия. Строго говоря, в силу энергоинформационного принципа любые изменения информационных состояний материальной системы в целом приводят к изменению ее энергетических состояний, а любые изменения энергетических состояний материальной системы в целом приводят к изменению ее информационных состояний, но какая-то часть последних, связанная с конфигурацией физических элементов и каузальными отношениями между ними, может оставаться неизменной.

Информация супервентна на физическом носителе в том смысле, что присутствие различий в информационных данных невозможно при отсутствии разли-

[136] Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 147.

чий в физических свойствах носителя подобно тому, как присутствие различий в компьютерной программе невозможно при отсутствии различий на физическом уровне бытия в аппаратной конфигурации компьютера. Определенное физическое состояние материального сущего однозначно коррелирует с какими-то информационными данными, но вместе с тем одни и те же информационные данные могут коррелировать с разными состояниями физического носителя. Поскольку же состояние физической системы зависит от ее взаимодействия с внешней средой, то два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт, что, как было показано выше, соответствует концепции экстерналистского сепаратизма. Таким образом, физическое состояние головного мозга однозначно коррелирует с определенным ментальным опытом, но определенный ментальный опыт, со своей стороны, может коррелировать с разными физическими состояниями головного мозга, что делает возможным тождество интенциональных состояний, во-первых, у одного и того же субъекта в разное время, обеспечивая единство самосознания, и, во-вторых, у разных субъектов в одно и то же время, обеспечивая интерсубъективность коммуникации.

Изначальная трактовка супервентности сознания принадлежит американскому философу Д. Дэвидсону, который, пытаясь совместить детерминизм физического бытия и свободу ментального бытия, приходит к выводу, что ментальные свойства детерминируются физическими свойствами, но при этом не редуцируются к последним и не выводятся из них априорно. Поэтому физика не может раскрыть сущность психологических явлений, но, тем не менее, бытие последних отождествляется с бытием нейронных сетей головного мозга. Такую точку зрения Д. Дэвидсон называет аномальным монизмом, который, как верно замечает Н.С. Юлина в своей статье «Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания», «похож на материализм, поскольку предполагает, что все события являются физическими, но отвергает тезис, обычно считающийся существенным для материализма, что ментальным феноменам могут быть даны чисто физические объяс-

нения»[137]. Согласно защищаемой здесь теоретической модели первичного дуализма свойств коррелятивного типа, ментальные феномены не только по бытию, но и по сущности не тождественны физическим явлениям, и поэтому супервентность сознания сводится к тому, что оно имеет вторичный характер и генерируется процессами материального порядка в рамках корреляции между ментальными и физическими событиями.

Если мы предполагаем, что одни и те же физические процессы могут коррелировать с разными ментальными феноменами, то это означает, что одному и тому же физическому (нейрофизиологическому, биохимическому и биоэлектрическому) коду могут соответствовать разные кодируемые переживания. В защиту подобной точки зрения В.В Васильев, будучи сторонником локального интеракционизма, выдвигает аргумент каузальных траекторий, который опирается на утверждение, что физическая система может прийти в определенное состояние разными путями. Если два мозга приходят в одно и то же физическое состояние разными путями, то, несмотря на физическое тождество, они пребывают в разных ментальных состояниях, ибо последние содержат в себе воспоминания о прошлом, которое у них не было идентичным. Отсюда следует вывод, что два физически тождественных субъекта могут иметь разный ментальный опыт, и, следовательно, локальная супервентность сознания нарушается. Однако в силу того, что информационные данные играют не конститутивную (определяющую), а констативную (репрезентирующую) роль, т.е. не конституируют (задают, продуцируют, генерируют, детерминируют) основные параметры и свойства окружающего мира, а лишь констатируют (фиксируют, свидетельствуют, выражают, отражают) их энергетическую реализацию в виде физических процессов, они должны констатировать одно и то же феноменальное содержание при равенстве физических компонент материального целого, и, следовательно, рассматриваемое предположение является ложным. Утверждение, что один и от же мозг, находящийся в определенном состоянии (структурном и функциональном), может генерировать разный ментальный опыт настолько же не вписывается в физическую картину мира,

[137] Вопросы философии. 2011. № 9. С. 158.

насколько в нее не вписывается утверждение, что один и тот же компьютер, находящийся в определенном состоянии (структурном и функциональном), может совершать разные логические вычисления.

Если мы предполагаем, что одни и те же физические процессы коррелируют с одними и теми же ментальными феноменами, то тогда два субъекта с тождественными телами, пребывающими в тождественных условиях, должны вести себя одинаково, что свидетельствует о тождественности их ментального опыта. Но ментальный опыт двух субъектов не может быть тождественным даже в том случае, если их физические носители будут во всех отношениях тождественны, ибо в ментальном опыте присутствует момент самосознания, который не поддается копированию в силу того, что самосознание – это всегда личное и уникальное (приватное) самосознание, предполагающее самоощущение себя самого именно здесь и сейчас и именно в этом физическом теле, а не в каком-либо другом. Если же мы допускаем, что в двух разных телах, пусть даже и тождественных, может пребывать идентичное самосознание, то тогда мы лишаем его собственно ментальной природы и редуцируем к чему-то физическому, что уже развивает нашу мысль в рамках элиминативистской теории, которая противоречит феноменологической предпосылке. Данное противоречие, как было показано выше, снимается благодаря тому, что во Вселенной не существует двух абсолютно тождественных тел, физическое состояние которых имеет нелокальный характер и зависит от взаимодействия не только с окружающими объектами, но и со всей Вселенной в целом.

Таким образом, физическое состояние головного мозга однозначно коррелирует с ментальным опытом, но ментальный опыт, со своей стороны, может коррелировать с разными физическими состояниями головного мозга (за счет чего два физически тождественных субъекта будут иметь нетождественный ментальный опыт в разной окружающей обстановке, поскольку одни и те же физические структуры в силу ее физического влияния будут коррелировать с разным ментальным опытом, и в одинаковой окружающей обстановке два физически нетождественных субъекта могут иметь тождественный ментальный опыт, поскольку в силу супервентности сознания и инвариантности информационных данных раз-

ные физические структуры могут коррелировать с одним и тем же ментальным опытом). Благодаря супервентности сознания и принципу инвариантности, который также распространяется на ментальные феномены, если понимать их в качестве модусов информационного бытия, один и тот же психический опыт может переживаться разными субъектами или одним и тем же субъектом в разное время, что, в частности, обеспечивает единство переживающего субъекта и единство переживаемого мира в репрезентативном опыте разных переживающих субъектов, не объяснимое с позиций физикализма, который отождествляет ментальные свойства со свойствами физических систем.

§ 2. Эвристические возможности квантовой механики в объяснении бытия сознания

На сегодняшний день существует множество теорий, объясняющих, как становится возможным, что сложно устроенные физические системы порождают субъективную реальность. Все эти теории, как было показано выше, можно разделить на редуктивные и нередуктивные. Редуктивные теории носят физикалистский характер и сводят ментальные феномены в отношении квалитативной сущности к объективно фиксируемым процессам физического порядка. Нередуктивные теории носят нефизикалистский характер и утверждают уникальную онтологию ментальных феноменов, которая не сводится к онтологии физического сущего. Редуктивные теории справляются с психофизической проблемой, поскольку если психическое сущее является разновидностью физического, то взаимодействие между физическим сущим и психическим, в конечном счете, сводится к взаимодействию между разными видами физического сущего. Однако редуктивные теории испытывают трудности при решении онтологической проблемы сознания, ибо не могут объяснить ментальные свойства, невыразимые через свойства физического порядка. Нередуктивные теории, напротив, справляются с онтологической проблемой сознания, поскольку допускают у материальных систем наличие свойств, невыразимых через свойства физического порядка, но испыты-

вают трудности при решении психофизической проблемы, ибо взаимодействие между физическим сущим и психическим, которое уже не является разновидностью физического, нарушает принципы эпистемологической полноты физики и каузальной замкнутости физического мира.

К попыткам избежать замкнутого круга и совместить физикализм с нередуцируемой природой ментальных феноменов относятся квантовые теории сознания, отождествляющие ментальные свойства со свойствами квантового порядка (что соответствует редуктивной точке зрения), но при этом отрицающие возможность полноценного описания внутренне переживаемого квалитативного содержания ментальных событий в физической терминологии (что соответствует нередуктивной точке зрения). Подобные теории изначально базируются на двух несогласующихся установках, что может приводить к некогерентным выводам. Например, Д.И. Дубровский в первой части статьи «Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа» замечает, что, «как ни странно на первый взгляд, платонизм Р. Пенроуза сочетается у него с позицией радикального физикализма», но «при этом отодвигается в тень то принципиальное обстоятельство, что подобный физикалистский оптимизм несовместим с трактовкой ментального как сугубой принадлежности миру идей»[138].

Тем не менее квантовые теории сознания заслуживают внимания, ибо, во-первых, являются наиболее развитой формой физикализма, который согласуется с современной научной картиной мира, во-вторых, заключают в себе эвристические потенции для решения ряда проблем, связанных с бытием ментальных феноменов, и, в-третьих, могут быть перестроены таким образом, чтобы в итоге исчезли трудности, связанные с несогласующимися базовыми установками, если дополнить их концептуальными идеями, о которых пойдет речь ниже.

В рамках научного мировоззрения наибольшей популярностью пользуется редуктивный подход к пониманию феномена сознания, ибо если мы опираемся на материалистические позиции и полагаем, что в онтологической основе Вселенной лежат процессы физического порядка, то должны признать, что социальные фе-

[138] Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 1. С. 129.

номены сводятся к психологическим, психологические – к биологическим, биологические – к химическими, а химические – к физическим. Поскольку же физическое бытие укореняется в бытии микрообъектов, поведение которых описывается законами квантовой механики, то в предельной онтологической основе сознания должны лежать квантово-механические законы, а в концептуальной основе понимания ментальных феноменов должны лежать квантово-механические понятия.

Квантовые концепции ментального опыта представляются перспективными, поскольку, как замечает Д. Чалмерс в своем докладе «Сознание и коллапс волновой функции» («Consciousness and the Collapse of the Wave Function») на международной конференции в Хельсинки «К науке о сознании» («Toward a Science of Consciousness») 2015 года, в ситуации каузальной замкнутости физического мира «физика оставляет гигантское причинно-следственное отверстие в виде коллапса волновой функции»[139]. Иными словами, используя квантовые эффекты, можно попытаться вписать нефизическое сознание в физический мир, не нарушая эпистемологической полноты физики.

Дальнейший анализ квантовых теорий сознания выстраивается на основе решения двух главных проблем бытия ментальных феноменов: 1) квалитативной проблемы, связанной с возникновением и существованием внутренне переживаемых субъективных феноменов сознания в каузально замкнутом физическом мире (Как становится возможным, что физические системы порождают нефизическое сознание, если причинно-следственные цепочки физических событий не заключают в себе ничего нефизического?), и 2) психофизической проблемы, обусловленной взаимодействием сознания и тела при условии эпистемологической полноты физики (Как становится возможным, что нефизическое сознание воздействует на физическое тело, если для объяснения физических процессов достаточно собственно физических законов, свойств и характеристик?).

Американский психолог, анестезиолог и нейробиолог С. Хамерофф и британский физик и математик Р. Пенроуз разработали квантовую теорию сознания

---

[139] Toward a Science of Consciousness 2015. University of Helsinki, Finland, 9–13 June 2015. URL: http://consc.net/slides/collapse.pdf (дата обращения 12.04.2019). P. 46.

(теорию квантового нейрокомпьютинга), согласно которой ключевую роль в возникновении ментальных феноменов играют квантово-информационные процессы в нейронных микротрубочках головного мозга. Тубулины – белки, участвующие в образовании структуры нейронных микротрубочек, – являются физическими носителями кубитов – наименьших элементов для хранения информации в квантовом компьютере. Подобную локализацию ментальных феноменов С. Хамерофф объясняет эмпирическим фактом, в соответствии с которым анестетики влияют на физическую структуру нейронных микротрубочек головного мозга, вызывая потерю сознания при наркозе. Ментальные состояния Р. Пензоуз связывает с явлением объективной редукции (OR), которая представляет собой спонтанный, не обусловленный взаимодействием с окружающей средой коллапс волновой функции. В основе такого спонтанного выбора одной из суперпонированных возможностей и перехода квантового бытия в классическое лежат, по мнению Р. Пенроуза, эффекты квантовой гравитации, связанные с фундаментальной структурой пространства-времени. Тубулиновые трубочки, образующие цитоскелет нейронов, ограждают происходящие внутри них квантовые процессы от преждевременной декогеренции под воздействием внешней среды, что отводит достаточно времени для объективной редукции, которая лежит в онтологической основе феноменов ментального порядка. Р. Пенроуз по этому поводу пишет: «В системе микротрубок, внутри нейронной сети могут происходить масштабные квантовомеханические события, формирующие “разумные события” из отдельных OR-возможностей. Требуемая эффективная изоляция может обеспечиваться слоем упорядоченных молекул воды на стенках трубок»[140].

Ментальные процессы нельзя алгоритмизировать в классическом смысле, ибо они отражают функционирование нейронного квантового компьютера, эффективность которого значительно превышает компьютеры классического типа. Именно этим, в частности, можно объяснить тот факт, что, как замечают И.В. Черникова и Д.В. Черникова в совместной статье «Проблема сознания в философии и когнитивной науке», «изучение нейрофизиологических процессов в мозге

[140] Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. М.: Мир, 2004. С. 141.

человека показало, что скорость перемещения потенциала действия вдоль нервного волокна и время синоптической передачи не обеспечивают реально существующее быстродействие механизмов мышления и памяти, т.е. процессы мышления и памяти на долю секунды происходят быстрее, чем передача нервных импульсов»[141].

Вселенная в целом так же, как и совокупность микротрубочек головного мозга, представляет собой квантовый компьютер, который накапливает, хранит и преобразует информацию. Следовательно, можно говорить о вселенском сознании, реализующемся в вычислительных операциях вселенского квантового компьютера, по аналогии с индивидуальным сознанием, реализующемся в вычислительных операциях нейронного квантового компьютера. Когда человек умирает, его сознание в виде квантовой информации сливается с квантовой информацией, существующей во вселенском квантовом компьютере. В этом смысле можно утверждать, что человеческая душа, которая представляет собой самообучающуюся программу индивидуального сознания, не исчезает после гибели физического тела. Человек после клинической смерти рассказывает о длинном тоннеле, ярком свете и выходе из телесной оболочки, потому что его душа в виде сгустка квантовой информации на какое-то время покидает микротрубочки мозга, а затем снова возвращается из вселенского квантового компьютера.

Такая теория граничит с религиозным мировоззрением, ибо если Вселенная отождествляется с квантовым компьютером, а человеческая душа – с программой, реализуемой в квантово-информационных процессах, то возникает вопрос о Программисте, Творце, Боге, который написал вселенские программы и обеспечил бытие сознающих существ. Поэтому идеи С. Хамероффа и Р. Пенроуза в философской литературе подвергаются критике как несоответствующие материалистическому мировоззрению со стороны методологических и концептуальных аспектов.

---

[141] Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 109.

В методологическом отношении теория Хамероффа-Пенроуза лишается своего эмпирического основания, если учесть, что далеко не все анестетики влияют на физическую структуру нейронных микротрубочек головного мозга, а, следовательно, исчезновение сознания при наркозе нельзя объяснить одними лишь протекающими внутри них квантово-информационными процессами. К тому же теория Хамероффа-Пенроуза противоречит теории декогеренции, поскольку нейронные микротрубочки имеют слишком высокую температуру и подвержены воздействию окружающей среды, что сильно ограничивает время, в течение которого могут выполняться квантовые вычисления. В частности, это подтверждается расчетами профессора Массачусетского технологический института М. Тегмарка. В своей статье «Значение квантовой декогеренции в мозговых процессах» («Importance of quantum decoherence in brain processes») он показывает, что квантовые состояния в микротрубочках головного мозга как влажной, теплой и шумной системы, декогерируют прежде, чем достигают энергетического уровня, обеспечивающего влияние на процессы нейронного порядка[142].

Полемизируя с подобными возражениями, С. Хамерофф и Р. Пенроуз замечают, что не только микрообъекты, но и макрообъекты, могут демонстрировать квантовые свойства и находиться в квантово-запутанном состоянии, что касается, например, явлений сверхпроводимости и сверхтекучести, а также мысленного эксперимента с котом Шредингера. Феномен квантовой когеренции, противоположный декоренции, т.е. не приводящий к разрушению квантово-когерентных состояний, наблюдается в биологических системах, например, в процессах, сопровождающих фотосинтез, когда поглощаемые растением фотоны превращаются в энергию, которая, находясь в суперпозиции потенциальных состояний, распространяется через совокупность хромофор по нескольким путям одновременно, прежде чем трансформируется в питательные вещества. Аргументируя свою точку зрения, С. Хамерофф и Р. Пенроуз разрабатывают теорию оркестрованной объективной редукции (Orchestrated Objective Reduction, сокращенно – Orch OR), согласно которой квантово-информационные состояния, отвечающие за генерацию

[142] Physical Review E. 2000. T. 61. P. 4194-4206.

сознания в нейронных микротрубочках мозга, избегают декогеренции, что увеличивает временной промежуток квантово-информационных вычислений, которые «оркестрируется» (настраиваются подобно разным музыкальным инструментам в единой игре оркестра) обратной связью от белков, связанных с нейронными микротрубочками головного мозга.

В концептуальном отношении теория Хамероффа-Пенроуза, сводя физическую основу ментальных феноменов к квантово-информационным процессам, протекающим в нейронных микротрубочках головного мозга, все-таки не объясняет бытие сознания, поскольку остается непонятным, как принципиально возможно, что эти квантово-информационные процессы, генерируемые активностью сложно устроенных физических систем, порождают нечто нефизическое (ментальное), нарушая тем самым каузальную замкнутость физических событий. Д.И. Дубровский во второй части статьи «Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа» справедливо задается вопросом: «Как же с помощью квантовой OR… можно объяснить само качество субъективной реальности, которое представляет собой виртуальную реальность, информацию, данную личности в “чистом” виде (поскольку ее мозговой носитель для нее всегда элиминирован)?»[143]

С. Хамерофф подчеркивает, что его теория, разрабатываемая совместно с Р. Пенроузом, является разновидностью панпротопсихизма, согласно которому компоненты ментального опыта относятся к классу элементарных сущностей, составляющих фундаментальную геометрию пространства-времени, что нуждается в серьезном дополнительном обосновании. Р. Пенроуз открыто заявляет: «Мне представляется несомненным, что с каждым проявлением операции OR должна быть связана какая-то протоментальность, однако она является в каком-то смысле “крошечной”»[144]. Физическим системам на всех уровнях структурной и функциональной организации присуще «самонаблюдение», благодаря которому они фиксируют изменения в своих дискретных состояниях. Степень проявленности протосознания (которое при определенных условиях становится сознанием) зависит

[143] Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 92.
[144] Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. М., 2004. С. 171.

от сложности устройства физической системы, выступающей в качестве его материального носителя. С. Хамерофф утверждает, что протосознательные состояния, которые отличаются от сознательных отсутствием Я (разницу между протосознанием и сознанием можно уподобить разнице между хаотичным шумом и упорядоченной музыкой), должны быть присущи нейтронным звездам, содержащим в себе гигантские скопления конденсата Бозе-Энштейна, а также Вселенной в целом во время ее инфляционного расширения, когда она представляла собой единую квантовую суперпозицию до наступления объективной редукции. Если же когда-нибудь удастся промоделировать функционирование нейронных микротрубочек головного мозга на квантовом компьютере, то такая программа будет уже обладать не протосознательными, а сознательными состояниями, что можно было бы обозначить как квантовую концепцию сильного искусственного интеллекта.

Полемизируя с авторами квантовой теории нейрокомпьютинга, М. Тегмарк в своей работе «Сознание как состояние вещества» («Consciousness as a State of Matter») заявляет, что «сознание может быть понято как еще одно специальное состояние вещества»[145], которое он называет перцептрониумом. В своих рассуждениях он опирается на теорию интегрированной информации Д. Тонони, согласно которому обладающая ментальными состояниями физическая система характеризуется информативностью (способностью аккумулировать большое количество информации) и интегрированностью (целостностью аккумулированных информационных данных, неподдающихся декомпозиции на отдельные элементы без потери существенного контента).[146] М. Тегмарк формулирует пять основных принципов, свойственных физическим системам, которые обладают ментальными состояниями: 1) наличие большой информационной емкости, 2) способность обрабатывать информацию, 3) независимость в определенных состояниях от окружающего мира, 4) нередуцируемость к совокупности отдельных элементов, 5) избирательность в отношении полезной информации. Все эти принципы он обосновывает, опираясь на базовые положения квантовой механики. К тому же он делает

[145] Chaos, Solitons & Fractals. 2015. T. 76. P. 258.
[146] Nature Reviews Neuroscience. May 2016. Vol. 17. P. 450-461.

сильное утверждение: «Все структуры, существующие математически, также существуют и физически»[147]. Используя его, он разрабатывает теорию самосознающих субструктур, которые позволяют объяснить бытие сознания в физическом мире.

Несмотря на спорность теории перцептрониума, с М. Тегмарком можно согласиться, что физическим системам как таковым не присуще качество интегрированности, поскольку они могут быть рассмотрены в виде совокупности определенным образом взаимодействующих элементов без потери каких-либо физических параметров. Ментальные события обладают самотождественностью в том смысле, что им присуще внутреннее единство, которое скрепляет в онтологическую целостность совокупность квалитативных данных, изменяющихся в темпоральном потоке сознания. В отличие от этого физические события не обладают самотождественностью в том смысле, что им не присуще внутреннее единство, поскольку сами по себе они не образуют онтологическую целостность и постоянно меняются в темпоральном потоке Вселенной. Единство физического объекта принадлежит не ему самому, а чувственному восприятию и интеллектуальному описанию, тогда как сам по себе физический объект не обладает устойчивой эмерджентной целостностью. Поэтому сущность физического мира существует лишь на уровне психической репрезентации и является не онтологическим, а лингвистическим феноменом, ибо, как замечает Б. Рассел, «слово может иметь сущность, но вещь – не может»[148]. Ментальное сущее в отличие от физического обладает самотождественностью, и это не только проводит четкую демаркационную линию между его бытием и бытием физических вещей, но еще и делает его существование уникальным в том смысле, что оно сохраняет свое онтологическое единство инвариантно трансформациям психического содержания. Отсюда, в силу принципа каузальной замкнутости физических событий, следует, что кроме физических свойств материальные объекты должны обладать свойствами информационного порядка, которые, собственно говоря, и обеспечивают качества ин-

---

[147] Tegmark M. Our Mathematical Universe: My Quest for the Ultimate Nature of Reality. London: Routledge, 2014. P. 44.
[148] Рассел Б. История западной философии. М.: Миф, 1993. С. 122.

формативности и интегрированности, и без которых возникновение сознания (представляющего собой единое целое, неразложимое на отдельные компоненты без потери существенных характеристик) в материальном мире стало бы принципиально невозможным.

Советский философ, специалист по философии науки И.З. Цехмистро отмечает, что целостность сознания не находит адекватных физических коррелятов на уровне классической материалистической онтологии, но ее можно объяснить, апеллируя к неклассической организации материальных систем в силу присущего квантовой онтологии принципа целостности. С этой целью в физическую онтологию необходимо ввести «понятие *единого,* понимаемое в качестве выражения специфического свойства неразложимости квантовых систем на множества элементов»[149]. Однако целостность квантовых объектов, которые являются собственно физическими, также нуждается в объяснении, ибо сами по себе физические объекты, редуцируемые к взаимодействию составляющих элементов, никакой онтологической целостностью не обладают. Именно такое обстоятельство на уровне базиса материалистической онтологии позволяет аргументированно прибавить к физической энергии феноменальную информацию, обеспечивающую онтологическое единство квантово-механических систем.

Еще один представитель квантового подхода американский физик Г. Степп создает теорию квантового интерактивного дуализма, в соответствии с которой так же, как и в теории квантового нейрокомпьютинга, сознание отождествляется с фундаментальным свойством материи. отождествляется с фундаментальным свойством материи. Свою концепцию он основывает на философских воззрениях В. Гейзенберга, заимствуя у него центральную идею, которая сводится к тому, что «в природе атомы не являются “реальными” вещами. Физическое состояние атома, или комплекса атомов, представляет собой лишь набор “объективных тенденций” для специфических видов “реальных событий”»[150]. Реальные события в классическом виде актуализируются на уровне сознания, тогда как сами по себе

[149] Цехмистро И.З., Штанько В.И. Концепция целостности. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1987. С. 51.
[150] Stapp H. Mind, Matter, and Quantum Mechanics. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. P. 41.

(за пределами осознанного наблюдения) остаются не актуализированными суперпозициями потенциальных состояний. Ментальные события связаны с коллапсом волновой функции и влияют на выбор физического состояния, входящего в квантовую суперпозицию, что онтологически обосновывает свободу воли, ибо на физическом уровне бытия суперпонированные состояния реализуются чисто случайным образом. Г. Степп не признает каузальную замкнутость физического мира и допускает ее нарушение в нейронных процессах, где реализуются ментальные состояния[151]. Однако М. Велманс резонно возражает, что такая точка зрения противоречит первому закону термодинамики, который в соответствии с современными данными нейрофизиологии выполняется в любых сложных биологических системах[152].

Среди отечественных мыслителей квантовую теорию сознания развивает доктор физико-математических наук М.Б. Менский, придерживающийся интерпретации Эверетта, согласно которой все члены квантовой суперпозиции после коллапса волновой функции не исчезают бесследно, а продолжают существовать в отдельных классических мирах. Данная точка зрения, основанная «на отождествлении сознания с разделением (классических) альтернатив (эквивалентно: разделением параллельных миров)»[153], несмотря на очевидные плюсы, связанные с пониманием онтологической функции сознания (как разделения суперпонированных альтернатив), имеет также и серьезные минусы, обусловленные, прежде всего, тем, что расщепление сознания в многомировом пространстве Эверетта означает либо то, что (1) мы осознаем себя одновременно во множестве параллельных миров, чего, очевидным образом, не происходит, ибо мы воспринимаем и помним единственную жизнь, а не множество ее возможных проявлений, либо то, что (2) сознанием обладает лишь один из параллельно существующих дублей, однако в этом случае или окружающие люди оказываются бессознательными зомби, или мы должны признать существование предустановленной гармонии, в силу которой все окружающие люди из множества альтернативных вариантов вы-

---

[151] The Blackwell Companion to Consciousness. Malden (MA): Blackwell. P. 305.
[152] Velmans M. Understanding Consciousness. New York: Routledge, 2009. P. 17-21.
[153] Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино: Век 2, 2011. С. 111.

бирают именно тот, который выбираем мы сами, либо то, что (3) сама личность непрерывно размножается на множество физических дублей, тогда как такое предположение является недопустимым, ибо в противном случае возникает ситуация дублирования онтологического единства самосознания, что противоречит его субъективной природе, в соответствии с которой сознающий субъект имеет внутренний доступ именно к своим собственным переживаниям, а не к чьим-либо иным.

М.Б. Менский придерживается третьего варианта, подчеркивая в своей статье «Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами», что «каждый наблюдатель “расщепляется” на множество наблюдателей-двойников, по одному для каждого из эвереттовских миров»[154]. Данное утверждение логически вытекает из линейного характера уравнений квантовой механики, ибо если после декогеренции состояний измеряемого объекта, измерительного прибора, мозга наблюдателя и его сознания мы оставляем все члены полученной в итоге суперпозиции, описывающей смешанные состояния перечисленных объектов, то сознание наблюдателя не является исключением и тоже должно расщепляться на множество возможных дублей, каждый из которых в рамках эвереттовской интерпретации принадлежит отдельному классическому миру. Поэтому М.Б. Менский в другой своей статье «Концепция сознания в контексте квантовой механики» дает следующее физикалистское определение сознанию: «Способность человека (и любого живого существа), называемая сознанием, – это то же самое явление, которое в квантовой теории измерений называется редукцией состояния или селекцией альтернативы, а в концепции Эверетта фигурирует как разделение единого квантового мира на классические альтернативы»[155].

Однако такой подход, как уже было отмечено выше, противоречит единству сознающего субъекта, который осознает именно свою внутреннюю жизнь, а не какую-либо другую, и поэтому не может быть расщеплен на параллельно существующие дубли. Переход сознания в смешанное состояние после декогеренции с

---

[154] Вопросы философии. 2004. № 6. С. 69.
[155] Успехи физических наук. 2005. № 4. С. 426.

наблюдаемым прибором делает его физическим феноменом со всеми вытекающими отсюда последствиями. К тому же остается непонятным, почему мое сознание выбирает одну альтернативу, а сознание моего дубля – другую, ведь изначально мое сознание и сознание моего дубля укореняются в едином пролиферирующем сознании. Если такой выбор обусловливается моим личным волевым усилием, то, отрицая теорию предустановленной гармонии, мы приходим к выводу, что данное положение дел не согласуется с личным волевым усилием дубля, ибо, во-первых, каждый дубль своим выбором ограничивает выбор остальных дублей, и, во-вторых, число дублей никак не зависит от их собственного выбора в силу того, что мир расщепляется по своим имманентным физическим законам. Если же такой выбор не обусловливается моим личным волевым усилием, то сознание, будучи каузально нерелевантным феноменом, оказывается номологически и эволюционно бесполезным довеском к процессам физического порядка.

Подводя итог философскому анализу попыток решения квалитативной проблемы в квантовых теориях сознания, следует заметить, что сама по себе квантовая природа события еще не делает его ментальным и не объясняет возникновение субъективной реальности. Д. Чалмерс по этому поводу пишет: «Квантовые теории сознания в итоге страдают от такого же провала в объяснении, что и классические теории. В любом случае опыт должен рассматриваться как нечто выходящее за пределы физических свойств мира. Квантовая механика, возможно, могла бы содействовать характеристике психофизической связи, но одна лишь квантовая теория не может сказать нам, почему существует сознание»[156]. Квантовые теории сознания, развиваемые учеными, которые имеют отношение к естественным наукам (в частности, М.Б. Менским, Р. Пенроузом, Г. Степпом, М. Тегмарком, С. Хамероффом), носят физикалистский характер, поскольку сводят сознание к физическим процессам (которые, несмотря на то, что соответствуют квантовому, а не классическому региону бытия, все равно остаются собственно физическими процессами) и тем самым теряют феноменальное (квалитативное) со-

[156] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 413.

держание ментального опыта. Поэтому Д. Чалмерс справедливо замечает, что квантовые характеристики на энергетическом уровне бытия остаются разновидностью физических характеристик, и, значит, в рамках решения трудной проблемы сознания необходимо дополнить их характеристиками иного, нефизического, порядка, что достигается введением энергоинформационного принципа и пониманием материи в качестве онтологического единства энергии и информации уже на самых элементарных уровнях организации материальных систем.

Помимо феноменальной (квалитативной) природы внутренне переживаемого опыта квантовые теории пытаются объяснить саму онтологическую возможность интерактивного взаимодействия сознания и тела. В данном случае проблема сводится к тому, что такое интерактивное взаимодействие противоречит принципу эпистемологической полноты физики и каузальной замкнутости физического мира и, в конечном счете, не согласуется с законом сохранения энергии.

Используя принципы квантовой механики, можно попытаться, не выходя за рамки материалистического мировоззрения, сохранить каузальную замкнутость физического мира с помощью принципа неопределенности Гейзенберга, утверждающего, что чем более точно мы измеряем одну из двух канонически сопряженных величин (координату и импульс, время и энергию), которые, выражаясь математическим языком, описываются некоммутирующими операторами, тем менее точной становится другая канонически сопряженная величина. Причем такое положение дел обусловливается не недостатком знания о флуктуациях квантовой системы в результате проводимого измерения (т.е. в результате взаимодействия измерительного прибора с измеряемым объектом), а самой природой квантового бытия, что было экспериментально доказано нарушением неравенств Белла. Иными словами, принцип неопределенности Гейзенберга, согласно которому у микрообъектов существует неопределенность энергии, позволяющая им как бы заимствовать физическую энергию из ниоткуда, а затем отдавать ее в никуда, носит не гносеологический, а онтологический характер (имеет отношение не к нашему знанию об исследуемом объекте, а к его объективному бытию).

На этом квантовом свойстве материи основывается тоннельный эффект, благодаря которому элементарная частица может преодолевать потенциальный барьер, больший по величине, нежели энергия самой этой элементарной частицы. В рамках временнóго интервала, превышающего временной интервал, который элементарная частица затрачивает на преодоление потенциального барьера, закон сохранения физической энергии выполняется, поскольку ее энергия до и после преодоления потенциального барьера остается неизменной, но, тем не менее, внутри этого малого промежутка времени частица откуда-то заимствует определенное количество энергии, чтобы преодоление потенциального барьера стало энергетически допустимым. Опираясь на онтологию квантовой реальности, можно предположить, что ментальная активность мозга имеет квантовый характер и сознание представляет собой дискретно-мерцающий феномен, который за очень малые промежутки времени в согласии с принципом неопределенности Гейзенберга то заимствует энергию у нейрофизиологических процессов в головном мозге человека, то возвращает ее назад, а также происходит обратный процесс заимствования и отдачи энергии со стороны феноменов физического порядка. Феноменальное содержание психики дискретно мерцает, существуя в течение малого промежутка времени, который допускает неопределенность физической энергии, расходуемой на производство соответствующих ментальных процессов. На уровне нейронной активности мозга генерируются и тут же исчезают процессы, соответствующие феноменальному содержанию психики и влияющие на поведение живого организма в целом, подобно тому, как в физическом вакууме рождаются и тут же аннигилируют виртуальные частицы без нарушения закона сохранения физической энергии. Таким образом, все наши мысли, эмоции и желания, одним словом, все события осознаваемой психической жизни, оказываются виртуальными феноменами в том смысле, в каком современные физики говорят о виртуальных частицах, рождающихся из вакуума и исчезающих за время, неопределенность которого обусловливается неопределенностью энергии рождающихся и исчезающих частиц. Подобно тому, как физический вакуум «кипит» виртуальными частицами, человеческий мозг «мерцает» ментальными феноменами, и каж-

дое такое дискретное мерцание в отдельности не приводит к нарушению закона сохранения энергии, ибо отведенное ему время настолько мало, что перекрывает неопределенность энергии, затрачиваемой на ментальную активность сознания.

Данная точка зрения согласуется с изложенной раннее теорией Хамероффа-Пенроуза при условии, что в нейронных микротрубочках головного мозга когерентные состояния чередуются с процессами декогеренции, образуя последовательность дискретных феноменов, составляющих квалитативное содержание ментального опыта. Поскольку рано или поздно декогеренция все-таки наступает под влиянием окружающей среды, то в рамках теории квантового нейрокомпьютинга ментальный опыт является последовательностью дискретных событий, которые распадаются на два вида чередующихся фаз – квантовых и классических. С. Хамерофф и Р. Пенроуз в совместной статье «Сознание во Вселенной: обзор теории оркестрированной объективной редукции» («Consciousness in the Universe: A Review of the “Orch OR” Theory») утверждают, что теория оркестрованной объективной редукции – «это теория, которая предполагает, что сознание состоит из последовательности дискретных событий, каждое из которых является моментом объективной редукции квантового состояния»[157]. Фазы изолированной квантовой суперпозиции сменяются классическими фазами, которые наступают в результате оркестрованной объективной редукции, а также редукции, обусловленной взаимодействием нейронных микротрубочек с другими элементами головного мозга и внешним миром в целом. Чередование фаз согласуется с нейрофизиологическими ритмами головного мозга, например, с 40-герцевыми гамма-осцилляциями электроэнцефалограммы.

Квантово-мерцательное бытие сознания позволяет объяснить, каким образом без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира физическое сущее влияет на ментальное, а ментальное сущее влияет на физическое. Кроме этого, становится понятным, почему субъективная сфера бытия является объективно недоступной для внешних наблюдателей, которые могут лишь косвенно, опираясь на собственный опыт, судить о переживаниях другого субъекта,

[157] Biophysics of Consciousness: A Foundational Approach. Singapore: World Scientific, 2016. P. 587.

ибо попасть внутрь мерцающего сознания из внешней системы отсчета с физической точки зрения невозможно по той же самой причине, по какой невозможно поймать частицу, участвующую в тоннельном эффекте, когда она проскакивает под потенциальным барьером.

Однако подобные интеракционистские попытки сохранить за ментальными феноменами особый онтологический статус, позволяющий им взаимодействовать с нейронными структурами мозга, имеют значительный недостаток, который обусловливается тем, что все равно остается непонятным (пусть даже мы и используем принцип неопределенности Гейзенберга, позволяющий избежать отказа от закона сохранения физической энергии), каким образом нечто физическое (существующее в физическом пространстве и обладающее физической энергией) может превращаться в нечто нефизическое (не существующее в физическом пространстве и не обладающее физической энергией), и, наоборот, каким образом нечто нефизическое (не существующее в физическом пространстве и не обладающее физической энергией) может превращаться в нечто физическое (существующее в физическом пространстве и обладающее физической энергией), ибо для такого превращения необходимо особое промежуточное звено, обладающее одновременно и физическими качествами (топического и энергийного характера), и нефизическими качествами (атопического и анэнергийного характера), т.е., другими словами, такое промежуточное звено должно быть материальной идеей или идеальной материей, что заключает в себе логическое противоречие.

Вышеприведенный анализ свидетельствует, что квантово-механических представлений оказывается недостаточно, чтобы справиться, во-первых, с трудностями, присущими классическому физикализму, который элиминирует феноменальное содержание субъективного опыта, и, во-вторых, с трудностями, присущими нередуктивным теориям сознания, которые, сохраняя интерактивное взаимодействие между нефизическим сознанием и физическим телом, в конечном счете, приходят к нарушению принципов каузальной замкнутости физического мира и эпистемологической полноты физики.

Квантовый подход не может объяснить, почему физические процессы сопровождаются процессами ментального порядка, ибо никакие квантово-механические описания не раскрывают феноменальный внутренне переживаемый контент сознания. Ментальные состояния не тождественны физическим состояниям, но сопровождаются ими и не существуют без них. Квантовая механика может предоставить специфические процессы (прежде всего, в виде коллапса волновой функции), которые являются физической основой процессов ментального порядка, но они не раскрывают в отношении последних, будучи именно физическими процессами, их внутренне переживаемую субъективную реальность. Поскольку же физическое сущее, будучи именно физическим, может обладать только физическими состояниями, то с целью объяснения бытия ментальных феноменов в физическом мире квантовый подход нуждается в существенном дополнении, которое сводится к энергоинформационному принципу, утверждающему, что материя представляет собой онтологическое единство энергии и информации, т.е. не существует изменения энергетических состояний без изменения состояний информационного типа, и не существует изменения информационных состояний без изменения состояний физического типа. Понимая это, Р. Пенроуз и С. Хамерофф склоняются в сторону панпротопсихизма, но отождествляют протоментальные состояния с квантово-физическими, что не позволяет им подняться на качественно новый уровень субъективной реальности. Между физикалистскими (классическими или квантовыми) и ментальными описаниями процессов, имеющих отношение к внутренней сфере сознания, остается неустранимый разрыв, ибо, во-первых, физикалистские описания не схватывают собственно то, что переживается самим переживающим субъектом, и, во-вторых, из физикалистских теорий невозможно дедуцировать ментальные свойства внутренне переживаемого ментального опыта (например, невозможно объяснить, апеллируя к физическим процессам, протекающим в нейронных сетях головного мозга, почему красный цвет переживается сознающим субъектом именно так, как он переживается, и почему он вообще переживается и мы не существуем как физически сложно устроенные бессознательные автоматы).

Таким образом, квантовая механика содержит в себе эвристические возможности для понимания бытия ментальных феноменов, поскольку, во-первых, является конечным пунктом редукции высокоуровневых явлений к низкоуровневым, и, во-вторых, заключает в себе естественно-природные законы, позволяющие справиться с психофизической проблемой без нарушения полноты физики и каузальной замкнутости физического мира, но, одновременно с этим, нуждается в энергоинформационном принципе, чтобы можно было построить обоснованный переход от физических событий к ментальным (нефизическим) и объяснить возникновение и развитие сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире.

§ 3. Принципы квантовой онтологии

Обоснование квантового подхода к проблеме бытия сознания и соответствующей ему экстраполяции принципов квантовой онтологии на сферу ментальных феноменов может иметь регионально-онтологический или универсально-онтологический характер.

Регионально-онтологический характер обоснования квантового подхода присущ физикалистским концепциям сознания. В соответствии с данной точкой зрения можно выделить два основных уровня бытия мира относительно познающего субъекта: мир, как он существует сам по себе, и мир, как он существует для познающего субъекта *Мир, как он существует сам по себе*, обладает онтологическим единством, которое находит выражение в *принципе онтологической целостности материального мира*. Согласно этому принципу закономерности высокоуровневых явлений дедуктивно выводятся из закономерностей соответствующих процессов низкоуровневого порядка в рамках одного и того же вида бытия рассматриваемой материальной системы. *Мир, как он существует для познающего субъекта*, распадается на множество онтологических регионов, которые обладают несовместимыми свойствами. Если мы полагаем, что разные онтологические регионы принципиально не интегрируемы в единое бытийное целое, то приходим к

субстанциальному плюрализму, который уводит нас в сторону от материалистической картины мира. Если мы полагаем, что разные онтологические регионы принципиально интегрируемы в единое бытийное целое, то это означает, что они являются разными эпистемологическими проекциями единой материальной Вселенной. Такая точка зрения, в свою очередь, означает, что то, как мир существует для познающего субъекта, онтологически укореняется в том, как мир существует сам по себе. Тем, как мир существует сам по себе, занимается наука. Следовательно, все эпистемологические проекции единого материального целого должны укоренятся в научно-материалистической онтологии. Поэтому базовые онтологические принципы, которые лежат в основе онтологии сущего, принадлежащего одной из эпистемологических проекций единого материального целого, не должны противоречить базовым онтологическим принципам научно-материалистического мировоззрения. Американский философ немецкого происхождения К. Гемпель в своей статье «Логический анализ психологии» («The Logical Analysis of Psychology») утверждает, что «все отрасли науки в принципе одной и той же природы, они – отрасли единой науки, физики»[158]. Поскольку же поведение субатомных частиц и физических полей, которые лежат в онтологической основе любой физической системы, определяется закономерностями квантовой механики, то именно к последним должны сводиться закономерности иных (не субатомных) регионов физического бытия. Другой американский философ К. Смит в своей статье «Почему когнитивные ученые не могут игнорировать квантовую механику» («Why Cognitive Scientists cannot Ignore Quantum Mechanics?») замечает, что все свойства окружающего мира онтологически укореняются в свойствах квантового порядка, «поскольку все виды и свойства на любом уровне иерархии наук являются видами квантово-механических свойств, безотносительно к тому, является ли данная область физикой, биологией или психологией»[159]. Далее К. Смит пишет: «Согласно квантовой механике не только электроны, протоны и тому подобные объекты, но любой и всякий существующий объект подчиняется за-

[158] Readings in Philosophical Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949. P. 382.
[159] Consciousness: New Philosophical Perspectives. Oxford: Clarendon Press, 2003. P. 415.

конам квантовой механики. Каждый вид свойства той или иной области является подвидом вида общего свойства – Квантово-механического Свойства»[160]. Р. Пенроуз тоже придерживается принципа онтологического единства материального мира, подчеркивая, что «я иногда совершенно не могу вообразить, чем может быть биология (как, впрочем, и химия), если она не будет естественным образом вытекать из физики»[161].

Осуществляя в рамках физикалистских теорий экстраполяцию принципов квантовой онтологии на сферу бытия сознания, мы приходим к выводу, что ментальные феномены, в принципе, могут быть полностью описаны со всеми высокоуровневыми свойствами в квантово-механической терминологии, хотя подобное описание окажется настолько сложным и громоздким, что для его реализации потребуются мощные квантовые компьютеры будущего. Таким образом, как полагают сторонники квантового подхода, теория сознания, если мы не хотим вступить в противоречие с научным мировоззрением, должна выстраиваться, в конечном счете, на онтологическом и концептуальном базисе квантовой механики. Иными словами, используя понятия квантовой механики и квантово-физические эффекты, можно попытаться вписать нефизическое сознание в материальный мир, не нарушая эпистемологической полноты физики. Однако, как было показано выше, физикалистские теории теряют феноменальное содержание ментального опыта, ибо никакие взаимодействия объективно существующих частиц и полей, данных познающему субъекту извне, неспособны объяснить возникновение субъективной реальности, данной познающему субъекту изнутри.

Универсально-онтологический характер обоснования квантового подхода присущ нередуктивным концепциям сознания. Поскольку квантовая механика описывает поведение субатомных структур, лежащих в фундаментальной основе сложно устроенных физических систем, свойственные ей онтологические принципы, т.е. принципы, согласно которым организуется бытие квантовых объектов, имеют отношение не только к региональной онтологии физического сущего, но и

---

[160] Там же. С. 415.
[161] Пенроуз Р., Шимони А., Картрайт Н., Хокинг С. Большое, малое и человеческий разум. М.: Мир, 2004. С. 176.

к универсальной онтологии сущего вообще. Поэтому в действительности никакой экстраполяции принципов квантовой онтологии на онтологию сознания не происходит, но существуют универсально-онтологические принципы, имеющие отношение как к онтологии физического сущего на фундаментальном уровне организации физических структур, так и к онтологии ментального сущего, не сводимого ни по бытию, ни по сущности к сущему физического порядка. Поэтому в рамках квантового подхода реализуются две главные задачи онтологического исследования сознания: во-первых, прослеживается физическая основа ментальных феноменов, т.е. обнаруживаются физические процессы, сопровождающие процессы ментального типа, и, во-вторых, само ментальное бытие понимается на основе универсально-онтологических принципов, свойственных региональной онтологии физического сущего. Однако квантовый подход неспособен объяснить, почему определенные физические процессы сопровождаются процессами ментального типа, ибо никакие квантово-механические описания не могут раскрыть феноменальный внутренне приживаемый контент ментального опыта. С целью объяснения бытия сознания в физическом мире квантовый подход нуждается в существенном дополнении, которое в рамках квантово-информационной модели, как было показано выше, сводится к энергоинформационному принципу, утверждающему, что материя представляет собой онтологическое единство энергии и информации, т.е. не существует изменений энергетических состояний без изменения состояний информационного порядка, и не существует изменений информационных состояний без изменения состояний физического порядка.

Квантово-информационная теория сознания заимствует из онтологии квантовой реальности четыре основных принципа: 1) принцип суперпозиции, 2) принцип декогеренции, 3) принцип коллапса и 4) принцип целостности.

Принцип суперпозиции заключается в том, что бытие квантового объекта носит потенциальный характер и представляет собой распределение возможностей находиться в том или ином материальном состоянии; причем такое положение дел, как уже подчеркивалось выше, носит не гносеологический, а онтологический характер, т.е. обусловливается не недостатком информации о значении парамет-

ров, определяющих бытие рассматриваемого объекта (как это происходит, например, в статистической термодинамике), а самой его сущностной природой, что не позволяет говорить о неполноте квантовой теории и существовании скрытых параметров. Бытие квантового мира имеет несубстанциальный характер, поскольку не обладает определенными классическими свойствами до акта эмпирического измерения. Поэтому в современной квантово-механической картине мира наблюдается тенденция сдвига в понимании материи от декартовской субстанции к аристотелевской возможности (dynamis и potentia).

Принцип декогеренции обусловливается тем, что при взаимодействии с внешним окружением квантовая система из чистого состояния переходит в состояние смеси, характеризуемое произведением отдельных членов суперпозиции взаимодействующих объектов. Смешанное состояние можно интерпретировать как получаемую в результате декогеренции некогерентную смесь чистых состояний вступающих во взаимодействие квантовых систем. В процессе декогеренции рассматриваемая система становится квазиклассической, поскольку обретает классические черты, обусловленные информацией, которая содержится во внешней среде.

Принцип коллапса сводится к тому, что в результате наблюдения за поведением квантовой системы, т.е. ее взаимодействия с какими-то другими физическими системами окружающего мира, происходит разрушение пакета возможных состояний и остается одно единственное состояние, тогда как все остальные бесследно исчезают. В результате коллапса суперпозиции возможных состояний квантовый объект становится классическим, т.е. начинает проявлять непротиворечащие друг другу в рамках формальной логики физические свойства.

В соответствии с *принципом целостности* две взаимодействующие квантовые системы с точки зрения внешнего наблюдателя переходят в квантово-запутанное состояние, определяемое матрицей плотности, в которую входят суперпозиции состояний обеих взаимодействующих систем, до того момента времени, пока одна из них не подвергается наблюдению, т.е. не вступает в новое взаимодействие, приводящее к коллапсу суперпозиции возможных состояний. Ины-

ми словами, замкнутая в себе материальная система существует как единое (несепарабельное) непроявленное целое, которое разделяется на составные части (становится сепарабельным, проявленным) лишь в результате взаимодействия с окружающими объектами, и свойства этих частей в момент декогеренции определяются материальным целым независимо от их пространственного расположения.

Чтобы разобраться в этих онтологических принципах с философской точки зрения, разведем вслед за Аристотелем понятия действительного (реального) и возможного (потенциального) бытия материальных систем. *Действительное бытие* (или бытие-в-действительности) определяется существованием какого-то материального события, наличие которого не вступает в противоречие с наличием иного материального события. *Возможное бытие* (или бытие-в-возможности) определяется существованием какого-то материального события, наличие которого вступает в противоречие с наличием иного материального события. При этом следует понимать, что модус возможного бытия имеет отношение не к нашему знанию об окружающем мире, а к его объективной сущности, ибо, согласно квантово-механическим представлениям, возможности могут интерферировать, определяя свойства и характеристики реально существующих объектов. А.А. Гриб в своей статье «Квантовый индетерминизм и свобода воли» указывает, что «обычно возможности существуют не “объективно”, но “субъективно” – в нашей голове. Например, нам известно, что в нашем направлении будет стрелять пушка, находящаяся в определенном месте. Зная характеристики пушки, мы можем представить различные “возможные” траектории снаряда. Однако до взрыва недалеко от нашего местоположения все эти траектории существовали лишь в нашей голове, “объективно” же существует лишь одна траектория. Совсем иное представление вводят Гейзенберг и Фок, предполагая некое “объективное” существование потенциальных возможностей, реализующихся как “факты” при измерении»[162].

Еще Б. Спиноза обратил внимание, что реальность физической причины (т.е. количество потенциально присущих ей физических признаков) не может быть меньше реальности физического следствия, поскольку иначе в физическом

[162] Философия науки и техники. 2009. Т. 14. № 1. С. 10.

следствии оказывается момент, отсутствующий в физической причине, и вопреки каузальной замкнутости физического мира нечто физическое возникает из пустоты, ничего, небытия (т.е. не имеет собственно физической причины). Поэтому становление замкнутой физической системы – это процесс урезания (деградации) присущих ей онтологических возможностей. Новые возможности со временем не возникают, ибо в прошлом присутствуют все возможности будущего. Чем меньше физических возможностей остается, тем больше возрастает энтропия рассматриваемой физической системы. Если остается одна единственная возможность, то энтропия достигает максимума (например, в ситуации, когда все элементы замкнутой физической системы имеют одинаковую температуру). Таким образом, второй закон термодинамики оказывается следствием перехода возможного бытия в действительное.

В рамках универсально-онтологического обоснования квантового подхода к проблеме бытия сознания четыре принципа квантовой онтологии (принцип суперпозиции, принцип декогеренции, принцип коллапса и принцип целостности) являются не регионально, а универсально онтологическими принципами в том смысле, что они могут быть использованы не только при построении физической онтологии, но и любой другой онтологии, поскольку касаются не специфики физического бытия, а специфики бытия вообще. Они утверждают, что сущее, во-первых, находится в модусе возможного (непроявленного) или действительного (проявленного) бытия, во-вторых, переходит при определенных условиях из одного онтологического модуса в другой, и, в-третьих, является целостным и несепарабельным на отдельные структурные единицы, когда находится в модусе возможного (непроявленного) бытия.

Правильно говорить не так, что принципы квантовой онтологии выделяются из квантовой физики и затем экстраполируются на сферу психического бытия, а так, что события квантовой реальности находят свою адекватную интерпретацию в рамках универсальных принципов бытия. Еще древнегреческий философ Аристотель (который ничего не знал о квантовой физике) ввел разделение на бытие в возможности и бытие в действительности, с помощью которых потом уже были

осмыслены и проинтерпретированы эффекты квантового мира (например, в работах В. Паули, В. Гейзенберга, В.А. Фока).

В рамках квантовой онтологии материальная система до ее наблюдения (т.е. до ее взаимодействия с другими материальными системами) находится в суперпозиции возможных состояний, описываемых волновой функцией, тогда как после наблюдения (т.е. после ее взаимодействия с другими материальными системами, в результате которого возникает новая информация, отсутствующая в чистых состояниях рассматриваемых материальных систем) происходит коллапс волновой функции, в результате чего одно из возможных состояний реализуется (становится действительным), а все остальные бесследно исчезают. Центральной идеей здесь является аристотелевское разделение на бытие-в-возможности и бытие-в-действительности, поскольку «в возможности одно и то же может быть вместе обеими противоположностями, но в действительности нет»[163]. Если материальный объект существует в действительности, то он обладает непротиворечащими друг другу свойствами. Если материальный объект существует в возможности, то он обладает противоречащими друг другу свойствами (например, может находиться в нескольких местах одновременно), что допускается именно потому, что эти свойства существуют потенциально, а не реально.

К этой идее в построении онтологии квантовой реальности прибегали многие известные мыслители. Например, В. Гейзенберг утверждает: «Математические законы квантовой теории вполне можно считать количественной формулировкой аристотелевского понятия “дюнамис” или “потенция”»[164]. Советский физик В.А. Фок в своей статье «Квантовая физика и философские проблемы» для объяснения зависимости физического состояния квантовой системы от способа экспериментального измерения вводит понятия «потенциальной возможности» и «осуществившегося»[165]. Отечественный специалист по философии квантовой механики А.Ю. Севальников также подчеркивает, что анализ философских оснований квантово-механической картины мира возвращает нас от декартовского понимания

[163] Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1976. С. 135.
[164] Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 223.
[165] Вопросы философии. 1971. № 3. С. 40-46.

материи как субстанции к аристотелевскому пониманию материи как возможности. По этому поводу он пишет: «В противовес декартовской идее субстанциальности… квантовая механика вынуждает обращаться к онтологическим воззрениям, которые во многом противоположны декартовским представлениям. Одним из наиболее адекватных языков оказывается здесь язык аристотелевской метафизики, а именно его концепция “бытия в возможности”»[166].

Сущее *существует в возможности* постольку, поскольку не взаимодействует с другим сущим и остается замкнутым в себе. Сущее *существует в действительности* постольку, поскольку взаимодействует с другим сущим и не остается замкнутым в себе. Замкнутое в себе сущее, которое существует в возможности, не разделимо на отдельные элементы и существует как единое (несепарабельное) материальное целое. В процессе *декогеренции*, которая обусловливается взаимодействием с окружающей средой, материальная система переходит из чистого состояния в смешанное, где уже обретает внутреннюю квазиклассическую (не лишенную суперпонированного характера) структуру и распадается на составные элементы, а затем в результате коллапса суперпозиции возможных состояний меняет потенциальное бытие на действительное, за счет чего полностью проявляется в виде классического объекта. Если происходит обратный процесс *рекогеренции*, обусловленный разрывом каузальных связей с окружающей средой, то материальная система переходит из действительного бытия в возможное, за счет чего обретает целостность и утрачивает внутреннюю структуру, позволяющую сепарировать ее на отдельные части.

Математически переход из квантового состояния в классическое выражается коллапсом (редукцией) волновой функции, когда в действительности реализуется одно состояние из множества возможных состояний материальной системы, а остальные бесследно исчезают. В связи с этим возникает два закономерных вопроса: во-первых, что именно является необходимым и достаточным условием

---

[166] Севальников А.Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 7.

коллапса волновой функции, и, во-вторых, какой именно физический процесс соответствует математической операции коллапса?

Возьмем квантовую систему, находящуюся в суперпозиции возможных состояний. О такой замкнутой (не взаимодействующей с окружением) системе говорят, что она находится в чистом состоянии, которое описывается вектором волновой функции. Если рассматриваемая система вступает во взаимодействие с другой системой (декогерирует), то обе переходят в квантово-запутанное (смешанное) состояние, которое представляет собой произведение двух квантовых суперпозиций (что математически описывается уже не вектором состояния, а матрицей плотности). Если теперь мы совершаем измерение над одной квантовой системой, то осуществляется коллапс волновых функций, которые описывают чистые состояния взаимодействующих систем, после чего смешанное состояние разрушается и бытие рассматриваемых систем переходит из квантового (неопределенного) модуса в классический (определенный). И тут опять-таки возникает закономерный вопрос: чем, по сути, измерение, приводящее к коллапсу волновой функции, отличается от взаимодействия систем, которое к коллапсу не приводит?

Действительно, в процессе измерения, т.е. в процессе взаимодействия измеряемого объекта с измерительным прибором, обе системы (измеряемый объект и измерительный прибор) переходят в смешанное состояние без коллапса волновой функции. Лишь с появлением наблюдателя, который фиксирует показания измерительного прибора, наблюдаемая система меняет квантовый модус бытия на классический. Если далее мы рассмотрим головной мозг наблюдателя в качестве физической системы, взаимодействующей с измерительным прибором, то опять-таки никакого коллапса волновой функции не осуществляется, а теперь уже три физические системы – измеряемый объект, измерительный прибор и головной мозг наблюдателя – переходят в квантово-запутанное состояние. Анализируя подобную ситуацию, доктор физико-математических наук М.Б. Менский в своей статье «Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами» делает следующий вывод: «Таким образом, если рассуждать строго логически, редукция невозможна. Вместо этого состояние всего комплекса, состоящего из измеряемой

системы, прибора и наблюдателя, не только перед измерением, но и после него должно описываться как суперпозиция (сумма) состояний, соответствующих различным альтернативным результатам измерения»[167]. Иными словами, «явление, которое описывается как редукция вектора состояния, является лишь кажущимся, т.е. связано с сознанием наблюдателя»[168]. А.А. Гриб в своей статье «Квантовый индетерминизм и свобода воли» тоже подчеркивает, что «если прибор состоит из квантовых частиц, то к нему, как и к исследуемой системе, применимо уравнение Шредингера, описывающее взаимодействие прибора и системы, и никакой редукции волнового пакета (являющейся неунитарной операцией в отличие от унитарной эволюции по уравнению Шредингера) не получится»[169]. Одним из создателей математического аппарата квантовой механики венгеро-американским математиком И. фон Нейманом отсюда был сделан вывод, что коллапс волновой функции обусловливается сознанием наблюдателя. Логику таких рассуждений А.А. Гриб описывает следующим образом: «Можно включить используемый прибор (например, искровую камеру) в исследуемый объект вместе с микрочастицей, но тогда прибором станет глаз наблюдателя и его мозг. Результат наблюдения должен быть тем же, что и в случае проведения этой границы между камерой и частицей. Однако глаз и мозг тоже состоят из квантовых частиц, так что границу “наблюдатель-объект” можно провести и дальше внутри наблюдателя, но избавиться от субъекта нельзя. Этот субъект тем отличается от объекта, что он не объективирован и ничем (никаким уравнением и т.п.) не описывается. Именно это абсолютное Я наблюдателя, осуществляющее познание с помощью мозга, глаза, искровой камеры, и ответственно за редукцию волнового пакета и придание значений “истинно – ложно” свойствам квантовых объектов… Сознание не просто фиксирует объективно присущие объектам “истинно это и ложно то”, но и создает эти “истинно” и “ложно”»[170]. Следовательно, лишь присутствие нефизического сознания наблюдающего субъекта разрушает суперпозицию состояний и выделя-

[167] Вопросы философии. 2004. № 6. С. 68.
[168] Там же. С. 69.
[169] Философия науки и техники. 2009. Т. 14. № 1. С. 12.
[170] Там же. С. 12-13.

ет одно конкретное физическое значение, которому до акта осознанного наблюдения приписывается какая-то вероятность.

Рассматривая эксперименты с квантово-запутанными фотонами и частицами, Ланца приходит к выводу, что «разум, а также наличие или отсутствие в нем определенных знаний, вот единственный фактор, определяющий, как себя ведут кванты света или частицы материи»[171]. Немецкий физик Ф. Лондон и французский физик Э. Бауэр в своей статье «Теория наблюдения в квантовой механике» («The Theory of Observation in Quantum Mechanics») приходят к аналогичному выводу: «Измерение происходит, лишь когда положение указателя наблюдается. Именно это приращение знания, получаемое в ходе наблюдения, дает наблюдателю право выбирать между различными компонентами смеси, предсказываемой теорией, отбрасывая ненаблюдаемые компоненты, а затем приписывать объекту новую волновую функцию, соответствующее тому чистому состоянию, которое было обнаружено. Мы отмечаем существенную роль, которую играет сознание наблюдателя в этом переходе от смеси к чистому состоянию. Без его эффективного вмешательства новая функция никогда не была бы получена»[172].

Отсюда следует, что по своей онтологической природе сознание выступает в качестве причины коллапса волновой функции. Тогда мы должны признать (если, конечно, не являемся сторонниками панпсихизма, согласно которому ментальная компонента бытия атрибутивно растворяется в материи как таковой), что любая материальная система, не наблюдаемая сознанием, находится в суперпозиции состояний, которые запутываются с возможными состояниями другой системы, вступающей с первой в физическое взаимодействие. Значит, до возникновения наблюдающего сознания Вселенная в целом представляла собой единый квантовый объект, элементы которого пребывали в запутанном состоянии. И только на определенном этапе биологической эволюции, когда материальные системы достигли высокого уровня структурной и функциональной организации, породив тем самым феномен сознания, впервые произошел коллапс волновой функции

---

[171] Ланца Р., Берман Б. Биоцентризм. Как жизнь создает вселенную. СПб.: Питер, 2015. С. 71-92.
[172] London, F., Bauer, E. The Theory of Observation in Quantum Mechanics // Quantum Theory and Measurement. Princeton, 1983. P. 251.

Вселенной, в результате чего ее элементы распутались и возникли события классического типа.

Такая радикальная точка зрения не признается большинством ведущих физиков современности. Лауреат Нобелевской премии по физике В.Л. Гинзбург в предисловии к статье М.Б. Менского «Концепция сознания в контексте квантовой механики» пишет: «В конкретном плане не понимаю, почему так называемая редукция волновой функции как-то связана с сознанием наблюдателя. Например, в известном дифракционном опыте электрон проходит через щели и затем на экране (фотопластинке) появляется “точка”, т.е. становится известно, куда попал электрон. Появление “точки” есть, очевидно, результат взаимодействия падающего электрона с материалом фотопластинки… Если описывать состояние электрона после его взаимодействия с атомами в фотопластинке с помощью волновой функции, то эта функция будет, очевидно, отлична от первоначальной и, скажем, локализована в “точке” на экране. Это и называют обычно редукцией волновой функции. Разумеется, “точки” на экране наблюдатель увидит и на следующий день после осуществления опыта, и при чем здесь какая-то особая роль его сознания, мне непонятно»[173]. Советские физики, академики АН СССР Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшиц подтверждают данную точку зрения следующими словами: «Под измерением в квантовой механике подразумевается всякий процесс взаимодействия между классическим и квантовым объектами, происходящий помимо и независимо от какого-либо наблюдателя»[174].

Д. Чалмерс на вышеупомянутой международной конференции в Хельсинки 2015 года рассматривает два логически возможных варианта[175]. В соответствии с первым вариантом измерение – это психофизический процесс, связанный с наблюдающим сознанием, присутствие которого является необходимым условием коллапса волновой функции. В соответствии со вторым вариантом измерение – это физический процесс, не связанный с наблюдающим сознанием, присутствие

---

[173] Успехи физических наук. 2005. № 4. С. 413-414.

[174] Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Курс теоретической физики. Том 3. Квантовая механика (нерелятивистская теория). М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. С. 15.

[175] Toward a Science of Consciousness 2015. University of Helsinki, Finland, 9–13 June 2015. URL: http://consc.net/slides/collapse.pdf (дата обращения 12.04.2019).

которого не является необходимым условием коллапса волновой функции. В результате размышлений Д. Чалмерс склоняется ко второму варианту (хотя и не исключает возможность, согласно которой причиной коллапса волновой функции могут выступать особые фундаментальные протосознательные внутренние свойства физических систем), что согласуется с его более ранней позицией, ибо признание ментального опыта необходимым условием коллапса волновой функции «не стыкуется с физическими данными, предполагающими, что низкоуровневые суперпозиции зачастую продолжительное время существуют в неколлапсированном состоянии»[176].

Ряд квантово-физических экспериментов подтверждает точку зрения Д. Чалмерса. В частности, эксперимент, проведенный группой ученых из Венского университета (Л. Хаскермюллером, К. Хорнбергером, Б. Брезгером и А. Цайлингером) и описанный в их совместной статье «Декогеренция материальных волн тепловой эмиссией излучения» («Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation»)[177], демонстрирует, что интерференционная картина, возникающая в результате рассеяния пучка фуллеренов (молекул, содержащих 70 атомов углерода) на дифракционной решетке, зависит от контролируемого нагрева летящих в пучке молекул посредством лазерного луча (с ростом температуры интерференционная картина ослабевает, а затем и исчезает полностью). Это означает, что коллапс волновой функции (переход из квантово-запутанного состояния в классическое) может осуществляться и без участия наблюдающего сознания, а лишь в процессе обмена информацией между исследуемой системой и окружающей средой. Такой информационный обмен в рамках рассматриваемого эксперимента происходит за счет лазерного нагрева и, как следствие, испускания молекулами фуллерена квантов света, длина волны которых несет в себе информацию о вероятности того, на какой именно из щелей дифракционной решетки произошло рассеяние той или иной молекулы. При определенной длине волны (которая соответствует определенной степени разогрева пучка фуллеренов) данной информации

---

[176] Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 421.
[177] Nature. 2004. V. 427. № 6976. P. 711-714.

оказывается достаточно, чтобы точно локализовать выбранный пучок в пределах какой-то дифракционной щели, после чего интерференционная картина исчезает (т.е. пучки начинают вести себя уже не как дебройлевские волны, а как частицы, двигающиеся по заданным траекториям). К аналогичным выводам в своей статье «Квантовая механика не нуждается в сознании»» («Quantum Mechanics needs no Consciousness») приходят Шан Ю и Данко Николич, которые, опираясь на физические эксперименты, доказывают, что коллапс волновой функции обусловливается не наличием сознания, а самой возможностью получения потенциальным наблюдателем необходимого знания для разрушения суперпозиции состояний рассматриваемых квантовых объектов[178].

Таким образом, коллапс волновой функции обусловливается не наблюдающим сознанием как таковым, что привело бы нас к субъективно-идеалистической картине мира, в рамках которой онтологическая определенность Вселенной оказывается невозможной без ее субъективной репрезентации, а естественным наличием или искусственным продуцированием в условиях экспериментальной ситуации необходимого количества информации, которое обеспечивает переход из возможного бытия в действительное за счет перераспределения вероятностей, связанных с тем или иным состоянием физической системы.

Пока «наблюдающая» система, частью которой является наблюдатель, не вступает во взаимодействие с наблюдаемой системой, последняя для наблюдателя находится в модусе возможного бытия как целостный, не дифференцированный объект, описываемый суперпозицией потенциальных состояний. После взаимодействия наблюдаемая система становится классической в том смысле, что обретает внутреннюю структуру и определенные физические параметры. При этом «наблюдающая» система может и не включать в себя наблюдателя в качестве сознающего субъекта, поскольку для коллапса волновой функции и перехода наблюдаемой системы из целостного состояния в дифференцированное, достаточно информационных процессов, которые нарушают суперпозицию состояний и приводят к осуществлению единственной возможности бытия наблюдаемой ма-

[178] Annalen der Physik. 2011. № 523 (11). P. 931-938.

териальной системы. Таким образом, коллапс волновой функции происходит тогда и только тогда, когда информационных данных, упакованных в физических процессах, становится достаточно, чтобы локализовать материальный элемент, который пребывает в квантово-запутанном состоянии с другими элементами, образующими единое онтологическое целое. Причем такое положение дел относиться не только к физическому, но и к информационному уровню бытия, т.е. как физические, так и информационные состояния материальной системы существуют в возможности и реализуются в действительном модусе бытия, если накапливается достаточное количество информации, не позволяющее всем компонентам суперпозиции находиться одновременно в рамках наличного бытия рассматриваемой материальной системы. Подобная точка зрения согласуется с теорией объективной редукции (Objective Reduction) Р. Пенроуза, согласно которому волновая функция физической системы спонтанно коллапсирует за счет квантово-гравитационных эффектов, укореняющихся в фундаментальной геометрии пространства-времени. Чем больше и сложнее физическая система, тем быстрее происходит объективная редукция, что объясняется бóльшим количеством взаимосвязей между отдельными элементами рассматриваемой системы, сепарированными по пространственной локализации, а, значит, бóльшим количеством содержащейся в ней информации квантового и классического типа. Таким образом, можно говорить об *объективном пороге Пенроуза*, когда информации, накопленной в физической системе, оказывается достаточно, чтобы суперпозиция потенциальных состояний разрушилась за счет информационных данных, указывающих на одно единственное выделенное состояние, которое становится результатом коллапса волновой функции. Однако Р. Пенроуз полагает, что объективная редукция может произойти без влияния окружающей среды, т.е. в данном случае выбор одной из суперпонированных возможностей происходит внутренним образом и никак не обусловливается взаимодействием с внешними системами. Это означает, что не только накопление извне, но и внутреннее преобразование информации может оказаться главным фактором, не допускающим одновременное существование всех членов квантовой суперпозиции.

Квантовая онтология применима не только к микроскопическому, но и к макроскопическому уровню бытия материальных систем. Для наглядной иллюстрации обратимся к известному парадоксу Шредингера. Австрийский физик-теоретик Э. Шредингер предложил мысленный эксперимент, который, по его мнению, наносит удар по копенгагенской интерпретации квантовой механики и показывает ее неполноту в отношении правила, задающего четкие критерии наблюдения как необходимого условия коллапса волновой функции, описывающей состояние материальной системы. Суть данного мысленного эксперимента сводится к тому, что если у нас имеется квантовый объект (например, атом, подверженный радиоактивному распаду), который находится в суперпозиции возможных состояний, то связанный с ним макрообъект (например, кот), тоже будет находиться в суперпозиции возможных состояний. Представим себе, что при распаде радиоактивного атома запускается машина, убивающая кота. Тогда через определенный промежуток времени кот, пребывающий в закрытом ящике, будет и жив, и мертв одновременно, поскольку по истечении этого промежутка атом распадется с вероятностью, отличной от нуля, но не равной единице. Следовательно, в рамках мысленного эксперимента кот будет находиться в суперпозиции двух состояний – состояния трупа и состояния живого организма, что и делает его квантовым макрообъектом. Согласно копенгагенской интерпретации квантовой механики (которая на сегодняшний день доминирует в научном сообществе) подобное заявление является ложным, и кот не находится в суперпозиции двух состояний до открытия ящика, поскольку сами по себе макроскопические объекты появляются лишь на уровне декогеренции (нарушения суперпозиции) квантовых состояний рассматриваемой материальной системы.

Однако при более внимательном рассмотрении мысленного эксперимента Шредингера возникает нетривиальная проблема, если мы вместо кота в смертоносный ящик поместим некоего отчаянного испытуемого, способного к осознанному самонаблюдению. Тогда с точки зрения внешнего наблюдателя, стоящего перед закрытым ящиком, в течение какого-то промежутка времени испытуемый так же, как и несчастный кот Шредингера, будет находиться в суперпозиции двух

состояний – состояния трупа и состояния живого организма, но с его собственной точки зрения, если, конечно, он не погибнет в результате распада радиоактивного атома и запуска смертоносной машины, он будет находиться лишь в одном из этих состояний, а именно – в состоянии живого организма. Этот вариант мысленного эксперимента Шредингера можно усложнить, поместив в непроницаемый ящик еще одного сознающего субъекта, который, наблюдая за испытуемым, будет точно знать, умер тот, спустя определенное время, или же остался живым. Тогда для внешнего наблюдателя испытуемый, подключенный к смертельной машине, будет находиться в суперпозиции двух состояний, а для внутреннего наблюдателя, тот же самый испытуемый будет уже классическим объектом, пребывающим во вполне определенном физическом состоянии.

Для иллюстрации парадокса, возникающего в результате зависимости отдельных параметров макроскопических систем от протекающих в них микроскопических процессов, можно обратиться к еще одному усложненному варианту мысленного эксперимента Шредингера, который предложил в своей статье «Замечания по поводу психофизической проблемы» («Remarks on the Mind-Body Question») американский физик и математик венгерского происхождения Ю. Вигнер[179]. Он ввел в мысленный эксперимент Шредингера друзей экспериментатора, которые могут узнать о состоянии кота после открытия ящика только от самого экспериментатора, и поэтому до получения соответствующей информации в их системе отсчета состояние кота все еще будет носить квантово-неопределенный характер. В результате мы приходим к выводу, что коллапс волновой функции как процесс, обусловленный взаимодействием исследуемого объекта с экспериментальной установкой, неотъемлемой частью которой является и наблюдающий экспериментатор, носит локальный характер в рамках выделенной системы отсчета, тогда как в других системах отсчета исследуемый объект может пребывать в суперпозиции квантовых состояний. На основе этих рассуждений Ю. Вигнер заявляет, что до того момента, пока все потенциальные наблюдатели не

[179] The Scientist Speculates: An Anthology of Partly-Baked Ideas. N.Y.: Capricorn Books, 1962. P. 171-185.

узнают от экспериментатора о состоянии подопытного кота, последний во множестве систем отсчета остается и живым, и мертвым одновременно.

Можно предположить, что на самом деле физические параметры квантового объекта имеют определенное значение, в то время как суперпозиция возможных состояний возникает лишь на уровне описания физического мира в силу недостатка информации у экспериментатора об исследуемом объекте. Однако такая точка зрения, которой, в частности, придерживался А. Эйнштейн в знаменитом споре с Н. Бором, была опровергнута в ряде экспериментов, показавших нарушение неравенств Белла, которые задают рамки для экспериментальных данных, указывающих на наличие скрытых параметров и соответственно на неполноту квантовой теории. Значит, до открытия ящика физическое описание радиоактивного атома и подопытного кота со стороны внешнего наблюдателя в виде суперпозиции состояний не является результатом недостатка информации, а представляет собой онтологический факт. В итоге мы приходим к противоречию, ибо с позиции внутреннего наблюдателя радиоактивный атом и подопытный кот существуют в качестве классических объектов, но с позиции внешнего наблюдателя они существуют в качестве квантовых объектов, пребывающих в суперпозиции двух состояний, соответственно атом – как «распавшийся атом» и «нераспавшийся атом», а кот – как «мертвый кот» и «живой кот».

Парадокс кота Шредингера является разновидностью проблемы квантово-механического измерения. М.Б. Менский в своей статье «Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами» описывает эту проблему следующим образом: «С одной стороны, в квантовой механике никакие взаимодействия не могут привести к редукции, при которой из суперпозиции некоторого количества векторов исчезают все компоненты, кроме одного. С другой стороны, в сознании наблюдателя после измерения всегда остается лишь один компонент, соответствующий некоторому конкретному результату измерения, т.е. происходит выбор альтернативы»[180]. Радикальным способом решения проблемы квантово-механического измерения является многомировая теория Эверетта, которая отка-

[180] Вопросы философии. 2004. № 6. С. 68.

зывается от коллапса волновой функции и утверждает, что каждое из суперпонированных состояний осуществляется в отдельном классическом мире. Такая интерпретация квантовой механики, предложенная американским физиком Х. Эвереттом и поддержанная двумя другими американскими физиками Д. Уилером и Б. Девиттом, весьма привлекательна, поскольку позволяет избавиться от многих квантовых парадоксов, и, в частности, от парадокса Шредингера благодаря тому, что кот в вышеописанном эксперименте признается живым в одном классическом мире и мертвым в другом, и уже одновременно живым и мертвым в одном и том же классическом мире не является. Квантовая теория сознания в рамках такой интерпретации предполагает расщепление субъекта в каждой точке траектории, формирующейся в многомировом пространстве Эверетта, на множество альтернативных вариантов. Иллюстрируя данную точку зрения на примере кота Шредингера, М.В. Менский замечает, что «наблюдатель может видеть живого кота, но тогда он не видит мертвого, и наоборот. Обе альтернативы объективно сосуществуют, но (субъективно) разделены сознанием»[181].

Положительные высказывания в адрес интерпретации Эверетта содержат работы Д. Чалмерса, указывающего, что она наилучшим образом среди прочих интерпретаций квантовой механики гармонирует с базовыми психофизическими принципами его натуралистического дуализма. Главным аргументом в пользу эвереттовской интерпретации является линейность уравнений квантовой механики, по отношению к которым коллапс волновой функции является искусственной, выдуманной процедурой. По этому поводу М.Б. Менский в своей статье «Концепция сознания в контексте квантовой механики» пишет: «Постулат редукции кажется чужеродным в квантовой механике, он делает ее эклектичной. Почему система должна иначе эволюционировать, когда она подвергается измерению? Ведь измерение – это не что иное, как взаимодействие с некоторой другой системой, условно называемой прибором, и не более. А значит, эволюция полной системы во время этого взаимодействия (т.е. во время измерения) должна быть ли-

[181] Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино: Век 2, 2011. С. 44.

нейной. Суперпозиция при такой эволюции не исчезнет, все члены суперпозиции, которые были перед измерением, останутся и после него»[182].

Если интерпретацию Эверетта понимать в девиттовском смысле (как ее понимал Б. Девитт), признавая существование множества параллельных миров классического типа, которые постоянно размножаются, то возникает проблема сохранения физической энергии, ибо каждое мгновение вместо одного мира мы получаем большое количество новых миров. Выход из этой нетривиальной ситуации может заключаться в том, что существует не множество параллельных миров классического типа, которые постоянно размножаются, а множество суперпонированных онтологических проекций одного и того же единого квантового мира. М.Б. Менский в своей статье «Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами» замечает, что формулировка, согласно которой существует множество параллельных эвереттовских миров, «может вводить в заблуждение, и ее нужно поверять формулировкой, использующей более точные термины: вектор состояния в виде суперпозиции и составляющие эту суперпозицию векторы-слагаемые»[183]. В другой своей статье «Тайны сознания – из квантовой механики» он подчеркивает, что «квантовый мир един, и лишь его состояние может иметь сложную структуру, быть суперпозицией многих классических состояний»[184]. Но тогда многомировая интерпретация квантовой механики, по сути, ничем не отличается от копенгагенской, поскольку оба варианта признают существование единого материального мира, расщепленного на множество онтологических возможностей, с той лишь существенной разницей, что эвереттовские возможности после измерения никуда не исчезают, а продолжают существовать в параллельных классических проекциях. Однако с точки зрения отдельного наблюдателя ситуация оказывается тождественной, ибо как в эвереттовской, так и в копенгагенской интерпретации квантовой механики, во-первых, существует единый квантовый мир, находящийся в суперпозиции состояний, и, во-вторых, к редуцированным после измерения онтологическим возможностям обладающие сознанием наблюдатели

[182] Успехи физических наук. 2005. № 4. С. 419-420.
[183] Вопросы философии. 2004. № 6. С. 69.
[184] Метафизика. 2013. № 3 (9). С. 194.

не имеют информационного доступа. Чистые состояния переходят в смешанные в результате взаимодействия отдельных объектов, а коллапс волновой функции отождествляется с сознанием наблюдателя в одной из классических проекций единого квантового мира. Если мы смотрим извне, то никакого коллапса не происходит, а если смотрим изнутри, то нам кажется, что все члены суперпозиции, кроме одного, бесследно исчезают. Однако эвереттовская интерпретация выглядит более предпочтительной, поскольку в ее рамках отдельные объекты существуют как элементы классических миров, тогда как в рамках копенгагенской интерпретации остается непонятным, откуда вообще берутся отдельные объекты, взаимодействие которых приводит к декогеренции, если до декогеренции Вселенная представляет собой единое материальное целое, пребывающее в чистом квантовом состоянии.

Необходимость во множестве параллельных миров отпадает, и мы сохраняем позиции копенгагенского истолкования квантовой механики, если соглашаемся, что всякое определенное физическое или информационное состояние материальной системы существует лишь во взаимодействии с другими материальными системами и вне такого взаимодействия говорить о каком-то определенном физическом или информационном состоянии материальной системы бессмысленно. Поэтому следует признать, что всякая физическая система внутри себя самой является квантовой, а вне себя самой, т.е. во взаимодействии со средствами наблюдения и наблюдающим субъектом, – классической. Во втором случае рассматриваемая система может быть квазиклассической после декогеренции и перехода из чистого состояния в смешанное, когда отдельные члены суперпозиции взаимодействующих систем перемножаются, или собственно классической после коллапса суперпозиции и реализации одной из суперпонированных возможностей, когда все остальные возможности бесследно исчезают. Таким образом, мы допускаем существование двух онтологических уровней реальности – внешнего (экзофеноменального) и внутреннего (эндофеноменального) – по отношению к материальному объекту. Иными словами, материальное сущее существует как энергоинформационная система классического или квазиклассического типа на экзофе-

номенальном уровне бытия во взаимодействии с другим материальным сущим и как энергоинформационная система квантового типа вне взаимодействия с другим материальным сущим. При этом энергия представляет собой внешнюю сторону материального бытия, а информация (в ее феноменальном аспекте) – внутреннюю сторону материального бытия.

В рамках квантово-информационной модели сознания разделение на внешнюю и внутреннюю сторону бытия материальной системы становится изоморфно разделению на объективно-физическое и субъективно-ментальное бытие. Действительно, внешний наблюдатель в расширенном эксперименте Шредингера фиксирует суперпозицию состояний как распределение возможностей того, что происходит в данный момент времени в замкнутой системе, состоящей из внутреннего наблюдателя, кота и радиоактивного атома, тогда как внутренний наблюдатель свидетельствует некое наличное, непосредственно воспринимаемое положение дел в силу определенности состояния радиоактивного атома, фиксируемого косвенным образом по состоянию кота. При этом для обоих наблюдателей можно создать симметричную ситуацию, поместив их в два изолированных ящика с котом и радиоактивным атомом, после чего приведенные выше рассуждения будут иметь место как для одного наблюдателя, так и для другого в отношении наблюдаемой квантовой системы. Аналогично этому субъективно-ментальные феномены раскрываются в своем имманентном содержании непосредственно для внутреннего субъекта, но сами объективируются в виде поведенческих реакций для внешнего субъекта, который может лишь с определенной вероятностью предсказывать, что в действительности является содержанием чуждого ему субъективного опыта.

Таким образом, состояние радиоактивного атома становится классическим, когда косвенно открывается внутреннему наблюдателю через состояние кота, но для внешнего наблюдателя сохраняет квантовый характер в виде суперпозиции событий, происходящих внутри наблюдаемой системы. То же самое можно сказать в отношении сознательной и бессознательной психики: состояние бессознательной психики носит квантовый характер, но становится классическим, когда

попадает в сферу осознанности внутреннего субъекта, в то время как для внешнего субъекта и сознательная, и бессознательная психика остается предметом догадок и интерпретаций, обусловленных наблюдением объективно проявляемых поведенческих реакций внутреннего субъекта.

Отсюда можно сделать вывод, что существует два типа доступа наблюдателя к наблюдаемому сущему – диссоциативный и ассоциативный. *Диссоциативный доступ* предполагает разделенность (диссоциированность) наблюдателя и наблюдаемого сущего на энергоинформационном уровне бытия. *Ассоциативный доступ* предполагает единство (ассоциированность) наблюдателя и наблюдаемого сущего на энергоинформационном уровне бытия. Схожую классификацию репрезентативного доступа предлагает В.В. Васильев, решая проблему некогерентности эмерджентизма, связанную с тем, что если мы понимаем сознание как высокоуровневое свойство нейронных процессов и одновременно с этим признаем его уникальную онтологию, не сводимую к онтологии физических событий, то ментальные переживания обретают эпифеноменальный характер, не позволяющий им влиять на поведение человека. Решение, по мнению В.В. Васильева, заключается в том, что «ментальные состояния и нейронные процессы онтологически тождественны, но эпистемологически различны, вследствие того, что люди обладают двойным доступом к этим нейронным процессам – извне и изнутри. Поэтому возникает ощущение двойственной реальности, на деле этой двойственности нет»[185]. Диссоциативный доступ способствует внешнему познанию, т.е. познанию извне, тогда как ассоциативный доступ способствует внутреннему познанию, т.е. познанию изнутри.

Таким образом, можно выделить три типа наблюдателей в зависимости от их онтологического статуса: 1) трансцендентный наблюдатель, 2) имманентный наблюдатель и 3) трансцендентальный наблюдатель. *Трансцендентный наблюдатель* не является частью наблюдаемой системы и не взаимодействует с ней на физическом уровне бытия, т.е. не имеет к ней ни диссоциативного, ни ассоциативного доступа (подобно экспериментатору, находящемуся вне ящика, в который по-

[185] Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 72.

мещен кот Шредингера). *Имманентный наблюдатель* является частью наблюдаемой системы и взаимодействует с ней на физическом уровне бытия, т.е. имеет к ней диссоциативный доступ (подобно экспериментатору, находящемуся внутри ящика, в который помещен кот Шредингера). *Трансцендентальный наблюдатель* является всей наблюдаемой системой в целом, т.е. имеет к ней ассоциативный доступ (подобно испытуемому, занимающему место кота в ящике Шредингера).

Материальная система для трансцендентного наблюдателя 1) на экзофеноменальном уровне (как физическая система) имеет непроявленное бытие и пребывает в суперпозиции возможных состояний, 2) на эндофеноменальном уровне (как информационная система) также имеет непроявленное бытие и пребывает в суперпозиции возможных состояний. Материальная система для имманентого наблюдателя 1) на экзофеноменальном уровне (как физическая система) имеет проявленное бытие и пребывает в классическом состоянии, 2) на эндофеноменальном уровне (как информационная система) имеет непроявленное бытие и пребывает в суперпозиции возможных состояний. Материальная система для трансцендентального наблюдателя 1) на экзофеноменальном уровне (как физическая система) имеет проявленное бытие и пребывает в классическом состоянии, 2) на эндофеноменальном уровне (как информационная система) также имеет проявленное бытие и пребывает в классическом состоянии. Поэтому, учитывая позицию трансцендентного наблюдателя, из которой мир открывается в его объективном бытии, можно согласиться с точкой зрения М.Б. Менского, утверждающего в своей статье «Концепция сознания в контексте квантовой механики», что «классического мира вообще объективно не существует, а иллюзия классического мира возникает лишь в сознании живого существа»[186].

Когда я общаюсь с другим субъектом, то выступаю по отношению к нему в качестве имманентного наблюдателя, и поэтому его поведенческие реакции (имеющие экзофеноменальный статус) существуют для меня в классическом виде как проявленные, действительно существующие феномены. При этом его внутренние субъективные переживания (имеющие эндофеноменальный статус) суще-

[186] Успехи физических наук. 2005. № 4. С. 428.

ствуют для меня в квантовом виде как непроявленные, потенциально существующие феномены. Если я обращаю внимание на себя самого, то выступаю уже в качестве трансцендентального наблюдателя, и поэтому мои поведенческие реакции (имеющие экзофеноменальный статус) существуют для меня в классическом виде как проявленные, действительно существующие феномены. При этом мои внутренние субъективные переживания (имеющие эндофеноменальный статус) также существуют для меня в классическом виде как проявленные, действительно существующие феномены. И подобно тому, как я приписываю другому субъекту по аналогии с самим собой наличие проявленных (существующих в классически-реализованной форме) психических феноменов, образующих сферу сознательного бытия, точно также я приписываю себе самому по аналогии с другими субъектами наличие непроявленных (существующих в суперпозиции возможных состояний) психических феноменов, образующих сферу бессознательного бытия.

Из позиции трансцендентального наблюдателя окружающий мир является собственно классическим, существует в единственном состоянии и не заключает в себе онтологических противоречий. Это чувственно воспринимаемый мир, как он открывается познающему субъекту в его непосредственном опыте. Из позиции имманентного наблюдателя окружающий мир является квазиклассическим, существует во множестве суперпонированных состояний, каждому из которых соответствует классический набор характеристик взаимодействующих объектов. Это чувственно воспринимаемый мир, как он существует сам по себе во взаимодействии с познающим субъектом и открывается ему в опосредованном опыте через феномены классического порядка. Наконец, из позиции трансцендентного наблюдателя окружающий мир является квантовым, существует во множестве суперпонированных состояний, но представляет собой единое целое и не разделяется на взаимодействующие объекты. Это чувственно не воспринимаемый мир, как он существует сам по себе вне взаимодействия с познающим субъектом и открывается ему в опосредованном опыте через феномены квазиклассического порядка.

Сознательная психика открывается из позиции трансцендентального наблюдателя как результат декогеренции множества психических переживаний бессознательного характера, а бессознательная психика открывается из позиции имманентного наблюдателя как результат рекоренции множества психических переживаний сознательного характера. Бессознательная психика существует в возможности как суперпозиция психических переживаний, тогда как сознательная психика существует в действительности как реализованное ментальное состояние из множества возможных состояний бессознательного порядка. Советский философ М.К. Мамардашвили в статье «Сознание как философская проблема» замечает, что «я люблю» и «я чувствую, что я люблю», – это два состояния, которые «принципиально различны, и никакое преобразование, никакое допущение, никакое рассуждение не могут устранить этого различия»[187]. В данном случае пребывание в состоянии «я люблю» наполнено множеством неопределенных, не отрефлексированных моментов, собранных в единую суперпозицию психических переживаний, тогда как пребывание в состоянии «я чувствую, что я люблю» уже предполагает коллапс такой бессознательной суперпозиции и определенность психических переживаний, выражающих собственно то, каким образом я люблю.

Поэтому бессознательная психика не есть «темное» вместилище неосознаваемых переживаний, которые при определенных условиях извлекаются на «свет» и становятся осознанными подобно тому, как вещи извлекаются из закрытого сундука. Бессознательная психика аналогична квантовому ящику из мысленного эксперимента с котом Шредингера, поскольку психические переживания, принадлежащие бессознательной сфере бытия, пребывают в суперпонированном состоянии. Этим объясняется тот факт, что в психологической науке существует множество несовместимых теорий (таких, например, как психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К. Юнга, логопсихология В. Франкла, психосинтез Р. Ассаджиоли, гуманистическая психология А. Маслоу, гештальтпсихология Ф. Перлза, экзистенциальная психология И. Ялома, Dasein-анализ М. Босса, трансперсональ-

[187] Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки. Издательство «Лабиринт», 1996. С. 270.

ная психология С. Грофа или транзактный анализ Э. Берна), которые позволяют добиваться эффективных результатов в психотерапевтической практике, ибо каждой из них соответствует онтологическая возможность, упакованная в суперпозиции бессознательного опыта.

Отсюда следует вывод, что бессознательная психика определяется лишь в пространстве осознанной интерпретации, существуя до онтологического коллапса в виде распределения возможностей психического опыта подобно тому, как квантовая система существует в виде суперпозиции возможных состояний до акта эмпирического измерения. Можно сказать, что бессознательная психика имеет квантовое бытие в том смысле, что всякая психическая онтология, взятая в своей уникальной сущности, представляет собой реализацию одной из непроявленных возможностей психического бытия личности подобно тому, как классический мир представляет собой реализацию одной из непроявленных возможностей квантового бытия системы до акта ее взаимодействия с измерительными приборами (т.е. до того момента времени, как формируется достаточное количество информационных данных, позволяющих редуцировать квантовую суперпозицию состояний).

Понимание бессознательного в качестве суммы потенциальных состояний психики, коллапсирующих на сознательном уровне бытия в единственное (классическое) осознаваемое состояние, допускает объяснение смысловой референции в рамках репрезентативного акта. Действительно, зададимся вопросом: благодаря какому психическому механизму мы знаем смысл отдельного слова? Если оно обозначает реально существующую вещь, то мы можем вообразить ее, зафиксировав тем самым каузальную связь между словом и чувственным образом (т.е. фактически между двумя сенсорными паттернами, которые могут быть гомогенным или гетерогенными в отношении свойственной им чувственной модальности). Например, мы понимаем смысл слова «медведь», представив (пусть даже блекло и неясно), как выглядит реальный медведь на основе нашей памяти (в данном случае фиксируется каузальная связь между двумя сенсорными паттернами, принадлежащими одной и той же чувственной модальности – визуальной, если мы видим слово «медведь», или разным чувственным модальностям – аудиальной

и визуальной, если мы слышим слово «медведь»). Но благодаря чему мы схватываем значение таких абстрактных слов, как «свобода» или «релевантность»? Тут уже смысловое понимание не сводится к фиксации каузальной связи между словом и чувственным образом, поскольку для некоторых слов вообще не существует адекватных чувственных образов. Мы знаем смысл слова, если можем дать ему определение, т.е. зафиксировать каузальную связь между рассматриваемым словом и совокупностью иных слов. Тем не менее, мы уверены, что понимаем смысл слова, просто услышав его или прочитав без воспроизведения логической дефиниции. Данное положение дел становится возможным благодаря тому, что мы потенциально способны дать определение рассматриваемому слову. Такая психологическая диспозиция (готовность дать определение) представляет собой бессознательную суперпозицию смыслов, ибо, вообще говоря, заключает в себе множество возможных определений, одно из которых осуществляется на сознательном уровне бытия в момент вербализации понимания рассматриваемого слова.

Бельгийский физик-теоретик Д. Аертс и канадский психолог Л. Габора в своей статье «Контекстуализация понятий с использованием математического обобщения квантового формализма» («Contextualizing Concepts using a Mathematical Generalization of the Quantum Formalism»), анализируя процесс смыслообразования в ментальном опыте коммуницирующих субъектов, приходят к выводу, что понятия следует рассматривать «не как фиксированные репрезентации, а как сущности, пребывающие в состояниях потенциальности, которые требуют взаимодействия с контекстом – внешним стимулом или другим понятием, а именно – “сверткам” до экземплифицированной формы. Стимул играет роль измерения в физике, действуя как контекст, который вызывает переход когнитивного состояния из состояния суперпозиции в свернутое состояние. Свернутое состояние скорее всего должно представлять собой конъюнкцию понятий, более пригодных для ассоциативного, нежели аналитического, мышления, потому что в редукции волновой функции участвует большое количество стимулов или понятий»[188]. Профессор Квинслендского Технологического университета в Австралии П. Бруза и

[188] Journal of Experimental and Theoretical Artificial Intelligence. 2002. № 14 (4). P. 327.

профессор Индианского университета в Блумингтоне Д. Бусемейер в своей статье «Введение в проблему квантового познания» («Introduction to the Special Issue on Quantum Cognition») также описывают процесс смыслообразования, используя квантово-механическую терминологию и, прежде всего, понятия квантовой суперпозиции и квантовой запутанности[189]. О смысловой суперпозиции, влияющей на осознанное решение в конкретной ситуации, пишут в своей статье «Эффекты порядка в последовательных измерениях некоммутирующих психологических наблюдаемых» («Order Effects in Sequential Measurements of Non-commuting Psychological Observables») немецкие физики Х. Атманспачер и Х. Ремер[190]. Отечественный физик М.Г. Иванов, рассматривая семантическую интерференцию аргументов, заставляющих субъекта принять ту или иную точку зрения или совершить тот или иной поступок, утверждает, что сознание «может находиться в состоянии суперпозиции различных мнений»[191].

Квантово-информационное понимание бессознательной сферы бытия перекликается с герменевтической моделью психики, согласно которой психические переживания существуют только в пространстве ментальной интерпретации. Согласно французскому философу, представителю философской герменевтики Полю П. Рикеру, всякий психический объект, погруженный в бессознательную сферу бытия, по своей сущности может быть представлен в сознании разными способами, и поэтому реальность бессознательной психики конституируется посредством процедуры символического истолкования[192]. Бессознательное обретает свое предметно-определенное бытие только благодаря раскрывающим его ментальным актам, в то время как вне своего понимания (осознания) оно вообще не существует ни в каком предметно-определенном виде (т.е., другими словами, существует в предметно-неопределенной форме суперпозиции множества возможных психических состояний).

---

[189] Journal of Mathematical Psychology. 2009. № 53. P. 303-305.
[190] Atmanspacher H., Römer H. Order Effects in Sequential Measurements of Non-commuting Psychological Observables // Journal of Mathematical Psychology. 2012. № 56. P. 274-280.
[191] Иванов М.Г. Как понимать квантовую механику. М.: Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012. С. 475.
[192] Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. С. 142-167.

Можно провести обоснованные параллели между квантово-информационной теорией бессознательного и вероятностной моделью психики, в соответствии с которой сознание выступает в качестве семантического фильтра, отбирающего элементы бессознательного, а бессознательное, в свою очередь, сводится к распределению вероятностей на семантическом континууме значений, потенциально присущих рассматриваемому психическому событию. Соответственно взаимодействие семантического фильтра, функционирующего в области сознания, с вероятностным распределением значений, упакованных на бессознательном уровне бытия, формирует ментальный опыт человека. Такая модель психического опыта, развиваемая отечественным математиком и философом В.В. Налимовым, утверждает, что на бессознательном уровне бытия реализуются глубинные процессы сознания, которые принципиально не компьютеризируются и не подчиняются законам формальной логики[193]. Согласно данной точке зрения бессознательное, будучи иррациональным слоем сознания, упорядочивается с помощью континуальной логики, в рамках которой истинность утверждений размыта и вероятностна (т.е. всякое бессознательное событие до акта своего осознания находится в квантово-запутанном состоянии с другими бессознательными событиями, каждому из которых приписывается определенная вероятность).

Эндофеноменальное содержание бессознательной психики отличается от эндофеноменального содержания ментального опыта, прежде всего, тем, что первое существует в возможности как суперпозиция психических переживаний, а второе существует в действительности как коллапс суперпозиции психических переживаний, пребывающих на бессознательном уровне психики. Другими словами, элементы внутреннего феноменального содержания бессознательных психических переживаний запутываются в единое квантово-информационное целое, которое в процессе осознания реализуется в виде единственного психического переживания, перешедшего из потенциального бытия в действительное. Поэтому непосредственное взаимодействие между двумя разными сознаниями оказывается невоз-

[193] Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Прометей, 1989. С. 121-136.

можным, ибо одно сознание существует для другого лишь в виде распределения бессознательных возможностей подобно тому, как шредингеровский кот до тех пор, пока ящик остается закрытым, существует для внешнего наблюдателя лишь в качестве суперпозиции состояний «живого» и «мертвого» кота.

Согласно принципу онтологической несепарабельности, всякий психический феномен опирается в своем бытии на физический (нейрофизиологический, биохимический и биоэлектрический) субстрат, т.е. любые ощущения, восприятия и мысли с необходимостью сопровождаются телесными процессами, протекающими в организме человека. При этом бессознательные психические события в рамках информационного бытия коррелируют с событиями физического (нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического) порядка, которые локализуются в коре головного мозга, а сознательные психические события коррелируют с бессознательными психическими событиями, которые не локализуются в коре головного мозга и существуют в виде суперпозиции психических состояний. Сами по себе психические состояния в своем феноменальном контенте не редуцируются к процессам телесного порядка подобно тому, как образное и смысловое содержание фильма не сводится к цифровой последовательности, которая кодирует его на DVD-диске. Благодаря поперечной информационной причинности взаимообусловленность физических кодов и психического опыта имеет два противоположно направленных вектора: во-первых, из физической сферы бытия в психическую, когда, например, совокупность световых сигналов трансформируется в визуальный образ наблюдаемой сцены, и, во-вторых, наоборот, из психической сферы бытия в физическую, когда, например, суггестивное внушение, что поднесенный к руке карандаш представляет собой раскаленную железную палочку, приводит к образованию действительного ожога кожи.

Бессознательное так же, как и сознательное, имея психическое бытие, не сводится к телесным процессам, протекающим в организме человека, и обладает внутренней феноменологией, благодаря которой можно говорить о неосознаваемых переживаниях, поскольку в противном случае бессознательная психика отождествляется с нейронными процессами и теряет свою собственно психиче-

скую сущность. Бессознательное существует потенциально, представляя собой распределение психических возможностей, которые с определенной вероятностью надстраиваются над процессами нейронного порядка, тогда как сознательное существует актуально, представляя собой единственную реализованную возможность из суперпозиции бессознательных состояний. Другими словами, структуры, сформированные сочетанием физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) кодов, упаковывают в себе потенции психических переживаний, которые декогерируют на ментальном уровне бытия в результате энергоинформационного взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, бессознательные психические переживания в своей информационной сущности обретают статус промежуточного звена между физическими и ментальными процессами.

В качестве ментальных функций сознания, которыми оно отличается от бессознательной психики, можно выделить: 1) амплификацию, 2) фильтрацию и 3) редукцию.

Во-первых, сознание осуществляет *амплификацию*, которая дополняет до эмерджентного целого совокупность элементов ментального поля. На уровне бессознательной психики не существует строго заданных эмерджентов, поскольку бессознательный опыт представляет собой распределение множества непроявленных психических переживаний, имеющих потенциальное бытие. И только на уровне сознания, когда множество непроявленных психических переживаний коллапсирует в единственное, действительно проявленное состояние, формируются строго заданные эмерджeнты психического опыта как целостные структуры, не сводимые к простой сумме составляющих элементов, будь то чувственные эмерджeнты (образы и представления, не сводимые к простой сумме ощущений) или интеллектуальные эмерджeнты (идеи и понятия, не сводимые к простой сумме смыслового содержания символов, посредством которых эти идеи и понятия выражаются).

Во-вторых, сознание осуществляет *фильтрацию*, благодаря которой в ментальную сферу психики попадает лишь незначительная часть информации, суще-

ствующей на бессознательном уровне бытия. Сознание фильтрует вытесненное (сопротивляющееся силам ментального поля) бессознательное, отбирая из всего распределения потенциально существующих переживаний преимущественно те, которые не вступают в деструктивное (болезненное) противоречие с осознаваемым психическим материалом. В результате вытесненное бессознательное трансформируется в предсознательное (не сопротивляющееся силам ментального поля и открытое для ментального субъекта действием поперечной информационной причинности), которое может быть амплифицировано в осознаваемые психические феномены.

В-третьих, сознание осуществляет *редукцию*, благодаря которой потенциальное бытие бессознательной психики реализуется в виде действительного бытия ментальных феноменов. В данном случае прослеживается аналогия с редукцией (коллапсом) волновой функции в квантовой механике, когда в результате измерения, проводимого над квантовым объектом, суперпозиция онтологических возможностей редуцируется до единственного реализованного состояния. В соответствии с квантово-информационной теорией редуцирующая функция сознания реализует одну из онтологических возможностей, коррелирующих с нейронным кодом в головном мозге человека (что, в частности, обусловливает множественность психических онтологий). Редукция позволяет выстраивать стратегию поведения в классически определенном мире, что было бы принципиально невозможно, если бы живое существо обнаруживало себя в квантово-неопределенной реальности. По этому поводу М.Б. Менский в своей статье «Концепция сознания в контексте квантовой механики» пишет: «Живое существо, в отличие от неживой материи, обладает способностью особым образом воспринимать квантовый мир. Этот мир, с его характерной квантовой нелокальностью, живое существо воспринимает не в целом, а в виде отдельных классических проекций. Каждая из таких проекций является “локально предсказуемой”. В каждой из них живое существо

осуществляет сценарий, называемый жизнью, тогда как без этого расслоения само понятие жизни представляется невозможным»[194].

На ментальном уровне бытия редукция является промежуточным этапом между фильтрацией и амплификацией, поскольку она использует отфильтрованные возможности для выбора реализуемого состояния, после чего амплифицирующие силы достраивают психические элементы до целостного ментального феномена. Сначала осуществляется фильтрация (в процессе которой одни психические состояния, вступающие в конфликт с осознаваемым материалом, блокируются на уровне бессознательной психики, а другие – становятся предсознательными, т.е. доступными для перехода из возможного бытия в действительное), затем – редукция (в процессе которой одно из возможных предсознательных состояний реализуется на ментальном уровне бытия) и, наконец, – амплификация (в процессе которой формируются психические эмерджeнты из разрозненных элементов ментального опыта). Взаимодействие психических эмерджентов, проявляемое в динамике фигуры и фона, способствует изменению фильтрующих факторов, в силу чего предсознательный материал наполняется новыми потенциальными феноменами, и редукция приводит к новым ментальным состояниям, генерирующим новые психические эмерджeнты. В итоге три основных механизма ментального бытия – фильтрация, редукция и амплификация – обеспечивают разнообразие и богатство внутренней жизни субъекта, надстраивая над бессознательной психикой динамику ментальных феноменов.

По отношению к собственной ментальной жизни субъект находится в позиции трансцендентального наблюдателя, что позволяет ему переживать феномены сознания изнутри. По отношению к своей бессознательной психики субъект находится в позиции имманентного наблюдателя, за счет чего в поле его ментального опыта суперпозиция бессознательных переживаний реализуется в виде единственного осознаваемого переживания, но при этом информация о суперпонированной совокупности возможных переживаний не стирается, а продолжает существовать как онтологическая граница сознания на уровне предсознательной пси-

[194] Успехи физических наук. 2005. № 4. С. 428.

хики. По отношению к объективно фиксируемым поведенческим реакциям другого субъекта рассматриваемый субъект тоже находится в позиции имманентного наблюдателя, тогда как по отношению к субъективно переживаемой внутренней жизни другого субъекта рассматриваемый субъект находится в позиции трансцендентного наблюдателя, ибо никакое взаимодействие на уровне физического бытия не обеспечивает взаимодействие на уровне психической информации, что делает невозможным процесс декогренции множества возможных состояний чужой психики в системе отсчета наблюдающего сознания. Иными словами, один субъект не может непосредственно (изнутри) пережить ментальные состояния, в которых пребывает другой субъект, а может лишь с определенной вероятностью умозаключить об их психическом контенте.

Коллапс потенциального бытия физических систем аналогичен коллапсу потенциального бытия психических феноменов с той лишь существенной разницей, что оба этих коллапса происходят на разных информационных уровнях бытия, поскольку в первом случае единственное физическое состояние реализуется в действительности за счет взаимодействия физических систем, тогда как во втором случае единственное психическое состояние реализуется в действительности за счет формирования метаинформационных эмерджентов. Физические (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) коды, существующие в нейронных сетях головного мозга, коррелируют с информацией функционального типа, которая порождает качественно новый уровень информационных феноменов. Можно сказать, что в данном случае срабатывает гегелевский закон перехода количественных изменений в качественные, но не на физическом уровне бытия, а на информационном, за счет чего информация преобразуется в информацию и не происходит нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира (что наблюдалось бы, если бы мы полагали, что на определенном этапе развития материальных систем энергия преобразуется в информацию).

Замкнутая материальная система сама по себе есть единое онтологическое целое, в котором нет не только отдельных элементов (объектов), но и направленного потока событий. Такая система находится в чистом квантовом состоянии, где

каждое отдельно взятое событие и каждая темпорально обусловленная причинно-следственная цепочка событий образует квантовую суперпозицию, описываемую волновой функцией рассматриваемой системы. Если система вступает во взаимодействие с другой системой, то происходит декогеренция, выделяются квазиклассические объекты и чистое состояние трансформируется в смешанное. Теперь мы имеем дело с совокупностью причинно-следственных цепочек, каждая из которых представляет собой онтологическую проекцию взаимодействующих систем. И, наконец, внутренний доступ к определенной альтернативе, входящей в суперпозицию возможных состояний самого наблюдающего (сознающего) субъекта, обеспечивает коллапс суперпозиции и проявление единственного классического мира (единственной онтологической проекции трансцендентно существующей реальности).

До появления сознающих существ окружающий мир имел квазиклассическое бытие, поскольку взаимодействие материальных систем ограничивалось процессами декогеренции, которые сами по себе, как верно замечает М.Б. Менский, не элиминируют суперпонированные возможности в смешанном состоянии. Роджер Пенроуз тоже подчеркивает, что «коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной. Складывающееся в результате в физической теории положение дел представляется мне весьма далеким от удовлетворительного. Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории… почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем»[195]. Поэтому лишь благодаря сознанию, которое возникает в результате энергоинформационной эволюции (предполагающей усложнение материальных систем на физическом и информационном уровне бытия), мир становится классическим. В этом смысле сознание можно отождествить с коллапсом волновой функции, если под коллапсом понимать не физический процесс исчезновения суперпонированных

[195] Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. С. 464.

онтологических возможностей (ибо они продолжают существовать как члены суперпозиции, доступные трансцендентному наблюдателю), а информационный процесс, разделяющий альтернативные онтологические проекции и обеспечивающий их информационную замкнутость. Взаимодействовать могут два физических тела, но два сознания взаимодействовать не могут. Они остаются информационно замкнутыми, поскольку одному сознающему субъекту недоступно сознание другого, но доступны лишь внешне наблюдаемые поведенческие реакции. Информационная изолированность разных субъектов, обладающих сознанием, подобна информационной изолированности разных суперпонированных событий, обмен информацией между которыми несовместим с изначально существующей квантовой суперпозицией.

§ 4. Информационная причинность[196]

В современной философии сознания развивается теория информационной причинности, суть которой сводится к тому, что информация «способна служить фактором управления (ибо цель… и каузальный эффект управления в самоорганизующейся системе определяется именно информацией на основе сложившейся кодовой зависимости, а не самими по себе физическими свойствами ее носителя, поскольку они могут быть разными)»[197]. Однако с понятием информационной причинности связана проблема, обусловленная тем, что если мы не допускаем редукцию информационного воздействия к воздействию физического порядка, то нарушается каузальная замкнутость физического мира, поскольку в причинно-следственные цепи физических событий встраиваются нефизические (информационные) данные. В частности, признавая несводимость информационных причин к причинам физического порядка, мы приходим к выводу, что никакое знание о физическом устройстве живой клетки не позволяет априорно (дедуктивно) вывести механизмы синтеза белка, и для полного объяснения их необходимо добавить

[196] Результаты исследования были опубликованы в статье: Черепанов И. В. Информационная причинность // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 42-46.
[197] Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. С. 149.

еще и знание информационных данных, не редуцируемых к физическому устройству и функционированию отдельных структурных подсистем клетки. Таким образом, мы смещаемся в сторону креационистской теории или теории разумного дизайна, согласно которым информация привносится в материю извне с трансцендентного уровня бытия. Поэтому последовательное развитие теории информационной причинности приводит к субстанциализации информационных данных, ибо информация в качестве действующей причины уподобляется платоновским идеям, которые организуют бытие материальных систем и влияние которых не может быть сведено к действующим причинам физического типа.

Обосновывая явление информационной причинности, Д.И. Дубровский во второй части статьи «Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа» подчеркивает: «Общепринятым стало положение о том, что описание функциональных отношений логически независимо от описания физических отношений. Уже одно это указывает на невозможность редукции информационных процессов к физическим»[198]. С данным утверждением нельзя согласиться, поскольку функциональные отношения сводятся к каузальным связям между отдельными подструктурами физической системы, выступающей в качестве информационного носителя, а каузальные связи между отдельными подструктурами физической системы, в свою очередь, определяются физическими законами, и поэтому функциональные отношения логически выводятся из описания физических отношений. Например, функциональные состояния, в которых находится компьютер, можно дедуктивно вывести из его физических состояний, поскольку физические состояния определяют каузальные связи, а каузальные связи, в свою очередь, определяют функциональные состояния. Правда, такой дедуктивный вывод на сегодняшний день невозможно реализовать никакими вычислительными средствами, но он принципиально допустим, ибо если предположить обратное, то нарушается эпистемологическая полнота физики и поведение физической системы на собственно физическом уровне бытия уже нельзя описать, апеллируя к одним лишь физическим закономерностям. Идентичные функциональные состояния

[198] Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 90.

могут быть реализованы на субстратно отличающихся физических системах, но анализ каждой из них на физическом уровне бытия принципиально допускает дедуктивный вывод каузальных связей между отдельными физическими подструктурами и, как следствие, функциональных состояний, присущих этим физическим системам в определенный момент времени.

Информационная причинность означает, что кодовые зависимости нельзя свести к каузальным отношениям между физическими объектами, бытие которых подчиняется физическим законам, но тогда формирование кодовых зависимостей в информационных системах должно объясняться не физическими, а сверхфизическими причинами. Получается, что взаимосвязь между кодируемой информацией и кодирующим объектом (например, привязка аминокислот к азотистым основаниям в информационном коде ДНК) обусловливается не закономерным ходом эволюционного развития материальных систем и не случайно-историческими процессами, а некими сверхфизическими силами, действие которых уже не поддается объяснению в рамках современной науки, поскольку в противном случае сколько бы мы ни уменьшали энтропию (т.е. ни увеличивали структурную сложность) материальных систем, все равно их поведение не выйдет за пределы физической феноменологии (т.е. ни при каких условиях не проявит информационные свойства, не сводимые к физическому уровню бытия).

Если мы допускаем редукцию информационного воздействия к воздействию физических систем, то информационная причинность как таковая становится формой физической причинности, и говорить о каузальном эффекте информационного порядка в самоорганизующихся системах уже не приходится. Например, анализ информационных процессов, которые сопровождают внутриклеточный синтез белка, показывает, что в действительности они обусловливаются химическими и электромагнитными законами, знания которых достаточно, чтобы априорно (дедуктивно) вывести из физического устройства клетки механизмы формирования цепочек аминокислот в результате взаимодействия рибосомы и реплицированного участка молекулы ДНК. В итоге мы приходим к выводу, что информационной причинности как таковой не существует, а существует лишь

удобный и компактный способ описания большой совокупности физико-химических процессов.

Чтобы сохранить информационную причинность как онтологический феномен и не допустить эпифеноменального характера информации в ее качественном аспекте (поскольку в противном случае информационные данные оказываются ненужным, каузально неэффективным довеском к процессам физического порядка) сторонники функционального подхода выдвигают разные теории. Американский нейропсихолог Р. Сперри, критикуя редукционизм, выделяет восходящую и нисходящую причинность не только в отношении разных уровней бытия с несводимыми характеристиками, но и одного и того же онтологического уровня, в рамках которого сложные системы могут быть представлены в виде совокупности взаимодействующих элементов. Таким образом, биологические свойства нельзя редуцировать к химическим, а химические – к физическим. При этом в своей статье «Структура и значение революции сознания» («Structure and significance of the consciousness revolution») Р. Сперри утверждает, что «сознание рождается как эмерджентное системное свойство высокоуровневых организационных процессов, протекающих в мозге»[199]. Соглашаясь с данной точкой зрения, мы приходим к нарушению принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо как биологические, так и химические системы в своей бытийной основе являются сложно организованной совокупностью взаимодействующих физических элементов (элементарных частиц), и если мы придерживаемся двунаправленной концепции причинности Р. Сперри, то должны признать, что само поведение физических элементов во всем его разнообразии не может быть объяснено одними лишь физическими законами, а это, в свою очередь, противоречит принципу эпистемологической полноты физики и, в конечном счете, приводит к отрицанию закона сохранения физической энергии. Однако закон сохранения физической энергии не нарушается ни в химических, ни в биологических системах, что согласуется с принципом онтологической целостности материального мира и опровергает рассматриваемую теорию Р. Сперри.

---

[199] Journal of Mind and Behavior. 1987. № 8. P. 37.

Возьмем, например, колесо, которое катится с горы. Согласно двунаправленной концепции причинности Р. Сперри, движение колеса определяется не только физическим взаимодействием частиц, из которого оно состоит, но и его формой, позволяющей двигаться с минимальной силой трения. При этом форма колеса является высокоуровневым (эмерджентным) свойством как результат системного взаимодействия частиц, определяемого свойствами низкоуровневого порядка. Тем не менее форма колеса полностью задается физическим взаимодействием составляющих элементов и как эмерджентное свойство может быть дедуктивно выведено из низкоуровневых свойств без потери каких-то существенных характеристик.

Далеко не все ученые современности признают каузальную замкнутость физического мира, оставляя онтологическую и концептуальную лазейку для эффективной роли сознания в организации материального бытия. Например, Г. Степп утверждает: «Согласно современной ортодоксальной базисной физической теории, но в противоположность многим утверждениям философии сознания, физическая сфера не является каузально закрытой»[200]. Д.И. Дубровский, защищая концепцию информационной причинности, также выступает против принципа каузальной замкнутости физического мира, полагая, что физическая каузальность нарушается в таких явлениях, как Большой взрыв или квантовые эффекты нелокального порядка[201]. Однако подобные спекуляции не выдерживают критики, поскольку ни Большой взрыв, ни квантовые эффекты нелокального порядка не нарушают физическую каузальность, а просто подчиняются физической каузальности иного характера, отличного от характера физической каузальности, которая присуща явлениям классического мира. Если физическая каузальность нарушается, то в окружающем мире должны наблюдаться чудеса, причем не «чудеса» квантовой механики, которые подчиняются физическим закономерностям неклассического типа, а настоящие чудеса, разваливающие все здание современной физической науки, чего до настоящего момента времени не происходит.

---

[200] Journal of Consciousness Studies. 2006. Vol. 13. № 9. P. 112.
[201] Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+, 2015. С. 144.

Таким образом, сохраняя материалистические позиции, мы должны признать, что несмотря на то, что одни и те же информационные данные могут быть реализованы на разных материальных носителях, в конечном счете, каузальная активность присуща именно физическим структурам, а не идеальному содержанию информации. Информационная причинность существует лишь на уровне феноменологического описания самоорганизующихся систем, в то время как на уровне фундаментальной онтологии каузальная сила информационных данных сводится к каузальной силе физических процессов. Информация обладает содержательностью, но не действенностью, ибо действует всегда физическая система, и характер ее действий, а также конфигурация составляющих элементов определяет содержание информационных данных. Правильно говорить не о том, что информация, будучи идеальной сущностью (если понимать под ней содержание данных, а не просто меру упорядоченности материальных структур, т.е. не просто физическую величину, равную разности между максимально возможным значением энтропии и тем ее значением, которое присуще рассматриваемой системе в конкретный момент времени), влияет на физические объекты, а о том, что физические объекты коррелируют с информационными данными, содержание которых позволяет делать прогнозы относительно их физического поведения. Сравним, например, звезду и живую клетку. Обе они представляют собой физические объекты, но живая клетка имеет намного более тонкое и сложное устройство, нежели звезда. Несмотря на это, поведение живой клетки подчиняется тем же самым физическим законам, что и поведение звезды, поскольку, в конечном счете, обе они состоят из одинаковых субатомных частиц. Поэтому правильно говорить не о том, что поведение живой клетки обусловливается наряду с физическими причинами еще и причинами информационного порядка, а о том, что живая клетка, имея более тонкое и сложное устройство, нежели звезда, коррелирует с более содержательной информацией, обнаруживаемой в генетическом коде ДНК.

Но если не существует информационной причинности, то не существует и ментальной причинности, ибо ментальные феномены в рамках рассматриваемого подхода представляют собой форму бытия информации, и тогда сознание пре-

вращается в «номологического бездельника», что противоречит принятому выше экзистенциальному требованию. Чтобы справиться этим противоречием, прежде всего, заметим, что детерминизм в отношении строгости выстраиваемого прогноза может быть классическим или неклассическим. *Классический детерминизм* предполагает строгую причинную обусловленность событий физического порядка и физических параметров, описывающих состояние материальной системы. *Неклассический детерминизм* предполагает строгую причинную обусловленность вероятностного распределения событий физического порядка и физических параметров, описывающих состояние материальной системы. Данный вид детерминизма, как замечает В.А. Фок в своей статье «Об интерпретации квантовой механики», укореняется «в вероятностном характере описания, в силу которого необходимо отличать потенциально возможное от осуществившегося, в учете относительности к средствам наблюдения», а также «в новом понимании принципа причинности, согласно которому этот принцип непосредственно относится к вероятностям, т.е. к потенциально возможному, а не к действительно осуществляющимся событиям»[202].

Классический детерминизм присущ классической физике, тогда как неклассический детерминизм появляется в неклассической (квантовой) физике. Причем статистические законы, действующие в классической физике (например, в термодинамике), в действительности означают наличие скрытых параметров, апелляция к которым превращает статистические (вероятностные) законы в нестатистические (строгие). Но вероятностные законы квантовой механики, как уже отмечалось выше, носят не гносеологический, а онтологический характер, и поэтому их нельзя превратить в строгие законы классического типа никакой апелляцией к скрытым параметрам.

В силу энергоинформационного принципа, согласно которому энергия и информация образуют единое материальное целое, информационное событие X_2 следует за информационным событием X_1 лишь постольку, поскольку за физиче-

[202] Успехи физических наук. 1957. Т. LXII, вып. 4. С. 473.

ским событием Y_1, которое ассоциируется в единое материальное (энергоинформационное) целое с информационным событием X_1, следует физическое событие Y_2, которое ассоциируется в единое материальное (энергоинформационное) целое с информационным событием X_2. Поэтому правильно говорить не о причинно-следственной взаимосвязи между двумя последовательными событиями информационного порядка X_1 и X_2, а об их ассоциативной взаимосвязи, которая обусловливается причинно-следственными отношениями между физическими событиями Y_1 и Y_2, коррелирующими с X_1 и X_2.

Благодаря принципу супервентности корреляция между информационными и физическими событиями в рамках единого материального (энергоинформационного) целого имеет неоднозначный характер, поскольку одно и то же информационное событие может коррелировать с разными событиями физического порядка, тогда как одно и то же физическое событие может коррелировать только с одним событием информационного порядка, что, как было показано ранее, на ментальном уровне бытия обеспечивает единство переживающего субъекта (который сохраняет тождество в разных физических состояниях) и возможность интерсубъективного понимания (которое позволяет двум физически различным субъектам находиться в одном интенциональном состоянии). С учетом физического состояния субъекта мы можем делать строгие выводы относительно его ментального состояния, тогда как с учетом ментального состояния субъекта мы можем делать лишь вероятностные выводы относительно его физического состояния.

Пусть за информационным событием X_1 следует информационное событие X_2, и в рамках единого материального (энергоинформационного) целого совокупность физических событий Y_1^1, Y_1^2, ..., $Y_1^{N_1}$ образует множество возможных коррелятов информационного события X_1, а совокупность физических событий Y_2^1, Y_2^2, ..., $Y_2^{N_2}$ – множество возможных коррелятов информационного события X_2. Тогда на физическом уровне бытия каждый элемент из множества физических событий Y_1^1, Y_1^2, ..., $Y_1^{N_1}$ является потенциальной причиной (с определенной вероят-

ностью) каждого элемента из множества физических событий Y_2^1, Y_2^2, ..., $Y_2^{N_2}$ (рис. 2). В итоге мы приходим к неклассическому детерминизму, откуда вытекает, что информационные корреляты физических событий имеют квантово-онтологический характер, т.е. существуют в рамках квантовой онтологии, но не классической.

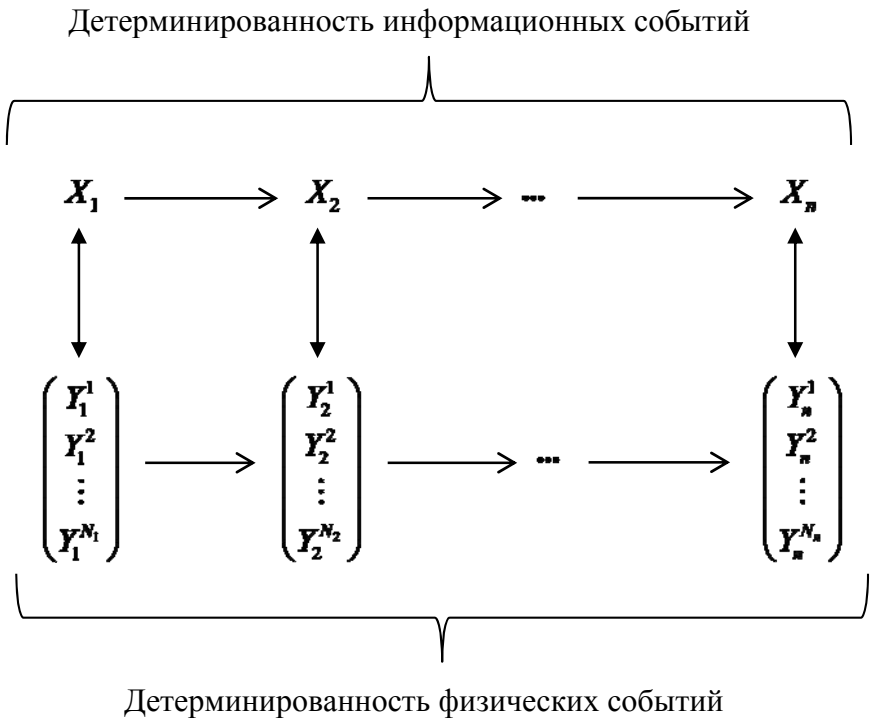

Рис. 2. Корреляция между детерминированными последовательностями информационных и физических событий

Причинно-следственная цепочка информационных событий $X_1 \to X_2 \to ... \to X_n$, будучи строго определенной, подчиняется классическому детерминизму, в то время как коррелирующая с ней цепочка физических событий Y_1^1, Y_1^2, ..., $Y_1^{N_1} \to Y_2^1$, Y_2^2, ..., $Y_2^{N_2} \to ... \to Y_n^1$, Y_n^2, ..., $Y_n^{N_n}$, будучи вероятностно определенной, подчиняется неклассическому детерминизму. Поэтому классический мир, данный в восприятии сознающего субъекта, – это чисто информационный мир, где каждый объект представляет собой чувственно воспринимаемый образ, за которым скрывается суперпозиция возможных физических событий. Иными слова-

ми, мир сам по себе есть совокупность суперпонированных возможностей, одна из которых реализуется в виде чувственно воспринимаемой реальности. С информационным событием X_k коррелирует суперпозиция физических событий Y_k^1, Y_k^2, ..., $Y_k^{N_k}$, после коллапса которой (в виде единственного физического события Y_k^l) часть информации, упакованной в X_k, теряется, и мы переходим от квантового мира к классическому.

С другой стороны, в силу энергоинформационного принципа всякое физическое сущее является информационным кодом, а всякая информация кодируется физическим сущим. Отсюда следует, что пространство информационных данных бесконечно богаче и разнообразнее пространства физических объектов, поскольку последние распадаются на большое количество составляющих структур, каждой из которых соответствуют свои информационные данные. В рамках физической системы одновременно сосуществует множество информационных слоев, связанных отношениями корреляции с ее физическими подсистемами. Таким образом, можно говорить об *информационной суперпозиции*, которая заключается в том, что все информационные корреляции, присущие физической системе, существуют одновременно, пока существуют соответствующие им кодирующие структуры. Чувственному восприятию соответствует отдельный информационный слой окружающего мира, который входит в суперпозицию возможных миров, не подвергаемую коллапсу до того момента времени, пока репрезентирующей информации оказывается недостаточно, чтобы разделить существующие в силу энергоинформационного принципа онтологические альтернативы.

С каждым физическим событием Y_k^l коррелирует информационное событие X_k^l, частью которого является информационное событие X_k, т.е. $X_k \subseteq X_k^l$. Поэтому информационное событие X_k^l можно представить в виде суммы $X_k^l = X_k + \tilde{X}_k^l$, где $\tilde{X}_k^l$ – информационное событие, принадлежащее X_k^l, но не принадлежащее X_k. Реализация дополнительной информации (в виде определенного физического события), принадлежащей информационному событию $\tilde{X}_k^l$, приводит к коллапсу со-

вокупности суперпонированных событий $Y_k^1, Y_k^2, ..., Y_k^{N_k}$, в результате чего реализуется физическое событие Y_k^l. Таким образом, атрибутивная теория информации позволяет объяснить коллапс волновой функции, не объяснимый с точки зрения физических законов, ибо, как замечает М.Б. Менский в своей статье «Концепция сознания в контексте квантовой механики», «постулат редукции фон Неймана чужд квантовой механике и принят в ней (ценой эклектичности) лишь для того, чтобы быстро и легко обойти концептуальные проблемы, не решая их по существу, и перейти к практическим расчетам»[203].

Вышеприведенные рассуждения означают, что на ментальном уровне бытия в зависимости от интерпретации чувственных данных мы получаем разные картины мира (точнее разные наблюдаемые миры) $Y^1, Y^2, ..., Y^N$, не совместимые в одной и той же линейной последовательности событий физического порядка, за счет дополнительных информационных данных $\tilde{X}^1, \tilde{X}^2, ..., \tilde{X}^N$. Однако разные наблюдаемые миры $Y^1, Y^2, ..., Y^N$ имеют пересекающуюся область Y благодаря существованию общего информационного пространства X, которое определяется соотношениями $X^l = X + \tilde{X}^l$, где X^l – информация, коррелирующая с наблюдаемым миром Y^l в отсутствии дополнительных информационных данных $\tilde{X}^l$.

В частности, при $\tilde{X}^l = \varnothing$ имеем равенство: $Y = Y^l$. Поэтому субъекты, принадлежащие одной и той же физической реальности, могут существовать в разных мирах не только символически, но и онтологически, т.е. действовать, исходя из разных принципов, описывающих устройство окружающей реальности, и добиваться практически значимых результатов. Например, картины мира ученого и шамана кардинально различаются, но это не мешает им обоим, опираясь на разные законы бытия, обусловленные разными информационными данными, которые интерпретируются субъектом, совершать действия, приводящие в их картине мира к ожидаемым и прогнозируемым результатам. Причем последние могут быть зафиксированы как первым, так и вторым в общей реальности, обусловленной едиными информационными данными, которые коррелируют с разными фи-

[203] Успехи физических наук. 2005. № 4. С. 423.

зическими событиями. Западный врач прописывает больному лекарство, которое в рамках его картины мира стимулирует в теле больного химические и нейрофизиологические реакции, приводящие к выздоровлению. В отличие от этого, шаман, опираясь на иную картину мира, отыскивает с помощью духов, которые ему служат, потерянную душу больного и возвращает ее в физическое тело, после чего также наступает выздоровление. При этом факт выздоровления больного фиксируется в общей реальности и западным врачом, и шаманом, тогда как события, способствующие этому, принадлежат разным мирам, которые разделяются сознанием рассматриваемых субъектов. Иными словами, дополнительные информационные данные, которые конституируют ментальный опыт западного врача и шамана, приводят к формированию разных чувственно воспринимаемых миров, но в ситуации, когда роль этих данных несущественна, как первый, так и второй воспринимают одну и ту же классическую реальность.

Данная позиция согласуется с когнитивным плюрализмом американского философа С. Хорста, который вслед за И. Кантом полагает, что наши репрезентативные картины определяются когнитивной архитектурой, но в отличие от И. Канта не приписывает последней врожденный и жестко фиксированный характер, а допускает ее множественную реализуемость в соответствии с решением отдельных проблем[204]. Когнитивный плюрализм допускает существование сверхъестественных сущностей, которые оказываются элементами разделяемой репрезентативной картины. Поэтому реальность шамана сосуществует с реальностью западного врача как разные информационные слои единого физического мира. Каждый информационный слой связан с определенной репрезентативной возможностью.

Вопрос о том, почему мы воспринимаем мир именно в том виде, в каком мы его воспринимаем, М. Тегмарк переводит в плоскость естественнонаучного понимания и формулирует его в следующем виде: почему из всех возможных решений квантовых уравнений мы воспринимаем именно те решения, которые соответствуют нашему чувственному восприятию? В своей статье «Сознание как состоя-

[204] Horst S. Beyond Reduction: Philosophy of Mind and Post-Reduction Philosophy of Science. New York: Oxford University Press, 2007. P. 199-203.

ние материи» («Consciousness as a State of Matter») он пишет: «Одной из самых поразительных особенностей нашего физического мира является то, что мы воспринимаем его как иерархию объектов»[205]. И далее приводит наглядный пример со стаканом воды и плавающими в нем кубиками льда. Мы воспринимаем жидкую воду и твердые кубики как независимые вещи, хотя на глубинном уровне они взаимосвязаны друг с другом и представляют собой единое энергетическое целое. Почему же в таком случае мы воспринимаем окружающий мир дифференцированным на отдельные объекты, тогда как могли бы воспринимать его как целостную пластичную структуру? Ответ на этот вопрос в рамках квантово-информационной модели сознания сводится к тому, что ментальный опыт укореняется в квантовых эффектах нелокального взаимодействия мозга со всем окружающим миром, в результате чего реализуется одна из суперпонированных возможностей непроявленного бытия.

Схожей точки зрения на природу ментального опыта придерживается В.В. Васильев, который рамках локального интеракционизма признает глобальную супервентность сознания, полагающую, что в двух физически тождественных вселенных не может быть разных ментальных состояний, но отрицает его локальную супервентность, допуская, что двум физически тождественным нейронным системам могут быть присущи разные ментальные состояния в одной и той же физической Вселенной. Развивая свою философскую позицию, В.В. Васильев, в конечном счете, приходит к теории панпротопсихического типа, ибо «приватные ментальные состояния являются необходимыми онтологическими условиями реализации нелокальной физической причинности»[206]. Ведь нелокальная физическая причинность наблюдается на всех уровнях физического бытия, в том числе и на уровне взаимодействия элементарных частиц, и, значит, уже элементарным частицам, пребывающим в квантово-запутанном состоянии, должны быть присущи какие-то ментальные состояния. Однако существует логическая возможность, примиряющая теорию локального интеракционизма, которая отрицает локальную

[205] Chaos, Solitons & Fractals. 2015. T. 76. P. 239.
[206] Васильев В.В. Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 139.

супервентность сознания, с квантово-информационной теорией, которая, напротив, признает локальную супервентность сознания, т.е. полагает, что двум физически тождественным нейронным системам не могут быть присущи разные ментальные состояния подобно тому, как два компьютера, находящиеся в одинаковых физических, а, значит, и функциональных состояниях (ибо последние определяются каузальными отношениями между физическими подструктурами рассматриваемой материальной системы), не могут совершать разные вычислительные операции. Такая логическая возможность заключается в том, что квантово-информационная теория с необходимостью требует лишь локальной супервентности бессознательного психического материала, тогда как надстраиваемые над ним ментальные (сознательные) феномены сохраняют свою вариативность благодаря тому, что являются результатом коллапса совокупности бессознательных потенциальных психических состояний. Иными словами, одному и тому же распределению бессознательных потенциальных психических состояний могут соответствовать разные ментальные (сознательные) феномены, поскольку декоренция первых имеет разные возможные исполнения. В результате мы приходим к выводу, что разные ментальные (сознательные) феномены могут быть присущи нейронным системам, находящимся в одном и том же физическом, а, значит, и функциональном состоянии, что согласуется с теорией локального интеракционизма. Однако в отличие от теории В.В. Васильева данные рассуждения допускают не только нарушение локальной супервентности сознания, но и глобальной, ибо в двух физически идентичных вселенных не просто могут, а должны находиться разные сознания, что объясняется тем, что, как уже отмечалось выше, каждое сознание уникально и не тождественно другому за счет содержащегося в нем момента самосознания себя самого в своем феноменальном содержании как именно себя самого, а не кого-то другого.

Далее возникает закономерный вопрос: что именно задает вероятность того или иного события в рамках неклассического детерминизма и существуют ли причины, объясняющие, почему в действительности реализуется одна из суперпонированных возможностей, в то время как другие бесследно исчезают? Чтобы

ответить на поставленный вопрос, выделим в отношении характера каузальных взаимосвязей между причиной и следствием два типа причинности – продольную и поперечную. *Продольная причинность* обусловливает линейную последовательность физических событий, когда прошлое физическое событие выступает в качестве причины, а будущее – в качестве следствия по отношению к физическому событию, происходящему в настоящий момент времени. *Поперечная причинность* обусловливает выбор единственного варианта из набора суперпонированных возможностей, когда квантовый мир переходит в классический и теряется часть информации о предшествующем состоянии физической системы.

Продольная причинность (классического или неклассического типа) имеет физический характер и описывается уравнениями физической науки. В отличие от этого поперечная причинность не имеет физического характера и не описывается уравнениями физической науки, поскольку если произошло квантовое событие Y_k^l (которому соответствует вероятность p_k^l) из набора суперпонированных возможностей Y_k^1, Y_k^2, ..., $Y_k^{N_k}$ (причем вероятность p_k^l может принимать наименьшее значение), то никакие законы физики не позволяют объяснить, почему произошло именно событие Y_k^l, а не какое-либо другое из набора суперпонированных возможностей Y_k^1, Y_k^2, ..., $Y_k^{N_k}$. Следовательно, причина коллапса суперпозиции возможных состояний имеет не физический, а информационный характер, что не допускает существования скрытых параметров, с помощью которых можно было бы свести неклассический детерминизм к классическому.

Таким образом, можно провести демаркационную линию между квантово-информационным коррелятивизмом и детерминизмом, а также между квантово-информационным коррелятивизмом и параллелизмом. В случае детерминизма ментальные феномены порождаются нейронными процессами, протекающими в головном мозге человека, и наличие последних с необходимостью влечет за собой наличие первых, тогда как в случае квантово-информационного коррелятивизма такой необходимой связи не существует, и из наличия вторых с необходимостью не следует наличия первых в том смысле, что без нарушения каких-либо физиче-

ских законов можно представить себе существование бессознательных зомби. Взаимосвязь между энергией и информацией носит не физический, а метафизический характер, и определяется не априорно, а апостериорно как факт бытия материального сущего. С другой стороны, параллелизм предполагает отсутствие какой-либо взаимной обусловленности физических и ментальных процессов, протекающих параллельно и не оказывающих друг на друга никакого каузального влияния. В отличие от этого квантово-информационный коррелятивизм предполагает наличие взаимной обусловленности физических и ментальных процессов, поскольку, во-первых, информационные состояния обусловливаются физическими состояниями материального сущего, будучи информацией о его массе, заряде, энергии и т.д., и, во-вторых, физические состояния обусловливаются информационными состояниями материального сущего в силу действия поперечной информационной причинности.

Выводы к главе 3

В третьей главе диссертационного исследования 1) исследуется энергоинформационная природа материальных процессов, 2) рассматриваются два аргумента – аргумент от отсутствия тождества и квантово-механический аргумент – с целью обоснования сильного атрибутивизма информации в феноменальном аспекте, 3) рассматриваются эвристические возможности квантовой механики в объяснении бытия ментальных феноменов, 4) раскрывается квантово-информационная специфика бытия ментального сущего, 5) анализируются принципы квантовой онтологии, которые могут быть использованы при построении философской теории сознания, 6) выявляется сущность информационной причинности наряду с причинностью физического порядка.

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. Первичный дуализм свойств позволяет сформулировать энергоинформационный принцип, согласно которому материя представляет собой онтологиче-

ское единство энергии и информации, т.е. не существует изменений энергетических состояний без изменения состояний информационного порядка, и не существует изменений информационных состояний без изменения состояний энергетического порядка.

2. Разделение на экзофеноменальный и эндофеноменальный уровни бытия сущего позволяет провести четкую демаркационную линию между физическими и информационными состояниями материи.

3. Атрибутивный подход к пониманию генетического статуса информации согласуется с энергоинформационным принципом и двумя предпосылками диссертационного исследования (феноменологической и каузалистической), тогда как функциональный подход не позволяет объяснить возникновение эндофеноменального содержания информационных состояний, поскольку физические системы могут порождать лишь кодовые зависимости, которые определяются взаимодействием физических элементов и изначально не заключают в себе никакого феноменального содержания.

4. Информация подходит на роль онтологической основы сознания, и соответственно ментальные феномены можно рассматривать как модусы информационного бытия, поскольку бытие информации не противоречит двум главным предпосылкам (феноменологической и каузалистической), на которые опирается диссертационное исследование при построении философской теории сознания.

5. Благодаря супервентности сознания и принципу инвариантности, один и тот же психический опыт может переживаться разными субъектами или одним и тем же субъектом в разное время, что обеспечивает единство переживающего субъекта, не объяснимое в рамках физикализма, который отождествляет ментальные свойства со свойствами физических систем.

6. Сознание тождественно коллапсу волновой функции, если под коллапсом понимать не физический процесс исчезновения суперпонированных возможностей, а информационный процесс, разделяющий альтернативные онтологические проекции и обеспечивающий их информационную замкнутость.

7. Исходя из двух типов доступа (диссоциативного и ассоциативного) наблюдателя к наблюдаемому сущему и принципов квантовой онтологии (принципа суперпозиции, принципа декогеренции, принципа коллапса и принципа целостности), формируется три наблюдательные позиции – позиция трансцендентного наблюдателя (которая не имеет ни диссоциативного, ни ассоциативного доступа), позиция имманентного наблюдателя (которая характеризуется диссоциативным доступом) и позиция трансцендентального наблюдателя (которая характеризуется ассоциативным доступом).

8. В отношении характера каузальных взаимосвязей между причиной и следствием выделяется два типа причинности, одна из которых, продольная, имеет энергетическую природу и обусловливает следование одного события во времени за другим, а другая, поперечная, имеет информационную природу и обусловливает реализацию единственного события из суперпонированного набора событий, существующих потенциально.

ГЛАВА 4. ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТА ПСИХИКИ С ПОЗИЦИЙ КВАНТОВО-ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОЗНАНИЯ

§ 1. Генезис сознания как закономерный этап эволюции информационных систем

В процессе эволюции Вселенной физические системы (бытие которых полностью объясняется физическими законами) преобразуются в биологические (которым, в отличие от физических систем, присуще самоуправление на основе генетической информации), биологические системы преобразуются в психические (которым, в отличие от биологических систем, не обладающих психикой, присуще внутренне переживаемое содержание субъективно-феноменального опыта), и психические системы преобразуются в социальные (которым, в отличие от психических систем, не объединенных в социальные группы, присуще наличие общей разделяемой символической реальности). Соответственно можно говорить о четырех видах информации – физической, биологической, психической и социальной.

В плане построения универсальной онтологии мира с соблюдением материалистического принципа возникают трудности при переходе, во-первых, от физического бытия к биологическому, во-вторых, от биологического бытия к психическому, и, в-третьих, от психического бытия к социальному. Первую трудность назовем семантической, вторую – феноменальной, а третью – интерсубъективной. Если мы стоим на материалистических позициях и полагаем, что физическая материя первична, т.е. во время Большого взрыва существовали только физические частицы и поля, взаимодействующие согласно физическим законам, то должны объяснить, каким образом могли возникнуть, во-первых, из неживых систем живые организмы (как становится возможным, что материальные системы генерируют информационные тексты в виде молекул ДНК и РНК), во-вторых, из бесчувственных организмов психические субъекты (как становится возможным, что материальные системы генерируют переживаемый изнутри феноменальный состав

психики), и, в-третьих, из психических субъектов социальные группы, которые продуцируют символические пространства культуры, религии, искусства и науки (как становится возможным, что материальные системы генерируют общую разделяемую реальность и наполняют ее единым смысловым содержанием).

Семантическая трудность обусловливается тем, что биологическое бытие возникает из физического в результате формирования информационного кода, посредством которого физическое сущее внутри себя самого кодирует свое собственное субстратное и функциональное устройство. Биологические (живые) существа отличаются от физических (неживых) систем заключенной внутри них генетической информацией, которая представляет собой своеобразную инструкцию по сборке, позволяющую живому организму воспроизводить отдельные свои структурные элементы и себя самого в целом. Поэтому проблема возникновения жизни, в первую очередь, обусловливается проблемой образования информационного текста, который нельзя отождествить с упорядоченной физической структурой. По этому поводу кандидат технических наук Е.А. Седов и доктор биологических наук Д.А. Кузнецов, доказывающие истинность креационизма через наличие в окружающем мире информации, понимаемой как феноменальное содержание, которое не редуцируется к физическому уровню бытия, замечают, что «лингвистический символ или последовательность букв лишь несут в себе тот смысл и ту информацию, которыми наделил буквы источник информации по правилам языковой конвенции… Экзогенная информация вводится в символ только посредством языковой конвенции»[207]. Если изначально семантической информации (т.е. информации, которая представляет собой содержательно наполненные информационные данные, а не просто меру упорядоченности физических структур) не существует, а затем она появляется в результате усложнения материального мира, то произойти это может лишь в силу нефизических причин, ибо физические причины способны уменьшать энтропию, но неспособны продуцировать тексты, т.е.

[207] Седов Е.А., Кузнецов Д.А. В начале было слово… СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1994. С. 11.

создавать упорядоченные системы, которые обладают семантической (нефизической) феноменологией, что противоречит материалистическому принципу.

В рамках квантово-информационной модели сознания информация, будучи коррелятом физических процессов, сама по себе обладает значимостью, но не действенностью, ибо действует всегда физическая система, проявляя силы физического порядка. Поэтому на физическом уровне бытия информационный текст, записанный в молекуле ДНК, представляет собой упорядоченную последовательность физических объектов, которая по определенному алгоритму (не имеющему в своей онтологической основе ничего сверхъестественного и полностью определяемому законами физико-химического бытия) переводится в иную упорядоченную последовательность физических объектов (т.е. последовательность нуклеотидов переводится в последовательность аминокислот) посредством дополнительных физических структур (участвующих во внутриклеточном синтезе белка) и реализуется в виде физико-химических процессов (благодаря которым аминокислоты, собранные в белки, выполняют специфические функции в рамках живого организма, и, как следствие, живой организм взаимодействует с другими живыми организмами и физическим окружением в целом).

Однако такое понимание феноменального аспекта информации редуцирует его к кодовым зависимостям, которые реализуются в процессе функционирования сложно устроенной физической системы. Поскольку же поведение физической системы, в силу принципа эпистемологической полноты физики, подчиняется физическим законам и не нуждается для своего объяснения и прогнозирования ни в каких сущностях нефизического (сверхфизического) характера (в противном случае на физическом уровне бытия наблюдались бы необъяснимые с физической точки зрения чудеса), то информация в ее феноменальном аспекте оказывается не онтологическим феноменом, существующим независимо от восприятия и мышления человека, а субъективным способом описания. Тогда получается, что информационный текст, записанный в молекуле ДНК, в действительности текстом не является, поскольку не заключает в себе никакой семантической компоненты и полностью сводится к синтаксической последовательности знаков (в качестве ко-

торых на физико-химическом уровне бытия выступают нуклеотиды), а мы называем его таковым лишь потому, что это дает нам удобную и компактную репрезентацию большого количества физико-химических процессов, протекающих в живой клетке. Однако если мы соглашается с такой редукционистской точкой зрения, то попадаем в затруднительную ситуацию, пытаясь объяснить существование нередуцируемых к процессам физического порядка феноменов внутренне переживаемого субъективного опыта, которые в своем феноменальном содержании тоже оказываются лишь удобным и компактным способом описания большой совокупности физико-химических процессов, протекающих в нейронных сетях головного мозга (при условии, что, придерживаясь информационного подхода, мы отождествляем сознание с высокоорганизованной формой бытия информации).

Чтобы справиться с этой трудностью, прежде всего, разберемся, какого рода информация присуща физическому уровню бытия материи. Согласно энергоинформационному принципу, всякий физический объект заключает в себе информацию о своих физическим параметрах, таких, как масса, заряд, энергия, импульс. Для трансцендентного наблюдателя параметры физического объекта находятся в суперпозиции возможных значений, что имеет не гносеологический, а онтологический характер. Для имманентного наблюдателя реализуется одна из онтологических возможностей, и на уроне его взаимодействия с физическим объектом последний переходит из квантового состояния в классическое. Исходя из этого, назовем информацию, которая существует на физическом уровне бытия и дополняет энергию до единого материального целого, *операциональной*, поскольку она определяется операциями (алгоритмами), реализуемыми во взаимодействии разных физических объектов. Если материальная система регулярно повторяет какое-то действие, оказываясь в определенных условиях, то такое действие является вычислительным алгоритмом и ему соответствуют информационные данные, задающие каузальную взаимосвязь между «стимулом» и «реакцией» или между событием, которое происходит «на входе», и другим событием, которое происходит «на выходе» (рис. 3). Информационные процессы операционального типа сопро-

вождают физические процессы, реализующие перевод одного символического ряда «на входе» в другой символический ряд «на выходе». Например, взаимодействие протона и мю-мезона можно представить в виде информационного процесса, в рамках которого «на входе» мы имеем два символа в виде протона p^+ и мю-мезона μ^-, а «на выходе» – соответственно два символа в виде нейтрона n и мюонного нейтрино ν_μ: $p^+ + \mu^- \to n + \nu_\mu$.

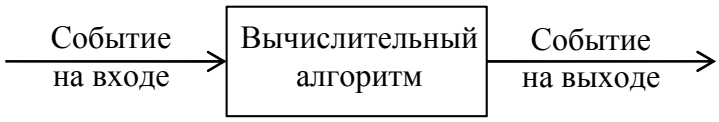

Рис. 3. Структура поведения физической системы,
в основе которого лежит операциональная информация

Соответствие между «входом» и «выходом», реализуемое на физическом материале, определяет информацию операционального типа, знание которой позволяет предсказывать поведение материальной системы при заданных начальных условиях. Причем такое предсказание носит классический характер, если мы имеем дело с классическими системами, и неклассический характер, если мы имеем дело с квантовыми системами. В первом случае доминирует продольная (физическая) причинность, во втором случае существенной становится поперечная (информационная) причинность.

По мере усложнения физических систем усложняется и информационная компонента бытия, в результате чего операциональная информация трансформируется в *функциональную*, определяемую не только алгоритмом перевода физической системы из одного состояния в другое, но еще и данными об особом образцовом состоянии, которое служит ориентиром для комплекса вычислительных операций. Формирование образцового состояния обусловливается поперечной причинностью, когда в сложно устроенной физической системе больша́я совокупность операциональных данных, которые присущи отдельным элементам, продуцирует новые информационные данные эмерджентного типа, характеризу-

ющие всю физическую систему в целом, но не ее отдельные элементы. Таким образом, формирование эмерджентных свойств происходит не только на физическом уровне бытия материи, но и на информационном. Появление эмерджентных информационных качеств знаменует переход информации с операционального уровня на функциональный, который имеет телеологическую (целевую) компоненту бытия в виде особого образцового состояния.

Эмерджентный характер информационных качеств соответствует интенциональному аспекту информации, поскольку представляет собой единство множества информационных данных операционального типа. Будем называть интенциональный аспект функциональной информации *первичным смыслом* или *первичной семантической компонентой информационных данных*. Поэтому на уровне функциональной информации появляются информационные тексты, которые отличаются от простых физических структур с уменьшенной энтропией наличием первичного смысла или первичной семантической компоненты, не присущей информации операционального типа. Следует особо подчеркнуть, что первичный смысл существует вне мышления человека (например, в информационном тексте ДНК) и представляет собой эмерджентное единство совокупности информационных данных, коррелирующих с элементами сложно устроенной (упорядоченной) физической системы. Смысловая интенция информационных текстов или отдельных предложений (т.е. материальных структур, эндофеноменальное бытие которых образует эмерджентные целостности) «направляется» на образцовое состояние, управляющее поведением рассматриваемой материальной структуры в ее взаимодействии с другими материальными структурами.

Используя терминологию Р. Пенроуза, можно сказать, что информационные процессы операционального типа имеют нисходящую организацию, которая «построена в соответствии с некоторой прозрачной и хорошо структурированной фиксированной вычислительной процедурой», тогда как информационные процессы функционального типа имеют восходящую организацию, которая характеризуется тем, что «четкие правила выполнения действий и объем данных заранее не определены, однако вместо этого имеется некоторая процедура, определяю-

щая, каким образом система должна “обучаться” и повышать свою эффективность в соответствии с накопленным “опытом”»[208]. Таким образом, восходящая организация алгоритмов, которые регулируют поведение физической системы, предполагает, что после выполнения ряда операций физическая система оценивает эффективность действий, сравнивая наличное состояние с образцовым, в результате чего происходит коррекция поведенческих паттернов, нацеленных на достижение образцового состояния.

Американские необихевиористы Ю. Галантер, Д. Миллер и К. Прибрам в совместной статье «Планы и структура поведения» предложили универсальную модель TOTE (Test – Operate – Test – Exit), которая структурирует поведение любой физической системы на функциональном уровне бытия информации (рис. 4)[209]. Сначала физическая система производит тестирование, в результате которого наличное состояние сравнивается с образцовым (желаемым). Если обнаруживаются различия, то по заданному алгоритму совершается операция, направленная на их устранение. Затем снова производится тестирование, и если различия не исчезают, то опять выполняется операция, направленная на устранение различий. Такие циклы, состоящие из первичного теста, операции и вторичного теста, продолжаются до тех пор, пока наличное состояние физической системы не уравнивается с образцовым (желаемым). После достижения цели происходит остановка или ставится новая цель в виде образцового (желаемого) состояния. В результате совершения ряда безуспешных операций, которые не устраняют различия между наличным и образцовым состоянием, физическая система может использовать иной вычислительный алгоритм, эффективность которого также тестируется по количеству операция, необходимых для достижения соответствия наличного и образцового состояния. Любое целенаправленное действие имеет универсальную структуру TOTE, будь то стремление поймать добычу, посолить суп, забить гвоздь, решить математическую задачу или стать счастливым.

---

[208] Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. С. 43-44.

[209] История зарубежной психологии (30-е – 60-е годы XX века). Тексты. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 97-117.

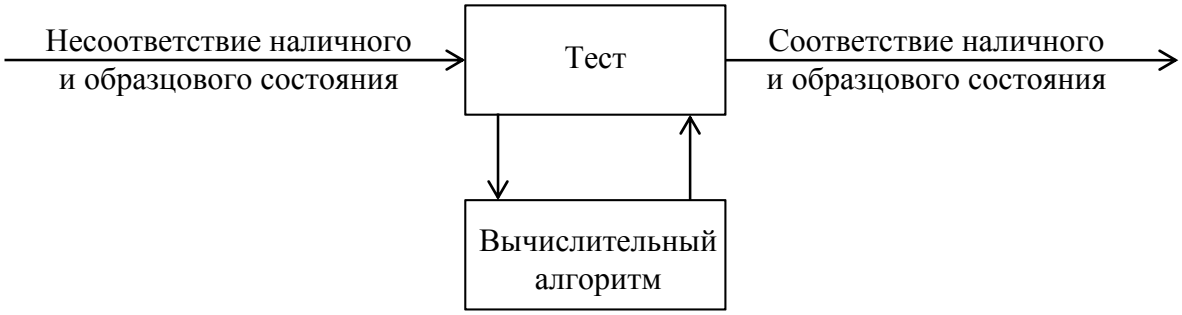

Рис. 4. Структура поведения физической системы,
в основе которого лежит функциональная информация

На уровне операциональной информации физическая система содержит информационные данные только о своем наличном состоянии (о том, какая у нее масса, заряд, температура, энтропия и т.д.). В проявленном (квазиклассическом или классическом) модусе бытия эти данные касаются одного единственного реализованного состояния, тогда как в непроявленном (квантовом) модусе бытия они касаются множества возможных нереализованных состояний. В процессе усложнения физической системы возникают новые эмерджентные данные, которые в проявленном (квазиклассическом или классическом) модусе бытия представляют собой информацию об особом образцовом состоянии, регулирующем в качестве потенциально существующей цели поведение физической системы. Иными словами, физическая система как эмерджентное целое содержит в себе информационные данные, которые не присущи отдельным элементам и выражают наиболее вероятное состояние в соответствии с поперечной (информационной) причинностью. Если в результате декоренции и перехода из непроявленного (квантового) модуса бытия в проявленный (квазиклассический или классический) модус бытия на операциональном уровне информации остаются информационные данные только о наличном (реализованном) состоянии физической системы, то на функциональном уровне информации остаются еще и информационные данные об ведущем (нереализованном) состоянии физической системы, которое служит образцом для сравнения с наличным состоянием и руководящей целью в организации взаимодействия с окружающей энергоинформационной средой. Информационные

данные о ведущем (образцовом) состоянии, которые имеют эмерджентный характер и формируются в результате действия поперечной причинности в сложно устроенных (и потому несущих в себе большое количество операциональной информации) физических системах, представляют собой информационные тексты (первичные смыслы), кодирующие информацию уже не просто о том, что существует в настоящем, а о том, что может существовать в потенциальном будущем как наиболее вероятный исход событий в рамках поперечной причинности, связанной с информационным бытием рассматриваемой физической системы. Наиболее вероятное будущее может и не реализоваться при условии, что этому будут препятствовать какие-то внешние или внутренние обстоятельства, обусловленные продольной причинностью, но в рамках поперечной причинности вектор информационного действия направлен в сторону ведущего (образцового) состояния.

Совокупность кодов, задающих операциональные данные, подчиняется физической закономерности, устанавливающей взаимосвязь между последовательностью кодов «на входе» и последовательностью кодов «на выходе», тогда как на уровне функциональных данных формируется метакод (первичный смысл), который представляет собой, во-первых, единство совокупности информационных кодов и, во-вторых, единство совокупности энергетических процессов. При этом информационные метакоды (первичные смыслы) кодируют поведение физической системы в целом, которое, тем не менее, может быть редуцировано на физическом уровне бытия к поведению отдельных элементов в силу действия поперечной информационной причинности. В силу принципа супервентности информационные данные эмерджентного типа остаются самотождественными при физическом изменении подсистем, образующих физическую систему, с которой коррелирует рассматриваемая информация. Можно сказать, что метакоды (первичные смыслы) представляют собой эмерджентную организацию совокупности информационных кодов, а совокупность метакодов (первичных смыслов) образует информационный текст, задающий поведение физической системы в целом. На операциональном уровне физическая структура в качестве кода кодирует информацию о параметрах самой этой физической структуры, тогда как на функцио-

нальном уровне физическая структура в качестве метакода кодирует информацию о параметрах иной физической структуры, что и позволяет говорить о первичной семантической компоненте информационных данных (например, последовательность нуклеотидов в молекуле ДНК кодирует последовательность аминокислот в молекуле гемоглобина). При этом физическая система в целом, частью которой является структура, выступающая в качестве функционального метакода, ориентирована на ведущее состояние, энергетическая реализация которого представляет собой процесс считывания упакованной в этой структуре функциональной информации (например, живая клетка считывает информацию, записанную в молекуле ДНК, и реализует ее в виде физико-химических процессов, синтезирующих белок).

Таким образом, семантическая трудность разрешается, и мы можем утверждать, что на определенном уровне энергоинформационной организации материальных систем операциональная информация трансформируется в функциональную за счет действия поперечной (информационной) причинности, которая увеличивает вероятность какого-то одного образцового состояния из всей суперпонированной совокупности возможных состояний и сохраняет информационные данные об этом образцовом состоянии даже тогда, когда физическая система переходит из непроявленного (квантового) модуса бытия в проявленный (квазиклассический или классический). Информационные данные, упаковывающие сведения о ведущем (образцовом) состоянии, представляют собой информационный текст, поскольку они указывают на то, чего в реальности не существует, т.е. на то, что существует как идеальный смысл, влияющий на поведение системы в реальном бытии. Поэтому возникновение информационных текстов, а, значит, и живых организмов, которые отличаются от неживых систем наличием «инструкции», направляющей их поведение в соответствии с информационными (идеально-смысловыми) образцами, носит не случайный, а закономерный характер, обусловленный поперечной (информационной) причинностью. В результате удается разрешить проблему, связанную с тем, что вероятность случайного возникновения живой клетки из химического «бульона», существовавшего на Земле три с поло-

виной миллиарда лет назад, крайне мала. По этому поводу британский астроном и космолог Ф. Хойл пишет: «Вероятность возникновения высших форм жизни эволюционным способом можно сравнить с вероятностью такого события: смерч проносится над свалкой, взметая в воздух всё содержимое, и в результате случайного сцепления материалов образуется “Боинг 747”»[210]. Жизнь на Земле возникла не случайно, а закономерно в результате действия поперечной причинности в сложно устроенных материальных системах, которые на информационном уровне бытия продуцируют эмерджентную информацию, содержащую в себе данные об идеальном образцовом состоянии и не сводимую к информации, которую можно извлечь из отдельных элементов.

Феноменальная трудность обусловливается тем, что биологические системы, управляемые функциональной информацией, генерируют субъективно переживаемое содержание психики. В рамках философии сознания можно поставить следующий вопрос: каким образом кодовая взаимосвязь между физическими структурами, определяемая физическими законами, может породить ментальные (нефизические) феномены, которые обладают уникальной онтологией и не сводятся по сущности к кодирующим структурам? Если мы не нарушаем полноту физической науки и не покушаемся на принцип каузальной замкнутости физического мира, то теряем феноменальное содержание психики и тем самым останавливаемся на позициях элиминативизма, который противоречит феноменологической предпосылке диссертационного исследования. Если же мы полагаем, что кодовые зависимости не сводятся к взаимодействию физических элементов, то, оставаясь в рамках материалистического мировоззрения, сталкиваемся с необходимостью признать, что взаимосвязь между физическими событиями и сопровождающими их событиями ментального порядка либо обусловливается психофизическими законами, либо имеет случайно-исторический характер. В первом варианте, которого придерживается Д. Чалмерс, открыто признающий в своей статье «Сознание и его место в природе» («Consciousness and its Place in Nature») «существование фундаментальных психофизических законов, связывающих физические и феноме-

[210] Hoyle A. Hoyle on Evolution // Nature. 1981. Vol. 294. № 5837. P. 148.

нальные свойства»[211], мы утрачиваем полноту физики, если допускаем действенность психической информации в поведении человека, ибо тогда на физическом уровне бытия появляются события, которые нельзя объяснить, опираясь на одни лишь физические законы. Второго варианта придерживается Д.И. Дубровский, который подчеркивает, что взаимосвязь между физическими и ментальными событиями «можно назвать кодовой зависимостью, поскольку она образуется в филогенезе и онтогенезе самоорганизующейся системы (носит характер исторического новообразования и в этом смысле случайна, т.е. данная информация обрела в данной самоорганизующейся системе именно такое кодовое воплощение, но в принципе могла иметь другое; однако, возникнув в таком виде, она становится функциональным элементом процесса самоорганизации)»[212]. В рамках такого подхода трудно объяснить, почему вообще возникает феноменальное содержание психических переживаний, если не существует никаких законов, которые объясняли бы его возникновение, поскольку кодовые зависимости, характерные для функционального уровня информации и обеспечивающие самоуправление физических систем, не нуждаются ни в каком феноменальном содержании психического типа и могут реализовываться в бессознательных состояниях.

Исследование головного мозга человека в его физическом бытии позволяет обнаружить нейронные (нейрофизиологические, биохимические и биоэлектрические) коды ментальных переживаний, но само их феноменальное содержание при этом не обнаруживается никакими объективно-научными методами. Поскольку же феноменальное содержание ментального опыта, очевидным образом, существует (ведь никто не будет сомневаться, что он имеет визуальное переживание, когда на что-то смотрит, аудиальное переживание, когда нечто слышит, и тактильное переживание, когда к чему-то прикасается, независимо от того, что, возможно, при этом видимое, слышимое и тактильно ощущаемое не присутствует в реальной действительности), то необходимо признать, что ментальное сущее не тождественно физическому сущему и обладает уникальной онтологией, которую

[211] Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings. New York, Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 128.
[212] Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. С. 147.

нельзя априорно (дедуктивно) вывести из онтологии физического сущего даже при условии, что когда-нибудь мы будем знать совершенно все законы, которым подчиняется физическое бытие окружающего мира.

Отсюда следует, что *психическая информация*, в отличие от операциональной и функциональной, не сводится к каузальным отношениям между физическими объектами, и, значит, ее нельзя представить в виде последовательности вычислительных процедур нисходящего или восходящего типа. Схожей точки зрения придерживается Р. Пенроуз, который доказывает, что понимание, будучи сущностным признаком сознания, является невычислимым феноменом. По этому поводу он пишет: «Мое исследование признано показать, что одними лишь внешними проявлениями “понимание” отнюдь не ограничивается, в связи с чем я утверждаю, что невозможно построить достоверную компьютерную модель даже внешних проявлений понимания»[213]. Аргументируя свою точку зрения, Р. Пенроуз ссылается на теорему Геделя, согласно которой во всякой непротиворечивой формальной системе существует невыводимая и неопровержимая формула, а также невыводимая формула, утверждающая непротиворечивость самой формальной системы. Иными словами, когерентность формальной системы недоказуема средствами самой этой формальной системы. Если поведение некой совокупности объектов подчиняется принципу детерминизма, то отсюда еще с необходимостью не следует, что такое поведение поддается логической алгоритмизации. В частности, Р. Пенроуз утверждает, что «математическое мышление (а, следовательно, и умственная деятельность в целом) не может быть полностью описано при помощи чисто компьютерной модели разума»[214].

Предположим, что сверхмощный компьютер будущего промоделирует математическое мышление человека. Тогда он не сможет сформулировать утверждение, которое будет истинным, но окажется недоказуемым (с учетом теоремы Геделя) в рамках его собственных логико-вычислительных способностей. Однако такое утверждение доступно человеческому интеллекту, откуда вытекает его пре-

---

[213] Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. С. 79.
[214] Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 111.

восходство над интеллектом искусственного происхождения. Иными словами, как замечает М.Б. Менский в своей статье «Тайны сознания – из квантовой механики», мы приходим к выводу, что существует «способность людей (математиков) решать такие математические задачи, решение которых не может быть сведено к некоторому алгоритму и которые, следовательно, не могут быть решены вычислительным устройством»[215]. Поскольку же математические способности человека являются лишь частью всех его когнитивных способностей, то никакой искусственный интеллект, чье функционирование поддается логико-вычислительной формализации, никогда не будет тождественным мышлению человека.

Значит, делает вывод Р. Пенроуз, всякая формальная система, например, компьютерная программа, неспособна осознать (соотнести с конституирующим центром) все высказывания, которые в ней формулируются. Таким образом, психическую информацию (которая уже соотносится с конституирующим центром) нельзя редуцировать к информации операционального или функционального типа, ибо возникновение феноменального содержания переживаний не объясняется кодовыми зависимостями между физическими и информационными событиями. Однако невычислимость и неалгоритмизируемость психических феноменов не является поводом для отрицания их информационной природы, если мы признаем не только физический, но и феноменальный аспект информации. Анализируя квалитативный контент сознания, российский философ П.Н. Барышников в своей статье «Феноменальное и вычислимое в структурах сознания» также приходит к «парадоксальной мысли о возможности информационного объяснения сознания, но вне компьютационализма, предполагающего вычислимость и алгоритмизируемость»[216].

Образцовое состояние, управляющее поведением физической системы, представляет собой информацию о наиболее вероятных свойствах, которыми физическая система может обладать в будущем при благоприятном стечении обстоятельств, однако само это образцовое состояние не является переживаемым изнут-

[215] Метафизика. 2013. № 3 (9). С. 190.
[216] Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 2. С. 234.

ри психическим феноменом, относительно которого уместен вопрос: каково это – находиться в данном образцовом состоянии? Операциональная и функциональная информация первична в том смысле, что она содержит информационные данные о физических состояниях системы, тогда как психическая информация вторична в том смысле, что она содержит информационные данные о самих информационных данных, т.е. представляет собой метаинформационный феномен. Феноменальное (неинтенциональное) содержание психического опыта ничего не говорит о внешнем объекте, а лишь упаковывает информацию о том, посредством чего (посредством каких именно квалиа) осуществляется репрезентация интенционально полагаемого сущего. Психический образ есть инобытие репрезентируемого сущего, поскольку он воспроизводит отдельные черты и характеристики последнего средствами репрезентирующей системы. При этом интенциональные характеристики психического акта определяются репрезентируемым сущим, а феноменальные – репрезентирующей системой.

Психический организм в отличие от биологической системы, не обладающей психическим опытом, способен накапливать и обрабатывать информационные данные, поступающие извне, в виде новых информационных данных. Таким образом, как замечает Д.И. Дубровский, в случае ментального опыта «объектом информации и ее преобразований служат не просто внешние явления и ситуации и не просто внутренние изменения в организме, а уже сама информация о них как таковая (информация об информации)»[217]. Биологические системы психического типа в отличие от биологических систем непсихического типа уже не просто реагируют на внешние раздражители, а создают их репрезентативные модели и оперируют с этими моделями, организуя собственные действия. Поведение психического существа управляется в дополнение к инстинктам и рефлексам еще и процессами репрезентативного характера, т.е. информационными процессами, связанными с текстуальными последовательностями символов, которые генерируется в результате его активной жизнедеятельности и не сводятся полностью к работе генетического аппарата.

---

[217] Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 153.

Психическому уровню бытия свойственна вторичная семантическая компонента, которая отличается от первичной тем, что интенционально указывает не на какое-то физическое состояние рассматриваемой материальной системы, а на ее информационное состояние, определяемое информацией операционального или функционального типа. Поэтому на уровне психики формируются вторичные смыслы, предметом которых являются первичные смыслы и которые могут существовать в отрыве от физической предметности (интендируемой в рамках первичной семантической компоненты информационных данных), что, в частности, обнаруживается в виде сновидений и галлюцинаций.

Операциональная информация представляет собой информационные данные о самом физическом носителе, по которым можно косвенно умозаключить о параметрах другого физического носителя. Причем эти данные относятся к состоянию физического носителя в актуальный момент времени. Например, электрон в атоме водорода содержит информацию о своих физических характеристиках, таких, как масса, заряд и спин. По характеру поведения электрона можно дедуктивно умозаключить о присутствии иного заряда (протона), который заставляет его определенным образом двигаться в пространстве. Однако сам электрон на информационном уровне бытия не содержит никаких информационных данных о взаимодействующем с ним протоне.

Функциональная информация, в отличие от операциональной, содержит не только данные об актуальном состоянии своего физического носителя, но также данные о потенциальном состоянии физической системы в целом, частью которой является рассматриваемый физический носитель. Например, ДНК желудя заключает в себе информацию о целостном зрелом дубе. Однако эта информация нуждается в расшифровке с привлечением дополнительных физических систем, без участия которых информативная структура превращается в структуру с уменьшенной энтропией и более уже не несет в себе искомой информации. Упорядоченная физическая структура с уменьшенной энтропией сама по себе не содержит способа расшифровки репрезентативного кода (сама по себе последовательность нуклеотидов в молекуле ДНК не говорит ничего определенного о том, какую

именно последовательность аминокислот она кодирует, подобно тому, как сама по себе последовательность букв не говорит ничего определенного о том, какой именно смысл она выражает). Функциональная информация существует лишь во взаимодействии кодирующих и считывающих структур (если перенести молекулу ДНК во вселенную, где отсутствуют живые клетки, а, значит, и физические системы, которые обеспечивают процессы транскрипции и трансляции, осуществляющие расшифровку молекулы ДНК, то она утратит закодированное в ней информационное содержание, подобно тому, как напечатанный текст утратит закодированное в нем информационное содержание, если во Вселенной не останется ни одного человека, способного его прочитать).

Таким образом, функциональная информация, в отличие от операциональной, содержит данные не только об актуальном состоянии физического носителя, но и о ведущем (образцовом) состоянии, которое управляет поведением целостной системы, способной расшифровывать информационные данные. Например, отдельные участки молекулы ДНК в организме человека заключают в себе информацию об устройстве белка трансферрина, цвете глаз или типе нервной системы. Иными словами, физическая система, поведение которой управляется функциональной информацией (в рамках поперечной причинности), содержит данные о физическом состоянии, в которое она перейдет в будущем при благоприятном стечении обстоятельств (т.е. при условии, что внешняя среда не нарушит ее запрограммированного функционирования).

Операциональная и функциональная информация представляет собой информацию о состояниях физической системы, тогда как психическая информация в отличие от этого представляет собой информацию об информации операционального или функционального типа. В силу энергоинформационного принципа материальное сущее содержит в себе энергию (как способность к физическому действию в физическом пространстве-времени) и информацию (как данные о действительных и возможных состояниях рассматриваемого материального сущего). Если же сами информационные данные кодируются в виде метаинформационного кода, то такая вторичная информация имеет психический характер. Иными сло-

вами, психическая информация представляет собой репрезентацию информационных данных, которые отражают физическое состояние (потенциальное или актуальное) какого-то материального сущего. Например, визуальное и тактильное восприятие оранжевого апельсина в виде соответствующего визуального и тактильного переживания есть психическая информация, заключающая в себе данные об информации, которая принадлежит рассматриваемому оранжевому апельсину и выражает какие-то его физические параметры (форму, отражательную способность, вес и т.д.). Мы воспринимаем не сам мир как таковой в его собственном бытии, а его репрезентативный образ, который зависит в интенциональном аспекте от репрезентируемого сущего, а в феноменальном аспекте – от репрезентирующей системы. Репрезентативный образ есть психическая информация, которая содержит закодированные данные (т.е. метаинформационные данные, представленные в виде метаинформационного кода) о состоянии репрезентируемого сущего. Как верно замечает Д.И. Дубровский, субъективная реальность есть информация в «чистом» виде, поскольку в психическом опыте «нам дана информация об информации и целиком элиминирована какая-либо информация о ее носителе (любой из нас не чувствует, не отображает мозговой носитель переживаемых им образов, мыслей и т.п.)»[218].

Однако сама по себе репрезентированная информация еще не объясняет наличие феноменального содержания субъективного опыта, ибо информация может репрезентироваться не только на уровне человеческого, но и на уровне машинного языка, что, в частности, послужило основанием для возражения, которое Д. Чалмерс высказывает в письме Д.И. Дубровскому, подчеркивая, что «открытым остается вопрос, почему информация не только репрезентируется, но и субъективно переживается», а также «хотелось бы узнать, при каких именно условиях репрезентированная информация сопровождается субъективным опытом и почему»[219]. Физическая структура, которая кодирует информацию не только о действительных и потенциальных параметрах физических структур, но и о самой ин-

[218] Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. С. 155.
[219]. Там же. С. 142.

формации, коррелирующей с их физическими состояниями, содержит дополнительные метаинформационные данные, коррелирующие с самим информационным состоянием физического носителя. Именно эти дополнительные метаинформационные данные и составляют психическую сферу бытия, которая обладает качеством переживаемости изнутри. Психические феномены переживаются изнутри постольку, поскольку они представляют собой метаинформационные данные, которые кодируют совокупность информационных данных, коррелирующих с физическим состоянием материальной системы. Вторичные смыслы существуют только в рамках ментального опыта и не существуют за его пределами, как это свойственно для первичных смыслов, которые формируются на уровне функциональной информации.

Таким образом, психические переживания возникают в качестве метаинформационных состояний физических систем при условии, что материальное сущее эволюционируют до информационного состояния, в котором оно содержит информационные данные о самих информационных данных, принадлежащих какому-то материальному сущему. Информация об информации возникает в результате коллапса суперпозиции информационных состояний, вызванного аккумулированием достаточного количества функциональной информации, подобно тому, как коллапс суперпозиции физических состояний обусловливается аккумулированием достаточного количества информации операционального типа. На определенном этапе эволюционного развития информация, заключенная в физических системах, достигает уровня функциональной сложности, который вызывает коллапс суперпозиции возможных состояний информационного порядка, в равной степени, как в иных ситуациях информация, надстраиваемая над физическими системами, достигает уровня операциональной сложности, который вызывает коллапс суперпозиции возможных состояний энергетического порядка. При этом энергетический коллапс сопровождается коллапсом информационных состояний, тогда как информационный коллапс не сопровождается коллапсом энергетических состояний, т.е. когда физическая система переходит из возможного бытия в действительное, информация о нереализованных физических состояниях стирает-

ся, но когда информационные данные переходят из возможного бытия в действительное, физическая система продолжает существовать в суперпозиции состояний, сохраняя тем самым информацию о нереализованных состояниях информационного порядка. Поэтому если физическое сущее не может иметь одновременно и квантовое (непроявленное), и классическое (проявленное) бытие, то психическое сущее, напротив, одновременно имеет и квантовое (непроявленное), и классическое (проявленное) бытие, т.е. находится в суперпозиции возможных состояний на бессознательном уровне психики и реализуется в виде единственного ментального состояния на сознательном уровне психики, что объединяет сознательное и бессознательное в единое психическое целое. Такая точка зрения согласуется с теорией Хамероффа-Пенроуза, согласно которой бессознательная психическая деятельность укореняется в квантово-информационных процессах, предполагающих наличие суперпозиции множества потенциальных состояний психики. События, соответствующие объективной редукции, представляют собой компоненты бессознательного субъективного (квалитативно наполненного) опыта, и только когда эти компоненты складываются в когерентно организованную структуру (оркестрируются), возникает сознательный уровень психического бытия. Ментальные феномены представляют собой самоорганизующиеся процессы на грани квантовых и классических событий, реализующихся в нейронных микротрубочках головного мозга. При этом спонтанный (независимый от внешней среды) характер объективной редукции, которая способствует переходу между квантовыми и классическими уровнями, допускает внутреннюю ментальную активность репрезентирующей системы без непосредственного контакта с репрезентируемым объектом, что определяется сознательным самонаблюдением репрезентирующей системы над собственными физическими и информационными состояниями. Однако согласно развиваемой здесь квантово-информационной модели только самонаблюдение энергоинформационной системы над собственными информационными состояниями генерирует психический уровень бытия, тогда как самонаблюдение (в смысле отражения, репрезентации данных) энергоинформационной системы над собственными физическими состояниями не выходит за пре-

делы операциональной и функциональной информации. Кроме этого, квантово-информационная модель сознания отличается от квантовой теории нейрокомпьютинга принципом топографического единства, который не допускает существование бессознательной сферы психического бытия в отрыве от сознательной (пусть даже и очень слабой, блеклой). Таким образом, оркестрированная объективная редукция Хамероффа-Пенроуза неспособна породить психический опыт и все еще остается на уровне операциональной или функциональной информации.

Дополнительные (вторичные) метаинформационные данные зависят не только от конфигурации физических элементов, но и от их вещественного состава, поскольку разный состав заключает в себе разную операциональную информацию, лежащую в основе первичных информационных данных функционального типа. Поэтому вслед за немецким философом и политическим деятелем Ф. Энгельсом можно сказать, что жизнь – «это форма существования белковых тел, существенным моментом которой является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой и которая прекращается вместе с прекращением этого обмена веществ, ведя за собой разложение белка»[220], поскольку именно белки, в отличие от иных химических соединений, обеспечивают по своему субстратному составу соответствующую информационную надстройку, которая порождает, в конечном счете, психический уровень бытия. Всякое ментальное переживание сопровождается нейронным процессом, с которым оно необходимо коррелирует подобно тому, как электромагнитное поле возбуждается движущимися зарядами и не может ими не возбуждаться ни в одном из возможных миров, где существуют сами электрические заряды (поскольку по сущности электрический заряд есть собственно то, что возбуждает электромагнитное поле). Таким образом, функциональный изоморф, собранный из неорганического материала, с необходимостью сознанием обладать не будет, но если мы сконструируем точную копию человека из органического вещества, то она, в свою очередь, породит субъективно-ментальный опыт, обладающий психическим содержанием и существующий в отношении первого лица. Однако собрать точную копию человека в одной един-

[220] Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1953. С. 29.

ственной Вселенной невозможно, ибо она будет иметь иную пространственную локализацию и, следовательно, иные физические характеристики, обусловленные нелокальными связями и единством всего материального мира в целом. Если же мы сконструируем точную копию Вселенной, то внутри нее наши материальные тела будут обладать точно таким же сознанием, как и мы сами, но это обстоятельство уже не противоречит субъективной уникальности каждого сознающего существа и недублируемости его самосознания, поскольку в силу отсутствия взаимодействия между параллельными вселенными невозможно сравнить субъекта и его материальную копию, и, следовательно, они оказываются онтологически тождественными, т.е. фактически одним и тем же материальным сущим. Однако эти рассуждения не распространяются на Мультиверс, включающий в себя множество универсов, среди которых существуют две идентичные и взаимодействующие вселенные, поскольку в этом случае последние будут иметь разную пространственную локализацию и, значит, разные физические характеристики, обусловленные нелокальными связями и единством всего Мультиверса в целом.

Психическая информация, состоящая из метаинформационных данных, представляет собой компиляцию множества информационных данных, которые определяются взаимодействием, во-первых, физической системы с другими физическими системами, и, во-вторых, отдельных подсистем физической системы друг с другом. В первом случае мы имеем дело с внешним восприятием, когда, например, множество информационных данных об оранжевом апельсине, поступающих через органы чувств, компилируются в сенсорный образ. Следовательно, феноменальные квалиа представляют собой отдельные метаинформационные компиляции множества информационных данных операционального и функционального типа, тогда как единство этих метаинформационных компиляций образует интенциональное единство совокупности психических переживаний. Во втором случае мы имеем дело с внутренним восприятием, когда, например, множество информационных данных об оранжевом апельсине компилируются в сенсорный образ без наличия самого оранжевого апельсина, который в настоящий момент времени не действует на органы чувств воспринимающего субъекта. В результате форми-

руются воображаемые психические феномены, а также феномены сновидений и галлюцинаций.

Интерсубъективная трудность заключается в том, каким образом во взаимодействии множества субъектов формируется общая коллективная разделяемая реальность и почему восприятие отдельного субъекта не остается только его личным субъективно-приватным восприятием. На социальном уровне бытия один субъект отличает себя в качестве индивидуального центра психического опыта от других субъектов и информационно выделяется из общего поля восприятия. Поэтому социальный уровень бытия предполагает самосознание, а самосознание, в свою очередь, формируется только на социальном уровне бытия. Действительно, информация о себе самом может быть получена только путем отражения своих действий в чем-то таком, что само обладает способностью к саморепрезентации, поскольку в противном случае познающий субъект не может выделить себя самого как познающего субъекта среди прочих познающих субъектов. Самосознание (саморепрезентация) носит социальный характер и зарождается только во взаимодействии субъектов, репрезентирующих саму репрезентацию.

Метарепрезентация, т.е. репрезентация самой репрезентации, составляет основу теории репрезентации высшего порядка, к представителям которой можно отнести Д. Деннета, П. Карратера, Д. Розенталя, Д. Эдельмана. Согласно этой теории, сознание является результатом способности субъекта формировать суждения относительно его собственной ментальной жизни. Однако данная точка зрения не выдерживает критики, поскольку, как верно заметил Д.В. Иванов на всероссийской научной конференции «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе», которая проходила в марте 2012 г. в Институте философии РАН, теория репрезентаций высшего порядка предполагает произвольное (необъяснимое) возникновение элементарных феноменов сознания[221]. И.В. Черникова и Д.В. Черникова в совместной статье «Проблема сознания в философии и когнитивной науке»

[221] Вопросы философии. 2012. № 10. С. 174.

также подчеркивают, что «этот подход недостаточен для понимания сознания, поскольку он не раскрывает онтологического статуса сознания»[222].

Если физическая система находится в модусе возможного бытия (т.е. существует как суперпозиция непроявленных состояний), то соответствующие ей информационные данные также находятся в модусе возможного бытия (т.е. существуют как суперпозиции непроявленных состояний). Если же физическая система находится в модусе действительного бытия (т.е. существует как проявленное энергетическое состояние), то соответствующие ей информационные данные также находятся в модусе действительного бытия (т.е. существуют как проявленные информационные состояния). На уровне биологического бытия физическое состояние рассматриваемой материальной системы качественно не меняется и по-прежнему соответствует законам физического порядка, но ее информационное состояние в отличие от этого подвергается качественным трансформациям, в результате которых суперпозиция информационных кодов операционального типа реализуется в виде информационного метакода, представляющего собой первичный смысл или первичную семантическую компоненту информации. На уровне психического бытия, не выходящего за пределы животного мышления, формируется феноменальный уровень психики, который переживается в сознании как совокупность чувственных квалиа и представляет собой информационные данные об информации операционального или функционального типа. При этом вторичная информация (вторичная семантическая компонента психического опыта) существует в виде суперпозиции информационных состояний, принадлежащих бессознательной сфере психики, тогда как сознательная сфера психики реализует интенции, соответствующие первичной информации (первичной семантической компоненте психического опыта). Поэтому мышление животных имеет бессознательный характер, и их поведение является результатом не осмысленных суждений, а неосмысленных инсайтов, связанных со спонтанным переструктурированием поля осознанного восприятия. И только на уровне социального бытия проявля-

[222] Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 106.

ется собственно человеческое мышление, для которого характерно формирование вторичных смыслов в сознательной сфере психики. Отсюда следует, что человеческое мышление потенциально существует в психической активности животных, но не реализуется на уровне сознательной психики, что и заставляет нас в определенных ситуациях проецировать на животных человеческие ментальные состояния. Осознание вторичных смыслов (вторичной семантической компоненты психического опыта) формирует метасимволический уровень репрезентации окружающего мира и позволяют нам создавать символические миры культуры, искусства, религии и науки, что не может быть реализовано на животном уровне мышления. Животные обладают знанием в виде вторичной информации, но их знание имеет бессознательный характер, ибо животные не знают, что именно они знают, т.е. им не свойственно понимание, тогда как человеческое знание имеет осознанный характер, ибо мы знаем, что именно знаем, и поэтому нам в отличие от животных свойственно понимание.

Метарепрезентация формирует особый уровень символов, которые репрезентируют другие символы, используемые для репрезентации какой-то части реального мира. В результате на социальном уровне бытия формируется высшая психическая способность понимания. Восприятие и мышление отделимо от сознания, поскольку они могут протекать не только на сознательном, но и на бессознательном уровне психики, тогда как понимание в отличие неотделимо от сознания, ибо если мы не осознаем смысла суждения, то и говорить о понимании не приходится. Бессознательные чувства, эмоции, диспозиции, мотивы, желания, мысли, установки влияют на поведение субъекта, но субъект не понимает их, т.е. не осмысляет на сознательном (ментальном) уровне бытия, поскольку они остаются погруженными в сферу бессознательной психики. Понимание есть синтез сознания и мышления, когда смысл высказывания не только подвергается интеллектуальной обработке (т.е. не только реализуется в системе операциональных отношений между репрезентативными символами), но еще и осознается субъектом. По этому поводу Р. Пенроуз заявляет, что «сознание непременно должно

быть существенным компонентом понимания»[223]. Однако сознание как таковое с необходимостью не предполагает понимания, ибо субъект может свидетельствовать (осознавать) некие феноменальные данные, но не знать, что именно он осознает и что вообще случается акт осознания. В этом пункте уже наблюдается несоответствие мнению Р. Пенроуза, который полагает, что сознание неотделимо от понимания. Внепонятийное сознание свойственно определенному роду медитативного опыта (когда останавливается внутренний диалог, и окружающая ситуация воспринимается без анализа, оценок и обобщений), а также психическим переживаниям младенца, который видит цвета как феноменальную наполненность визуального поля восприятия, но еще не знает ни того, что он видит цвета, ни того, какие именно цвета он видит, ни того, что он вообще имеет визуальное восприятие. Младенец чувствует боль или удовольствие, но не понимает, что именно он чувствует и что чувствует именно он, а не кто-либо другой.

Сознательное бытие человека определяется способностью свидетельствовать феномены внутреннего субъективного опыта, т.е. фиксировать их ментальное присутствие (однако при этом вовсе не обязательно быть осведомленным в сущности присутствующего). Осознанное свидетельствование является необходимым условием осмысленного понимания, ибо человек, пребывающий в бессознательном состоянии, точно так же, как и робот, может различать окружающие предметы, говорить предложения, имеющие смысл для носителя языка, и демонстрировать разнообразные эмоции на уровне поведения, но при этом его психическая жизнь не будет иметь внутренней феноменологии. Его мозг будет обрабатывать визуальную информацию, но сам он не будет видеть субъективных образов; его центр речи будет генерировать фразы, в которых сторонний слушатель, обладающий сознанием, может обнаружить смысловое содержание, но сам он не будет понимать смысла сказанного; его тело будет демонстрировать на поведенческом уровне бытия эмоциональные состояния, но сам он при этом не будет чувствовать соответствующих эмоций.

---

[223] Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. С. 81.

Исходя из этих рассуждений, следует логически развести непонимающее и понимающее сознание. *Непонимающее сознание* представляет собой свидетельствование феноменальных квалиа без скрепляющей их в единое психическое целое осознаваемой интенциональной предметности (т.е. осознаваемого вторичного смысла). Такое сознание свойственно животным и младенцам, которые различают отдельные объекты, но не понимают, что именно они видят, а также взрослым людям, впервые столкнувшимся с чем-то таким, для обозначения чего они не имеют соответствующих слов и понятий. *Понимающее сознание* подразумевает осознание вторичного смысла, который упаковывается в системе репрезентативных символов, интенционально указывающих на осмысляемый предмет. Подобным образом американский биолог, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины Д. Эдельман разделяет сознание на первичное и высокоуровневое: «Первичное сознание – это состояние наличия ментальной осведомленности о вещах в мире, наличия ментальных образов в настоящем. Но для человека оно не сопровождается каким-либо соотнесением с личностными смыслами, связанными с прошлым или будущим. Это то, чем, как можно предположить, обладают некоторые животные, не использующие специальных лингвистических средств и особых средств для передачи смыслов… В противоположность этому, высокоуровневое сознание… включает в себя распознавание мыслящим субъектом собственных действий или предпочтений… Оно выражается в прямом осознании – не выводном или непосредственном осознании ментальных эпизодов без вовлечения органов чувств или рецепторов. Это то, что мы, люди, имеем в дополнение к первичному сознанию. Мы сознаем, что являемся сознающими»[224].

Вторичными смыслами оперирует только человек, тогда как животные и кибернетические устройства оперируют не вторичными смыслами, а информацией, которая лишена вторичной семантической компоненты, не сводимой к совокупности репрезентирующих символов. Робот не видит образов, но сравнивает сигналы, поступающие извне, что позволяет ему различать вещи; животные видят образы и реагируют на них в соответствии с безусловными и условными рефлек-

[224] Edelman G. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness. New York: Basic Books, 1989. P. 86.

сами, но не понимают, что именно они видят; в то время как человек на уровне понимающего сознания и видит образы, и понимает, что именно он видит.

Самосознание, язык (в его человеческой форме) и абстрактно-понятийное мышление (метасимволический уровень репрезентации в его интенциональном аспекте) возникают только на социальном уровне бытия во взаимодействии множества психических субъектов. Вне социального взаимодействия высшие формы сознания проявиться не могут. По этому поводу чилийские философы, специалисты в нейронауке У. Матурана и Ф. Варела пишут: «Разум как некий феномен оязычивания в сети социального и лингвистического сопряжения не есть нечто такое, что находится в мозге. Сознание и разум лежат в области социального сопряжения – именно там источник их динамики»[225]. Многочисленные факты, связанные с обнаружением «маугли», которые долгое время жили вдали от цивилизации, свидетельствуют о том, что социальная среда является необходимым условием развития языка и языкового понимающего сознания. Однако отсутствие последних вовсе не означает, что ребенок, выросший вне общества, живет во тьме бессознательности, ибо он продолжает функционировать на уровне непонимающего (животного) сознания, осознавая свои психические переживания, например, боль, звуки, запахи и зрительные образы внешнего мира.

Таким образом, понимающее сознание человека – это феномен социального порядка, в то время как животные существуют на уровне непонимающего сознания, хотя нам и свойственно проецировать на них (впрочем, как и на человеческих младенцев) реакции более высокого сознательного уровня, который им в действительности не присущ (например, нам кажется, что наши домашние питомцы любят, ненавидят, затаивают злобу, испытывают стыд подобно тому, как это делаем мы, а иногда даже понимают смысл человеческой речи). Животные – это существа инстинктивно-рефлекторные, и поэтому их поведение, по большей части, носит бессознательный, автоматический характер. Однако данное положение дел нисколько не исключает наличия у животных психики в модусе непонимающего сознания, а, значит, и ментального опыта, который представляет собой осознан-

[225] Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 206.

ную фиксацию бессознательно продуцируемых переживаний, протекающих бесконтрольно и автоматически. В пользу наличия у животных ментального опыта свидетельствуют, в частности, эксперименты, поставленные на собаках и кошках, у которых были выключены зоны головного мозга, отвечающие за сонный паралич, после чего они демонстрировали поведенческие реакции, соответствующие виртуальной картине сновидения.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что непонимающее сознание может быть понято в двух основных смыслах: 1) как ассоциативное знание, т.е. совокупность психических переживаний, не соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым объектом, и 2) как диссоциативное знание, т.е. совокупность психических переживаний, соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым объектом, который не идентифицируется в виде символической конструкции (т.е. в виде осмысленного понятия). Понимающее сознание также может быть понято в двух основных смыслах: 1) как диссоциативное понимание, т.е. совокупность психических переживаний, соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым объектом, который идентифицируется в виде символической конструкции (т.е. в виде осмысленного понятия), и 2) как ассоциативное понимание, т.е. совокупность психических переживаний, соотнесенных на сознательном уровне бытия с интенционально полагаемым субъектом, который также идентифицируется в виде символической конструкции (т.е. в виде осмысленного понятия).

Сознание как *ассоциативное знание* представляет собой фиксацию феноменального содержания, которое надстраивается над процессами нейронного характера, но не сводится к ним по сущности. Такое сознание делает осмысленным вопрос, связанный с тем, каково это – переживать те или иные сенсорные данные, но имеет неинтенциональный (непредметный) характер, ибо не позволяет сказать ничего определенного в отношении 1) предмета переживания (который репрезентируется совокупностью феноменальных квалиа, данных в переживании) и 2) субъекта переживания (который переживает совокупность феноменальных квалиа, данных в переживании). Здесь еще нет разделения на внутреннее и внешнее

бытие, т.е. на Я и не-Я. К ассоциативному знанию относятся элементарные ощущения (например, переживания боли, звука, цвета, запаха или вкуса), которые не заключают в себе никакого указания на репрезентируемый объект, а также элементарные эмоции как комплексы элементарных ощущений (например, переживания страха, гнева или радости), которые выражают психическую реакцию на определенное стечение обстоятельств без осмысления последних со стороны переживающего субъекта.

Сознание как *диссоциативное знание* представляет собой фиксацию множества квалитативных феноменов (квалиа) в предметном единстве темпорального потока, привязанного к переживающему субъекту. В акте диссоциативного познания набор феноменальных качеств соотносится с интенционально полагаемым объектом, который идентифицируется лишь постольку, поскольку его репрезентация сопровождается определенными чувственными переживаниями без какой-либо смысловой (символической) компоненты. Здесь уже появляется разделение на внешнее и внутреннее бытие, т.е. на Я и не-Я, в их онтологическом единстве, т.е. в темпоральном единстве сознающего субъекта. К диссоциативному знанию относятся чувственные образы, посредством которых выражается внешнее состояние репрезентируемого объекта или внутреннее состояние репрезентирующей системы.

Сознание в модусах диссоциативного и ассоциативного знания присуще животным, но не кибернетическим системам, поскольку последние, имея дело с функциональным уровнем информации, совершают логико-вычислительные действия, но не находятся в интенциональных или квалитативных состояниях, которые свойственны психическому уровню информационных данных.

Сознание как *диссоциативное понимание* раскрывает смысл совокупности переживаемых качеств, которые образуют единое онтологическое целое. В подобном сознании присутствует знание об объекте, который противопоставляется сознающему субъекту и интенционально полагается не просто в качестве информационного единства многообразия переживаемых данных, а в качестве референта интеллектуальной (символической) конструкции. Если ассоциативное и диссо-

циативное знание обладает вырожденной продольной и поперечной интенцией, то диссоциативное понимание обладает невырожденной продольной и поперечной интенцией, поскольку фиксирует в понятии информацию о каком-то репрезентируемом объекте или о самом репрезентирующем субъекте. В рамках диссоциативного понимания формируется символическая (абстрактно-понятийная) репрезентация реально существующего мира, а также несуществующих (воображаемых) миров, т.е. происходит разделение на актуальное и потенциальное бытие. Этот уровень сознания уже недоступен животным, ибо они репрезентируют окружающий мир, но не репрезентируют возможные способы репрезентации и не отличают возможное от действительного. Сознание в качестве диссоциативного понимания зависит от обмена информационными данными между взаимодействующими субъектами и не может развиваться в условиях социальной изоляции.

На уровне *ассоциативного понимания* сознающий субъект трансцендирует свои собственные онтологические границы, формируя представление не только о том, кто он есть по сущности, но и о том, кем он должен быть и чем является идеал осознанного бытия. Здесь сознающий субъект выбирает себя самого во множестве символических пространств (культуры, искусства, религии и науки), сгенерированных на уровне диссоциативного понимания, и преобразует свое бытие в соответствии с психически ассимилированными идеями и ценностями. Самоопределение сознающего субъекта имеет экзистенциальный характер, поскольку в процессе осознанного самоопределения формы репрезентации отождествляются с формами бытия сознающего субъекта, который на уровне ассоциативного пониманию чувствует неудовлетворенность собой и стремится преобразовать себя самого, чтобы стать лучше и совершеннее, что ни в какой форме не присуще животным, ибо они не испытывают осознанной неудовлетворенности собственным бытием и не понимают духовного идеала, к которому следует стремиться.

Можно провести обоснованные параллели между данной иерархичной классификацией онтогенетических этапов развития сознания и классификацией советского психолога и философа А.Н. Леонтьева, согласно которому *первый этап* предполагает развитие сенсорной психики, обеспечивающей знание о свойствах

вещей в непосредственном чувственном опыте через элементарные ощущения (что соответствует уровню ассоциативного знания), *второй этап* предполагает развитие перцептивной психики, отвечающей за процессы восприятия (что соответствует уровню диссоциативного знания), *третий этап* предполагает развитие интеллекта, отвечающего за такие мыслительные операции, как анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, классификация и систематизация, обобщение и сравнение (что соответствует уровню диссоциативного понимания), и, наконец, *четвертый этап* предполагает развитие самосознания, которое обеспечивает субъекту осмысление себя самого и своего места в окружающем мире (что соответствует уровню ассоциативного понимания)[226].

Таким образом, существует четыре основных этапа онтогенетического (и, возможно, филогенетического, если предположить, что в данном случае так же, как и в рамках биологической эволюции, онтогенез повторяет филогенез) развития сознания. Сначала возникают разрозненные феноменальные квалиа в качестве метаинформационных образований, надстраиваемых над информационными процессами, которые протекают в нейронных сетях головного мозга. Здесь психический субъект еще не различает предметов, а просто созерцает калейдоскоп сенсорных ощущений, которые образуют единое феноменальное поле восприятия. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных квалитативных состояний. Далее субъект противопоставляет себя внешнему миру, идентифицирует отдельные объекты и совершает с ними ряд операций в соответствии с чувственными образами и информационными данными, полученными в процессе знаковой коммуникации с другими сознающими субъектами, но еще не идентифицируется сам в качестве носителя психических переживаний. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных поведенческих реакций, каждая из которых может быть проявлена на ментальном уровне бытия в результате инсайта (спонтанного переструктурирования поля осознания). На следующей стадии онтогенетического развития сознания формируется целостное восприятие

---

[226] Леонтьев А.Н. Эволюция психики. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1999. С. 163-233.

окружающего мира. Субъект не просто воспринимает объекты в виде целостных образов, но наделяет их именами и приписывает им определенные качества. Кроме этого, смысловые репрезентации отрываются от репрезентируемых объектов и образуют символическую (виртуальную и интеллигибельную) реальность, разделяемую множеством сознающих субъектов. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных семантических состояний (т.е. возможных смыслов и интеллектуальных конструктов, посредством которых репрезентируются внешние и внутренние события). Наконец, на высшей стадии онтогенетического развития сознания происходит свободное и осмысленное самоопределение сознающего субъекта, который, чувствуя неудовлетворенность собой, выходит за собственные онтологические границы и формирует образ идеального бытия. Бессознательная психика существует в виде суперпозиции возможных экзистенциальных состояний, каждому из которых соответствуют определенные ценности и установки бытия сознающего субъекта.

§ 2. Эволюционная проблема сознания[227]

Каузальная замкнутость физического мира не позволяет встраивать ментальные феномены в причинно-следственные цепи физических событий, в силу чего сознание оказывается бесполезным «аккомпанементом» нейронных процессов, протекающих в головном мозге человека. Все наши поступки, в конечном счете, детерминируются факторами, которые мы не осознаем, а, значит, говорить о ментальной каузации не приходится, откуда возникает закономерный вопрос: зачем вообще в эволюционном плане рождается сознание и почему наш мозг не может функционировать в точности так же, как он функционирует, или даже намного эффективнее без субъективно-ментального опыта? Почему мы не являемся бессознательными зомби, производя те же самые действия, которые производит человек, обладающий сознанием? За счет чего именно сознание играет ре-

[227] Результаты исследования были опубликованы в статье: Черепанов И. В. Социальная природа сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66). Часть II. С. 198-201.

шающую роль в адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, в то время как высшие психические функции (например, восприятие и мышление), участвующие в адаптационных процессах, могут реализовываться на бессознательном уровне бытия?

В рамках принципа каузальной замкнутости физического мира сознание представляется несущественным и бесполезным продуктом эволюционного развития, который не влияет на поведение физического тела, а, следовательно, и на человеческую жизнь вообще. Однако такая точка зрения, свойственная эпифеноменализму, вызывает протест, связанный, прежде всего, с тем, что именно сознание в его человеческой форме качественно возвышает нас над животными и является онтологической основой свободы, ответственности и духовности. Если же сознание, будучи бездействующим эпифеноменом нейронных сетей головного мозга, не влияет на материальную жизнь человека, то остается непонятным, почему оно вообще возникает и закрепляется в рамках биологической эволюции как существенный признак высокоразвитых организмов. По этому поводу К. Поппер пишет: «Мое отрицание эпифеноменализма также подкрепляется эволюционным подходом: если психика или сознание есть эпифеномен, то почему они должны были развиться в ходе эволюции? Почему они становились все более и более заметными у высших животных?»[228]. Одни из самых распространенных ответов на данный вопрос, как замечает В.В. Васильев, сводится к тому, что «мозг, наделенный квалиа, может генерировать гораздо более разнообразное поведение, нежели чисто механическая система»[229]. В свою очередь, более разнообразное поведение способствует лучшей адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, за счет чего наличие ментального опыта в жизни высокоразвитых существ успешно объясняется с эволюционной точки зрения.

Однако далее следует спросить, за счет чего именно сознание позволяет генерировать более разнообразное поведение в отличие от поведения бездушного автомата, и чего именно не хватает последнему, чтобы воспроизводить поведен-

---

[228] Поппер К. Знание и психофизическая проблема. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 169.
[229] Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 229.

ческие реакции обладающего сознанием существа. Отвечая на этот вопрос, мы, очевидным образом, приходим к пониманию, что должен существовать феноменальный слой психики, который не может быть бессознательным, поскольку в противном случае, если мы станет отрицать его существование, то окажемся в ситуации, когда сознание полностью растворяется в бессознательном и теряет свое феноменальное содержание. Таким образом, мы должны признать, что существуют психические акты, которые имеют ментальный характер и полностью исчезают при погружении в сферу бессознательного опыта. Что же это за психические акты? Создается впечатление, что к ним нельзя отнести психические акты, известные современной психологии. Например, к таким актам не относятся акты восприятия, мышления, воспоминания или воображения, поскольку все они могут протекать и на бессознательном уровне бытия без сущностной трансформации их предметного содержания. В психиатрии известен феномен слепого видения, когда человек видит окружающую обстановку и соответствующим образом реагирует на нее, но осознанно утверждает, что ничего подобного в реальности не происходит. Даже акты интроспекции и рефлексии могут быть бессознательными, поскольку человек, находящийся в состоянии глубокого транса, может давать интроспективный отчет о своих переживаниях и совершать анализ поступков, вскрывая мотивы и потребности, которые их обусловливают, что доказывается рядом психологических экспериментов, проведенных разными исследователями, например, у нас в стране В.Л. Райковым[230] и за рубежом Э. Фроммом[231].

Если рассматривать человека как сложно устроенную физическую систему, поведение которой в соответствии с принципом эпистемологической полноты физики всецело определяется физическими законами, параметрами и свойствами, то любые действия, совершаемые человеком, не нуждаются ни в каких сущностях нефизического (ментального) характера. Поэтому остается непонятным, за счет чего именно поведение сознающего существа, обладающего субъективно-

---

[230] Райков В.Л. Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание, творчество, искусство. М.: Грааль. 1998. С. 331-344.
[231] Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. С. 195-197.

ментальным опытом, является более разнообразным, нежели поведение бездушного автомата, который действует во тьме бессознательности.

Современная эволюционная биология отождествляет сознание с высшим этапом адаптации живого организма к изменяющимся условиям внешней среды. Согласно А. Дамасио, сначала возникает протосамость, состоящая из элементарных ощущений, затем – базовая самость, которая представляет собой бессознательную репрезентацию окружающего мира, и, наконец, – автобиографическая самость, способная анализировать прошлое и предвосхищать будущее. Однако все эти этапы эволюционного развития сознания, по существу, не содержат в себе ничего такого, что не позволило бы рассматривать их на нейрофизиологическом и поведенческом уровне без привлечения собственно ментальных состояний. А. Дамасио полагает, что психика формируется, «когда из согласованной деятельности маленьких цепочек в составе больших сетей мимолетно возникает тот или иной паттерн»[232]. Паттерны складываются в репрезентативные карты, отражающие объективное положение дел и регулирующие поведение живого существа. Согласно А. Дамасио, «эти карты становятся образами, причем термин “образ” касается не только зрительного образа, но и образов, связанных с любыми другими ощущениями – слуховыми, висцеральными, тактильными и т.д.»[233]. Взаимодействие большой совокупности нейронов может привести к образованию сложного биоэлектрического паттерна, который отражает внешнее положение дел, т.е. имеет с окружающей обстановкой функционально-структурное тождество, подобное тождеству между топографической картой и реальной территорией. Тем не менее биоэлектрический паттерн не объясняет феноменальное содержание психических образов (например, он не объясняет, почему цвет переживается именно так, как переживается, звук слышится именно так, как слышится, а боль ощущается именно так, как ощущается). Между сознанием и совокупностью нейрофизиологических процессов, к которым оно приравнивается, по-прежнему остается неустранимый онтологический и дескриптивный разрыв.

---

[232] Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. С. 31.
[233] Там же. С. 31.

В.Я. Сергин в своей статье «Сознание и мышление. Нейробиологические механизмы», исходя из того, что «критерием сознательного состояния субъекта является его способность сообщить свое знание другому», приходит к выводу, что «механизм представления знания в явной форме может лежать в основе процесса осознания»[234]. При этом явное знание – это такое знание, которое извлекается из памяти и представляется субъектом себе самому. Далее В.Я. Сергин связывает нейрофизиологическую основу ментальных феноменов с процессом автоотождествления, который сводится к отождествлению специфического паттерна электрической активности головного мозга (паттерна категоризации) с самим собой за счет его обратной передачи на сенсорный вход. Однако информация может саморепрезентироваться и в вычислительных процедурах компьютера, программное обеспечение которого позволяет ему формировать отчеты, используя психическую терминологию, о своих собственных физических или функциональных состояниях. Самоотчеты робота с необходимостью не делают его сознательным существом, ибо при этом в его физическом функционировании невозможно выделить какие-то особые паттерны, конституирующие внутренне переживаемое содержание ментального опыта. Любые попытки натуралистического объяснения сознания с помощью апелляции к физическим процессам, протекающим в нейронных сетях головного мозга, обречены на провал, поскольку невозможно собственно физическими средствами перекинуть онтологический мост между физическими событиями и ментальными. В лучшем случае мы обнаружим нейрофизиологическую основу ментального опыта, но само его квалитативное содержание останется необъясненным. Если же мы дополним физические состояния состояниями информационного порядка, которые не сводятся к первым по сущности и бытию, образую с ними единое материальное целое, то ситуация изменится. Тогда сознание как «процесс представления внутренних данных в явной форме»[235], т.е. в виде внешних событий, оказывается метаинформационным процессом, репрезентирующим саму информацию посредством иных информационных данных. В.Я.

---

[234] Психологический журнал Международного Университета природы, общества и человека. 2011. № 2. С. 9-10.
[235] Там же. С. 28.

Сергин следующим образом описывает механизм возникновения сознания в его чувственной и мыслительной компоненте: «Явное символьное представление сенсорных данных порождает сенсорное осознание. Явное символьное представление результатов операционной активности мозга порождает мысль. Если зрительное осознание – это ви́дение внешних событий, то мысль – это ви́дение результатов операционной активности мозга»[236]. С этим можно согласиться в рамках квантово-информационной онтологии, если дополнить процесс автоотождествления специфическими квантово-информационными процессами, обеспечивающими переход от функциональной информации к психической, и учесть, что такие процессы обусловливаются не только каузальными связями между физическими подсистемами рассматриваемой системы, которой приписываются ментальные состояния, но и субстратным составом последней, в силу чего отождествление паттерна категоризации с самим собой за счет обратной передачи на сигнальный вход может не привести к появлению сознания на неорганическом носителе.

Решая эволюционную проблему сознания, можно заметить, что действия человека являются более совершенными и эффективными, когда они выполняются автоматически, т.е. бессознательно, а осознанная рефлексия лишь разрушает поведенческий процесс, но никак ему не способствует. Отечественный психотерапевт и гипнолог В.Л. Райков в своей экспериментальной лаборатории демонстрирует, как в состоянии бессознательного транса человек задействует психические ресурсы, благодаря которым эффективность его поведения существенно возрастает. Испытуемые в экспериментальной лаборатории В.Л. Райкова, пребывая в состоянии бессознательного транса, начинали рисовать и играть в шахматы на таком высоком уровне, который был им совершенно недоступен в обычном бодрствующем состоянии сознания[237]. Французский математик, физик и философ А. Пуанкаре анализируя творческий процесс, приходит к следующему выводу: «“Я” подсознательное нисколько не “ниже”, чем “Я” сознательное; оно отнюдь не имеет исключительно механического характера, но способно к распознаванию, обла-

[236] Там же. С. 28.
[237] Райков В.Л. Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание, творчество, искусство. М.: Грааль. 1998. С. 344-366.

дает тактом, чувством изящного; оно умеет выбирать и отгадывать. Да что там! Оно лучше умеет отгадывать, чем “я” сознательное, ибо ему удается то, перед чем другое “я” оказывается бессильным. Одним словом, не является ли подсознательное “я” чем-то более высшим, чем “я” сознательное? Не следует ли отсюда, что бессознательное выше, чем сознание?»[238].

Д. Деннет, полагающий, что все люди – функциональные зомби и ментальных феноменов, отличающих людей от автоматов, не существует, по этому поводу пишет: «Мы видим, что часто совершаем искусные действия, вообще не думая; мы совершаем их “автоматически” или “бессознательно”»[239]. Пианист не задумывается, какую клавишу фортепиано нажать следующей, а шахматист не рефлексирует по поводу того, каким образом в его бессознательном мышлении прокручиваются варианты возможного продолжения партии, что в итоге на ментальном уровне бытия проявляется в инсайтном схватывании перспективных особенностей позиции (ведь на уровне сознания просчитать абсолютно все варианты, дабы принять соответствующее решение, за ограниченный промежуток времени практически невозможно). В данном случае пианист и шахматист действуют автоматически (пианист автоматически играет на фортепиано, а шахматист автоматически просчитывает варианты, отслеживая на сознательном уровне бытия бессознательно обусловленный процесс мышления), но стоит им только усилить осознанную рефлексию (стоит только пианисту задуматься над движениями пальцев, а шахматисту – над механизмами мышления), как тут же их действия станут менее эффективными и они начнут допускать ошибки, в результате чего пианист испортит вдохновенную игру, а шахматист упустит выигрышный вариант. Обобщая эти ситуации, можно сказать, что поведенческие акты являются в большей степени совершенными и безошибочными, если они выполняются автоматически, т.е. бессознательно, подобно не дающей сбоев компьютерной программе. Тогда получается, что сознание мешает эволюционному развитию, и мы были бы намного более развитыми личностями в духовном отношении, если бы жили бессознатель-

---

[238] Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. С. 316.
[239] Деннет Д. Виды психики. М.: Идея-Пресс, 2004. С. 20.

ной жизнью, следуя программам, которые наилучшим образом соответствуют высоким идеалам человеческой жизни.

Часто указывают на то, что бессознательное эффективно реализует уже инсталлированные программы, но генерирование новых эволюционно значимых программ невозможно представить себе без соответствующей активности сознания. На этапе обучения, когда закладываются и отрабатываются новые алгоритмы поведения, участие сознания необходимо, но, когда реализация инсталлированных программ достигает автоматизма, роль сознания исчерпывается и дальше поведение осуществляется бессознательно. Кроме этого, сознание играет важную роль на последующих этапах рефлексии, которая осуществляет корректировку поведенческих паттернов, благодаря чему поведение человека становится более правильным и эффективным. Однако и здесь возникает закономерный вопрос: чем именно отличаются бессознательно продуцируемые программы от программ, которые не могут сформироваться на бессознательном уровне бытия? Почему мы отрицаем, что в нейронных сетях головного мозга без участия сознания может осуществляться бессознательный процесс перепрограммирования мозгового биокомпьютера с учетом влияния окружающей среды? Почему все то, что делает сознание, не может делаться бессознательно? Ведь, в конечном счете, поведение человека есть поведение сложно устроенной физической системы, бытие которой подчиняется принципу каузальной замкнутости физических событий, и поэтому в ее причинно-следственные цепи не допускаются никакие события нефизического (ментального) порядка.

Присмотревшись к процессу обучения, нетрудно заметить, что он так же, как и иные поведенческие стратегии, имеет бессознательную основу. Если поведение укладывается в рассмотренную выше необихевиористскую модель TOTE (рис. 4), то оно не нуждается ни в каком сознательном контроле, и, следовательно, поведение, в процессе которого мы ставим цели и обучаемся новым действиям, имеет бессознательный характер, поскольку удовлетворяет рассматриваемому требованию. Действительно, разве нельзя обучаться на бессознательном уровне психики? И разве в данном случае так же, как и в случае закрепленных поведен-

ческих паттернов, сознание не является препятствием, которое мешает эффективности осуществляемых действий? Как говорит народная поговорка, если хочешь быстро и эффективно научить человека плавать, брось его в воду, и тогда мозг без участия сознания выполнит необходимую работу. В настоящее время разрабатываются специальные обучающие методики (например, помогающие в освоении иностранных языков), которые используют прямое информационное воздействие на мозг человека, минуя сознательный контроль. Таким образом, мы опять-таки приходим к выводу, что сознание оказывается лишним и нежелательным элементом эволюционного развития организмов, поскольку не способствует лучшей адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, а, напротив, препятствует ей и, по существу, не выполняет никакой функции, которая не могла бы столь же эффективно реализовываться на бессознательном уровне бытия.

Еще один аргумент, обосновывающий эволюционную значимость сознания, сводится к тому, что ментальный опыт, будучи компиляцией информационных данных, позволяет управлять поведением организма в целом, используя психические коды, которые символически выражают множество соответствующих кодов нейронного порядка. Д.И. Дубровский, анализируя ментальный уровень бытия, приходит к выводу, что «многоплановость информационных процессов требует постоянной интеграции, которая и служит основой психического управления целостным организмом»[240]. При этом следует заметить, что компиляторная функция психического аппарата присуща не только человеку, но и животным. Например, визуальный образ хищника, который является результатом бессознательной обработки множества информационных данных, поступающих из окружающего мира, вызывает у жертвы переживание страха, которое, в свою очередь, компилирует сигнал, реализуемый на уровне нейронного функционирования мозга, что приводит к поведенческой реакции бегства. В человеческом организме запускается аналогичный процесс с тем существенным отличием, что между психической информацией интегрального характера и компилируемым сигналом, который распознается нейронными структурами мозга, выстраивается ментальный анализ пси-

[240] Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. С. 148.

хических данных, в результате чего цепь автоматических реакций разрывается и происходит осознанное самоуправление поведенческой активностью человека. Таким образом, психика (сознательная и бессознательная) реализует высокоуровневое управление низкоуровневыми процессами (нейрофизиологическими, биохимическими и биоэлектрическими), что значительно упрощает (а, значит, делает более эффективным) централизованный контроль над поведением живого организма, подобно тому, как компьютерный компилятор осуществляет трансляцию высокоуровневых (проблемно-ориентированных) команд на более низкий (машинный) уровень языка, что значительно облегчает программирование компьютера.

Однако такая точка зрения вступает в противоречие с материалистическим подходом, ибо если мы говорим о централизованном управлении, то должны также соглашаться, что существует центральный оператор, который нуждается в высокоуровневом (психическом) компиляторе, поскольку не понимает низкоуровневого (нейронного) языка, а, значит, не сводится в своем бытии к функционированию нейронных сетей головного мозга. Согласно Д.И. Дубровскому, субъективная реальность представляет собой «двойное или, лучше сказать, двухступенчатое, кодовое преобразование на уровне эго-системы: первое из них представляет для нее информацию как таковую (которая пребывает пока в “темноте”), второе преобразование “открывает” и тем самым актуализует ее для “самости”, делает доступной для оперирования и использования в целях управления на этом уровне»[241]. Если «самость» сводится к функционированию нейронных сетей головного мозга, то она должна понимать низкоуровневый (нейронный) язык, который является более предпочтительным, нежели высокоуровневый (психический), ибо, во-первых, мозговой биокомпьютер быстрее его распознает, а, во-вторых, количество команд, продуцируемых на низкоуровневом (нейронном) языке, несравненно больше, нежели количество команд, продуцируемых на высокоуровневом (психическом) языке. Если же «самость» не сводится к функционированию нейронных сетей головного мозга, то это означает, что психическая компиляция

[241] Там же, с. 153.

имеет значение лишь для декартовского (нематериального) духа, или, по выражению Г. Райла, «призрака в машине», тогда как сама по себе физическая система тела не нуждается ни в каком психическом компиляторе, ибо осуществляет самоуправление на присущем ей низкоуровневом (нейронном) языке, подобно тому, как компьютер обрабатывает информацию на низкоуровневом (машинном) языке и не нуждается ни в каком высокоуровневом (проблемно-ориентированном) языке в плане программирования и осуществления вычислительных функций.

В рамках функционирования мозгового биокомпьютера любое сообщение, выраженное средствами высокоуровневого языка, в конечном счете, переводится на низкоуровневый язык, но далеко не всякое сообщение, выраженное средствами низкоуровневого языка, может быть переведено на высокоуровневый язык (т.е. не существует команд, которые нельзя перевести с высокоуровневого языка на низкоуровневый, но существуют команды, которые нельзя перевести с низкоуровневого языка на высокоуровневый), поскольку, согласно материалистическому подходу, в основе всякого психического процесса лежит процесс нейронного порядка и сама по себе высокоуровневая коммуникация осуществляется за счет процессов низкоуровневого свойства. Проблемно-ориентированный язык нужен человеку (оператору), чтобы более эффективно управлять кибернетическими устройствами, которые искусственно создаются им же самим для собственных нужд, но человеческий мозг возникает в результате естественной эволюции, и, если мы отрицаем бытие нематериального духа, который действует посредством физического тела, но существует независимо от него, то в этом случае остается непонятным, зачем мозгу как именно физической системе понадобились процессы компиляторного характера, которые не только не способствуют, но, напротив, препятствуют эффективной работе нейронных сетей, ибо информационный диапазон сообщений на низкоуровневом языке шире и богаче по сравнению с высокоуровневым языком, использующим более простые сообщения и состоящим, в конечном счете, из неосознаваемых низкоуровневых команд.

Таким образом, мы снова приходим к выводу, что сознание, в отличие от бессознательного, не способствует генерированию более разнообразного поведе-

ния, и, значит, остается открытым вопрос, связанный с тем, какую эволюционную значимость имеет субъективная реальность и что существенного и полезного, в отличие от бессознательной активности мозга, привносит в поведение человека ментальный опыт. Зачем сознание нужно, если оно не влияет на физические процессы, а лишь пассивно свидетельствует, что нечто происходит (как во внешнем материальном мире, так и во внутренней психической жизни), и любые действия человека могут реализовываться без участия ментальных переживаний? Квантово-информационная модель сознания позволяет ответить на этот вопрос без выхода за пределы материалистического мировоззрения, апеллируя к существованию поперечной информационной причинности, которая реализуется на ментальном уровне бытия в результате коллапса суперпозиции бессознательных переживаний и перехода психической информации из возможного состояния в действительное.

Физический объект до взаимодействия с другим физическим объектом пребывает в суперпозиции возможных состояний $A_1^1, A_2^1, ..., A_{n_1}^1$, каждому из которых приписывается определенная вероятность $p_1^1, p_2^1, ..., p_{n_1}^1$. После взаимодействия с другим физическим объектом и накопления достаточного количества информации опрационального типа взаимодействующие объекты декогерируют, что сопровождается переходом из чистого состояния в состояние смеси. Затем в процессе наблюдения осуществляется коллапс суперпозиции возможных состояний, в результате чего остается одно единственное состояние A_i^1, которому до этого момента времени приписывалась вероятность p_i^1, а информация обо всех других состояниях безвозвратно утрачивается. Если энергоинформационный обмен между физическими объектами ослабляется, то происходит рекогеренция, и рассматриваемые объекты снова возвращаются в суперпозицию возможных состояний $A_1^2, A_2^2, ..., A_{n_2}^2$, каждому из которых приписывается определенная вероятность $p_1^2, p_2^2, ..., p_{n_2}^2$ (рис. 5). С каждым физическим состоянием $A_1^i, A_2^i, ..., A_{n_i}^i$ коррелирует информация операционального или функционального типа, в силу чего она так

же, как и физические объекты, может пребывать либо в суперпозиции потенциальных состояний, либо в одном единственном действительном состоянии.

$$\begin{pmatrix} A_1^1\left(p_1^1\right) \\ A_2^1\left(p_2^1\right) \\ \vdots \\ A_{n_1}^1\left(p_{n_1}^1\right) \end{pmatrix} \xrightarrow{\text{Декогеренция}} A_i^1 \xrightarrow{\text{Рекогеренция}} \begin{pmatrix} A_1^2\left(p_1^2\right) \\ A_2^2\left(p_2^2\right) \\ \vdots \\ A_{n_2}^2\left(p_{n_2}^2\right) \end{pmatrix} \xrightarrow{\text{Декогеренция}} \cdots$$

Рис. 5. Становление физического сущего

Ситуация кардинально меняется на уровне психической информации, где в силу принципа топографического единства сознательное (пребывающее в классическом состоянии) образует единое онтологическое целое с бессознательным (пребывающим в квантовом состоянии). В данном случае процессы декоренции и рекоренции протекают параллельно, ибо с ментальным состоянием B^i связана суперпозиция возможных состояний бессознательного характера $B_1^i, B_2^i, ..., B_{n_i}^i$, каждому из которых приписывается определенная вероятность $p_1^i, p_2^i, ..., p_{n_i}^i$. Иными словами, всякому ментальному состоянию B^i соответствует n_i информационных состояний, на которые оно символически указывает и которые с определенной вероятностью могут быть проявлены в соответствующем психическом контексте (рис. 6). Таким образом, сообразно принципу топографического единства всякое ментальное событие в темпоральном потоке сознания сопровождается суперпозицией бессознательных состояний психики.

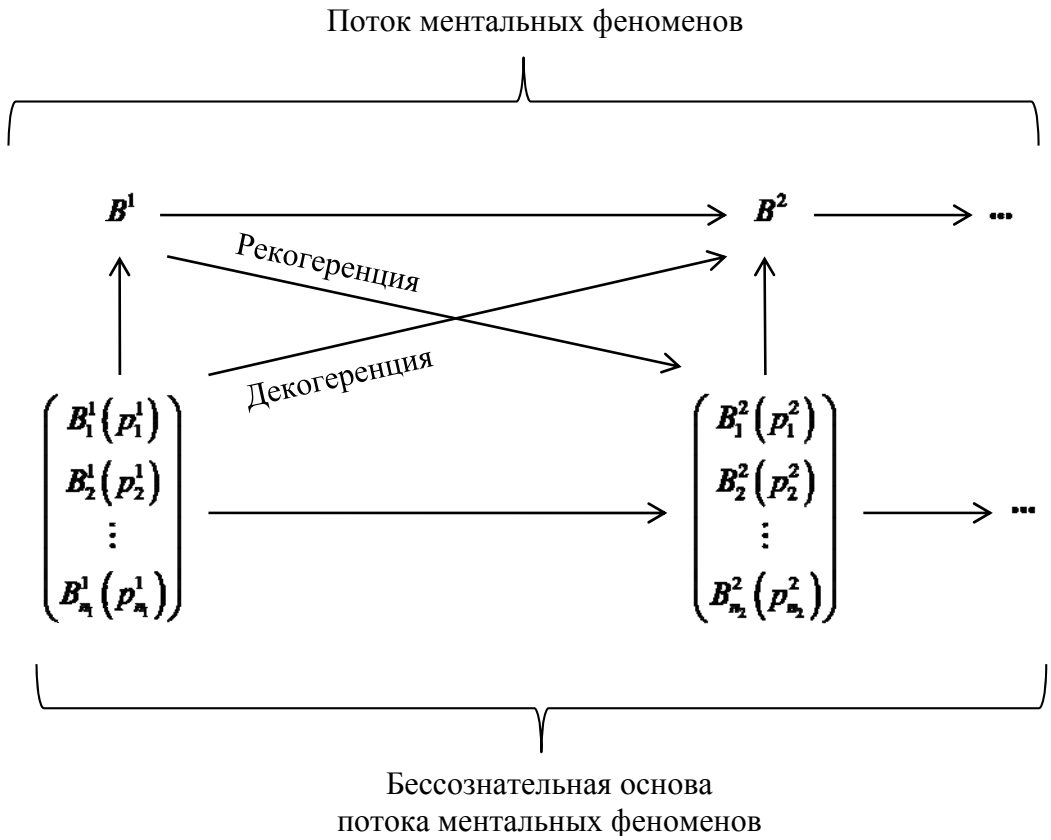

Рис. 6. Становление психического сущего

В соответствии со схемой, изображенной на рис. 5, физическое сущее, декогерирующее во взаимодействии с окружающей средой и подвергаемое коллапсу, пребывает в единственном классическом состоянии, тогда как в соответствии со схемой, изображенной на рис. 6, психическое сущее, декогерирующее во взаимодействии с окружающей средой и подвергаемое коллапсу, пребывает в единственном классическом состоянии на сознательном уровне бытия и в суперпозиции квантовых состояний на бессознательном уровне бытия, что оправдывает эволюционную значимость ментального опыта и позволяет психическим существам в отличие от существ, не обладающих психикой, проявлять более разнообразное и адаптивное поведение. Физическая система, управляемая функциональ-

ной информацией, при переходе из квантового состояния в классическое теряет информацию, упакованную в совокупности суперпонированных возможностей, тогда как физическая система, управляемая психической информацией, при переходе из квантового состояния в классическое сохраняет информацию, упакованную в совокупности суперпонированных возможностей, которые существуют на бессознательном уровне психики, и поэтому обладает бóльшими возможностями, а, значит, и бóльшим поведенческим разнообразием. Иными словами, более разнообразное и адаптивное поведение систем, обладающих переживаемым изнутри психическим опытом, обеспечивается параллельным ходом процессов декогеренции и рекогеренции на психическом уровне бытия в отличие от систем, которые управляются функциональной информацией и для которых характерно последовательное развитие процессов декогеренции и рекогеренции.

§ 3. Квантово-информационная специфика бытия сознания как основа ментальной каузации и свободы сознающего субъекта

Согласно материалистической точке зрения, все существующее во Вселенной имеет в своей онтологической основе физическую природу (ибо, в конечном счете, бытие любого сущего обусловливается взаимодействием элементарных частиц и физических полей) и поэтому обладает физической активностью, а, следовательно, сознание как феномен, существующий во Вселенной, тоже должен обладать физической активностью. В противном случае он утрачивает бытие, и мы смещаемся в сторону элиминативизма, который несовместим с феноменологической предпосылкой данного исследования, ибо не признает существование субъективно-ментального опыта. Если мы придерживаемся эволюционной теории и полагаем, что в процессе развития живых организмов закрепляются признаки, которые способствуют адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, то должны согласиться, что сознание как продукт эволюционного развития живых организмов играет важную адаптивную роль. Отсюда следует, что оно не является

пассивным, поскольку входит в причинно-следственную цепочку физических событий, обусловливающих поведение живого организма.

С учетом феноменологической предпосылки и экзистенциального требования вслед за Р. Пенроузом удобно выделить две основные компоненты ментальной жизни сознающего субъекта – осознанное созерцание и осознанное воление[242]. *Осознанное созерцание* представляет собой пассивную компоненту сознания, благодаря которой субъект фиксирует, свидетельствует феноменальное содержание, субъективно переживаемое в ментальном опыте. В отличие от этого *осознанное воление* представляет собой активную компоненту сознания, благодаря которой субъект совершает действия, обусловленные не бессознательными факторами, а сознательными усилиями, преодолевающими, в соответствии с терминологией Курта Левина, силы психологического поля. При этом, согласно экзистенциальному требованию, должны быть отброшены любые спекуляции, рассматривающие осознанное воление в качестве формы бессознательной активности.

Пассивность сознания противоречит экзистенциальному требованию и лишает сознающего субъекта свободы воли. Если ментальные переживания не оказывают влияния на поведенческие реакции, то в этом случае мы лишь свидетельствуем определенные решения, тогда как все они в действительности принимаются на бессознательном уровне бытия без нашего активного участия. Мы оказываемся биологическими роботами, которые наблюдают за своими действиями, но ничего, по существу, изменить не могут, а то, что им кажется, будто они меняют самостоятельно, обусловливается не их осознанным выбором, а скрытыми бессознательными причинами. Мы превращаемся в безвольных зомби, которые осознают свою внутреннюю жизнь, но при этом повлиять на нее никак не могут, что заключает в себе логическое противоречие, ибо всякое физическое следствие в силу принципа каузальной замкнутости физического мира становится физической причиной, и, значит, сознание, будучи результатом активности нейронных сетей головного мозга, должно с необходимостью продуцировать действие, реализуе-

[242] Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. С. 74.

мое на физическом уровне бытия и не сводимое к бессознательной активности мозга.

Проблема ментальной каузации, обусловленная влиянием ментальных феноменов на процессы физического порядка, сочетается с проблемой человеческой свободы, поскольку существование последней как именно способности сознающего субъекта преобразовывать материальную жизнь с необходимостью предполагает энергоинформационное взаимодействие сознания и тела. Если Вселенная представляет собой сложно организованную физическую систему, подчиняющуюся причинности классического или неклассического типа, то мы должны объяснить, каким образом ментальные феномены, имеющие нефизическое бытие, могут оказывать воздействие на телесные структуры в рамках принципа каузальной замкнутости физического мира. Рассматривая этот вопрос с философской стороны, мы находим три основных ответа, образующих соответственно три концепции свободы: 1) детерминизм, 2) либертаризм (либертарианство) и 3) компатибилизм.

Согласно *детерминистской* точке зрения ментальные феномены сами по себе в своем внутренне переживаемом квалитативном содержании не встраиваются в причинно-следственные взаимосвязи природно-физических процессов, вследствие чего свобода человека оказывается фикцией, не имеющей реальных оснований, как это происходит в функционализме, бихевиоризме и теории тождества сознания и тела. Если мы встаем на материалистические позиции и утверждаем, что бытие Вселенной сводится к взаимодействию элементарных частиц и физических полей, которые образуют онтологический фундамент мира, то сталкиваемся с трудностью, пытаясь объяснить феномен экзистенциальной свободы как именно возможности человека вести себя не в соответствии с определенными детерминирующими факторами физического, психологического, биологического или социокультурного свойства, а вопреки им, утверждая свою индивидуальную волю. Если же мы говорим, что свобода человека, его способность совершать осознанный выбор, обусловливается воспитанием, характером, системой убеждений и ценностей, а также влиянием окружающей среды и ничем другим, что принадлежало бы сфере сознания и не сводилось бы по сущности к факторам бессозна-

тельного порядка, то, в конечном итоге, она оказывается спекулятивным понятием, которому соответствует не субъект, обладающий способностью к самодетерминации, а сложный комплекс причинно-следственных взаимосвязей, которые делают наше «свободное» поведение в действительности несвободным.

Еще древнегреческий философ Демокрит отрицал свободу воли, полагая, что все, что происходит в окружающем мире, в том числе и поступки человека, имеют необходимую естественную причину. Б. Спиноза тоже подчеркивал, что воля – это иллюзия, а свобода – познанная необходимость, т.е. необходимость действия определенной вещи в соответствии с ее собственной природой. Поэтому чем в большей степени человек постигает свою истинную природу, тем в большей степени является свободным существом, способным действовать самостоятельно и автономно. Таким образом, познание фундаментальных и незыблемых причин бытия оказывается основой правильной и добродетельной жизни. Поскольку же фундаментальные причины, как полагал Б. Спиноза, укореняются в Боге, то именно познание Бога открывает нам, существам разумным и духовным, путь к истинной свободе. В этом смысле свобода в философии Б. Спинозы противопоставляется не необходимости, а принуждению, что подтверждается следующими его словами: «Стремление человека жить, любить и т.п. отнюдь не вынуждено у него силой, и, однако, оно необходимо; тем более нужно сказать это о бытии, познании и деятельности Бога»[243]. Свобода в данном случае обусловливается осознанным желанием человека действовать в соответствии с порядком вещей, которому соответствует определенный порядок идей, тогда как рабство, в свою очередь, сводится к отсутствию такого осознанного желания.

Однако здесь возникает правомерный вопрос: разве вещь не действует всегда сообразно собственной природе и в соответствии с предустановленными законами бытия? Ведь всякая вещь по сущности есть именно то, что она есть сообразно собственной природе и в соответствии с предустановленными законами бытия. Если вещь действует не сообразно собственной природе, которую мы ей приписываем, то это означает лишь то, что она обладает другой природой и, следова-

[243] Спиноза Б. Избранные сочинения. Том 2. СПб.: Наука, 1999. С. 585.

тельно, является, на самом деле, другой вещью, а не той, за которую мы ее ошибочно принимаем. Получается, что Б. Спиноза спекулирует, утверждая, что свободными существами делает нас познание собственной природы, поскольку сам процесс познания обусловливается многими факторами, и тот факт, познаем мы причины нашей жизни или не познаем, в действительности зависит не от нас самих как свободных и мыслящих существ, а от скрытых (неосознаваемых) причин, которые обусловливаются, в конечном итоге, предустановленными законами бытия.

Понимая это, Спиноза честно заявляет, что, на самом деле, истинной свободой обладает лишь такая вещь, которая является причиной самой себя, т.е. субстанция или Бог. Но, доводя свои рассуждения до логического конца, он утверждает существование всеобщей и однозначной необходимости, сообразно которой все окружающие вещи не могли быть произведены Богом никаким другим способом и ни в каком другом виде, нежели они были произведены в материальной Вселенной. Следовательно, никакой свободы сознания, которая противопоставляется детерминизму человеческого бытия, в действительности не существует и существовать не может, поскольку даже Бог подчиняется строгой необходимости и не обладает истинной свободой воли. Другими словами, Бог в качестве субстанции, действительно, является причиной самого себя, но Его самодетерминация осуществляется в соответствии с предустановленным порядком идей, который, в свою очередь, обусловливает предустановленный порядок вещей.

Поэтому, говоря о свободе человека в рамках детерминистской теории, мы, в конечном итоге, имеем дело с философской спекуляцией, а не с реальным феноменом экзистенции, который предполагает наличие осознанного выбора, противостоящего причинной обусловленности физического порядка. В свою очередь, отрицание свободы как реального феномена экзистенции и провозглашение тотальной детерминированности человеческого поведения (пусть даже такая детерминированность носит неклассический характер) с неизбежностью приводит к проблемам этического и нравственного толка. В самом деле, если осознанный выбор является бессознательно детерминированным (в случае причинности класси-

ческого типа) или бессознательно индетерминированным (в случае причинности неклассического типа), то человек оказывается онтологически (экзистенциально) несвободным существом, а его «свободное» поведение редуцируется к природным процессам закономерного или случайного характера. Отсутствие свободы указывает на отсутствие ответственности, ибо бессмысленно говорить об ответственности бессознательного существа за совершаемые поступки, в то время как его поведение подчиняется лишь совокупности программ и алгоритмов без непосредственного участия сознательной воли. Отрицание ответственности, в свою очередь, не позволяет вести речь о справедливом наказании человека в отношении поступков, которые не определяются осознанным выбором и обусловливаются, в конечном счете, факторами, не зависящими от ментального опыта.

Либертаризм (либертарианство) в отличие от детерминизма опирается на иные онтологические основания и возвращает человеку экзистенциальную сущность, утверждая, что все мыслящие и сознающие существа обладают свободой выбора и могут совершать поступки, не детерминированные во всей своей полноте процессами физического порядка. Согласно классификации американского философа Р. Кларка, либертарианские теории свободы, устанавливающие причинную связь между ментальными феноменами и поступками сознающего субъекта, можно разделить на два типа: теории событий-причин (событийные теории) и теории агентов-причин (агентные теории) [244]. *Теории событий-причин* утверждают, что ментальные события являются причинами физических событий (поведенческих реакций сознающего субъекта). *Теории агентов-причин* предполагают наличие активного центра ментальной жизни – индивидуального Я, которое может самостоятельно изменять закономерный (ассоциативный) поток внутренне переживаемых психических феноменов.

Последовательное рассмотрение теорий событий-причин приводит к постановке вопроса относительно причин самих каузально эффективных ментальных событий. Если искомые причины располагается в области физических событий, то свобода воли как реальный феномен исчезает, и мы занимаем позицию детер-

[244] Clarke R. Libertarian accounts of free will. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 57-71.

минизма. Если они располагаются в области ментальных событий, то можно говорить об имманентной ментальной каузации, в соответствии с которой одно ментальное событие является причиной другого. Однако и в этом случае нельзя говорить о свободе воли, поскольку участие в поведенческой активности самого сознающего субъекта сводится к нулю. На физическом уровне бытия существует причинно-следственная цепочка физических событий, а на ментальном уровне бытия аналогичным образом существует причинно-следственная цепочка ментальных событий. Каждая из этих цепочек детерминирована в классическом или неклассическом смысле, в силу чего сознающий субъект оказывается неспособным повлиять на собственное поведение, что лишает его личной ответственности, а вместе с ней и свободы воли. Существует также и третий вариант, согласно которому, по крайней мере, отдельные ментальные события происходят спонтанно, случайно, беспричинно. Но тогда опять-таки свобода воли исчезает, поскольку никакой личной ответственности за бесконтрольно возникающие переживания в качестве причин поведенческих реакций сознающий субъект нести не может.

В отношении теории агентов-причин остается непонятным, каким образом можно вписать в физический мир индивидуальное Я сознающего существа, не потеряв его каузальной эффективности и одновременно не утратив каузальную замкнутость физических событий. В рамках либертаризма сознание извлекается из причинно-следственных взаимосвязей природы и не сводится к механистичным алгоритмам поведения, что позволяет сохранить духовную компоненту человеческого бытия. Однако такой подход, начинающий рассуждения с противоположной аксиомы, которая защищает свободу в отличие от необходимости, при его последовательном развитии заставляет нас отказаться от материалистической онтологии, признавая, по крайней мере, у отдельных поступков, наличие нематериального источника, который имеет самостоятельное существование и не порождается физическими процессами. Либертарианская концепция сталкиваемся с серьезными проблемами, обусловленными нарушением принципа каузальной замкнутости физического мира, ибо свобода воли выступает в качестве источника аномальных

физических событий, которые происходят в окружающем мире, но не могут быть объяснены средствами физической теории.

Согласно *компатибилизму* сознание, с одной стороны, не встраивается в причинно-следственные взаимосвязи природы, а, с другой стороны, сохраняет свободу воли, не сводимую ни к каким детерминирующим факторам физического мира. Иными словами, компатибилизм непротиворечивым образом совмещает учение о свободе воли с детерминизмом. Как говорит В.В. Васильев в своей статье «В защиту классического компатибилизма», «если я компатибилист, то даже если окажется, что мы живем в детерминистическом универсуме, я все равно буду говорить о реальной возможности свободы воли»[245]. При этом возникает опасность концептуальных спекуляций, которые в результате удобного переопределения понятий уходят в сторону от реальных феноменов и лишь создают видимость решения проблемы существования свободы сознающего субъекта в физически детерминированном мире.

Американский философ П. ван Инваген, используя аргумент последствий, доказывает, что детерминизм несовместим со свободой воли и моральной ответственностью[246]. Суть этого аргумента сводится к тому, что если детерминизм истинен, то наше состояние в данный момент времени, в том числе, и наш характер, является следствием давно минувших событий, на которые мы повлиять не можем, а, значит, то, что мы представляем собой, и то, как мы ведем себя, от нас самих не зависит. Другой американский философ Д. Перебум тоже пытается доказать несовместимость детерминизма со свободой воли и моральной ответственностью, используя манипулятивный аргумент, суть которого сводится к следующему[247]. Если ученые будущего смогут вмешиваться в функционирование мозга, минуя сознательный контроль, чтобы склонить человека к определенному поведению, то мы должны будем согласиться, что при таком манипулятивном вмешательстве подопытного субъекта нельзя считать свободным и несущим ответствен-

---

[245] Вопросы философии. 2016. № 2. С. 66.
[246] Van Inwagen P. The Incompatibility of Free Will and Determinism. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2009. P. 213-227.
[247] Pereboom D. Living Without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 50-55.

ность за совершаемые поступки. При этом неважно насколько во времени отстоит акт манипулятивного вмешательства от насильственно спровоцированных действий, пусть даже подобное вмешательство было реализовано, когда подопытный субъект еще находился в утробе матери, ибо последний в настоящем моменте времени на сознательном уровне бытия не контролирует свои истинные мотивы. Сравнивая в мысленном эксперименте вмешательство ученых будущего с детерминистским влиянием окружающей среды, мы приходим к выводу, что в действительности никакой свободы воли и моральной ответственности не существует.

В современной аналитической философии пытаются справиться с похожими аргументами, переопределяя понятие свободы. Например, ее можно отождествить, как это предлагает американский философ А. Меле, с отсутствием внешнего принуждения. Однако данный подход, по сути, не решает проблему, оставляя непонятным, как возможна свобода сознающего субъекта, когда он не испытывает на себе внешнего принуждения, в физически детерминированном мире, ибо, признавая каузальную замкнутость физического мира, мы должны выделить два типа причинности – внешнюю и внутреннюю, определяя вторую, как проявление свободной воли. В этих рассуждениях нет логического противоречия, но они не позволяют объяснить, за счет чего именно сознающий субъект несет ответственность за поступки, которые случаются в силу независящих от него обстоятельств (внешнего или внутреннего порядка). Мы можем сказать, что они связаны с индивидуальным характером, но если сам характер формируется по независящим от человека причинам, то моральная ответственность опять-таки бесследно исчезает. Э. Фромм по этому поводу пишет: «Большинство людей убеждено, что если их не принуждает открыто какая-либо внешняя сила, то их решения – это их собственные решения, и если они чего-то хотят, то это их собственные желания. Такое представление о себе – одна из величайших наших иллюзий. На самом деле значительная часть наших желаний фактически навязана нам со стороны; нам удается убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, гонимые страхом изоляции или

даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни»[248]. Поэтому, чтобы сохранить свободу воли и моральную ответственность в физически детерминированном мире мы должны не переопределять понятия, уходя тем самым от подлинного решения проблемы в концептуальные языковые игры, а четко указать в самом материальном устройстве окружающего мира такие закономерности и процессы, которые допускают существование событий, не вписывающихся в причинно-следственные связи физического характера и контролируемые сознающим субъектом при условии, что сохраняется каузальная замкнутость физического мира и эпистемологическая полнота физики.

В.В. Васильев доказывает, что свобода воли, сущностно связанная с моральной ответственностью, не противоречит детерминистской (классической) картине мира, благодаря следующей аргументации: 1) свобода воли предполагает возможность выбора, 2) реализация выбора определяется решением сознающего субъекта, 3) поэтому свобода воли существует, если изменение решения с необходимостью влечет за собой изменение поступка, 4) поскольку в данном случае одно и то же решение (одно и то же ментальное состояние) не может быть причиной разных поступков (разных физических состояний), то свобода воли совместима с детерминизмом (классического типа). Однако возникает закономерный вопрос: что является причиной решения, повлекшего за собой определенный поступок? Если причина решения бессознательна, то сознающий субъект не может нести ответственность за совершаемый поступок, ибо на ментальном уровне бытия не контролирует его истинную причину. Если же причина решения сознательна, то ее нельзя полностью объяснить процессами бессознательного характера, а, значит, при одинаковом состоянии бессознательной психики возможны разные варианты сознательных решений. Поскольку же, с одной стороны, бессознательная психика укореняется в энергоинформационных состояниях головного мозга, а, с другой стороны, разные решения приводят к разным поступкам, то детерминизм классического типа нарушается, ибо одни и те же энергоинформаци-

[248] Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. С. 206-207.

онные состояния головного мозга могут быть причиной разных поведенческих реакций.

В диалектическом материализме так же, как и в детерминистской философии Бенедикта Спинозы, свобода приравнивается к осознанной необходимости, но уже в том смысле, что свободная личность, осознавая объективные закономерности общественного и индивидуального развития, принимает их и следует им вопреки сиюминутным и эгоистичным тенденциям. По этому поводу советский философ Э.В Ильенков пишет: «Абсолютная свобода – абсолютно полное согласие действий человека с совокупной мировой необходимостью. Реальному, земному человеку до этого, разумеется, очень далеко, но направление, двигаясь по которому он может достигать все большей и большей свободы (единственно доступной ему свободы), этим очерчено совершенно точно и однозначно»[249].

Тут опять-таки возникает соответствующий вопрос: каким образом возможно противиться объективным закономерностям общественного и индивидуального развития личности, если само по себе такое сопротивление означает наличие других закономерностей, отличных от тех, которым подчиняется естественный ход событий в силу совокупной мировой необходимости? Ведь если эти сверхприродные (метафизические) закономерности не укореняются в природных (физических), то помимо природного начала у окружающего мира существует еще и иное, неприродное, из которого, собственно говоря, и вытекают закономерности вышеуказанного сопротивления. Если же все-таки они имеют природный (физический) характер, то остается непонятным, почему мы одним природным закономерностям искусственным способом противопоставляем другие, а не рассматриваем их в онтологическом единстве подобно тому, как гравитации и давлению света внутри звезды, которые находятся в противоборстве, мы приписываем единую материальную сущность.

Диалектически ориентированные материалисты отвечают на этот вопрос, апеллируя к тому, что в процессе эволюции человека формируется социокультурный слой бытия, который, с одной стороны, уже не является чем-то природно-

[249] Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 105.

физическим, а, с другой стороны, именно он и отвечает за осознанный выбор мыслящего и духовного существа. Вместе с этим они признают, что в основе социокультурного бытия лежат процессы природно-физического характера, которые, во-первых, являются онтологически первичными, а, во-вторых, раскрывают сущность объективно-материальной организации мира. Другими словами, социокультурные события онтологически надстраиваются над природно-физическими, будучи производными по отношению к ним, хотя не исключается обратное влияние духовных феноменов на события природно-физического порядка. Тем не менее, в конечном счете, надстраиваемое бытие не противоречит бытию фундаментального порядка, а сводится к нему как к своей изначальной онтологической основе. Например, законы термодинамики, описывающие поведение большого скопления элементарных частиц, не противоречат законам квантовой физики, которым подчиняется поведение каждой элементарной частицы в отдельности. Поведение газа как макроскопического объекта описывается уравнениями термодинамики, тогда как, в принципе, оно может быть описано и в виде комплекса элементарных частиц, взаимодействующих друг с другом в соответствии с законами квантовой механики (хотя такое описание и будет существенно более громоздким, нежели термодинамическое). Между двумя разными описаниями единого материального объекта не существует никакого противоречия, поскольку иначе физика как наука потеряла бы свою полноту и целостность. Таким образом, если мы не хотим впасть в формально-логическое (а не диалектическое) противоречие, то должны признать, что всю сферу социокультурного бытия, в принципе, можно непротиворечивым образом описать и с помощью эволюционно-биологических законов, а те, в свою очередь, свести к законам биохимического характера, и, двигаясь далее вглубь бытийной основы природного мироздания, прийти, в конечном итоге, к квантовому взаимодействию элементарных частиц. Чем более глубокие онтологические корни социокультурных (высокоуровневых) феноменов мы начнем рассматривать, тем более сложный и запутанный вид примет их физическое (низкоуровневое) описание, которое, возможно, никогда не станет доступным ни когнитивным способностям человека, ни продвинутым компьютерам бу-

дущего. Следовательно, социокультурное бытие редуцируется к физическому, поскольку оно не может заключать в себе ничего такого, что не было бы каузально связанным с его изначальной онтологической основой.

Проблема существования человеческой свободы напрямую связана с принципом каузальной замкнутости физического мира, поскольку если мы утверждаем, что человек обладает подлинной (реально существующей) свободой выбора, то это фактически означает, что знания всей совокупности физических фактов, имеющих отношение к бытию человека в данный момент времени, недостаточно, чтобы спрогнозировать его дальнейшее поведение (как в классическом, так и в неклассическом смысле). В противном случае свобода воли оказывается иллюзией, и поведение человека полностью детерминируется физическими процессами, которые протекают внутри человеческого тела и в окружающей среде. Если мы говорим, что свобода воли существует как реальный феномен, то, во-первых, материализм оказывается ложной теорией, и, во-вторых, нарушается принцип каузальной замкнутости физического мира. Первый вывод обусловливается тем, что согласно материалистической точке зрения совокупность физических данных об окружающем мире должна исчерпывать все возможные данные вообще, поскольку любое событие в своей онтологической основе имеет физическую природу. Однако существование свободы не позволяет из всей совокупности физических данных вывести поведение человека, откуда следует ложность материалистической концепции, ибо некоторые факты оказываются лишенными физической основы. Второй вывод опирается на то, что если человек обладает истинной (реально существующей) свободой выбора и может совершать поступки, не детерминированные совокупностью физических фактов, то это означает, что некоторые физические события имеют нефизическую причину, и, следовательно, физическая энергия возникает из ниоткуда, в результате чего с научной точки зрения мы приходим к недопустимой ситуации.

При этом следует понимать, что проблема свободы воли в рамках материалистической картины мира не решается ссылкой на случайный характер физических событий, поскольку случайность (как именно непредсказуемость будущего

поведения рассматриваемой системы) и свобода (как именно возможность осознанного и самостоятельного выбора) – два разных и не сводимых друг к другу явления. Еще античности Эпикур видел онтологическую основу свободы в случайном отклонении атомов, из которых состоит человеческое тело. Австралийский нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине Д. Экклз совместно с немецким физиком Ф. Беком занимают позицию, согласно которой квантовая неопределенность событий объясняет существование свободного выбора[250]. В античности Эпикур видел онтологическую основу свободы в случайном отклонении атомов, из которых состоит человеческое тело. А.А. Гриб также апеллирует к квантовому детерминизму с целью объяснения свободы воли. По его мнению, «кроме случайности, наблюдаемой нами в микромире и обусловленной в конечном счете сознанием, есть еще другая случайность, проявляющаяся в макромире и в первую очередь в нашем теле, которую мы называем свободой воли и связанная с чувством ответственности за наши поступки. Эта свобода воли есть свойство нашего эмпирического я, а не абсолютного Я… Именно я как Андрей с этим телом ответственен за тот или иной поступок. С другой стороны, я не чувствую никакой ответственности за распад ядра урана или попадание электрона в ту или иную точку экрана. Следуя фон Нейману, мы должны были бы сказать, что это “разделение ответственности” обусловлено несовпадением эмпирического я и абсолютного субъекта». При этом свобода воли человека как сложно устроенной квантовой системы задается индетерминированностью микроскопических процессов, что подтверждается следующими словами: «Электрон обладает полной свободой выбора в рамках предоставленного ему волновой функцией множества разрешенных точек»[251]. С точки зрения квантово-информационной онтологии такие пассажи признаются ложными, поскольку электрон движется индетерминированно только в соответствии с продольной (физической) причинностью, тогда как с учетом поперечной (информационной) причинности его поведение оказывается строго детерминированным.

---

[250] Beck F., Eccles J. Quantum aspects of brain activity and the role of consciousness // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 1992. Vol. 89. P. 67-84.
[251] Гриб А.А. Квантовый индетерминизм и свобода воли // Философия науки и техники. 2009. Т. 14. № 1. С. 6.

Британский математик Джон Конвей и канадский математик Симон Кошен сформулировали усиленную теорему о свободе воли, согласно которой в определенных условиях поведение элементарной частицы не может быть описано в виде функции от физического состояния окружающего мира в предшествующий момент времени в любой инерциальной системе отсчета, откуда следует, что рассматриваемое поведение элементарной частицы является свободным[252]. Однако в данном случае можно привести справедливое возражение Теда Хондриха, связанное с тем, что случайность и неопределенность в лучшем случае могут объяснить индетерминированность и непредсказуемость человеческого поведения, но никак не свободу воли в виде самодетерминированности сознания. Случайное поведение не тождественно свободному, ибо последнее предполагает осознанность и, как следствие, ответственность за совершаемые поступки. Ведь никто не станет утверждать, что поведение робота, управляемого генератором случайных чисел, является не просто непредсказуемым, но еще и свободным, т.е. осознанным и ответственным.

Таким образом, если мы хотим остаться на позициях материализма, то следует признать, что свобода как возможность противодействовать обусловливающим факторам физического мира, которые детерминируют внутренне переживаемую психическую жизнь, является фикцией и в качестве реального феномена не существует. По этому поводу С. Прист замечает, что «ментальная жизнь, которая присуща каждому из нас, представляет собой, в соответствии с большинством современных вариантов материализма, серию физических событий, т.е. ряд электрохимических процессов в мозге»[253]. Значит, свободы воли не существует, и поведение человека управляется не сознательными, а бессознательными и непсихическими (физическими) процессами.

Экспериментальные исследования профессора Калифорнийского университета Б. Либета доказывают, что человек осознает свои желания и побуждения через несколько миллисекунд после того, как его мозг на бессознательном уровне

---

[252] Conway J., Kochen S. The Free Will Theorem // Foundations of Physics. 2006. № 36. P. 1441-1473.
[253] Прист С. Теории сознания. М., 2000. С. 97.

формирует потенциал готовности к соответствующим действиям[254]. Поэтому бессознательное принимает решение раньше, нежели оно фиксируется в сознании субъекта. Некоторые мыслители (например, С. Блекмор и Д. Вегнер) сделали отсюда вывод, что сознание в действительности ничего не выбирает, а лишь свидетельствует постфактум собственно то, что уже было выбрано на бессознательном уровне бытия, и, следовательно, свобода воли является иллюзией. Данная точка зрения свойственна эпифеноменалистской теории, в рамках которой сознание продуцируется мозгом, но со своей стороны не действует на процессы, протекающие в физическом теле человека. Однако при этом остается непонятной эволюционная ценность сознания, ибо последнее оказывается бесполезным довеском к процессам бессознательного характера.

Результаты исследований Б. Либета были поставлены под сомнение рядом философов и ученых-естествоиспытателей. Французский экспериментатором А. Шургер пришел к выводу, что потенциал готовности, на самом деле, не отражает сущности будущего решения, а представляет собой белый шум, вызванный случайными электрическими колебаниями в нейронных сетях головного мозга. Американский невролог Э. Эммонс, предположив, что наш мозг кодирует временные интервалы с помощью потенциала готовности, объяснил его появление в экспериментах Б. Либета за счет того, что испытуемые отслеживали время, необходимое для принятия решений.

Понимание сознания в качестве «тени» физических процессов, протекающих в головном мозге человека, обесценивает его как экзистенциальный феномен. Оно становится излишним каузально пассивным «аккомпанементом», который не играет существенной роли в жизни человека, ибо осмысленные решения генерируются бессознательной психикой, тогда как на сознательном уровне бытия фиксируется готовый результат, ошибочно принимаемый за акт свободной воли. Если мы стоим на материалистических позициях, то не станем отрицать, что поведение человека управляется физическими процессами, протекающими в нейронных сетях головного мозга, которые мы не осознаем и не контролируем, а, следователь-

[254] Libet B. Do We Have Free Will? // Journal of Consciousness Studies. 1999. № 8. P. 47-57.

но, мы не осознаем и не контролируем фундаментальные причины наших поведенческих реакций, что элиминирует феномен свободы из сферы человеческого бытия.

Несмотря на результаты собственных экспериментов, Б. Либет полагал, что свобода воли существует и заключается в способности субъекта прекратить действие, соответствующее потенциалу готовности, сформированному на уровне бессознательной психики. А. Меле, интерпретируя экспериментальные данные, полученные в исследованиях Б. Либета, предлагает различать побуждения, желания и решения, первые из которых имеют бессознательный характер и соответствуют нейрофизиологическим потенциалам готовности, вторые имеют сознательный характер и представляют собой осознание нейрофизиологических побуждений, сформированных на бессознательном уровне бытия, и третьи также имеют сознательный характер и сводятся к ментальным актам, принимающим или блокирующим реализацию нейрофизиологического потенциала готовности. Однако схожие выводы Б. Либета и А. Меле о существовании человеческой свободы имеют под собой разную онтологию, ибо Б. Либет, будучи дуалистическим либертарианцем, рассматривает в качестве носителя психических переживаний некое гипотетическое ментальное поле, субстанциально не сводимое к материальности головного мозга и связывающее в единое онтологическое целое совокупность нейрофизиологических процессов, тогда как А. Меле, будучи натуралистическим компатибилистом, утверждает, что человек остается свободным даже при условии полной детерминации психических переживаний со стороны физических (нейрофизиологических, биохимических и биоэлектрических) процессов, протекающих в коре головного мозга.

Философская позиция Б. Либета уводит в сторону от материалистического мировоззрения, признавая дуализм субстанциального типа. Однако позиция А. Меле тоже не может считаться удовлетворительной, поскольку она, по сути, представляет собой интеллектуальную спекуляцию, которая маскирует физико-химический детерминизм под личиной свободы, понимаемой как феномен не психического, а морального или юридического порядка, т.е. феномен, обуслов-

ленный не спонтанной активностью сознания, а отсутствием внешнего принуждения. Ведь решение, источником которого является свободная воля сознающего субъекта, обусловливается нейрофизиологическим потенциалом готовности, связанным с желанием (побуждением) принять «ответственное» решение, поскольку в противном случае мы субстанциально отрываем сознание от физико-химического субстрата мозга и тем самым вслед за Б. Либетом перемещаемся в сторону субстанциального дуализма.

Квантово-информационная специфика бытия сознания позволяет сохранить свободу воли в виде подлинного феномена, а не интеллектуальной спекуляции, скрывающей детерминированность физико-химическими факторами, без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира за счет, во-первых, энергоинформационного принципа, который утверждает, что со всяким физическо-химическим событием коррелируют информационные данные, и, во-вторых, теории поперечной информационной причинности, согласно которой ментальные события не встраиваются в причинно-следственные цепи физико-химического порядка, но влияют на коллапс суперпозиции возможных физико-химических состояний, что обусловливает свободный выбор одной из потенциально существующих причинно-следственных цепей. В рамках квантово-информационной модели сознание признается энергетически пассивным свидетельствованием внутренней психической жизни человека, но это не лишает его способности к свободному выбору, поскольку оно, с одной стороны, будучи невещественным и субъективным, не оказывает энергетического воздействия на вещественные и объективно существующие процессы физического свойства, которые протекают в соответствии со своими исключительно физическими причинами, но, с другой стороны, влияет на физические процессы, не будучи их непосредственной онтологической причиной. Американский физик Ю. Сквайрс предлагает схему ментальной каузации без энергетического влияния на события физического порядка, суть которой заключается в том, что сознание обусловливает выбор одного из вариантов суперпозиции состояний головного мозга. Например, туннельный переход атома ка-

кого-то физиологически активного вещества из одного нейрона в другой может быть обусловлен информационным содержанием ментальных процессов.

Сознание воздействует не на физическое сущее как таковое, а на суперпозицию возможных состояний, каждое из которых, в том числе и отмеченное сознанием, детерминируется процессами физического порядка. И тот факт, что осознанные решения за несколько миллисекунд до их осознанного свидетельствования принимаются на бессознательном уровне психики, нисколько не противоречит наличию у человека свободы воли, если учесть, что бытие сознания подчиняется принципам квантовой онтологии и поэтому ему свойственны эффекты, связанные с запаздывающим выбором, в рамках которого определенность прошлого детерминируется определенностью будущего. Как замечает А. Шимони в своей статье «Реальность квантового мира», данное положение дел обусловливается не тем, что квантовые эффекты допускают изменение прошлых событий, а тем, что объективное состояние квантовых систем до аккумулирования необходимого количества информации остается неопределенным[255]. В соответствии с принципами квантовой онтологии осознанный выбор оказывает влияние на предшествующие во времени процессы бессознательного характера, существующие в виде суперпозиции множества потенциальных состояний, что, с одной стороны, сохраняет свободу воли, а, с другой, исключает воздействие ментального опыта на физические события с присущим такому воздействию производством физической работы. Р. Пенроуз, анализируя взаимодействие между сознанием и телом, также указывает на «нелокальный разброс во времени, придающий связи сознательного восприятия с физическим временем некоторую неустранимую размытость»[256].

Д. Мосбридж из Северо-Западного университета на конференции по теме «Наука о сознании» («The Science of Consciousness») в апреле 2016 года, в Аризоне, в г. Тусон рассказала об экспериментах, где испытуемые демонстрировали предчувствие, которое доказывает, что бессознательное психическое имеет до-

[255] В мире науки. 1988. № 3. С. 27-28.
[256] Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. С. 302.

ступ к будущим событиям[257]. Данное положение дел может быть объяснено в рамках квантово-информационной модели сознания, если учесть, что квантово-запутанные события имеют не только топический, но и темпоральный характер, т.е. совокупность объектов, разделенных во времени, представляет собой единое онтологическое целое до того момента, пока не произошел переход из возможного бытия (неопределенного) в действительное (определенное).

Кроме этого, квантово-информационная специфика бытия сознания позволяет объяснить интегрированный (голографический) характер ментального опыта в отношении его нейрофизиологической подложки, т.е. наличие каузальных связей между физически сепарированными комплексами нейронов, что сохраняет феноменальное единство психического опыта даже в ситуации разделенного мозга или отсутствия каких-то его значимых частей. С целью решения данной проблемы Б. Либет предполагает существование ментального поля, которое «обеспечивает коммуникацию внутри церебральной коры без нейронных соединений и путей в коре»[258]. Однако квантовая онтология позволяет обойтись без столь экзотической гипотезы, укорененной к концепции субстанциального дуализма, ибо квантовый характер физических процессов, сопровождающих ментальную активность субъекта, допускает запутанные (несеперабельные) состояния физически сепарированных участков головного мозга. В частности, голографическая теория сознания разрабатывалась английским физиком Дэвидом Бомом и американским нейрофизиологом австрийского происхождения Карлом Прибрамом. Они утверждали, что мозг представляет собой голографическую структуру, отдельный элемент которой может содержать в себе информацию обо всей нейронной сети в целом, благодаря чему потеря значительной части мозга не всегда приводит к нарушению психической активности субъекта.

Согласно квантово-информационной модели сознания причинность материального мира имеет два основных измерения – физическое, или продольное (в рамках которого физическое событие является причиной и следствием по отно-

---

[257] Гинзбург Т. Репортаж о конференции по сознанию. URL: http://www.homo-ludens.me/stati/nedavnee/reportazh/ (дата обращения 30.04.2019).
[258] Libet B. Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness. Cambridge: Harvard University Press, 2005. P. 168.

шению к другим физическим событиям) и поперечное, или информационное (в рамках которого физическое событие является следствием по отношению к информационным событиям, обусловливающим выбор онтологической возможности из суперпозиции событий физического порядка). Используя продольную (физическую) и поперечную (информационную) причинность, удается решить, во-первых, психофизическую проблему, т.е. проблему отношения между сознанием и телом, и, во-вторых, проблему свободы воли, т.е. проблему осознанного выбора в рамках детерминизма физических процессов, которые обусловливают бытие человека, за счет признания того, что сознание детерминировано в продольном потоке физических событий, образующих каузально замкнутые причинно-следственные цепи (классического или неклассического типа), и самодетерминировано в поперечном расщеплении физических событий на множество альтернативных вариантов суперпозиции возможных состояний. В итоге квантово-информационная модель позволяет объяснить, каким образом сознание, имея нефизическую природу, активно участвует в становлении физических процессов, не будучи, тем не менее, их физической (энергетической) причиной.

Говорить о подлинной свободе сознающего субъекта можно лишь тогда, когда его поведение в каком-то отношении не является ни физически детерминированным (т.е. определенно предсказуемым в качестве результата необходимых физических процессов), ни физически индетерминированным (т.е. неопределенно предсказуемым в качестве результата случайных физических процессов), но оказывается самодетерминированным (т.е. существующим в качестве результата его внутренней ментальной активности, указывающей, что он сам выступает в качестве причины собственных действий), поскольку иначе свобода становится фикцией или, в лучшем случае, способом описания детерминированного или индетерминированного поведения человека. Например, мы можем сказать, что поведение человека является свободным тогда и только тогда, когда лежащие в его онтологической основе мотивирующие убеждения и ценности носят не интроецированный, а ассимилированный характер, т.е. не навязываются извне, а встраиваются в психическую целостность самосознающей личности. Однако если мы за-

дадимся вопросом о механизмах ассимиляции, которые позволяют человеку иметь не интроецированные, а ассимилированные чувства, желания и мысли, то придем к выводу, что они опять-таки должны действовать из имманентной сферы сознания, ибо в противном случае (т.е. в случае их бессознательного характера) стирается функциональная граница между ассимилированной и интроецированной мотивацией.

Имманентная сфера ментального опыта обусловливается активностью индивидуального Я, которое в процессе самосознания обеспечивает экзистенциальное единство психической жизни человека. Если нет индивидуального Я, обладающего каузальной эффективностью, то не может быть речи о свободе воли и моральной ответственности. В этих рассуждениях используется инкомпатибилисткий аргумент, который, как верно замечает В.В. Васильев в своей статье «Два тупика инкомпатибилизма», сводится к следующему: «если поступки индивида обусловлены какими-то факторами, за которые он не отвечает, он не отвечает и за сами поступки»[259]. Но может ли индивид отвечать за все факторы, послужившие причиной его поступков? Ответ на этот вопрос будет отрицательным, если мы признáем непрерывный характер причинно-следственных связей на ментальном уровне бытия или супервентность ментального на физическом в рамках классического детерминизма. С другой стороны, ответ будет положительным, если мы станем отрицать непрерывный характер причинно-следственных связей на ментальном уровне бытия или сохраним супервентность ментального на физическом в рамках неклассческого детерминизма. В первом варианте, исключающем непрерывный характер причинно-следственных связей на ментальном уровне бытия, мы допускаем разрывы в имманентной сфере ментальной каузации, когда отдельное ментальное событие не обусловливается предыдущим, а происходит само по себе, причем в онтологической основе такого разрыва не может лежать непрерывная причинно-следственная цепочка физических событий, поскольку иначе детерминизм остается на физическом уровне бытия. В свою очередь, отсутствие причинной обусловленности ментального события означает либо его случайность,

[259] Философско-литературный журнал Логос. 2016. Том. 26. № 5 (114). С. 182.

что, как было показано выше, несовместимо со свободой воли и моральной ответственностью, либо субстанциальность, что уводит нас в сторону от материалистической картины мира. Поэтому противоборство инкомпатибилисткому аргументу должно сводится к признанию супервентности ментального на физическом в рамках неклассического детерминизма, ибо тогда в каждый момент времени сохраняется возможность влияния особой ментальной структуры на выбор одного из суперпонированных вариантов бессознательных психических состояний, что согласуется с квантово-информационной моделью сознания.

Такой особой ментальной структурой, обеспечивающей свободу воли и моральную ответственность, является индивидуальное Я, которое, с одной стороны, может участвовать в осознанном коллапсе бессознательного психического материала, а, с другой стороны, не имеет субстанциальной природы, поскольку формируется в результате эволюции материальных систем на информационном уровне бытия. Зависимость индивидуального Я от физических процессов, протекающих в головном мозге и внешней среде, допускает присущую ему недетерминированную компоненту, обусловленную действием поперечной информационной причинности. Иными словами, свобода воли разумных существ объясняется способностью сознания к активному коллапсу бессознательной психики на ментальном уровне бытия, в отличие от поведения неразумных существ, чье сознание пассивно следует за потоком естественным образом коллапсирующих состояний бессознательного характера. В данном случае индивид не отвечает за все факторы, которыми обусловливаются его поступки, но отвечает за отдельные из них (причем такую ответственность нельзя элиминировать ссылкой на то, что сами эти факторы укореняются в иных факторах, за которые уже индивид ответственности не несет, ибо их онтологическая специфика сводится к тому, что они укореняются в настоящем моменте времени, когда в рамках поперечной причинности случается коллапс суперпозиции бессознательных психических состояний, не обусловленный в рамках продольной причинности никакими состояниями предшествующего периода), и если бы этой ответственности не было, то и поступки

были бы другими, а, следовательно, его личное участие оказывается существенным.

Таким образом, вопрос о человеческой свободе, в конечном счете, сводится к вопросу о бытии индивидуального Я в качестве источника и генератора собственных действий. Свобода воли, связанная с моральной ответственностью, укореняется в активности индивидуального Я, в его способности самостоятельно принимать решения, даже если эти решения не воплощаются в реальных поступках. Иными словами, условием свободы воли и моральной ответственности является, в первую очередь, свобода внутреннего выбора, а не внешнего действия. Данное положение дел наглядно показывает американский философ Д. Фишер в своей статье «Мой компатибилизм» («My Compatibilism») посредством мысленного эксперимента, когда избиратель намерен проголосовать за определенную политическую партию, но голосует за другую, ибо над его телом совершается насилие с помощью особой аппаратуры будущего[260].

В отношении сущности и существования индивидуального Я возможны четыре основные точки зрения: 1) элиминативистская, 2) психоаналитическая и 3) экзистенциальная.

Согласно *элиминативистской точке зрения* индивидуальное Я человека в качестве действительного элемента психики не существует. Оно есть миф, в который мы верим, и понятие, которое мы используем для репрезентации собственного поведения, но в действительности ему ничего не соответствует независимо от уровня человеческого бытия (физического, биологического, психологического или социального). Индивидуальное Я человека, по сути, сводится к каким-то характеристикам физического мира, например, к эмерджентным свойствам физиологических процессов, протекающих в головном мозге, функциональным взаимосвязям между отдельными нейронами или поведению биологического организма в целом. Во всех этих вариантах не остается места для свободной воли, поскольку

[260] The Philosophy of Free Will: Essential Readings from the Contemporary Debates. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 296-317.

активность сознания полностью сводится к активности физических структур, которые сознанием не контролируются.

Согласно *психоаналитической точке зрения* индивидуальное Я человека, в отличие от натуралистического подхода, укореняется не в физических процессах, а в процессах психологического характера, протекающих на бессознательном уровне психики. Другими словами, все действия, обусловленные активностью индивидуального Я человека, каузально зависят от опыта, не контролируемого сознанием, поскольку все то, что проявляется на ментальном уровне бытия, изначально существует в виде бессознательных переживаний. Исходя из того, что процесс осознания имеет бессознательные корни, можно утверждать, что 1) психическое не обладает самостоятельной активностью, которая носит физический характер и каузально сводится к нейронной активности головного мозга, или 2) психическое обладает самостоятельной активностью, которая носит бессознательный характер и, обладая феноменальным содержанием, каузально не сводится к нейронной активности головного мозга. В первом случае мы приходим к элиминативистскому пониманию феномена свободы, т.е. к его устранению в качестве самодетерминирующего фактора ментальной жизни человека. Во втором случае мы также теряем феномен свободы, поскольку утверждаем, что сознание само по себе ничего не контролирует и не участвует в принятии осознанных решений. Следовательно, все наши ментальные переживания детерминируются бессознательной психикой, а на сознательном уровне бытия (в соответствии с экспериментальными исследованиями Б. Либета) мы лишь фиксируем постфактум события, которые уже случаются на уровне бессознательной психики без непосредственного участия ментального субъекта. Поэтому свобода воли оказывается иллюзией, и мы ошибаемся, принимая за осознанный выбор решения, генерируемые на бессознательном уровне психического бытия.

Согласно *экзистенциальной точке зрения*, которая удовлетворяет рассмотренному выше экзистенциальному требованию и согласуется с квантово-информационной моделью сознания, индивидуальное Я человека обладает собственной онтологической активностью, которая полностью не сводится ни к фи-

зическим процессам, протекающим в головном мозге человека, ни к психическим процессам, имеющим бессознательный характер. Таким образом, сознанию присуща самодетерминированность, которая является необходимым условием свободы человеческого бытия. Однако в этом случае возникает вопрос, связанный с тем, каким образом становится возможным свободное (самодетерминированное) бытие ментального субъекта в рамках каузально замкнутого физического мира. Ответ на него без потери материалистических позиций дает теория квантово-информационного коррелятивизма, согласно которой в процессе эволюционного усложнения физических структур эволюционируют и соответствующие им структуры информационного порядка. В итоге, как было показано выше, формируется психическая информация, имеющая две неотъемлемые компоненты – сознательную (существующую в действительности) и бессознательную (существующую в возможности). Причем осознанность, которая реализует бессознательные переживания на ментальном уровне бытия, определяется количеством информации, накопленной во взаимодействии с другими ментальными субъектами, подобно тому, как реализация классического состояния физической системы зависит от количества информации, накопленной во взаимодействии с другими физическими системами. Поэтому чувство моральной ответственности, связанное со свободой воли, укореняются в социальном бытии человека.

Физические процессы, протекающие в головном мозге человека, участвуют в формировании ментальной информации лишь постольку, поскольку коррелируют с вероятностным распределением возможных состояний бессознательной психики, тогда как коллапс последних на сознательном уровне бытия определяется процессами информационного характера. На ментальном уровне бытия информационная причинность в результате процессов психической декогеренции и рекогеренции (т.е. взаимосвязи между ментальными переживаниями и суперпозицией бессознательных состояний психики) позволяет сознанию воздействовать на физические процессы, происходящие в теле человека, а уже через них – на физические процессы, которые происходят в окружающем мире. При этом сохраняется каузальная замкнутость физических событий, поскольку сознание лишь выбирает

варианты из набора потенциальных состояний бессознательной психики, каждый из которых, в конечном счете, коррелирует с нейронными процессами, протекающими в головном мозге человека.

На уровне операциональной информации действие поперечной причинности обусловливается информацией, накопленной в результате взаимодействия отдельных подсистем рассматриваемой материальной системы. Здесь объединяются два типа детерминизма (физический и информационный), в результате чего формируется энергоинформационный детерминизм, проявляющийся в переходе от квантовых состояний к классическим и, обратно, от классических состояний к квантовым. Физические и информационные процессы идут параллельно, причем информационные процессы определяются физическими в отношении существующей между ними коррелятивной связи, а физические процессы определяются информационными в отношении коллапса совокупности суперпонированных физических состояний. Физические и информационные события, происходящие с рассматриваемой материальной системой в данный момент времени, определяются предыдущими событиями (физического или информационного характера), поскольку все они принадлежат единой причинно-следственной цепочке классического или неклассического типа. Зная коррелятивную взаимосвязь между физическими и информационными процессами, на уровне операциональной информации можно строго предсказать по физическим процессам информационные и вероятностно предсказать по информационным процессам физические.

На уровне функциональной информации действие поперечной причинности обусловливается эмерджентными информационными данными, которые соответствуют ведущему (образцовому) состоянию рассматриваемой материальной системы. Ведущее (образцовое) состояние возникает в результате коллапса совокупности потенциальных состояний информационного типа. Здесь уже одни информационные события (соответствующие образцовому состоянию) влияют на другие информационные события (определяемые корреляцией с событиями физического типа), и это влияние не может быть редуцировано к динамике на физическом уровне бытия (что характерно для операционального уровня информации).

Зная коррелятивную взаимосвязь между физическими и информационными процессами, на уровне функциональной информации можно вероятностно предсказать по информационным процессам физические, но по физическим процессам нельзя предсказать информационные, соответствующие ведущему (образцовому) состоянию. Сколько бы мы не анализировали физическое устройство компьютера, мы не поймем заложенную в него программу, если не знаем программного кода. Здесь, по-прежнему, физические и информационные события, происходящие с рассматриваемой материальной системой в данный момент времени, определяются предыдущими событиями (физического или информационного характера) с тем лишь существенным отличием, что они уже не принадлежат единой причинно-следственной цепочке классического или неклассического типа, поскольку некоторые информационные события определяются сугубо информационными событиями и не могут быть предсказаны даже с определенной вероятностью по событиям физического характера.

На уровне психической информации действие поперечной причинности обусловливается метаинформационными данными, накопленными в результате взаимодействия репрезентирующей психической системы с репрезентируемыми физическими объектами окружающего мира. Если на уровне операциональной и функциональной информации причинно-следственные отношения между информационными событиями имеют строгий вид, то на уровне психической информации они становятся нестрогими, вероятностными. Возникает информационная неопределенность, обусловленная совокупностью суперпонированных потенциальных состояний в бессознательной сфере психического бытия, которая коллапсирует в единственное сознательное состояние классического типа. Поэтому поведению животных, обладающих психикой, присуща неопределенность, обусловленная внутренней ментальной активностью. Однако эту неопределенность поведения не следует отождествлять со свободой, ибо животные не обладают моральной ответственностью за демонстрируемые поведенческие реакции.

Наконец, на уровне социальной информации действие поперечной причинности обусловливается метаинформационными данными, накопленными в ре-

зультате взаимодействия репрезентирующей психической системы с другими репрезентирующими психическими системами. Здесь информационная неопределенность сменяется информационной непредсказуемостью благодаря тому, что метасимволические структуры, присущие разумным существам, формируют онтологический разрыв в причинно-следственных цепочках информационных событий. Поведение разумного существа невозможно предсказать даже с определенной вероятностью, зная все информационные состояния операционального и функционального типа, в которых находятся нейронные сети головного мозга. Такое вероятностное предсказание возможно лишь с ментального уровня бытия, который недоступен для стороннего наблюдателя и сам является результатом вероятностного предсказания. Таким образом, в сфере метасимволических структур индивидуального Я отдельные ментальные события каузально влияют на поведение человека, но сами не вписываются в причинно обусловленные цепочки ни на сознательном, ни на бессознательном уровне психики, что, тем не менее, не нарушает каузальную замкнутость физического мира и не привносит в него физических событий, не объяснимых с точки зрения законов физического бытия.

Поперечная информационная причинность обеспечивает возможность свободы как внешней непредсказуемости поведения на уровне психической информации, тогда как на всех остальных уровнях информационного бытия, которые не содержат метаинформационные данные, с информационными процессами коррелируют процессы физического порядка, отвечающие за причинность материальных событий. Другими словами, возможность свободы воли появляется лишь при условии, что информация коррелирует с информацией, а не энергетической активностью материальных систем, в результате чего коллапс возможных состояний бессознательной психики осуществляется информационными данными, которые обеспечиваются не физическим взаимодействием элементов нейронных сетей головного мозга, а информационным взаимодействием элементов бессознательной суперпозиции психических переживаний. Однако осознание свободы и моральной ответственности за совершаемые поступки у психического субъекта формируется только на социальном уровне бытия. Благодаря поперечной информационной

причинности в сфере сознательного опыта возникает субъективно-феноменальная репрезентация окружающего мира в виде виртуальной психической реальности, которая может соответствовать объективному положению дел, а может и не соответствовать ему, но которая в любом случае определяет экзистенциально-символическую реальность человеческого бытия. Таким образом, квантово-информационная теория сознания позволяет непротиворечивым образом вписать экзистенциальную свободу человека в каузально замкнутую физическую Вселенную.

Выводы к главе 4

В четвертой главе диссертационного исследования 1) обосновывается онтологическая возможность возникновения сознания как закономерного этапа эволюции информационных систем, 2) рассматриваются особенности бытия сознательных и бессознательных феноменов психики, 3) анализируется эволюционная проблема сознания, 4) вскрываются ментальные параметры и функции сознания, 5) выстраивается квантово-информационная теория свободы.

На основании полученных результатов можно сделать следующие существенные выводы:

1. Эволюционный переход с физического уровня бытия, коррелирующего с информацией операционального типа, на биологический уровень бытия становится возможным благодаря образованию функциональной информации, которая представляет собой информационные данные эмерджентного характера.

2. Эволюционный переход с биологического уровня бытия, коррелирующего с информацией функционального типа, на психический уровень бытия становится возможным благодаря образованию метаинформационных данных психики.

3. Эволюционный переход с психического уровня бытия, коррелирующего с данными метаинформационного типа, на социальный уровень бытия становится

возможным благодаря образованию метасимволического уровня саморепрезентации сознающего субъекта во взаимодействии с другими сознающими субъектами.

4. Операциональная и функциональная информация подвергается логико-вычислительному моделированию, тогда как информация психического и социального типа не представима в виде последовательности логико-вычислительных процедур.

5. Три основные функции сознания (фильтрация, редукция и амплификация) реализуются в рамках топографического единства психики и не могут быть реализованы функциональным изоморфом, который психикой не обладает, но имитирует копируемые поведенческие паттерны сознающего субъекта.

6. В рамках квантово-информационной модели ментального опыта сознательная психика открывается из позиции трансцендентального наблюдателя как результат декогеренции множества психических переживаний бессознательного характера, а бессознательная психика открывается из позиции имманентного наблюдателя как результат рекоренции множества психических переживаний сознательного характера.

7. Бессознательная психика существует в возможности как суперпозиция психических переживаний, тогда как сознательная психика существует в действительности как реализованное ментальное состояние из множества возможных состояний бессознательного порядка.

8. Бессознательная психика определяется в пространстве осознанной интерпретации, существуя до онтологического коллапса в виде распределения возможностей психического опыта, что позволяет объяснить множественность несовместимых психических онтологий.

9. Сознанию человека присущи четыре основных этапа онтогенетического развития (от простейших животных форм до высших форм социального типа): ассоциативное знание в модусе непонимающего сознания, диссоциативное знание в модусе непонимающего сознания, диссоциативное понимание в модусе понимающего сознания и ассоциативное понимание в модусе понимающего сознания.

10. Более разнообразное и адаптивное поведение систем, обладающих переживаемым изнутри психическим опытом, обеспечивается параллельным ходом процессов декогеренции и рекогеренции в отличие от систем, которые управляются функциональной информацией и для которых характерно последовательное развитие процессов декогеренции и рекогеренции.

11. В онтологической основе ментальной каузации и свободы психического субъекта лежит поперечная информационная причинность, действующая на сознательном уровне бытия.

12. Осознание свободы и связанная с ним ответственность за собственные поступки у психического субъекта возникают только на социальном уровне бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках современного естественнонаучного знания окружающий мир возник в результате Большого взрыва, который представлял собой физический процесс, описываемый законами физической науки. По мере эволюционного развития Вселенной физические системы преобразовывались в биологические (управляемые генетической информацией), биологические – в психические (обладающие внутренне переживаемым субъективным опытом), психические в социальные (конструирующие интерсубъективные символические миры культуры, религии, науки и искусства). Соответственно возникает вопрос: каким образом физические системы могут прождать нечто нефизическое (психическое и социальное), если их эволюция управляется двумя фундаментальными принципами, опирающимися закон сохранения энергии, – принципом каузальной замкнутости физического мира (согласно которому физическое событие может иметь только физическую причину и только физическое следствие) и принципом эпистемологической полноты физики (согласно которому для объяснения и прогнозирования поведения физической системы достаточно физических законов, характеристик и свойств)?

Ответить на этот вопрос без нарушения незыблемого в современном естествознании закона сохранения энергии можно лишь благодаря энергоинформаци-

онному принципу, который расширяет понятие материи, представляя ее в виде онтологического единства энергии и информации. В соответствии с этим принципом не существует изменений энергетических состояний без изменения состояний информационного порядка, и не существует изменений информационных состояний без изменения состояний энергетического порядка. Информация не только в физическом, но и в феноменальном аспекте оказывается онтологической основой, допускающей возникновение нефизических феноменов в каузально замкнутом физическом мире. Поскольку же поведение физических систем, в конечном счете, редуцируется к поведению субатомных частиц, подчиняющихся законам квантовой механики, то теория, объясняющая переход от физического бытия к биологическому, от биологического к психическому, а от психического к социальному должна носит квантово-информационный характер.

Когерентная теория ментального опыта должна справляться с тремя важными проблемами – онтологической (касающейся возникновения нефизического сознания в физической Вселенной), психофизической (обусловленной взаимодействием нефизического сознания и физического тела) и экзистенциальной (связанной с возможностью свободного самоопределения сознающего субъекта). Первая проблема в рамках квантово-информационной модели решается за счет эволюционного перехода на информационном уровне бытия от операциональной информации к функциональной (благодаря появлению эмерджентных информационных данных в виде потенциально существующего образцового состояния), от функциональной к психической (благодаря образованию метаинформационных феноменов), и от психической к социальной (благодаря формированию метасимволического уровня информации). Вторая проблема в рамках квантово-информационной модели решается за счет введения продольной и поперечной причинности. Продольная причинность задает упорядоченный ход физических событий из прошлого в будущее, тогда как поперечная обусловливает реализацию на уровне действительного бытия единственного варианта из суперпозиции возможных состояний. Поперечная информационная причинность допускает влияние ментальных (нефизических) феноменов на физические процессы без нарушения принципов

каузальной замкнутости физического мира и эпистемологической полноты физики. Третья проблема в рамках квантово-информационной модели решается за счет того, что становление физических систем предполагает последовательное развитие процессов декогеренции (перехода из возможного бытия в действительное) и рекогеренции (перехода из действительного бытия в возможное), тогда как на уровне психического бытия эти процессы протекают параллельно (непроявленные психические состояния сохраняются на бессознательном уровне психики в виде квантовой суперпозиции и реализуются в виде проявленных сознательных состояний классического типа), что обеспечивает более разнообразное поведение психических систем в отличие от физических.

Квантово-информационная трактовка бытия сознания опирается, во-первых, на понимание информации как совокупности эндофеноменальных (внутренних) данных, коррелирующих с экзофеноменальной (внешней) системой отношений между физическими объектами, и, во-вторых, на четыре основных принципа квантовой онтологии – принцип суперпозиции (который заключается в том, что бытие квантового объекта носит потенциальный характер и представляет собой распределение возможностей находиться в том или ином энергоинформационном состоянии), принцип декогеренции (который обусловливается тем, что при взаимодействии с внешним окружением квантовая система из чистого состояния переходит в состояние смеси, характеризуемое произведением отдельных членов суперпозиции взаимодействующих объектов), принцип коллапса (который сводится к тому, что в результате наблюдения за поведением квантовой системы, т.е. ее взаимодействия с какими-то другими физическими системами окружающего мира, происходит разрушение пакета возможных состояний и остается одно единственное состояние, тогда как все остальные бесследно исчезают) и принцип целостности (согласно которому замкнутая в себе материальная система существует как единое непроявленное целое, которое разделяется на составные части лишь в результате взаимодействия с окружающими объектами).

Проведенное исследование показало, что 1) материю с целью объяснения бытия сознания следует понимать как онтологическое единство энергии и инфор-

мации; 2) квантово-информационная модель сознания успешно справляется с такими антиматериалистическими аргументами, как аргумент знания Ф. Джексона, аргумент мыслимости Р. Керка, а также аргумент разрыва в объяснении Д. Левина и Д. Чалмерса; 3) совмещение атрибутивистского понимания информации с принципами квантовой онтологии позволяет объяснить возможность возникновения и развития субъективно-ментального сознания в объективно-физическом мире; 4) квантово-информационная специфика сознания позволяет решить эволюционную проблему, показывая, какие именно особенности ментальной жизни субъекта делают его поведение более разнообразным и адаптивным, нежели поведение, осуществляемое на бессознательном уровне бытия; 5) разделение на продольную и поперечную причинность позволяет решить психофизическую проблему без потери феноменального контента сознания и нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира; 6) в рамках квантово-информационной модели сознания находит свое объяснение множественность психических онтологий.

В результате проведенного исследования 1) доказана эффективность квантово-информационной модели ментального опыта в плане понимания сущности сознания как части материалистической картины мира; 2) построена классификация информационных феноменов, позволяющая объяснить возникновение нефизического сознания в физическом мире; 3) преодолен онтологический и дескриптивный разрыв между ментальными и физическими событиями; 4) вскрыта квантовая сущность бессознательной психики; 5) совмещены в рамках единой философской теории уникальная онтология сознания и принцип каузальной замкнутости физического мира, что позволяет, не вступая в противоречие с непосредственным опытом сознающего субъекта, гармонично вписать ментальные феномены в научную картину мира; 6) прояснены эволюционно значимые функции сознательной и бессознательной психики; 7) разработана квантово-информационная теория ментальной каузации и свободы сознающего субъекта без нарушения принципов материалистической онтологии.

Перспективы дальнейшего развития квантово-информационной модели сознания видятся в следующем. Следует более углубленно раскрыть сущность ин-

формации, коррелирующей с бытием физического сущего, как именно информационных данных, а не физической величины, характеризующей степень упорядоченности физических структур и составляющей разность между максимальным значением энтропии и ее значением в данный момент времени. Более пристального внимания требуют онтологические основания атрибутивистского подхода, согласно которому информация «растворена» в материи и является ее неотъемлемой компонентой. Необходимо дальнейшее прояснение принципов квантовой онтологии, на которые опирается понимание бытия сознания как субъективно-ментальной целостности в объективно-физическом мире.

Следует более внимательно проанализировать переходы между операциональной, функциональной и психической информацией, особенно переход между функциональной и психической информацией, благодаря которому информационные процессы обретают субъективно-феноменальную компоненту, в результате чего формируется внутренне переживаемая реальность сознающего субъекта. Также необходимо разобраться в условиях и механизмах образования информационных целостностей эмерджентного типа (первичных смыслов) при переходе от операциональной информации к функциональной. Особо пристального внимания заслуживает поперечная информационная причинность, которая обеспечивает экзистенциальную свободу сознающего субъекта и позволяет решить эволюционную проблему сознания. Остаются до конца не проясненными функции и параметры сознания, а также механизмы взаимодействия сознательного и бессознательного (т.е., используя терминологию квантово-информационного подхода, механизмы взаимосвязи декогерированного ментального состояния и рекогерированного набора потенциальных состояний психики).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аблеев, С. Р. Когнитивная методология в исследованиях сознания: физикализм и психологизм / С. Р. Аблеев // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 200-202.

2. Александров, Ю. И. Субъективный опыт и культура / Ю. И. Александров, Н. Л. Александрова. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2009. – 320 с.

3. Алексеев, А. Ю. Понятие «зомби» и проблема сознания / А. Ю. Алексеев // Проблема сознания в философии и науке. – М.: Канон+, 2009. – С. 195-214.

4. Аллахвердов, В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания / В. М. Аллахвердов. – СПб.: Издательство «Речь», 2003. – 364 с.

5. Аллахвердов, В. М. Проблема сознания. Поиск путей решения / В. М. Аллахвердов // Мир психологии. – 2018. – № 2 (94). – С. 11-21.

6. Анохин, К. В., Зеркало для мозга. Биология разума займет главное место в науке 21 века / К. В. Анохин, Т. В. Черниговская // В мире науки. – 2008. – № 5. – С. 68-73.

7. Антипенко, Л. Г. Проблема физической реальности / Л. Г. Антипенко. – М.: Наука, 1973. – 234 с.

8. Антонов, Н. П. Происхождение и сущность сознания / Н. П. Антонов. – Иваново: ИГПИ, 1959. – 187 с.

9. Арбиб М. Метафорический мозг / М. Арбиб. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 304 с.

10. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63-369.

11. Армстронг, Д. М. Льюис и теория тождества / Д. М. Армстронг // Историко-философский альманах. – 2007. – № 2. – С. 227-231.

12. Аршинов, В. И. Проблема интерпретации квантовой механики и теорема Белла / В. И. Аршинов // Теоретическое и эмпирическое в современном физическом познании. – М.: Наука, 1984. – С. 213-233.

13. Асмолов, А. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.

14. Афанасьев, В. Г. Социальная информация / В. Г. Афанасьев. – М.: Наука, 1994. – 208 с.

15. Барышников, П. Н. Семантические процессы сознания: от вычислительных моделей к языковому опыту / Н. П. Барышников // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 3. – С. 96-114.

16. Барышников, П. Н. Феноменальное и вычислимое в структурах сознания / Н. П. Барышников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2017. – Т. 21. – № 2. – С. 229-239.

17. Батаева, Л. А. «Трудные проблемы» аналитической философии сознания / Л. А. Батаева, О. А. Олейник // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 56-68.

18. Бауместер, Д. Физика квантовой информации / Д. Бауместер, А. Экерт, А. Цайлингер. – М.: Постмаркет, 2002. – 376 с.

19. Безлепкин, Е. А. Квантово-механические процессы в структуре мозга: анализ теорий / Е. А. Безлепкин // Философия науки. – 2019. – № 3 – (82). – С. 101-111.

20. Безлепкин, Е. А. Классификация философских и эмпирических теорий сознания / Е. А. Безлепкин // Философия науки. – 2018. – № 4 (79). – С. 106-119.

21. Беляев, М. А. Что мы в действительности объясняем, когда пытаемся объяснить сознание? / М. А. Беляев // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2. – С. 47-51.

22. Бескова, И. А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ) / И. А. Бескова. – М.: ИФ РАН, 2001. – 268 с.

23. Бескова, И. А. Феномен сознания. / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.

24. Беркли, Д. Трактат о принципах человеческого знания / Д. Беркли // Сочинения. – М.: Мысль, 1978. – С. 149-249.

25. Бехтерева, Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека / Н. П. Бехтерева. – Л.: Медицина, 1974. – 152 с.

26. Блохина, Н. А. Двуаспектный аргумент в отстаивании дуализма свойств Дэвида Чалмерса / Н. А. Блохина // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 148-157.

27. Блохина, Н. А. Теория тождества в системе современных представлений о сознании / Н. А. Блохина // Философия сознания: история и современность. – М.: «Современные тетради», 2003. – С. 181-188.

28. Брентано, Ф. Избранные работы / Ф. Брентано. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. – 176 с.

29. Бунге, М. Несостоятельность психофизического дуализма / М. Бунге // Философские науки. Вып. 2. – М.: Гуманитарий, 1979. – С. 37-49.

30. Васильев, В. В. В защиту классического компатибилизма / В. В. Васильев // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 64-76.

31. Васильев, В. В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли / В. В. Васильев. – М.: URSS, 2017. – 198 с.

32. Васильев, В. В. Два тупика компатибилизма / В. В. Васильев // Философско-литературный журнал Логос. – 2016. – Том. 26. – № 5 (114). – С. 175-200.

33. Васильев, В. В. Как показать, что свобода воли не является иллюзией / В. В. Васильев // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. – М.: Аквилон, 2017. – С. 138-145.

34. Васильев, В. В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты / В. В. Васильев // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 86-95.

35. Васильев, В. В. Сознание и вещи. Очерк феноменалистической онтологии / В. В. Васильев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 240 с.

36. Васильев, В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 270 с.

37. Вейценбаум, Д. Возможности вычислительных машин и человеческий разум / Д. Вейценбаум. – М.: Радио и связь, 1982. – 369 с.

38. Величковский, Б. М. Когнитивная наука / Б. М. Величковский. – М.: Смысл; Академия, 2006. – 448 с.

39. Величковский, Б. М. От исследований сознания к разработке когнитивных технологий / Б. М. Величковский // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. – М.: Аквилон, 2017. – С. 37-58.

40. Велманс, М. Как отличить концептуальные моменты от эмпирических при изучении сознания / М. Велманс // Методология и история психологии. – 2009. – Том 4. – Вып. 3. – С. 42-54.

41. Веретенников, А. А. Функционализм и теория тождества / А. А. Веретенников // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 95-105.

42. Вильянуэва, Э. Что такое психологические свойства? Метафизика психологии / Э. Вильянуэва. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 266 с.

43. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М.: Наука, 1983. – 344 с.

44. Винник, Д. В. Квантовые теории сознания: метафизические спекуляции и конкретно-научное содержание / Д. В. Винник // Философия науки. – 2018. – № 3 (78). – С. 114-133.

45. Винник, Д. В. Основные проблемы современной философии сознания / Д. В. Винник // Философия науки. – 2010. – № 1. – С. 102-122.

46. Винник, Д. В. Сознание в физической реальности / Д. В. Винник. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – 211 с.

47. Винник, Д. В. Физическая и функциональная природа ментальных свойств и состояний: Автореф. … дис. д-ра филос. наук. / Д. В. Винник. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – 32 с.

48. Винник, Д. В. Физические, функциональные и ментальные состояния. Проблема соотношения / Д. В. Винник // Философия науки. – 2010. – № 2. – С. 92-104.

49. Волков, Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания / Д. Б. Волков. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 318 с.

50. Волков, Д. Б. Опровергает ли аргумент каузальных траекторий локальную супервентность ментального над физическим? / Д. Б. Волков // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2. – С. 166-182.

51. Встовский, Г. В. Элементы информационной физики / Г. В. Встовский. – М.: МГИУ, 2002. – 260 с.

52. Галантер, Ю. Планы и структура поведения / Ю. Галантер, Д. Миллер, К. Прибрам // История зарубежной психологии (30-е – 60-е годы XX века). Тексты. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – С. 97-117.

53. Гарнцева, Н. М. Антифизикалистские аргументы в учении Д. Чалмерса о сознании / Н. М. Гарнцева // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 93-105.

54. Гаспаров, И. Г. Представимость зомби и психофизическая проблема / И. Г. Гаспаров // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 121-127.

55. Гаспаров, И. Г. Современная аналитическая философия сознания: вызовы и решения / И. Г. Гаспаров, С. М. Левин // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2. – С. 5-19.

56. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – М.: Институт философии, 1959. – 487 с.

57. Гейзенберг, В. Физика и философия / В. Гейзенберг. – М.: Наука, 1989. – 132 с.

58. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.

59. Глушков, В. М. О кибернетике как науке / В. М. Глушков // Кибернетика, мышление, жизнь. М.: Наука. 1964. С. 53-62.

60. Головко, Н. В. Натуралистический поворот: научная метафизика и теория информации / Н. В. Головко // Сибирский философский журнал. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 13-36.

61. Головко, Н. В. Функционализм и психологизм / Н. В. Головко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 24-29.

62. Греймас, А. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Греймас, Ж. Фонтаний. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 336 с.

63. Гриб, А. А. К вопросу об интерпретации квантовой физики / А. А. Гриб // Успехи физических наук. – 2013. – Том 183. № 12. – С. 1327-1352.

64. Гриб, А. А. Квантовый индетерминизм и свобода воли / А. А. Гриб // Философия науки и техники. – 2009. – Т. 14. – № 1. – С. 5-24.

65. Гроф, С. Холотропное сознание: Три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь / С. Гроф. – М.: АСТ, 2002. – 267 с.

66. Грязнов, А. Загадка сознания / А. Грязнов // Логос. – 1999. – № 8 (18) – С. 78-89.

67. Гуревич, И. М. Информационные характеристики физических систем / И. М. Гуревич. – М.: РИФ «Антиква», 2009. – 170 с.

68. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука; Ювента, 1998. – 315 с.

69. Гухман, В. Творец или инструмент? (К происхождению сознания) / В. Гухман // Philosophy and Cosmology. – 2017. – Т. 18. – С. 125-127.

70. Дамасио, А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания / А. Дамасио. – М.: Карьера Пресс, 2018. – 377 с.

71. Деан, С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / С. Деан. – М.: Карьера Пресс, 2018. – 300 с.

72. Дегутис, А. Проблема интенциональности в аналитической философии / А. Дегутис // Проблемы сознания в современной буржуазной философии. – Вильнюс: Типография им М. Шумаускаса, 1983. – С. 175-193.

73. Декарт, Р. Первоначала философии / Р. Декарт // Сочинения в 2-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 297-423.

74. Декарт, Р. Страсти души / Р. Декарт // Сочинения в 2-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 481-573.

75. Дельгадо, Х. Мозг и сознание / Х. Дельгадо. – М.: Мир, 1971. – 266 с.

76. Демуцкий, В. П. Концептуальные вопросы квантовой механики / В. П. Демуцкий, Р. В. Половин // Успехи физических наук. – 1992. – Том 162. № 10. – С. 93-180.

77. Деннет, Д. Виды психики / Д. Деннет. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.

78. Деннет, Д. Онтологическая проблема сознания / Д. Деннет // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. 345-378.

79. Доромбекова, А. О. Проблема сознания в контексте изучения как объекта философского анализа / А. О. Доромбекова // Наука, техника и образование. – 2016. – № 2 (20). – С. 116-120.

80. Дрейфус, Х. Чего не могут вычислительные машины / Х. Дрейфус. – М.: Прогресс, 1978. – 334 с.

81. Дубровский, Д. И. Возможно ли чтение мыслей другого человека на основе исследований мозга? / Д. И. Дубровский // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. – М.: Аквилон, 2017. – С. 22-37.

82. Дубровский, Д. И. Информация, сознание, мозг / Д. И. Дубровский. – М.: Высшая школа, 1980. – 286 с.

83. Дубровский, Д. И. Критический анализ теории сознания Пенроуза–Хамероффа. Часть 1 / Д. И. Дубровский // Философия науки и техники. – 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 125-136.

84. Дубровский, Д. И. Критический анализ теории сознания Пенроуза–Хамероффа. Часть 2 / Д. И. Дубровский // Философия науки и техники. – 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 89-102.

85. Дубровский, Д. И. Мозг и разум / Д. И. Дубровский. – М.: Наука, 1994. – 176 с.

86. Дубровский, Д. И. Природа сознания: Восток – Запад / Д. И. Дубровский, В. Г. Лысенко, Ю. В. Синеокая // Философский журнал. – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 106-122.

87. Дубровский, Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д. И. Дубровский. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.

88. Дубровский, Д. И. Проблема «Сознание и мозг»: Информационный подход / Д. И. Дубровский // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 4. – С. 92-97.

89. Дубровский, Д. И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение / Д. И. Дубровский. – М.: Канон+, 2015. – 208 с.

90. Дубровский, Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект / Д. И. Дубровский. – М.: Стратегия-Центр, 2007. – 272 с.

91. Дэвидсон, Д. Исследования истины и интерпретации / Д. Дэвидсон. – М.: Праксис, 2003. – 448 с.

92. Захаров, В. Д. Как квантовая механика «объясняет» сознание (критика многомировой интерпретации и её «расширенного» варианта) / В. Захаров // Метафизика. – 2012. – № 3 (5). – С. 3-23.

93. Захаров, В. Д. Р. Пенроуз о сознании: апофатический подход? / В. Захаров // Метафизика. Научный журнал. – 2013. – № 3(9). – С. 199-207.

94. Измайлов, И. А. Сознание и его отношение к мозговым информационным процессам / И. А. Измайлов, Е. Д. Шехтер, М. М. Зимачев // Вестник Московского университета. Сер. 14. – 2001. – № 1. – С. 34-35.

95. Иваницкий, А. М. Главная загадка природы: как на основе работы мозга возникает сознание / А. М. Иваницкий // Психологический журнал. – 1999. – № 3. – С. 58-72.

96. Иваницкий, А. М. Мозговая основа субъективных переживаний: гипотеза информационного синтеза / А. М. Иваницкий // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1996. – № 46. – С. 241-252.

97. Иванов, А. В. Сознание и мышление / А. В. Иванов. – М.: Наука, 1994. – 248 с.

98. Иванов, Д. В. Аргумент от отсутствия квалиа / Д. В. Иванов // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 139-149.

99. Иванов, Д. В. Дуализм и qualia / Д. В. Иванов // Вестник Московского университета. Сер. 18. – 2006. – № 2. – С. 3-21.

100. Иванов, Д. В. Природа феноменального сознания / Д. В. Иванов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 240 с.

101. Иванов, Д. В. Соотношение сознания и реальности в философии Д. Макдауэла / Д. В. Иванов // Философский журнал. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 20-32.

102. Иванов, Д. В. Три аргумента современной аналитической философии сознания / Д. В. Иванов // Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. Выпуск II. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 116-126.

103. Иванов, Д. В. Феноменальная природа сознания (проблема натуралистического объяснения сознания): Дис. …д-ра филос. наук / Д. В. Иванов. – М.: ИФ РАН, 2015. – 309 с.

104. Иванов, М. Г. Как понимать квантовую механику / М. Г. Иванов. – М.: Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012. – 516 с.

105. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

106. Канаев, И. А. Проблема сознания в междисциплинарной перспективе (обзор научной конференции) / И. А. Канаев // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 171-176.

107. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Наука, 1998. – 654 с.

108. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М.: Наука, 1980. – 712 с.

109. Картер, Р. Как работает мозг / Р. Картер. – М.: АСТ, 2014. – 224 с.

110. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 3-32.

111. Келер, В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян /В. Келер // Гештальт-психология. – М.: АСТ, 1998. – С. 36-274.

112. Кениспаев, Ж. К. Когнитивная гипотеза сознания / Ж. К. Кениспаев // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 117-119.

113. Кениспаев, Ж. К. Сознание как предмет философии и науки / Ж. К. Кениспаев // Реальность. Человек. Культура: философия и философствование в современной культуре. VII Ореховские чтения Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию кафедры философии Омского государственного педагогического университета. – Омск: ОмГПУ, 2015. – С. 131-135.

114. Килин, С. Я. Квантовая информация / С. Я. Клин // Успехи физических наук. – 1999. – Том 169. № 5. – С. 507-527.

115. Ким, Э. В. Супервентизм ментальных каузаций в философии сознания Д. Кима / Э. В. Ким // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Том 2. Философия. – 2014. – № 2. – С. 33-41.

116. Книгин, А. Н. Философские проблемы сознания / А. Н. Книгин. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – 338 с.

117. Князева, Е. Н. Эволюционная эпистемология: определение и статус направления исследований / Е. Н. Князева // Эволюционная эпистемология. Антология. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 5-43.

118. Козлова, М. С. Размышления о феноменах сознания в работах позднего Витгенштейна / М. С. Козлова // Проблема сознания в современной западной философии: Критика некоторых концепций. – М.: Наука, 1989. – С. 190-213.

119. Колин, К. К. Информатика как фундаментальная наука / К. К. Колин // Методы и технологии информатизации управленческой деятельности: Сборник статей. – М.: Издательство РАГС, 2007. – С. 8-22.

120. Колин, К. К. Природа информации и философские основы информатики / К. К. Колин // Открытое образование. – 2005. – № 2. – С. 43-51.

121. Колин, К. К. Теоретические проблемы информатики. Том 1. Актуальные философские проблемы информатики / К. К. Колин. – М.: КОС-ИНФ, 2009. – 222 с.

122. Колин, К. К. Философия информации и фундаментальные проблемы современной информатики / К. К. Колин // Информационные ресурсы России. – 2010. – № 1. – С. 25-28.

123. Колин, К. К. Феномен информации: структура реальности и феномен информации / К. К. Колин // Метафизика. – 2013. – № 4 (10). – С. 61-84.

124. Колин, К. К. Философские проблемы информатики / К. К. Колин. – М.: БИНОМ, 2010. – 270 с.

125. Коршунов, А. М. Теория отражения и эвристическая роль знаков. / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. – М.: Издательство Московского университета, 1974. – 214 с.

126. Кох, К. Как зафиксировать сознание / К. Кох // В мире науки. – 2018. – № 1-2. – С. 108-114.

127. Кох, К. Что такое сознание / К. Кох // В мире науки. – 2018. – № 8-9. – С. 84-89.

128. Кузнецов, А. В. Когнитивные исследования и проблема ментальной каузальности / А. В. Кузнецов // Вопросы философии. – 2014. – № 3. – С. 133-142.

129. Ландау, Л. Д. Курс теоретической физики. Том 3. Квантовая механика (нерелятивистская теория) / Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 800 с.

130. Ланца, Р. Биоцентризм. Как жизнь создает вселенную / Р. Ланца, Б. Берман. – СПб.: Питер, 2015. – 250 с.

131. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: «Сенсор», 2000. – 368 с.

132. Левин, С. М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального / С. М. Левин // Журнал Петербургского философского общества. – 2015. – Т. 18. – С. 142-156.

133. Левин, С. М. Феноменальные качества как реляционные свойства / С. М. Левин // Эпистемология и философия науки. – 2015. – № 2 (44). – С. 41-46.

134. Лейбниц, Г. Монадология / Г. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 413-430.

135. Лейбниц, Г. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душою и телом / Г. Лейбниц // Сочинения в 4-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1982. – С. 271-282.

136. Лекторский, В. А. Возможны ли науки о человеке? / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 3-15.

137. Лекторский, В. А. Познание и сознание: дискуссия анти-реализма и реализма в современной эпистемологии / В. А. Лекторский // Проблема сознания в философии и науке. – М.: Канон+, 2009. – С. 54-74.

138. Лекторский, В. А. Являются ли иллюзией представления о субъективном мире? / В. А. Лекторский // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. – М.: Аквилон, 2017. – С. 7-22.

139. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 526 с.

140. Леньков, С. Л. Функциональная природа сознания: возможности интеграции субъективно-информационного и метасистемного подходов / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова // Мир психологии. – 2018. – № 2 (94). – С. 123-135.

141. Леонтьев, А. Н. Эволюция психики / А. Н. Леонтьев. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1999. – 416 с.

142. Линдсей, П. Переработка информации у человека / П. Линдсей, Д. Норман. – М.: Мир, 1974. – 555 с.

143. Липкин, А. И. Две методологические революции в физике – ключ к пониманию оснований квантовой механики / А. И. Липкин // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 74-91.

144. Липкин, А. И. Существует ли явление «редукции волновой функции» при измерении в квантовой механике? / А. И. Липкин // Успехи физических наук. 2001. – Т. 171. – № 4. – С. 437-444.

145. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении / Д. Локк // Сочинения: в 3 т. Том 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 78-582.

146. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: Издательство АСЕ, 2000. – 960 с.

147. Макеева, Л. Б. Философия Х. Патнэма / Л. Б. Макеева. – М.: ИФ РАН, 1996. – 190 с.

148. Макеева, Л. Б. Язык, Онтология и Реализм / Л. Б. Макеева. – М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 310 с.

149. Мальбранш, Н. Разыскания истины / Н. Мальбранш. – СПб.: Наука, 1999. – 596 с.

150. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 224 с.

151. Мамардашвили, М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки. – М.: Издательство «Лабиринт», 1996. – С. 263-278.

152. Марков, М. А. О трех интерпретациях квантовой механики / М. А. Марков. – Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 112 с.

153. Мамченков, Д. В. Онто-гносеологическая неопределенность и «трудная псевдопроблема» сознания / Д. В. Мамченков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 12-3. – С. 17-21.

154. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела Ф. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

155. Мах, Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 304 с.

156. Медова, А. А. Модальная теория сознания: Психологические основания / А. А. Медова // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2014. – № 4. – С. 284-289.

157. Медова, А. А. Сознание в модусе времени / А. А. Медова. – М.: ООО «НБ – Медиа», 2014. – 220 с.

158. Менский, М. Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами / М. Б. Менский // Вопросы философии. – 2004. – № 6. – С. 64-74.

159. Менский, М. Б. Квантовое измерение: декогеренция и сознание / М. Б. Менский // Успехи физических наук. – 2001. – № 4. – С. 459-462.

160. Менский, М. Б. Квантовые измерения и декоренция. Модели и феноменология / М. Б. Менский. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2001. – 33 с.

161. Менский, М. Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики / М. Б. Менский // Успехи физических наук. – 2005. – № 4. – С. 413-435.

162. Менский, М. Б. Сознание и квантовая механика / М. Б. Менский. – Фрязино: Век 2, 2011. – 320 с.

163. Менский, М. Б. Тайны сознания – из квантовой механики / М. Б. Менский // Метафизика. – 2013. – № 3 (9). – С. 189-198.

164. Мерзляков, С. С. Может ли зомби мечтать / С. С. Мерзляков // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 2. – С. 108-122.

165. Меркулов, И. П. Когнитивная модель сознания / И. П. Меркулов // Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология). – М.: Канон +, 2004. – 352 с.

166. Меркулов, И. П. Когнитивные способности / И. П. Меркулов. – М.: ИФ РАН, 2005. – 182 с.

167. Меркулов, И. П. Эволюционирует ли человеческое сознание? / И. П. Меркулов // Эволюционная эпистемология. Антология. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 512-542.

168. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 607 с.

169. Михайлов, И. Ф. Искусственный интеллект как аргумент в споре о сознании / И. Ф. Михайлов // Эпистемология и философия науки. – 2012. – № 2. – С. 107-122.

170. Михайлов, Ф. Т. Загадка человеческого Я / Ф. Т. Михайлов. – М.: Политиздат, 1976. – 286 с.

171. Моисеева, А. Ю. Квалиа-физикализм Д. Перри как ответ на аргумент знания / А. Ю. Моисеева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 67-80.

172. Моисеева, А. Ю. О понятии квалиа в контексте эпистемологии / А. Ю. Моисеева // Философия науки. – 2014. – № 2 (61). – С. 33-47.

173. Молчанов, В. И. Исследования по феноменологии сознания / В. И. Молчанов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 456 с.

174. Мусс А. И. Топос сознания в когнитивной науке / А. И. Мусс // Научное мнение. – 2018. – № 2. – С. 41-43.

175. Нагуманова, С. Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии / С. Ф. Нагуманова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2011. – 222 с.

176. Нагуманова, С. Ф. Сознание как репрезентация / С. Ф. Нагуманова // Ученые записки Казанского университета. – Казань: Издательство КГУ, 2012, Том 154, Кн. 1. – С. 120-129.

177. Нагуманова, С. Ф. Существует ли разрыв в материалистических объяснениях психики? / С. Ф. Нагуманова // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 90-105.

178. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности / В. В. Налимов. – М.: Прометей, 1989. – 292 с.

179. Нейман, И. фон. Математические основы квантовой механики / И. фон Нейман. – М.: Наука, 1964. – 367 с.

180. Нойманн, Э. Происхождение и развитие сознания / Э. Нойманн. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. – 462 с.

181. Орлов, В. В. Проблема идеального / В. В. Орлов // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 159-165.

182. Павлов-Пинус, К. А. Теоретизирование о сознании: эпистемические пролегомены. Часть 1 / К. А. Павлов-Пинус // Философский журнал. – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 40-57.

183. Павлов-Пинус, К. А. Теоретизирование о сознании: эпистемические пролегомены. Часть 2 / К. А. Павлов-Пинус // Философский журнал. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 47-55.

184. Пальник, М. Квантовая модель эволюции личности / М. Пальник. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2007. – 368 с.

185. Панов, А. Д. Проблема сознания в фундаментальной физике. Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания / А. Д. Панов // Метафизика. – 2013. – № 3(9). – С. 142-188.

186. Пантэм, Х. Философия сознания / Х. Патнэм. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.

187. Пенроуз, Р. Большое, малое и человеческий разум / Р. Пенроуз, А. Шимони, Н. Картрайт, С. Хокинг. – М.: Мир, 2004. – 192 с.

188. Пенроуз, Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / Р. Пенроуз. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 384 с.

189. Пенроуз, Р. Путь к реальности или законы, управляющие Вселенной / Р. Пенроуз. – М.: Институт компьютерных исследований, 2007. – 384 с.

190. Пенроуз, Р. Тени разума. В поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. – М.: Институт компьютерных исследований, 2005. – 688 с.

191. Перегуда, С. Н. Гипотеза вероятностного заполнения как механизма сознания / С. Н. Перегуда // Научный журнал. – 2018. – № 2 (25). – С. 50-56.

192. Перлз, Ф. Опыты психологии самопознания. Практикум по гештальт-терапии / Ф. Перлз, Р. Хефферлин, П. Гудмэн. – М.: Гиль-Эсте, 1993, – 240 с.

193. Перунова, Н. В. О структурах сознания: постановка проблемы / Н. В. Перунова Н. В., В. И. Филатов // Культура и время перемен. – 2018. – № 1 (20). – С. 31-3.

194. Петренко, В. Ф. Сознание и бессознательное в контексте психосемантики / В. Ф. Петренко // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук. – М.: Аквилон, 2017. – С. 71-89.

195. Петренко, В. Ф. Сознание и время (Психологический и физический аспекты) / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Мир психологии. – 2018. – № 2 (94). – С. 58-76.

196. Петрунин, Ю. Ю. Искусственный интеллект: история, методология, философия / Ю. Ю. Петрунин. – М.: Звездопад, 2002. – 253 с.

197. Пинкер, С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу / С. Пинкер. – М.: URSS, 2013. – 560 с.

198. Пинкер, С. Язык как инстинкт / С. Пинкер. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 456 с.

199. Плейс, У. Является ли сознание процессом в головном мозге? / У. Плейс // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 193-203.

200. Плохова, М. А. Соотношение сознания и бессознательного в квантовой методологии / М. А. Плохова // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 349-356.

201. Поляков, С. Э. Феноменология психических репрезентаций / С. Э. Поляков. – СПб.: ПИТЕР, 2011. – 682 с.

202. Поппер, К. Знание и психофизическая проблема / К. Поппер. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.

203. Прибрам, К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / К. Прибрам. – М.: Прогресс. 1975. – 464 с.

204. Прист, С. Как разрешить проблему «сознание – тело» / С. Прист // Логос. – 1999. – № 8(18). – С. 90-103.

205. Прист, С. Теории сознания / С. Прист. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 288 с.

206. Прыгин, Г. С. Квантовые концепции сознания: возможности и перспективы развития психологической науки / Г. С. Прыгин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 329-338.

207. Прыгин, Г. С. Феномен сознания: является ли информационная концепция сознания прорывом в его понимании / Г. С. Прыгин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 27. – № 4. – С. 455-463.

208. Пуанкаре, А. О науке / А. Пуанкаре. – М.: Наука, 1990. – 736 с.

209. Пучков, Д. Б. Некорректность марксистско-ленинской трактовки соотношения материи и сознания / Д. Б. Пучков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 2. – С. 17-27.

210. Разеев, Д. Н. Когнитивная машинерия и феноменальный поток сознания / Д. Н. Разеев // Философско-литературный журнал Логос. – 2014. – № 2 (98). – С. 1-14.

211. Разеев, Д. Н. Феноменальное единство сознания / Д. Н. Разеев // Журнал Петербургского философского общества. – 2016. – № 21. – С. 153-156.

212. Райков, В. Л. Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание, творчество, искусство / В. Л. Райков. – М.: Грааль. 1998. – С. 647.

213. Райл, Г. Понятие сознания / Г. Райл. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.

214. Рамачандран, В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания / В. С. Рамачандран. – М.: ЗАО «Олимп–Бизнес», 2006. – 224 с.

215. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – М.: Миф, 1993. – 512 с.

216. Рассел, Б. Человеческое познание, его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560 с.

217. Ревонсуо, А. Психология сознания / А. Ревонсуо. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.

218. Редозубов, А. Мозг напрокат. Как работает человеческое мышление и как создать душу для компьютера / А. Редозубов. – М.: АСТ, 2014. – 224 с.

219. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. – 624 с.

220. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 508 с.

221. Рябушкина, Т. М. Темпоральность сознания: как возможно единство опыта? / Т. М. Рябушкина // Философские науки. – 2017. – № 3. – С. 68-80.

222. Сайко, Э. В. Сознание как результат эволюции и условие социального бытия / Э. В. Сайко // Мир психологии. – 2018. – № 2 (94). – С. 3-10.

223. Сартр, Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Ж.-П. Сартр. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.

224. Севальников, А. Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии / А. Ю. Севальников. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 192 с.

225. Седов, Е. В начале было слово… / Е. Седов, Д. Кузнецов. – СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1994. – 79 с.

226. Секацкая, М. А. Функционализм как научная философия сознания: почему аргумент о квалиа не может быть решающим / М. А. Секацкая // Вопросы философии. – 2014. – № 3. – С. 143-152.

227. Семенюк, Э. П. Информационный подход к познанию действительности / Э. П. Семенюк. – Киев: Наукова Думка, 1988. – 240 с.

228. Сергин, В. Я. Сознание и мышление: нейробиологические механизмы / В.Я. Сергин // Психологический журнал Международного Университета природы, общества и человека. – 2011. – № 2. – С. 7-34.

229. Сериков, А. Е. О роли сознания в воображаемых и реальных физических экспериментах / А. Е. Сериков // Mixtura verborum' 2017: человек и вре-

мя. Философский ежегодник. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – С. 29-44.

230. Серл, Д. Открывая сознание заново / Д. Серл. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

231. Серл, Д. Природа интенциональных состояний / Д. Серл // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96-127.

232. Сетров, М. И. Информационные процессы в биологических системах: Методологический очерк / М. И. Сетров. – Л.: Наука, 1975. – 154 с.

233. Смирнов, Е. В. Китайская комната, китайский робот и «системный ответ»: перспективы «сильного» искусственного интеллекта / Е. В. Смирнов // Философия и культура. – 2012. – № 2. – С. 101-108.

234. Соколов, А. В. Философия информации / А. В. Соколов. – СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 368 с.

235. Соловьев, И. В. О содержании и взаимосвязях категорий «информация», «информационные ресурсы», «знания» / И. В. Соловьев, В. Я. Цветков // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2011. – № 6. – С. 11-21.

236. Соловьев, Н. А. Квантовая нейрофилософия и реабилитация картезианской модели сознания / Н. А. Соловьев // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. – 2019. – Т. 69. – № 1. – С. 113-122.

237. Спиноза, Б. Письма некоторых ученых мужей к Б. Спинозе и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения / Б. Спиноза // Избранные сочинения. Том 2. – СПб.: Наука, 1999. – С. 331-569.

238. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 347 с.

239. Спиркин, А. Г. Происхождение сознания / А. Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1960. – 472 с.

240. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.

241. Стевенсон, Л. Десять теорий о природе человека / Л. Стевенсон. – М.: Слово, 2004. – 232 с.

242. Степанов, А. Н. Информатика: Учебник для вузов / А. Н. Степанов. – СПб.: Питер, 2006. – 684 с.

243. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: Издательство Московского университета, 1983. – 288 с.

244. Сторожук, А. Ю. Нужна ли квантовая механика для объяснения работы мозга / А. Ю. Сторожук // Философия науки. – 2018. – № 4 (79). – С. 137-145.

245. Сторожук, А. Ю. Онтологические и эпистемологические особенности построения физической картины мира на современном этапе / А. Ю. Сторожук // Философия науки. – 2015. – № 1 (64). – С. 40-47.

246. Сторожук, А. Ю. Реляционная интерпретация квантовой механики и контекстуальный реализм / И. Е. Прись, А. Ю. Сторожук, А. Л. Симанов // Философия науки. – 2019. – № 2 (81). – С. 57-89.

247. Сторожук, А. Ю. Эпистемологическая роль принципа наблюдаемости в физике / А. Ю. Сторожук // Философия науки. – 2013. – № 4 (59). – С. 89-100.

248. Суворов, О. В. Разум и феномен «Я» / О. В. Суворов // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С. 131-141.

249. Судаков, К. В. Информационный феномен жизнедеятельности / К. В. Судаков. – М.: РМА ПО, 1999. – 380 с.

250. Сущин, М. А. Современная наука о сознании: Современные проблемы, подходы и дискуссии / М. А. Сущин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. – 2019. – № 1. – С. 57-67.

251. Томалинцев, В. Н. Сознание: скрытые механизмы становления и развития / В. Н. Томалинцев // Вопросы философии. – 2018. – № 4. – С. 41-51.

252. Тугаринов, В. П. Философия сознания / В. П. Тугаринов. – М.: Мысль, 1971. – 199 с.

253. Уайтхед, А. Приключения идей / А. Уайтхед. – М.: ИФРАН, 2009. – 383 с.

254. Урсул, А. Д. Информация и мышление / А. Д. Урсул. – М.: Знание, 1970. – 50 с.

255. Урсул, А. Д. Информация. Методологические аспекты / А. Д. Урсул. – М.: Наука, 1971. – 295 с.

256. Урсул, А. Д. Природа информации. Философский очерк / А. Д. Урсул. – М.: Политиздат, 1968. – 288 с.

257. Урсул, А. Д. Проблема информации в современной науке / А. Д. Урсул. – М.: Наука, 1975. – 288 с.

258. Ускова, Е. В. Квалиа – центральный элемент теории сознания? / Е. В. Ускова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2018. – № 10. – С. 77-80.

259. Фок, В. А. Квантовая физика и философские проблемы / В. А. Фок // Вопросы философии. – 1971. – № 3. – С. 40-46.

260. Фок, В. А. Об интерпретации квантовой механики / В. А. Фок // Успехи физических наук. – 1957. – Т. LXII, вып. 4. – С. 461-474.

261. Франк, С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / Ф. Л. Франк // Предмет знания. Душа человека. – М.: Харвест, АСТ, 2000. – С. 631-990.

262. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.

263. Фреге, Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Г. Фреге. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

264. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. – М.: Прогресс, 1992. – 569 с.

265. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – 526 с.

266. Фрит, К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / К. Фрит. – М.: Астрель, 2010. – 335 с.

267. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2009. – 288 с.

268. Хакен, Г. Тайны восприятия / Г. Хакен, М. Хакен-Крелль. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 272 с.

269. Хансон, Р. Странное поведение / Р. Хансон, К. Шальм // В мире науки. – 2019. – № 1/2. – С. 126-133.

270. Хомская, Е. Д. Сознание как проблема нейропсихологии / Е. Д. Хомская // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1999. – № 4. – С. 3-10.

271. Хомский, Н. О природе и языке / Н. Хомский. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 288 с.

272. Хорган, Д. Квантовая философия / Д. Хорган // В мире науки. – 1992. – № 8. – С. 24-32.

273. Цехмистро, И. З. Концепция целостности / И. З. Цехмистро, В. И. Штанько. – Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1987. – 223 с.

274. Цехмистро И. З. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания / И. З. Цехмистро. – Харьков: Вища школа, 1981. – 176 с.

275. Чалмерс, Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории /Д. Чалмерс. – М.: УРСС, Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.

276. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации / Д. С. Чернавский. – М.: Наука, 2001. – 244 с.

277. Черниговская, Т. В. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? / Т. В. Черниговская // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов. – М.: Изд. Института психологии РАН, 2009. – Вып. 4. – С. 13-37.

278. Черниговская, Т. В. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть / Т. В. Черниговская // Проблема сознания в философии и науке. М.: ИФ РАН, «Канон+», 2008. С. 143-163.

279. Черниговская, Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание / Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 448 с.

280. Черникова, И. В. Проблема сознания в философии и когнитивной науке / И. В. Черникова, Д. В. Черникова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 103-111.

281. Черникова, И. В. Проблема реальности и ее сопряженности с реальностью сознания / И. В. Черникова // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 2 (42). – С. 54-59.

282. Черняк, А. З. К вопросу о каузальной эффективности ментальных свойств / А. З. Черняк // Философия сознания: классика и современность. – М.: Издатель Савин С. А., 2007. – С. 192-200.

283. Чеснокова, Л. Г. Проблема осознания в психологической концепции Л. С. Выготского / Л. Г. Чеснокова // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2000. – № 1. – С. 38-48.

284. Шатова, Н. Д. Психофизическая проблема и современная материалистическая онтология мышления и сознания / Н. Д. Шатова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 3 (252). – С. 177-182.

285. Шимони, А. Реальность квантового мира / А. Шимони // В мире науки. – 1988. – № 3. – С. 22-32.

286. Шлик, М. Позитивизм и реализм / М. Шлик // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. – М.: ИД Территория будущего, Идея-Пресс, 2006. – С. 283-310.

287. Шредингер, Э. Что такое жизнь с точки зрения физики / Э. Шредингер. – М.: РИМИС, 2009. – 176 с.

288. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М., Л.: Наука, 1966. – 302 с.

289. Шульга, Е. Н. Философия сознания: методологические инварианты исследования / Е. Н. Шульга // Философия науки. – Вып. 12. Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 196-214.

290. Щеглова, М. И. Исследование содержательного поля проблем квалитативности в работах Э. Шредингера / М. И. Щеглова // Сибирский философский журнал. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 231-237.

291. Щеглова, М. И. Переосмысление концепта «квалиа» в иллюзионистских теориях сознания: онтологический и аксиологический аспекты / М. И. Щег-

лова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 54-58.

292. Щеглова, М. И. Сравнение подходов Серла и Чалмерса к проблеме сознания (интенциональный аспект) / М. И. Щеглова // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 3 (20). – С. 644-646.

293. Эдельман, Д. Сознание: помнимое настоящее / Д. Эдельман // Эволюционная эпистемология. Антология. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 419-442.

294. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1953. – 328 с.

295. Юлина, Н. С. Генри Стэп: Квантовый интерактивный дуализм как альтернатива материализму / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С. 82-97.

296. Юлина, Н. С. Головоломки проблемы сознания / Н. С. Юлина. – М.: Канон+, 2004. – 544 с.

297. Юлина, Н. С. Д. Деннет: самость как «центр нарративной гравитации» или почему возможны самостные компьютеры / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 120-130.

298. Юлина, Н. С. Роджер Пенроуз: Поиски локуса ментальности в квантовом микромире / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 116-131.

299. Юлина, Н. С. Сознание, физикализм, наука / Н. С. Юлина // Проблема сознания в философии и науке. – М.: Канон+, 2009. – С. 75-106.

300. Юлина, Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования / Н. С. Юдина // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 125-135.

301. Юлина, Н. С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 153-166.

302. Юлов, В. Ф. Мышление в контексте сознания / В. Ф. Юлов. – М.: ИФ РАН, 2004. – 410 с.

303. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм // Сочинения в 2 томах. Том I. – М.: Мысль, 1996. – 733 с.

304. Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М.: Канон, 1994. – 317 с.

305. Яковлев, А. И. Материальность сознания / А. И. Яковлев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 184 с.

306. Яковлев, А. И. Энергетическая природа сознания / А. И. Яковлев. – М.: Интерлайн, 2007. – 196 с.

307. Aerts, D. Contextualizing Concepts using a Mathematical Generalization of the Quantum Formalism / D. Aerts, L. Gabora // Journal of Experimental and Theoretical Artificial Intelligence. – 2002. – № 14 (4). – P. 327-358.

308. Aerts, D. Quantum aspects of semantic analysis and symbolic artificial intelligence / D. Aerts, M. Czachor // Journal of Physics. – 2004. – № 37. – P. 123-132.

309. Aerts, D. Quantum structure and human thought / D. Aerts, J. Broekaert, L. Gabora, S. Sozzo // Behavioral and Brain Sciences. – 2013. – № 36 (3). – P. 274-276.

310. Aerts, D. Quantum structures in cognition: Why and how concepts are entangled / D. Aerts, S. Sozzo // Quantum Inter-action. – Berlin, 2011.

311. Adams, E. M. Mental causality / E. Adams // Mind. – 1966. – № 75. – P. 552-563.

312. Arbib, M. A. Co-evolution of human consciousness and language. Cajal and consciousness: Scientific approaches to consciousness on the centennial of Ramon y Cajal's Textura / M. A. Arbib // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2001. – № 929. – P. 195-220.

313. Armstrong, D. M. A Materialist Theory of the Mind / D. M. Armstrong. – London, 1993.

314. Armstrong, D. M. The Mind-Body Problem: An Opinionated Introduction / D. M. Armstrong. – Oxford, 1999.

315. Arroyo, R. Underdeterminations of Consciousness in Quantum Mechanics / R. Arroyo, L. Filho // Principia: an International Journal of Epistemology. – 2018. – Vol. 22. – № 2. – P. 321-337.

316. Atmanspacher, H. Order Effects in Sequential Measurements of Non-commuting Psychological Observables / H. Atmanspacher, H. Römer // Journal of Mathematical Psychology. – 2012. – № 56. – P. 274-280.

317. Atmanspacher, H. Quantum theory and consciousness: an overview with selected examples / H. Atmanspacher // Discrete Dynamics in Nature and Society. – 2004. – № 1. – P. 51-64.

318. Atmanspacher, H. Weak quantum theory: Complementarity and entanglement in physics and beyond / H. Atmanspacher, H. Römer, H. Walach // Foundations of Physics. – 2002. – № 2 (3). – P. 379-406.

319. Baars, B. A cognitive theory of consciousness / B. Baars. – New York, 1988.

320. Baars, B. In the Theater of Consciousness: The Workspace of the Mind / B. Baars. – New York, 1997.

321. Baars, B. The global workspace theory of consciousness / B. Baars // The Blackwell Companion to Consciousness. – New York, 2006.

322. Baker, L. R. Metaphysics and mental causation / L. R. Baker // Mental Causation. – New York, 1993. – P. 75-95.

323. Beck, F. Quantum aspects of brain activity and the role of consciousness / F. Beck, J. Eccles // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. – 1992. – Vol. 89. – P. 67-84.

324. Bennett, K. Mental causation / K. Bennett // Philosophy Compass. – 2007. – № 2. – P. 316-337.

325. Bertalanffy, L. von. Robots, men and minds: Psychology in the modem world / L. von Bertalanffy. – New York, 1967.

326. Bhadra, K. The Complex Quantum-State of Consciousness / K. Bhadra // IOSR Journal of Applied Physics. – 2017. – Vol. 9. – P. 57-93.

327. Blackmore, S. Consciousness: An Introduction / S. Blackmore. – New York, 2004.

328. Block, N. Consciousness / N. Block // The Oxford Companion to the Mind. – Oxford, 2004.

329. Block, N. Inverted Earth / N. Block // Philosophical Perspectives. – 1990. – Vol. 4. – P. 53-79.

330. Block, N. Sexism, Ageism, Racism, and the Nature of Consciousness / N. Block // Philosophical Topics. – 1999. – Vol. 26. – № 1. – P. 39-70.

331. Block, N. The harder problem of consciousness / N. Block // The Journal of Philosophy. – 2002. – № 99. – P. 319-425.

332. Block, N. The Computer Model of the Mind / N. Block. – New York, 1990.

333. Bohm, D. A New Theory of the Relationship of Mind and Matter / D. Bohm // Journal of the American Society for Physical Research. Vol. 80. – 1986. – № 2. – P. 39-52.

334. Bohm, D. Unfolding Meaning / D. Bohm. – New York, 1985.

335. Bub, J. The Interpretation of Quantum Mechanics / J. Bub. – Dordrecht-Boston, 1974.

336. Busemeyer, J. Introduction to the Special Issue on Quantum Cognition / J. Busemeyer, P. Bruza, L. Gabora // Journal of Mathematical Psychology. – 2009. – № 53. – P. 303-305.

337. Busemeyer, J. Quantum Models of Cognition and Decision / J. Busemeyer, P. Bruza. – Cambridge, 2012.

338. Busemeyer, J., What Is Quantum Cognition, and How Is It Applied to Psychology? / J. Busemeyer, Z. Wang // Current Directions in Psychological Science. – 2015. – Vol. 24. – № 3. – P. 163-169.

339. Campbell, N. What was Huxley's Epiphenomenalism? / N. Campbell // Biology and Philosophy. – 2001. – № 16. – P. 357-375.

340. Carnap, R. Logical Foundation of the Unity of Science / R. Carnap // Readings in Philosophical Analysis. – N. Y.: Appleton-Century-Crofts, – 1949. – P. 408-423.

341. Chalmers, D. Consciousness and its place in nature. The Character of consciousness / D. Chalmers. – Oxford, 2010.

342. Chalmers, D. Consciousness and the Collapse of the Wave Function / D. Chalmers, K. McQueen // «Toward a Science of Consciousness 2015». – University of Helsinki, Finland, 9–13 June 2015. – URL:

https://www.youtube.com/watch?v=DIBT6E2GtjA, http://consc.net/slides/collapse.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

343. Chalmers, D. Facing up to the Problem of Consciousness / D. Chalmers // Journal of Consciousness Studies. – 1995. – № 2 (3). – P. 200-219.

344. Chalmers, D. Naturalistic Dualism / D. Chalmers // The Blackwell Companion to Consciousness. – Malden (MA); Oxford, 2007.

345. Chalmers, D. The Character of Consciousness / D. Chalmers. – New York, 2010.

346. Chalmers, D. Panpsychism and Panprotopsychism / D. Chalmers, G. Bruntrup, L. Jaskolla // Panpsychism. – Oxford, 2017. – P. 19-47.

347. Chomsky, N. New Horizons in the Study of Language and Mind / N. Chomsky. – Cambridge, 2000.

348. Churchland, P. Functionalism at forty: a critical retrospective / P. Churchland // Journal of Philosophy. – 2005. – № 102. – P. 33-50.

349. Churchland, P. Matter and Consciousness / P. Churchland. – Cambridge, 1988.

350. Clarke, R. Libertarian accounts of free will / R. Clarke. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

351. Conway, J. The Free Will Theorem / J. Conway, S. Kochen // Foundations of Physics. – 2006. – № 36. – P. 1441-1473.

352. Crane, T. The origins of qualia / T. Crane // The History of the Mind-Body Problem. – London: Routledge, 2000. – P. 169-194.

353. Crick, F. The Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul / F. Crick. – New York, 1995.

354. Davidson, D. Mental events / D. Davidson // The Nature of Mind. – New York, 1991. – P. 247-256.

355. Dennett, D. Consciousness Explained / D. Dennett. – Boston: Little, Brown and Company, 1991.

356. Dennett, D. Freedom Evolves / D. Dennett. – London, 2004.

357. Dennett, D. Quining Qualia / D. Dennett // The Nature of Consciousness. – Cambridge: MIT Press, 1997. – P. 619-642.

358. Dennett, D. What RoboMary knows? / D. Dennett // Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism. – Oxford: Oxford University Press. 2007. – P. 15-31.

359. Eccles, J. The Wonder of being human: Our brain and our mind / J. Eccles, D. Robinson. – New York, London, 1984.

360. Edelman, G. The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness / G. Edelman. – N. Y.: Basic Books, 1989.

361. Edelman, G. A Universe of Consciousness / G. Edelman, G. Tononi. – N. Y.: Basic Books, 2000.

362. Edelman, G. Wider than the Sky: The Phenomenal Gift of Consciousness / G. Edelman. – London, 2004.

363. Einstein, A. Can Quantum-Mechanical Description of Physical Reality be Considered Complete / A. Einstein, B. Podolsky, N. Rosen // Physical Review. – 1935. – № 47. – P. 777-783.

364. Elitzur, A. Consciousness and the incompleteness of the physical explanation of behavior / A. Elitzur // Journal of Mind and Behavior. – 1989. – № 10. – P. 1-20.

365. Elitzur, A. Consciousness makes a difference: Reluctant dualist's confession / A. Elitzur // Irreducibly Conscious: Selected Papers on Consciousness. – Heidelberg, 2009. – P. 43-72.

366. Everett, H. Relative State Formulation of Quantum Mechanics / H. Everett // Review of Modern Physics. Vol. 29. – 1957. – № 3. – P. 454-462.

367. Faigenbaum, G. Conversations with John Searle / G. Faigenbaum. – LibrosEnRed, 2003.

368. Feigl, G. The «Mental» and the «Physical»: The Essay and a Postscript / G. Feigl. – Minneapolis, 1967.

369. Feinberg, T. Altered Egos: How the Brain Creates the Self / T. Feinberg. – N.Y., 2001.

370. Fischer, J. My Compatibilism / J. Fischer // The Philosophy of Free Will: Essential Readings from the Contemporary Debates. – New York: Oxford University Press, 2013. – P. 296-317.

371. Flanagan, O. Consciousness Reconsidered / O. Flanagan. – Cambridge, 1992.

372. Flanagan, O. The Problem of the Soul: Two Visions of Mind and How to Reconcile Them / O. Flanagan. – New York, 2002.

373. Floridi, L. Open problems in the philosophy of information / L. Floridi // Metaphilosophy. Vol. 35. – 2004. – № 4. – P. 554-582.

374. Forshaw, S. The Third State: Toward a Quantum Information Theory of Consciousness / S. Forshaw // NeuroQuantology. – 2016. – Vol. 14. – P. 49-61.

375. Foster, J. The Immaterial Self: A Defence of the Cartesian Dualist Conception of the Mind / J. Foster. – London, 1996.

376. Fodor, J. The mind-body problem / J. Fodor // Scientific American. – 1981. – № 244. – P. 114-125.

377. Fodor, J. The Modularity of Mind / J. Fodor. – Cambridge, 1983.

378. Gallagher, S. Where's the action? Epiphenomenalism and the problem of free will / S. Gallagher // Does Consciousness Cause Behavior? – Cambridge MA, 2006. – P. 109-124.

379. Gao, S. The Meaning of the Wave Function: In Search of the Ontology of Quantum Mechanics / S. Gao. – Cambridge, 2017.

380. Georgiev, D. Quantum Information and Consciousness / D. Georgiev. – London, 2017.

381. Gibbons, J. Mental causation without downward causation / J. Gibbons // Philosophical Review. – 2006. – № 115. – P. 79-103.

382. Gray, J. Consciousness: Creeping Up on the Hard Problem / J. Gray. – New York, 2006.

383. Goradia, S. Quantum Consciousness – The Road to Reality / S. Goradia // Journal of Life Sciences. – 2016. – Vol. 10. – P. 269-272.

384. Görnitz, T. Quantum Theory and the Nature of Consciousness / T. Görnitz // Foundations of Science. – 2017. – Vol. 23. – P. 475-510.

385. Hackermueller, L. Decoherence of matter waves by thermal emission of radiation / L. Hackermueller, K. Hornberge, B. Brezger, A. Zeilinger // Nature. Vol. 427. – 2004. – № 6976. – P. 711-714.

386. Hameroff, S. Conscious Events as Orchestrated Spacetime Selections / S. Hameroff, R. Penrose // Journal of Consciousness Studies. – 1996. – Vol. 3. – № 1. – P. 36-53.

387. Hameroff, S. Consciousness in the Universe: A Review of the «Orch OR» Theory / S. Hameroff, R. Penrose // Biophysics of Consciousness: A Foundational Approach. – Singapore: World Scientific, 2016. – P. 517-630.

388. Hameroff, S. Quantum coherence in microtubules: A neural basis for an emergent consciousness? / S. Hameroff // Journal of Consciousness Studies. – 1994. – Vol. 1. – № 1. – P. 91-118.

389. Hameroff, S. Quantum Effects in the Understanding of Consciousness / S. Hameroff, T. Craddock, J. Tuszynski // Journal of Integrative Neuroscience. – 2014. – Vol. 13. – № 2. – P. 229-252.

390. Hansen, C. Between a rock and a hard place: Mental causation and the mind-body problem / C. Hansen // Inquiry. – 2000. – № 43. – P. 451-491.

391. Hardin, C. Color for Philosophers: Unweaving the Rainbow / C. Hardin. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1986.

392. Hart, W. Dualism / W. Hart // A Companion to the Philosophy of Mind. – Oxford, 1995.

393. Hasker, W. The Emergent Self / W. Hasker. – Ithaca: Cornell University Press, 1999.

394. Heil, J. Mental causation / J. Heil // The Blackwell Guide to Philosophy of Mind. – Malden MA, 2003. – P. 214-234.

395. Hempel, K. The Logical Analysis of Psychology / K. Hempel // Readings in Philosophical Analysis. – New York, 1949. – P. 373-384.

396. Hodgson, D. The Mind Matters: Consciousness and Choice in a Quantum World / D. Hodgson. – New York, 1991.

397. Hogan, T. Supervenient qualia / T. Hogan // The Philosophical Review. – 1987. – № 96. – P. 491-520.

398. Horgan, T. The Intentionality of Phenomenology and the Phenomenology of Intentionality / T. Hogan, J. Tienson // Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings. – New York, Oxford, 2002. – P. 520-533.

399. Horst, S. Beyond Reduction: Philosophy of Mind and Post-Reduction Philosophy of Science / S. Horst. – New York, 2007.

400. Horst, S. Beyond Reduction: From Naturalism to Cognitive Pluralism / S. Horst // Mind & Matter. – 2014. – Vol. 12, № 2. – P. 197-244.

401. Humphrey, N. How to solve the mind-body problem / N. Humphrey // Journal of Consciousness Studies. – 2000. – № 7. – P. 5-20.

402. Honderich, T. Actual Consciousness / T. Honderich. – Oxford, 2014.

403. Honderich, T. A Theory of Determinism / T. Honderich. – Oxford, 1988.

404. Honderich, T. Radical externalism / T. Honderich // Journal of Consciousness Studies. – 2000. – № 13. – P. 3-13.

405. Jackendoff, R. Consciousness and the Computational Mind / R. Jackendoff. – Cambridge MA, 1987.

406. Jackson, F. Epiphenomenal qualia / F. Jackson // Philosophical Quarterly. – 1982. – Vol. 32. – № 127. – P. 127-136.

407. Kane, R. A contemporary introduction to free will / R. Kane. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

408. Kane, R. New Arguments in Debates on Libertarian Free Will: Responses to Contributors / R. Kane // Libertarian Free Will: Contemporary Debates. – N. Y.: Oxford University Press, 2014.

409. Kenny, A. The Metaphysics of Mind / A. Kenny. – Oxford, 1989.

410. Kim, J. Epiphenomenal and supervenient causation / J. Kim // The Nature of Mind. – N. Y., 1991. – P. 257-285.

411. Kim, J. Philosophy of Mind / J. Kim. – Cambridge, 2006.

412. Kim, J. Supervenience and Mind / J. Kim. – Cambridge, 1993.

413. Kim, J. The mind-body problem: Taking stock after forty years / J. Kim // Philosophical Perspectives. – 1997. – № 11. – P. 185-207.

414. Kirk, R. Sentience and behavior / R. Kirk // Mind, New Series. 1974. Vol. 83. № 329. P. 43-60.

415. Kirk, R. Zombies and Consciousness / R. Kirk. – New York, 2005.

416. Klein, S. Using Psychic Phenomena to Connect Mind to Brain and to Revise Quantum Mechanics / S. Klein // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy. – 2017. – Vol 13. – № 2. P. – 34-46.

417. Kuczynski, J.-M. A quasi-materialist, quasi-dualist solution to the mind-body problem / J.-M. Kuczynski // Criterion. – 2004. – № 109. – P. 81-135.

418. Lachs, J. Epiphenomenalism and the notion of cause / J. Lachs // The Journal of Philosophy. – 1963. – № 60. – P. 141-146.

419. Levine, J. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap / J. Levine // Pacific Philosophical Quarterly. – 1983. – Vol. 64, № 4. – P. 354-361.

420. Levine, J. On leaving out what it is like / J. Levine // Consciousness: Psychological and Philosophical Essays. – Oxford: Blackwell, 1993. – P. 121-136.

421. Lewis, C. I. Mind and the World Order. / C. I. Lewis. – N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1929.

422. Libet, B. Do We Have Free Will? / B. Libet // Journal of Consciousness Studies. – 1999. – № 8. – P. 47-57.

423. Libet, B. Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness / B. Libet. – Cambridge MA, 2004.

424. Loar, B. Phenomenal states / B. Loar // The Nature of Consciousness: Philosophical Debates. – Cambridge MA, 1997. – P. 597-616.

425. Lockwood, M. Mind, Brain and Quantium / M. Lockwood. – Oxford, 1991.

426. Loewer, B. Consciousness and Quantum Theory: Strange Bedfellows / B. Loewer // Consciousness: New Philosophical Perspectives. – Oxford: Clarendon Press, 2003. – P. 507-525.

427. London, F. The Theory of Observation in Quantum Mechanics / F. London, E. Bauer // Quantum Theory and Measurement. – Princeton, 1983. – P. 217-259.

428. Lowe, E. There are no easy problems of consciousness / E. Lowe // Explaining Consciousness. – Cambridge MA, 1997. – P. 117-123.

429. Lowe, E. Causal closure principles and emergentism / E. Lowe // Philosophy. – 2000. – №75. – P. 571-585.

430. Lucas, J. Mind, Machines, and Godel / J. Lucas // Philosophy. – 1961. – Vol. 36. – P. 112-127.

431. Lycan, W. Consciousness and Experience / W. Lycan. – Cambridge (MA), 1996.

432. Malcolm, N. Knowledge of other minds / N. Malcolm // The Nature of Mind. – New York, 1991. – P. 92-97.

433. Marcus, E. Mental causation: Unnaturalized but not unnatural / E. Marcus // Philosophy and Phenomenological Research. – 2001. – № 61. – P. 57-83.

434. McGinn, C. Consciousness and Its Objects / C. McGinn. – New York, 2004.

435. McGinn, C. The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World / C. McGinn. – New York, 1999.

436. McGinn, C. The Problem of Consciousness: Essays Towards a Resolution / C. McGinn. – Oxford, 1993.

437. Meixner, U. New perspectives for a dualistic conception of mental causation / U. Meixner // Journal of Consciousness Studies. – 2008. – № 15. – P. 17-38.

438. Mele, A. R. Free: Why Science Hasn't Disproved Free Will / A. R. Mele. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

439. Mensky, M. B. Everett Interpretation and Quantum Concept of Consciousness / M. B. Mensky // NeuroQuantology. – 2013. – № 11. – P. 85-96.

440. Menzies, P. The causal efficacy of mental states / P. Menzies // Physicalism and Mental Causation: The Metaphysics of Mind and Action. – Exeter, 2003. – P. 195-223.

441. Mohrhoff, U. Interactionism, energy conservation, and the violation of physical laws / U. Mohrhoff // Physics Essays. – 1997. – № 10. – P. 651-665.

442. Nagel, T. The View from Nowhere / T. Nagel. – New York, Oxford, 1986.

443. Nagel, T. What is it like to be a bat? / T. Nagel // Philosophical Review. – 1974. – № 83. – P. 435-450.

444. Ritchie, A. The natural History of the Mind / A. Ritchie. – London, 1936.

445. Papineau, D. Thinking about Consciousness / D. Papineau. – New York, 2004.

446. Penfield, W. The Mystery of Mind / W. Penfield. – Princeton. – 1975.

447. Penrose, R. Quantum physics and conscious thought. / R. Penrose // Quantum Implications: Essays in Honor of David Bohm. – New York, 1987.

448. Pereboom, D. Free Will, Agency, and Meaning in Life / D. Pereboom. – New York, 2014.

449. Pereboom, D. Optimistic Skepticism about Free Will / D. Pereboom // The Philosophy of Free Will: Essential Readings from the Contemporary Debates. – New York, 2013. – P. 421-449.

450. Pinker, S. How the Mind Works / S. Pinker. – London, 1999.

451. Place, U. Token-versus type-identity physicalism / U. Place // Anthropology and Philosophy. – 1999. – №3. – P. 21-31.

452. Pletcher, A. Quantum Cosmology and the Role of Consciousness / A. Pletcher // NeuroQuantology. – 2019. – Vol. 17. – № 1. – P. 104-111.

453. Popper, K. The Self and its Brain. An Argument for Ineractionism / K. Popper, J. Eccles. – New York, 1977.

454. Pradhan, R. An Expanation of Psychophysical Interactions in the Quantum Double Slit Experiment / R. Pradhan // Physics Essays. – 2016. – Vol. 28. – № 3. – P. 324-354.

455. Primas, H. Complementarity of Mind and Matter / H. Primas // Recasting Reality. – Berlin, 2009. – P. 171-209.

456. Putnam, H. Minds and machines / H. Putnam // Dimensions of Mind. – New York, 1960. – P. 148-180.

457. Pylkkänen, P. Can Bohmian Quantum Information Help Us to Understand Consciousness? / P. Pylkkänen // Image Analysis and Processing – ICIAP 2015. – 2016. – Vol. 9535. – P. 76-87.

458. Pylkkänen, P. Is there Room in Quantum Ontology for a Genuine Causal Role for Consciousness? / P. Pylkkänen // The Palgrave Handbook of Quantum Models in Social Science. – 2017. – № 2. – P. 293-317.

459. Ramabrahmam, V. Quantum Mechanics and Cognitive Science: The Probe and the Probed / V. Ramabrahmam // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy. – 2018. – Vol 14. – № 1. – P. 123-141.

460. Reichenbach, H. Philosophic Foundations of Quantum Mechanics / H. Reichenbach. – Los-Angeles, 1944.

461. Richardson, R. The «scandal» of Cartesian interactionism / R. Richardson // Mind. – 1982. – № 91. – P. 20-37.

462. Robinson, D. Consciousness and Mental Life / D. Robinson. – N.Y., 2008.

463. Robinson, W. Evolution and epiphenomenalism / W. Robinson // Journal of Consciousness Studies. – 2007. – № 14. – P. 27-42.

464. Rosenberg, G. A Place for Consciousness: Probing the Deep Structure of the Natural World / G. Rosenberg. – N.Y., 2004.

465. Rosenblum, B. Quantum Enigma: Physics Encounters Consciousness \ B. Rosenblum. – N.Y., 2006.

466. Rosenthal, D. Consciousness and Mind / D. Rosenthal. – N.Y., 2005.

467. Russell, B. Analysis of Mind / B. Russell. – London,1921.

468. Ryle, G. The Concept of Mind / G. Ryle. – Chicago, 2002.

469. Searle, J. Minds, Brains, and Programs / J. Searle // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – T. 3. – № 3. P. – 417-424.

470. Searle, J. Minds, Brains and Science / J. Searle. – Cambridge MA, 1984.

471. Searle, J. The Mystery of Consciousness / J. Searle. – London, 1998.

472. Sherrington C. Man on His Nature. – Cambridge: Cambridge University Press, 1951.

473. Shoemaker, S. The Inverted Spectrum / S. Shoemaker // The Journal of Philosophy. – 1982. – Vol. 79. – № 7. – P. 357-381.

474. Silberstein, M. Metaphysics or science: The battle for the soul of philosophy of mind / M. Silberstein // Philosophical Psychology. – 2011. – Vol. 24. – № 4. – P. 561-573.

475. Smart, J. Sensations and brain processes / J. Smart // The Philosophical Review. – 1959. – Vol. 68. – №. 2. – P. 141-156.

476. Smith, Q. Why Cognitive Scientists Cannot Ignore Quantum Mechanics? / Q. Smith // Consciousness: New Philosophical Perspectives. – Oxford: Clarendon Press, 2003. P. 409-447.

477. Sosa, E. Mind-body interaction and supervenient causation / E. Sosa // Midwest Studies in Philosophy. – 1984. – № 9. – P. 271-281.

478. Spat, P. A pill against epiphenomenalism / P. Spat // Abstracta. – 2006. – № 2. – P. 172-179.

479. Sperry, R. In defense of mentalism and emergent interaction / R. Sperry // Journal of Mind and Behavior. – 1991. – № 12. – P. 221-245.

480. Sperry, R. Structure and significance of the consciousness revolution / R. Sperry // Journal of Mind and Behavior. – 1987. – № 8. – P. 37-66.

481. Squires, E. Conscious Mind and the Physical World / E. Squires. – Bristol, 1990.

482. Squires, E. The Mystery of the Quantum World / E. Squires. – Bristol: IOP Publishing, 1994.

483. Stapp, H. Clarification sand specifications in conversation with Harald Atmanspacher / H. Stapp // Journal of Consciousness Studies. – 2006. – Vol. 13. – № 9. – P. 109-126.

484. Stapp, H. Mindful Universe: Quantum Mechanics and the Participating Observer / H. Stapp. – New York, 2007.

485. Stapp, H. Mind, Matter, and Quantum Mechanics / H. Stapp. – Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009.

486. Stapp, H. Pragmatic Approach to Consciousness / H. Stapp // Brain and Values. – London, 2005. – P. 237-248.

487. Stapp, H. Quantum interactive dualism: an alternative to materialism / H. Stapp // Journal of Consciousness Studies. – 2005. – Vol. 12. – № 11. – P. 74-97.

488. Stapp, H. Quantum mechanical theories of consciousness / H. Stapp // The Blackwell Companion to Consciousness. – Malden (MA), 2007. – P. 300-312.

489. Stapp, H. Questions and Answers About Minds / H. Stapp // Quantum Theory and Free Will. – New York, 2017. – P. 65-69.

490. Strawson, P. Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics / P. Strawson. – London, 1964.

491. Swinburne, R. Mind, Brain, and Free Will / R. Swinburne. – Oxford, 2013.

492. Swinburne, R. Substance dualism / R. Swinburne // Faith and Philosophy. – 2009. – № 26. – P. 501-513.

493. Tegmark, M. Consciousness as a State of Matter / M. Tegmark // Chaos, Solitons & Fractals. – 2015. – T. 76. – P. 238-270.

494. Tegmark, M. Importance of quantum decoherence in brain processes / M. Tegmark // Physical Review E. – 2000. – T. 61. – P. 4194-4206.

495. Tegmark, M. Our Mathematical Universe: My Quest for the Ultimate Nature of Reality / M. Tegmark. – London: Routledge, 2014.

496. Tononi, G. Integrated information theory: from consciousness to its physical substrate / G. Tononi, M. Boly, M. Massimini, C. Koch // Nature Reviews Neuroscience. – 2016. – Vol. 17. – P. 450-461.

497. Tononi, G. Sizing up Consciousness / G. Tononi, M. Massimini. – Oxford, 2018.

498. Tye, M. Consciousness, Color, and Content / M. Tye. – Cambridge, MA, 2000.

499. Tye, M. Ten Problems of Consciousness: A Representational Theory of the Phenomenal Mind / M. Tye. – Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

500. Tye, M. The function of consciousness / M. Tye // Nous. – 1996. – № 30. – P. 287-305.

501. Tyler, C. The emergent aspect dualism view of quantum physics: a new ontology to resolve the complementarity conundrum / C. Tyler // Journal of Research in Philosophy and History. – 2018. – № 1. – P. 166-182.

502. Van den Noort, M. On the need to unify neuroscience and physics / M. Van den Noort, S. Lim, P. Bosch // Neuroimmunology and Neuroinflammation. – 2016. – № 3. – P. 271-273.

503. Van Gulik, R. Functionalism and qualia / R. Van Gulik // The Blackwell Companion to Consciousness. – Malden MA, 2007. – P. 381-395.

504. Van Inwagen, P. The Incompatibility of Free Will and Determinism / P. Van Inwagen // Free Will. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2009. – P. 213-227.

505. Velmans, M. Consciousness, causality and complementarity / M. Velmans // Behavioral and Brain Sciences. – 1993. – № 16 (2). – P. 404-416.

506. Velmans, M. Dualism, Reductionism, and Reflexive Monism / M. Velmans // The Blackwell Companion to Consciousness. – 2017. – Vol. 3. – P. 349-362.

507. Velmans, M. Panpsychism / M. Velmans, P. Goff, S. Schneider // The Blackwell Companion to Consciousness. – 2017. – Vol. 50. – P. 106-124.

508. Velmans, M. Understanding Consciousness / M. Velmans. – New York: Routledge, 2009.

509. Walker E. The Nature of Consciousness / E. Walker // Mathematical Biosciences. – 1970. – № 7 (1-2). – P. 131-178.

510. Ward B. Is There a Link Between Quantum Mechanics and Consciousness? / B. Ward // Brain, Mind and Consciousness in the History of Neuroscience. – New York, 2014. – P. 273-302.

511. Wegner, D. The Illusion of Conscious Will / D. Wegner. – Cambridge MA, 2003.

512. Wendt, A. Quantum mind and social science: Unifying physical and social ontology / A. Wendt. – Cambridge, 2015.

513. Wigner, E. Remarks on the Mind-Body Question / E. Wigner // The Scientist Speculates. – London, 1961. – P. 171-185.

514. Whitaker, A. Many Minds and Single Mind Interpretations of Quantum Theory / A. Whitaker // Decoherence: Theoretical, Experimental, and Conceptual Problems. – Berlin: Springer, 2000.

515. Wolf, F. On Quantum Mechanical Automata, Gödel Numbers, and Self-Referring Consciousness / F. Wolf // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy. – 2018. – Vol 14. – № 1. P. – 217-246.

516. Yu, S. Quantum Mechanics needs no Consciousness / S. Yu, D. Nikolic // Annalen der Physik. – 2011. – № 523 (11). – P. 931-938.

517. Zimmerman, D. From Property Dualism to Substance Dualism / D. Zimmerman // Proceedings of the Aristotelian Society. – 2010. – Vol. 84. – P. 119-150.